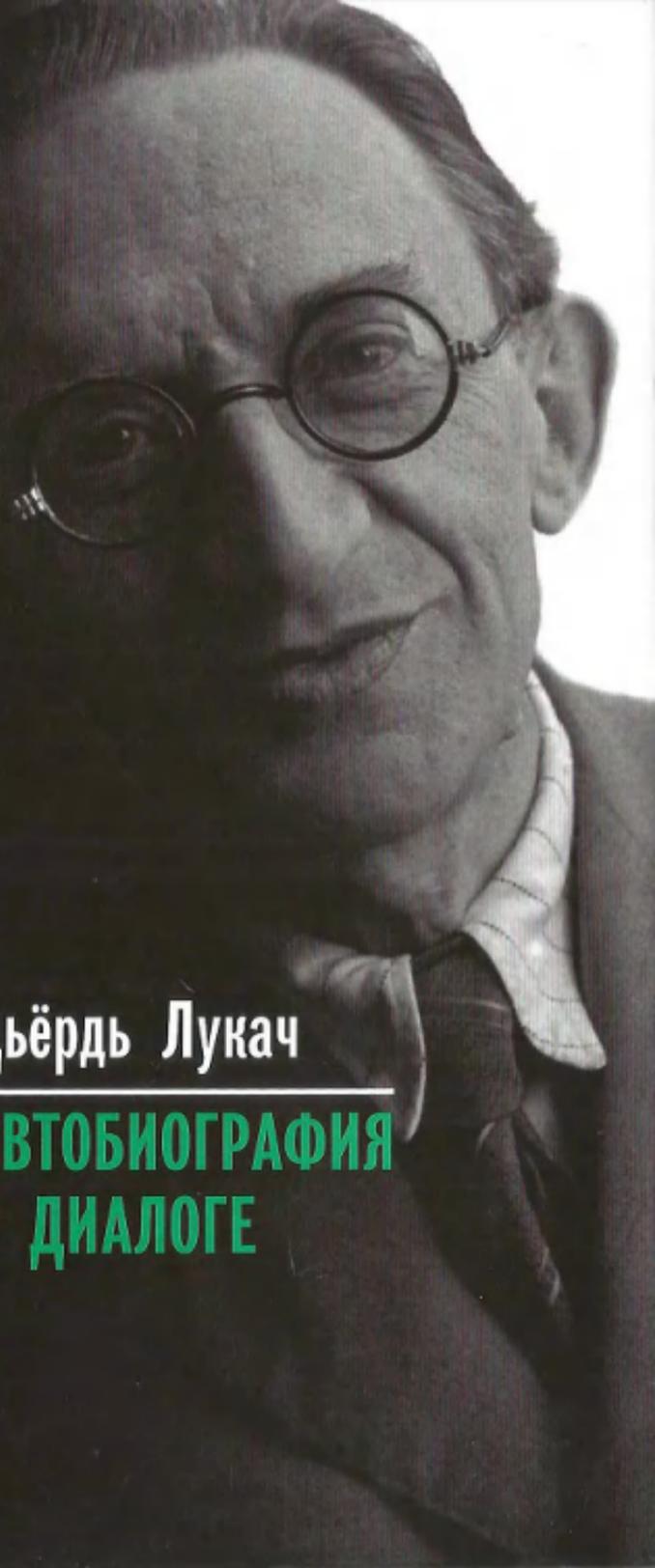

ПРОЖИТЫЕ МЫСЛИ

Дьёрдь Лукач

АВТОБИОГРАФИЯ
В ДИАЛОГЕ

GEORG LUKÁCS
ДЪЕРДЪ ЛУКАЧ

Georg Lukács

**GELEBTES
DENKEN**

**EINE AUTOBIOGRAPHIE
IM DIALOG**

Дьёрдь Лукач

**ПРОЖИТЫЕ
МЫСЛИ**

**АВТОБИОГРАФИЯ
В ДИАЛОГЕ**

*Перевод с немецкого
А. С. Лагуева*

Санкт-Петербург
«Владимир Даль»
2019

УДК 1(091)(047.53)+82-94

ББК 87.3(4Вен)

Л84

Дьёрдь Лукач. Прожитые мысли: Автобиография в диалоге / Пер. с нем. и предисл. А. С. Лагурева, ком. А. С. Стыкалина, А. С. Лагурева, О. А. Якименко. – СПб.: Владимир Даль, 2019. – 415 с.

ISBN 978-5-93615-211-5

Предлагаемая вниманию читателя книга представляет собой историю жизни известного венгерского философа-марксиста Дьёрдя Лукача, рассказанную им самим. Она состоит из автобиографических набросков, сделанных Лукачем на пороге смерти в 1971 году, а также серии бесед, записанных по мотивам этих набросков и раскрывающих их содержание. Близкий друг Лукача Мих. Лифшиц назвал его жизнь целым романом, «более интеллектуальным, но местами и приключенческим». На страницах автобиографии читатель сможет убедиться в справедливости этих слов: мировые войны, падение империй, несколько революций и гражданских войн, а также встречи с огромным количеством интеллектуалов, писателей и политиков первой величины – все это моменты удивительной истории о том, как сын одного из богатейших банкиров Австро-Венгрии превратился в убежденного коммуниста, став одним из наиболее значительных мыслителей XX века.

Книга адресована всем, кто интересуется историей философской мысли и мирового коммунистического движения.

- © Издательство «Владимир Даль», 2019
- © Лагурев А. С., перевод с немецкого, предисловие, комментарии, 2019
- © Стыкалин А. С., комментарии, 2019
- © Якименко О. А., комментарии, 2019
- © Палей П., оформление, 2019

ISBN 978-5-93615-211-5

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Жизнь Лукача очень интересна, она сама — целый роман, правда, более интеллектуальный, но местами и приключенческий.

Мих. Лифшиц

Всякая вещь, приходящая в наш мир, должна, по словам древних, уплатить определенную цену. За возможность существования приходится расплачиваться конечностью, за жизнь — смертью. Не лишены действия этого строгого закона и литературные произведения, однако часто бывает и так, что плату за их создание приходится внести автору. Действительно, всякое произведение имеет свою цену: что стоил, к примеру, «Капитал» Карлу Марксу? Не будет преувеличением сказать, что он стоил ему жизни. И дело, конечно, не только в том, что тяжелейший труд в ужасных условиях разрушил его здоровье: для того чтобы на свет появилось что-то подлинно новое, автору необходимо саму жизнь прожить так, чтобы оно смогло состояться.

История жизни может приобрести отдельную, особую, самостоятельную ценность и сама превратиться в литературное произведение — автобиографию.

Впервые беря в руки автобиографию¹ выдающегося венгерского философа Дьёрдя Лукача, невозможно не отметить, что из всех работ мыслителя

¹ Точнее, автобиографические наброски «Gelebtes Denken», дополненные серией диалогов, раскрывающих их смысл.

она неожиданным образом яснее всего обнаруживает связь с другим его произведением — «Онтологией общественного бытия»,² фундаментальным проектом изложения онтологических оснований марксизма, оставшимся незавершенным. Их взаимосвязь буквально формирует саму структуру текста, пронизывая его от начала и до конца, она задает определенный угол зрения, перспективу, в свете которой Лукач хотел изложить историю своей жизни.

Понять истоки этой связи довольно легко, ведь самым появлением на свет автобиография Лукача в известной степени обязана именно его работе над «Онтологией».³ И потому отнюдь не случайно, что круг проблем, составляющих основную тему этого труда, нашел свое отражение и в автобиографии. Прежде всего это относится к пониманию того, что представляет собой общественное бытие — ключевое понятие его «Онтологии», в каком отношении оно находится к бытию отдельного индивида, какую роль в жизни людей занимает их сознательная, целенаправленная, свободная деятельность и каким образом она вообще становится возможной посреди царства необходимости. И если в своем фундаментальном онтологическом произведении Лукач обращается больше к общетеоретическому рассмотрению этого круга проблем, рассуждая о тех или иных категориях, об их логической взаимосвязи, анализируя философские системы Гегеля и Маркса, то в автобиографии все это как бы обрастает плотью, наполняется конкретным жизненным содержанием, раскрывается перед читателем своей поэтической, чувственной стороной.

² На русский язык переведена лишь часть труда; см.: *Лукач Д. К онтологии общественного бытия*. М.: Пролетомены, 1991.

³ См. примечание редактора Иштвана Эрши, рассказывающее об истории появления этой работы.

Сам Лукач так характеризует взаимосвязь «Онтологии» и автобиографии: «Субъективно: попытка сформулировать принципы м[арксист]ской онтологии: *важнейшее положение* для этой цели (автобиография, субъективное дополнение, иллюстрация, обоснование etc.). Разумеется: индивидуально-человеческие предпосылки для правильного выражения онтологических проблем».⁴ Так что его интересовала прежде всего возможность показать, как именно установленные им в ходе работы над «Онтологией» теоретические положения могут быть обнаружены в самой жизни, в данном случае его собственной.

Важно отметить, что автобиография не только открывается обширным наброском рассуждения об этой онтологической проблематике, но и завершается подобным же фрагментом: и в этом смысле Лукач скорее погружает историю своей жизни в пространство онтологии, чем наоборот, растворяет онтологию в субъективности автобиографии. По этому поводу он даже замечает: «Не моя жизнь в *непосредственном* смысле. Лишь как (в человеческом плане как) из [самой] жизни к жизни пробудилось это направление мысли, этот образ мысли (этот образ действия)».⁵

Стремление к объективности пронизывает замысел Лукача, прекрасно понимавшего, однако, неизбежную субъективность любой автобиографии. «Всякая автобиография, — читаем мы в набросках, — субъективна», и все же означает ли это, что мы заперты в границах нашего «Я» и не способны дать что-то большее, чем субъективную картину его переживаний? Для Лукача ответ на этот вопрос тесно связан с пониманием сложной взаимосвязи не только между отдельным индивидом и общественным бытием, но и

⁴ *Lukács G. Gelebtes Denken. Eine Autobiographie im Dialog.* Frankfurt am Main, 2011. S. 276

⁵ *Ebd.* S. 239

между общественным бытием и бытием природным. Конечно, жизнь отдельного человека представляет собой лишь часть более широкой жизни общества, лишь осколок внушительного зеркала общественных отношений, и все же — парадоксально, и не только вопреки этой ограниченности, но отчасти и благодаря ей — эта жизнь может сказать нам больше, чем иные самые точные социологические исследования. Да, она конечна, но у конечного, наполненного особым содержанием, есть свои преимущества даже перед бесконечным, если это бесконечное остается лишь абстракцией. Эта мысль тесно связывает Лукача с миром классической культуры — христианский бог должен был взойти на Голгофу и погибнуть, и даже абсолютный дух Гегеля вынужден ступить на путь отчуждения. Сама жизнь во всем своем многообразии одновременно и конечна, и бесконечна. Ответ на вопрос «Как это возможно?» составляет, быть может, важнейшую сторону лукачевской автобиографии. Действительно, что нужно для того, чтобы индивидуальная история жизни отдельного человека смогла превратиться в автобиографию, способную подарить особый, индивидуальный голос истории всемирной?

В одном из своих поздних интервью Лукач в ответ на вопрос о секрете своего долголетия ответил, что у него «нет души», в связи с чем в предисловии к впервые изданной переписке Лукача и Мих. Лифшица В. Г. Арсланов заметил: «...души как чрезмерной возни „Я“ с самим собой».⁶ Именно это качество — отсутствие чрезмерной возни с самим собой — характеризует не только весь жизненный путь Лукача, но и его автобиографию. Мы не встретим в ней никакой

⁶ Арсланов В. Г. «Гибель правды есть ее победа...» (Философия и этика Д. Лукача и Мих. Лифшица в свете их переписки) // Лифшиц Мих., Лукач Д. Переписка. М., 2011. С. 7.

«достоевщины», в ней отсутствует всеразъедающая рефлексия, она не паразит нас изнанкой души или буйством страстей, извлеченных из недр памяти. Однако дело вовсе не в том, что самому Лукачу были чужды глубокие, сильные чувства, что его не терзали муки выбора и страшные сомнения: в юности его увлекали Ницше и Кьеркегор, Толстой и Гауптман, он даже собирался написать специальную работу, посвященную Достоевскому,⁷ ему довелось пережить и несколько личных потрясений, глубоко затронувших его внутренний мир,⁸ и даже его обращение к коммунизму во многом было продиктовано этическими мотивами. К слову, этические же мотивы тесно связали его когда-то и с Гертруд Бортштибер, многолетней спутницей жизни философа. Нет, ничто человеческое не было чуждо Лукачу. И все же в автобиографии детали былых душевных потрясений мало интересовали ее автора — вместо них мы обнаруживаем там целую галерею событий, вокруг которых разворачивался тот или иной этап в жизни мыслителя. По сути, обращаясь к своей памяти, Лукач прослеживает не столько свои собственные мимолетные впечатления и переживания, сколько физиологию тех ситуаций, что отразились в его индивидуальной жизни, вошли в его плоть и кровь, как-то повлияли — заставили сделать выбор или же что-то показали, поэтому история его жизни предстает перед нами как своего рода история говорящих ситуаций.

Такие реальные, невыдуманнные фабулы мира обладают, как и всякое целое, особой силой притяжения. Но очень легко, попав в определенный сюжет,

⁷ Наброски этой работы сохранились и были изданы на русском языке, см.: Лукач Г. Комментированные фрагменты рукописи книги «Достоевский» // Лукач Г. Ленин и классовая борьба. М., 2008. С. 40–49.

⁸ См., напр., изданный посмертно дневник молодого Лукача: *Lukács G. Tagebuch. 1910–1911.* Berlin, 1991.

быть унесенным чередой событий, — в такой ситуации у нас уже не остается никакого выбора и лучшее, до чего может подняться сознание, — это понимание. Но понимание, по словам Мих. Лифшица, уже возвышает нас над немыслящей стихией и рождает возможность иного, более благоприятного соприкосновения человека с окружающим его миром. Всю свою жизнь Лукач искал возможности показать — не только теоретически, но и практически, — как от слепого сознания щепки, закрученной водоворотом, перейти к сознанию в полном смысле слова «сознательному», а значит — способному бороться за лучший исход.

Совершенно не случайно в этом отношении, что автобиографию он назвал именно «Gelebtes Denken» — «Прожитые, или пережитые, мысли», ведь всякая мысль понималась Лукачем не только как продукт человеческого сознания, но и как нечто объективное, имеющее свой прообраз в самой действительности, т. е. как нечто, рождающееся из самой жизни и обладающее некоторой степенью автономности. Вспомним уже процитированные слова: в автобиографии он хочет прежде всего изобразить то, как «из [самой] жизни к жизни пробудилось» определенное «направление мысли», «образ мысли», «образ действия»,⁹ голосом которого Лукач услышал себя в последние месяцы жизни. Именно мысль как объективный смысл и содержание действительности способна открыться человеку в говорящих ситуациях. Конечно, при условии, что он готов слушать. Тогда в этом взаимном движении даже личные, чисто бытовые индивидуальные черты, из которых и складывается повседневная жизнь, начинают отчетливо светиться всеобщим содержанием, более широким пластом жизни. И это большое бытие, как бы отражаясь в малом, становит-

⁹ *Lukács G. Gelebtes Denken. Eine Autobiographie im Dialog. S. 239*

ся зримым, дарит нам возможность разглядеть его в этом зеркале.

Наверное, именно из таких отражений и складывается наш интерес, например, к жанру личных дневников или писем, когда мы видим в них близкое действие всемирной истории — той самой, грозной, безжалостной, неумолимой истории, способной, однако, явить нам и свой теплый человеческий отблеск.

Личность, представшая перед нами как своего рода кристалл более широких отношений, — вот отправной пункт Лукача: «Не индивидуальность в качестве отправной точки или конечной цели. Но, — пишет он в набросках, — как личные свойства, склонности, тенденции — в соответствии с обстановкой — при максимальном раскрытии, общественно типически, вошли в сущность моего сегодняшнего [образа мысли], сумели влиться в мою родовую сущность».¹⁰ Обращение к проблематике личности, конечно, также продолжает тематический ряд «Онтологии» Лукача, причем и в автобиографии оно не теряет своего полемического оттенка. Довольно интересно, что вопрос о связи личности и общества, проходящий через все сочинение Лукача, должен был быть поставлен в связи с проблемой манипуляции: «Автобиография: Притязание здесь конкретно: исправление определенных взглядов на общественную жизнь. Актуальность, манипуляция: отдельная личность как центральный вопрос».¹¹ В этой связи довольно интересно продолжение фрагмента: «Механизм формирует это (Сигареты Голуаз — доходит вплоть до вопроса искусственного возбуждения)».¹² «Голуаз» — известная марка сигарет, получившая широкую популярность во Франции во время Второй мировой войны в среде Сопротивления,

¹⁰ Ebd. S. 240.

¹¹ Ebd.

¹² Ebd.

а в послевоенное время у многих деятелей искусства (например Пикассо, Сартра, Камю и др.). Можно предположить,¹³ что в этом фрагменте Лукач упоминает эту марку именно в связи со своим стремлением выступить против той тенденции общественной жизни, когда крупная личность, обращая на себя взгляды миллионов людей, подобно Сартру, воспринимается вовсе не как проводник какого-то более широкого общественного содержания, отражающегося в нем, но как нечто отдельное, как только лишь индивид со всеми его частными привычками, что приводит как раз к желанию, например, курить такие же сигареты, так же одеваться, так же говорить. Иными словами, против своего рода фетишизма, искусственно создаваемого общественной жизнью.

Всему этому нет места на страницах автобиографии Лукача, скорее, она показывает нечто прямо противоположное, а именно как из соприкосновения малого бытия личной жизни человека с большим бытием мира вокруг него рождается на свет нечто новое — происходит, говоря словами Канта, реальный трансцендентальный синтез. И только тогда частная история жизни отдельного человека может превратиться в автобиографию, способную подарить особый, индивидуальный голос всемирной истории, когда действительность и личность пойдут навстречу друг другу. «Недостаточно, — писал К. Маркс, — чтобы мысль стремилась к воплощению в действительность, сама действительность должна стремиться к мысли».¹⁴ Это можно было бы назвать «благодатью истории», но та-

¹³ Комментаторы английского издания также указывают, что здесь может идти речь об отсылке к рекламе, которая связывала курящих сигареты «Голуаз» с мужской привлекательностью. — *Прим. перев.*

¹⁴ *Маркс К.* К критике гегелевской философии права. Введение // *Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.:* в 50 тт. Т. 1. М., 1955. С. 423.

кая благодать нисходит не на всякого. Лишь тому, кто, подобно Лукачу, «не имеет души», той самой чрезмерной возни с самим собой, действительность дает добро. Конечно, чудо благодати — одна из важнейших идей христианской теологии, но не только теология имеет дело с чудесами, достаточно вспомнить таких материалистов, как Дидро и Ленин, прекрасно знавших цену реальным чудесам природы и общества. Жизнь Дьёрдя Лукача полна таких невыдуманных чудес.

На что рассчитывал сын крупного венгерского банкира, проведший детство в одном из фешенебельных районов Будапешта, получивший выдающееся воспитание и блестящее образование, человек, рано раскрывшееся литературное дарование которого заставило Томаса Манна уважать его, а незаурядный теоретический талант привлек внимание Георга Зиммеля, Макса Вебера и многих других интеллектуальных звезд первой величины, — на что он мог рассчитывать, когда в 1918 году, бросив все, решил посвятить свою жизнь общественной борьбе, делу коммунизма? Зачем все это человеку, обладавшему не только материальным благополучием, но и всеевропейской славой? В своих воспоминаниях о Лукаче Мих. Лифшиц заметил, что «первоначальным историческим зарядом», «первичным переживанием» его духовного творчества была «оппозиция против старой, сытой, ожиревшей Европы, переживавшей в начале века свою *belle époque*, отвращение к оппортунизму и парламентаризму социал-демократии».¹⁵ Достаточно интересно в этом отношении, что часть набросков, относящихся к детству, уже обнаруживает перед нами это неприятие фасадной стороны культуры буржуазного об-

¹⁵ Лифшиц Мих. О встречах с Лукачем: из воспоминаний Мих. Лифшица // Философские науки. № 12. М., 1988. URL: <http://www.gutov.ru/lifshitz/texts/O%20vstrechakh%20s%20Lukachem.htm> (дата обращения: 15.09.2018).

щества: не сентиментальные воспоминания о счастливом и беззаботном времени, но противостояние лживому, формалистическому протоколу домашней жизни — вот что посчитал необходимым поставить в центр повествования Лукач.

Парадоксально, но еще с детства он, сын крупного банкира — человека, который, по его же словам, «сделал себя сам», жизнь которого могла бы служить классическим примером «истории успеха» (небогатый провинциальный еврей, пробившийся в элиту венгерского общества и даже купивший себе дворянский титул), — усвоил, что успех не является тем критерием, на основании которого можно судить о правильности поступка. Он ясно понял не только то, что победитель не всегда прав, но и что правда чаще всего как раз на стороне побежденных. Несправедливость и неразумность «протокола» повседневной жизни высшего общества отразились для юного Лукача в зеркале искусства: читая «Илиаду», он становится на сторону Гектора, а не Ахиллеса, ему открывается правота побежденных европейцами индейцев в «Последнем из Могикан», а образ жизни Тома Сойера становится его идеалом.¹⁶

Неприятие всего официозного, буржуазно-успешного, показного прочно входит в его «романтический антикапитализм»: так, получив в 1908 году престижнейшую премию венгерского литературного общества Кишфалуди за книгу «История развития современной драмы», Лукач отнюдь не бросается пожинать лавры, но напротив — приходит в отчаяние.¹⁷ Конечно, было бы неверно пытаться найти в этом и других парадоксах жизни Лукача следы какой-то игры ума, скорее, в них отразилась сложная, прежде всего, этическая

¹⁶ *Lukács G. Gelebtes Denken. Eine Autobiographie im Dialog.* S. 42–43.

¹⁷ *Ebd.* S. 54.

оппозиция господствующему положению вещей, когда успех становится возможен лишь на чужих костях, а процветание имеет своим необходимым дополнением ужасный упадок. В каком-то смысле эта позиция созвучна выражению «стыдно быть лучше других», стыдно, нестерпимо получать премию из рук тех победителей, кто ответствен за ужас окружающей действительности.

Эта внутренняя честность — честность интеллектуального поиска и личных отношений — сыграла большую роль в том пути, который проделал Лукач в предвоенный период. Он не только не боялся говорить себе «нет» и отбрасывать то, что должно быть отброшено (так, он не стал писателем, драматургом, театральным режиссером), но и в общественной жизни не желал принять удобные для него компромиссы (например, отказался стать депутатом от партии крупнейшего венгерского политика тех лет Иштвана Тисы). Воистину, нужно было «не иметь души», чтобы преодолеть притяжение этих легких побед. Но Лукач честно искал другой путь — даже в его жесткой антивоенной позиции в годы Первой мировой мы ясно видим не пацифизм, но поиск возможности чего-то принципиального иного¹⁸ посреди этой «эпохи завершенной греховности» (не случайно в своей знаменитой книге тех лет, «Душа и формы», Лукач обратился именно к этому фихтеанскому термину). И действительность отвечала ему — с началом войны она подвела итог всей предшествовавшей *belle époque*,

¹⁸ В автобиографической беседе Лукач вспоминал: «В то время я придерживался следующей точки зрения: „Быть может, немецкие и австрийские войска разобьют русских, и тогда Романовы падут. Ничего страшного. Быть может, немецкие и австрийские войска будут разбиты англо-французскими, и Габсбурги с Ггенцоллернами также падут. И в этом также нет ничего страшного. Однако кто уберезет нас затем от западной демократии?“» Ebd. S. 69.

а в русской революции открыла перспективу будущего: «...революция 1917 года была великим переживанием, — вспоминал Лукач в автобиографической беседе, — поскольку внезапно на горизонте появилась возможность того, что все может быть совершенно по-другому. И независимо от отношения к этому „другому“, это „другое“ изменило всю нашу жизнь, жизнь значительной части моего поколения».¹⁹

Но откровения всемирной истории, каким, без сомнения, стала для Лукача русская революция, требуют от человека не только готовности их принять, но и мужества их вынести, суметь прожить ту жизнь, чье видение промелькнуло в это великое мгновение. Очень легко было бы, подобно многим интеллектуалам тех лет, отправиться в какую-нибудь Швейцарию и там в комфортной обстановке рассуждать об исходящем кровью человечестве. Однако Лукач не искал личного комфорта — он, несмотря на выдающийся практический ум и деятельный характер, вовсе не принадлежал к тем, кто, подобно Бертольту Брехту, «умеет жить». Не случайно Мих. Лифшиц назвал его «образованным римлянином, примкнувшим к движению народов, зная заранее, что ему не раз придется говорить, подобно одному историческому герою другой эпохи: „Святая простота!“».²⁰ Сложнейший этический выбор, внутренние переломы которого отразились в двух важнейших статьях этого периода — «Большевизм как моральная проблема» и «Тактика и этика», — был для Лукача не просто вопросом социальной теории или политической практики, но последним решающим шагом навстречу той истине, что открылась ему в опыте всей предшествующей жизни, поставившей его перед трагическим выбором одной

¹⁹ Ebd. S. 70.

²⁰ *Лифшиц Мих.* О встречах с Лукачем: из воспоминаний Мих. Лифшица.

из сторон баррикады. Но правда – на стороне угнетенных, на стороне борющегося за свое освобождение человечества, а всякий отход от правды – даже очень удобный, очень выгодный с точки зрения прагматиков всех времен – есть все же падение, нравственная смерть. Легко пожертвовать всем, когда ничего не имеешь, но тем более сильное впечатление производит поступок Лукача, чем больше мы понимаем, что этому человеку было что терять: он был обласкан судьбой – и все это без лишних колебаний отринул, соединив свою жизнь с коммунистическим движением. Конечно, выбор дался Лукачу нелегко, но твердость ему придавало и то сознание катастрофического тупика, в котором он оказался бы в случае любого другого своего решения: «В лучшем случае, – вспоминает он в набросках – я стал бы „интересно“-эксцентричным приват-доцентом в Гейдельберге».²¹

В этом смысле очень интересно было бы сравнить историю жизни Лукача с жизнью одного из его современников – Вальтера Беньямина. Недавно вышедшая увесистая биография Беньямина²² открывает перед нами поистине огромное количество параллелей и совпадений: оба происходили из столичной богатой еврейской семьи, оба рано обнаружили литературный талант с очевидной склонностью к форме эссе, даже первые большие работы обоих были посвящены схожим темам – истории драмы. Конечно, очевидна параллель и в интересе к литературно-критической работе. В конце концов, обоих так или иначе относят к истории так называемого «западного» марксизма, и оба даже посещали Москву примерно в одни и те же годы. Несомненно, что за этими параллелями и совпа-

²¹ *Lukács G. Gelebtes Denken. Eine Autobiographie im Dialog.* S. 254.

²² *Айленд Х., Майкл У. Дженнингс Вальтер Беньямин: критическая жизнь.* М., 2018.

дениями лежит нечто большее, чем простая игра случая, и тем более примечательным кажется тот факт, что в какой-то момент точки пересечения постепенно совершенно исчезают из их биографий. Мих. Лифшиц как-то заметил, что в лице Лукача «европейская левая интеллигенция начала века, времен Зиммеля и его кружка, совершила самое большое из всего, что могла совершить. Он порвал с тем ограниченным в морально-политическом отношении горизонтом, который сделал, скажем, Блоха — Блохом, Поппера — Поппером и Хайдеггера — Хайдеггером. Сочинить какую-нибудь особенную интеллектуальную позу и всю жизнь ее придерживаться в разных аспектах, варьируя различным образом (подобно тому как современные художники-модернисты, открыв для себя какую-то манеру, постоянно ее повторяют на разные лады), Лукачу было бы нетрудно. Он мог бы сделать это без труда, но предпочел порвать со своей средой и присоединиться к новому миру, сначала как неофит-иконоборец, потом как мыслитель, поднявшийся на уровень понимания ленинизма».²³ В каком-то смысле можно сказать, что судьба Беньямина является своего рода нереализованной судьбой Лукача, одной из тех возможностей, которую он когда-то отбросил. Конечно, Лукач с легкостью мог выбрать менее тернистый путь и занять место в ряду будущих классиков, музеефицировавших себя еще при жизни, но в отличие от Беньямина, всегда характеризовавшегося крайней рефлексивностью, Лукач все же «не имел души» — парадоксально, но именно это и спасло его душу, именно это позволило ему услышать тот голос, которым говорила всемирная история на языке русской революции, голос правды, подлинности, которую так безуспешно и горько искал Беньямин всю свою жизнь.

²³ *Лифшиц Мих.* О встречах с Лукачем: из воспоминаний Мих. Лифшица.

Особую роль в автобиографии Лукача играют встречи с множеством выдающихся современников: действительность отражалась для него не только в говорящих событиях-ситуациях, но и в людях. На страницах воспоминаний мы встречаем огромное количество имен — художников, поэтов, писателей, композиторов, политиков, общественных деятелей из Венгрии, Австрии, Германии, Советского Союза. К нему прислушались молодые Карл Мангейм и Арнольд Хаузер, с ним сотрудничал Бела Барток, уже упомянутые Макс Вебер и Георг Зиммель были его собеседниками, а Карл Ясперс, несмотря на свою поддержку войны, помогал избежать фронта. Его ценил Томас Манн, с ним полемизировал Бертольт Брехт, Николай Бухарин и Карл Радек желали встретиться с ним, В. И. Ленин посвятил ему несколько строк, Георгий Димитров спешил освободить его из-под ареста в Москве, а с Мих. Лифшицем, Е. Ф. Усиевич и И. А. Сацем они подружились на всю жизнь. Не стоит забывать и о целой плеяде первых лиц венгерской литературы, среди которых не только Андор Габор, Дюла Ийеш и Анна Леснаи, но и такие люди, как Эндре Ади и Аттила Йожеф.

Достаточно характерно, что почти каждый крупный жизненный поворот связан в автобиографии Лукача в том числе и с именами конкретных людей. Так, например, в личности Эрнста Блоха (также близкого друга Лукача в ранние годы) для него отразилась возможность самой философии в ее классической форме — не случайно Лукач говорит не о влиянии тех или иных идей, но о самом облике²⁴ Блоха: «Он убедил меня, — вспоминает Лукач в автобиографической беседе, — что философствовать в старом духе

²⁴ То же самое можно проследить и в отношении Лукача к личности Элека Бенедека, писателя, чье этическое влияние было несравнимо важнее для Лукача, нежели чисто литературное.

возможно. До того момента я был по уши погружен в неокантианство своего времени, и теперь в лице Блоха я столкнулся с тем феноменом, что кто-то философствовал так, как будто бы вся современная философия просто не существовала, и что было возможным философствовать, как Аристотель или Гегель».²⁵ Эта же мысль выражается им еще отчетливее в тексте набросков: «Личность Блоха доказала возможность философии в классическом (а не в сегодняшнем эпигонском университетском) стиле, и тем самым это открылось также для меня в качестве жизненного пути. Но одновременно: итоговое содержание и развитие без какого-либо влиятельного воздействия [Блоха]. Подтверждено самим Б. спустя несколько лет после встречи».²⁶ Другой важнейший поворот в его жизни — к коммунизму — тесно связывается Лукачем с именем Гертруд Бортштибер, а обретение совершенно нового, подлинно марксистского взгляда — с именем Мих. Лифшица. Все это, конечно, было бы невозможным для человека, слишком пекущегося о своем «Я». Даже тщеславие, об опасности которого Лукач пишет в самом конце своих набросков, обрело у него совершенно особенную форму — форму сознания необходимости собственного голоса как возможности выражения определенной общественной позиции.²⁷

«По отношению к значительным людям, — вспоминает Лукач в ходе беседы, — с которыми я познакомился за свою жизнь, я придерживался точки зрения гётевской Филины: „И коли я люблю тебя, что тебе до того?“». Для того чтобы что-то увидеть, нужна определенная дистанция, которую Лукач всегда стремился

²⁵ Lukács G. Gelebtes Denken. Eine Autobiographie im Dialog. S. 59.

²⁶ Ebd. S. 251.

²⁷ См. об этом воспоминания Мих. Лифшица об одном из последних разговоров с Лукачем в Будапеште: *Лифшиц Мих. Что такое классика?* М., 2004. С. 113–114.

сохранять как в отношениях с людьми, так и в отношении к жизни. Иногда эта дистанция сокращалась, иногда, наоборот, росла — даже само становление Лукача коммунистом, марксистом представляло собой движение по дистанции, растянувшееся на долгие годы.²⁸ Что двигалось здесь и к чему? Пожалуй, это было движение навстречу, породившее в точке схождения феномен Дьёрдя Лукача, то его состояние, которое стало началом совершенно нового этапа в жизни философа. Эта точка относится к 1930-м годам, к тому моменту, когда Лукач после прихода к власти Гитлера возвращается в Москву²⁹ в круг своих друзей — Мих. Лифшица, Е. Ф. Усиевич, И. А. Саца.

Исторические подробности этого возвращения он рассказывает в автобиографии, но сквозь них отчетливо просвечивает и нечто большее: в этом новом начале в жизни Лукача наконец встречаются, приходят друг к другу та действительность, что стремится к мысли, связанная для Лукача с демократическим подъемом борющегося пролетариата, и та мысль, что стремится к действительности, — весь тот мир высокой классической культуры, наследником которого должно стать освобожденное человечество. «В нашем московском общении, — вспоминал Мих. Лифшиц, — он с радостью открыл, что его принадлежность к наиболее тонкой артистически развитой европейской культуре не является помехой, чем-то лишним для исторического движения, к которому он примкнул».³⁰ Сам Лукач описывает завершение этого процесса словом «обращение»: «Ибо коммунизм — это такая вещь, как говорится, *qui tange du rare en teurt*, марксизм нельзя взять попробовать. В марксизм должно либо

²⁸ Он назвал это своим «путем к Марксу».

²⁹ Мих. Лифшиц назвал Москву Меккой Лукача.

³⁰ *Лифшиц Мих.* О встречах с Лукачем: из воспоминаний Мих. Лифшица.

действительно обращаться — и я знаю, что это непросто, это стоило мне двенадцати лет, прежде чем это обращение свершилось, либо можно вполне неплохо рассматривать мир с левобуржуазной точки зрения».³¹

Вместе с тем рассказ о своей жизни Лукач начинается со слов о том, что все в ней «происходило шаг за шагом» и все было «очень тесно связано между собой»,³² в другом месте прибавляя: «У меня каждая вещь является продолжением чего-то. Я считаю, что в моем развитии нет неорганических элементов».³³ Как могла сочетаться эта изначальная цельность развития с мотивами отречения и обращения? Все дело в том, что на страницах автобиографии жизнь Лукача предстает перед нами прежде всего как путь к самому себе, как обретение подлинного себя. Она показывает, как «в рамках заданного развития» «человек приходит к самому себе или терпит неудачу».³⁴ Только на этой почве можно понять, как именно строгая последовательность сочетается в жизни Лукача с радикальными переменами. Он действительно шел к самому себе и обрел себя в 1930-е годы в Москве. Достаточно интересно, что даже спустя почти сорок лет после этих событий Лукач, несмотря на все последующее движение своего ума в сторону от тех идей 1930-х, что объединяли его с Мих. Лифшицем и людьми «течения», все равно продолжает измерять себя именно той системой координат, что родилась в те годы в Москве.

Таким образом, на страницах автобиографии перед нами раскрываются четыре периода в жизни Лукача: ранний, оканчивающийся переходом на позиции коммунизма, средний — обучения марксизму, москов-

³¹ *Lukács G. Gelebtes Denken. Eine Autobiographie im Dialog.* S. 102.

³² *Ebd.* S. 39.

³³ *Ebd.* S. 132.

³⁴ *Ebd.* S. 239.

ский — обретения себя, и наконец, поздний — период возвращения на родину, включивший в себя не только участие в правительстве Имре Надя в 1956 году, но и реализацию планов по написанию фундаментальных трудов по марксистской теории. В каком отношении друг к другу находятся эти периоды? Ответить на этот вопрос помогает сам способ изложения, которому подчиняется повествование в автобиографии Лукача. История жизни предстает здесь скорее историей решающих, переворачивающих все событий, которые не только раскрывают человека самому себе, но и сами раскрываются в нем — обретают голос. И именно эти события и их опыт отделяют периоды в жизни Лукача друг от друга и позволяют ему предельно объективно попытаться изобразить их своеобразие: каждый период тем самым является законченным цельным формированием и говорит с нами своим собственным голосом, который мы можем услышать со страниц работы, а все вместе они образуют нечто вроде годичных колец на древе его жизни. Каждый из них, несомненно, обладает достоинством, обаянием и притяжением, но сама ткань автобиографии такова, что в центре ее оказывается именно третий, московский период, являющийся вершиной жизни Лукача, его акме, той точкой схождения линий перспективы, из которой видно во все концы. Только поняв действительное содержание этого времени, можно верно судить как о раннем, так и о позднем Лукаче.

Именно к позднему, последнему периоду жизни Лукача относится его автобиография — он сам, как уже было отмечено выше, хотел сделать из нее «дополнение и комментарий» к своим опубликованным ранее работам, ко всему тому, «что до сих пор было написано по случаю»,³⁵ и вместе с тем ответом на вопрос, как сквозь индивидуальную жизнь отдельного

³⁵ Ebd. S. 240.

человека может раскрываться жизнь общества, как она способна заговорить его голосом и благодаря его посредству. Получилось ли это у Лукача? Несомненно, на страницах автобиографии мы встречаем ту самую практическую иллюстрацию, дополнение его «Онтологии», включающую в себя в том числе и специальные рассуждения, уточняющие и даже цитирующие в ходе бесед различные места фундаментального труда Лукача. И в этом смысле работа полностью соответствует замыслу ее создателя, хотя она осталась лишь комментированным наброском. Но вместе с тем, несмотря на желание сосредоточить внимание читателя на ответах, в центре автобиографии оказываются вопросы.

В «Онтологии» Лукач пишет, что человек — это «отвечающее существо», чьи ответы — «продукт мыслящего, предполагающего субъекта, который объясняет старую и новую ситуацию, тенденции и т. п.», в то время как «одни лишь сочетания предметов, процессов и т. п. никогда не содержат в своей непосредственной данности вопроса, который требует ответа».³⁶ И эти ответы Лукача на вопросы, сформулированные им в различных ситуациях, являются важнейшим местом автобиографии — он каждый раз отвечал на вызовы времени с учетом конкретных событий и, исходя из конкретных событий, был умелым тактиком (хотя часто и ошибался), никогда не переходящим, впрочем, в разряд «умеющих жить» прагматиков.

И все же в еще большей степени, далеко выходя за рамки задуманного Лукачем и во многом даже вопреки ему, его автобиография говорит нам, что человек — это скорее спрашивающее существо,³⁷ честно

³⁶ Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. С. 90.

³⁷ Парадоксально, но именно это позднейшее произведение Лукача, формально связанное с его «Онтологией»,

вопрошающее мир и ждущее его ответа, ведь только этот ответ, эта поддержка мира способны подарить человеку историческое зрение и провести его по лезвию ножа в самых сложных жизненных условиях. Кто сумел вслушаться в этот ответ мира и прожить жизнь так, как должно, тот в награду получает биографию. К несчастью, не всегда эти биографии превращаются в осознанную жизнь, в автобиографию, но в случае с Лукачем нам повезло, и теперь мы можем ее прочесть.

* * *

Масштаб той или иной фигуры можно понять, к примеру, по масштабу празднования ее юбилея или по наличию книг в магазинах, если речь идет о писателе, по количеству научных трудов, посвященных ему, и по множеству других схожих вещей, которые в своей совокупности могут быть названы присутствием этой фигуры в жизни общества, в его культуре. Тем самым масштаб здесь обнаруживается положительно. И в этом смысле масштаб фигуры Лукача выходит далеко за пределы Венгрии – он участвовал в политической жизни нескольких стран (Венгрия, Германия, Россия), пережил несколько революций, был свидетелем падения империи Габсбургов, краха Веймарской республики и восхождения нацистов, он поучаствовал в культурной жизни Советского Союза в один из самых содержательных ее периодов, пережил сталинские процессы, был арестован,³⁸ на его глазах разворачивались две мировые войны, он вел борь-

вопреки воле автора обнаруживает внутреннюю близость к тому комплексу идей 1930-х, от которых он практически полностью отошел на момент написания этой работы.

³⁸ Историю этого заключения см.: Беседы на Лубянке: Следственное дело Дёрдя Лукача: Материалы к биографии / Сост. В. Середя и А. Стыкалин. М., 2001.

бу за социалистическую демократию в послевоенной Венгрии, где чуть более чем за четверть века до этого был комиссаром революционного правительства, он был министром в правительстве Имре Надя, стал идолом бунтующих студентов 1968 года и пережил опалу на родине — его посмертная слава росла, ему посвящено гигантское количество исследований, которое все продолжает и продолжает расти, у него остался внушительный архив и до недавнего времени музей-квартира. Все это относится к положительному рассмотрению масштаба фигуры Лукача, нет смысла даже пытаться перечислить все — автобиография гораздо лучше может познакомить читателя с этими веками.

Однако о масштабе фигуры можно судить и отрицательно — не по ее присутствию, но напротив — по ее отсутствию. На бескрайних пространствах Вселенной существуют космические тела, настолько отдаленные о нас, что мы не можем обнаружить их с помощью обычного оптического телескопа какого угодно размера, и все же мы знаем, что они существуют, мы судим об этом существовании по той колоссальной гравитационной силе, что искажает даже луч света, пролетающий мимо них. И в случае с Лукачем это отрицательное, косвенное суждение может сказать нам даже больше, чем положительное, ведь в современной венгерской, и не только венгерской, но и общеевропейской, включая сюда и страны бывшего СССР, и даже мировой общественной и культурной жизни мы можем наблюдать нехватку, недостаток, полость огромного масштаба, общественный вакуум — это и есть масштаб личности Лукача, масштаб той силы и той позиции, голосом которой он стал в 1918 году. Мы не видим четких контуров того, чего не хватает, но ясно ощущаем, что нечто огромное, требующее голоса существует, оно молчит, вернее, пока молчит — молчит и ждет, когда оно будет озвучено. Это нечто связано с именем Лукача, впрочем, к нему оно не сводится.

Представляя вниманию читателя первый³⁹ русский перевод автобиографии Дьёрдя Лукача, я бы хотел выразить сердечную благодарность тем людям, без деятельного участия которых эта книга никогда бы не смогла состояться такой, какой вы видите ее перед собой. Прежде всего это относится к Владимиру Михайловичу Камневу, предложившему мне в свое время заняться этим переводом и тем самым положившему начало очень интересной работе, в ходе которой мне не только довелось побывать в Венгрии, но и познакомиться с огромным количеством удивительных людей. Я также хотел бы выразить искреннюю признательность Татьяне Анатольевне Ивановой, замечательному преподавателю филологического факультета СПбГУ, просидевшей со мной много часов над корректурой черновика перевода. Значительная роль в этом деле принадлежит и Виктору Григорьевичу Арсланову, мнение которого являлось для меня своего рода камертоном — начиная с самой идеи перевода и заканчивая вступительной статьей, я неизменно старался обсуждать с ним все детали этой работы. Именно благодаря Виктору Григорьевичу, ставшему также и первым читателем книги, к работе над ней присоединился Александр Сергеевич Стыкалин, не только создавший обширный комментарий и биографический справочник, но и сверивший книгу с венгерским изданием. Александру Сергеевичу также

³⁹ Вернее, первый полный перевод: в 2012 году фрагменты этой книги были опубликованы в переводе Ю. П. Гусева со вступительной статьей и примечаниями А. С. Стыкалина. См.: *Лукач Д. Фрагменты автобиографических набросков и отрывки из интервью Иштвану Эрши // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 13 / Отв. ред. Н. Д. Крючкова. Ставрополь, 2012. С. 300–329.*

принадлежит перевод некоторых мелких фрагментов интервью, отсутствовавших в немецком варианте. Как уже было сказано, благодаря работе над переводом мне удалось посетить Венгрию и в частности поработать в архиве Дьёрдя Лукача в Будапеште прямо перед его закрытием. Эта поездка была бы невозможна без помощи Оксаны Аркадьевны Якименко, выдающегося знатока венгерского языка и замечательного, всегда готового помочь человека — ее рекомендации по переводу тех или иных мест венгерского издания позволили разрешить множество сложностей, а участие в составлении комментария существенно обогатило его. Конечно, особые слова благодарности необходимо сказать Петеру Рацу (Péter Racz), директору Венгерского дома переводчиков, а также сотрудникам архива Лукача в Будапеште, прежде всего Марии Секей (Mari Székely), которая, несмотря ни на какие административные сложности, оказала мне неоценимую помощь в работе над этой книгой. Именно благодаря самоотверженному участию Марии мне удалось познакомиться с многими материалами, хранящимися в архиве Лукача, а также встретиться и побеседовать с Ласло Сиклаи (László Sziklai), выдающимся исследователем философского наследия Лукача, которому я также хотел бы выразить свою признательность за эту замечательную беседу. Итак, эта книга представляет собой общий труд множества людей, каждому из которых я благодарен от всей души.

А. С. Лагурев

ПРОЖИТЫЕ МЫСЛИ

Автобиография в диалоге

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА

Узнав о своей смертельной болезни, Георг Лукач предпринял исключительные усилия для скорейшего завершения работы над корректурой книги «К онтологии общественного бытия».¹ Тем не менее быстрое ухудшение состояния здоровья не позволило ему осуществить эту важнейшую работу с привычной интенсивностью. В этот период Лукач берется набросать историю своей жизни отчасти из-за связанного с этим меньшего теоретического напряжения, отчасти ради исполнения просьбы покойной жены.² Когда наброски были готовы, стало очевидным, что на их дальнейшую разработку уже не осталось сил. Само написание оказалось задачей, в значительной степени их превосходящей. Но поскольку Лукач не мог жить без работы, при все ухудшающемся физическом состоянии он по совету ближайших учеников наговорил на магнитофонную ленту историю своей жизни, ответив на основании автобиографических набросков («Прожитые мысли») на мои и Эржебет Везер вопросы. Мы уже и раньше (прежде всего в 1969 году) записывали подобные интервью.

При подготовке и редакционной обработке я преследовал две цели. С одной стороны, я хотел исчер-

пывающе передать содержание интервью, то есть все то, что Георг Лукач считал важным рассказать о себе и о своем времени. С другой, я стремился сделать текст связным и пригодным для чтения. Вот почему, помимо обычных для магнитофонных интервью стилистических исправлений, я внес также и структурные изменения. По возможности я хронологически упорядочил части текста, а в случае повторов сделал выбор в пользу более выразительных и более полных вариантов. В некоторых местах вместо формулировок 1971 года я предпочел выражения и эпизоды из предшествующих интервью, и прежде всего потому, что в 1969 году Георг Лукач еще излагал свои мысли со свойственной ему силой выразительности. Местами в соответствии с ответами я изменил вопросы и их обсуждение обоими интервьюерами так, будто они исходили только от одного человека. Местами автобиографическое повествование я прервал некоторыми теоретическими рассуждениями, отступлениями, характеризующими Георга Лукача на пороге смерти точнее, нежели какие-либо иные.

Таким образом, в филологическом смысле слова, публикуемые мною в интервью, не являются «аутентичными». Однако они аутентичны в том смысле, что каждое слово, их составляющее, подкреплено записью на пленке. Я решил отказаться от публикации всех незадокументированных высказываний, даже если и мог вспомнить ход разговора в мельчайших подробностях. Об их аутентичности может говорить и то, что я не считал себя вынужденным прибегнуть к содержательному отбору ни по политическим, ни по каким-либо иным соображениям. В ходе работы над текстом интервью меня воодушевляло не только то, что я уже имел схожий опыт, но и то, что, на мой взгляд, я действовал вполне в духе самого Георга Лукача. Ибо на протяжении всей своей жизни он придерживался того рода точности, когда в большей

степени ставят своей целью передачу сути какой-то формы или процесса, нежели буквализм и филологическую педантичность.

Иштван Эрши

I ДЕТСТВО, НАЧАЛО ПУТИ

Интервьюер: Я полагаю, лучше всего, если мы будем придерживаться жизнеописания. В качестве исходного пункта возьмем «Прожитые мысли».

Лукач: Я придерживаюсь того мнения, что мое развитие происходило шаг за шагом, и считаю, что лучше всего подходить к делу хронологически, так как все в моей жизни очень тесно связано между собой. Таким образом, следует начать собственно там, где и берет начало мое развитие.

Интервьюер: Первые предложения о детстве звучат следующим образом: «Из чисто еврейской семьи. Именно потому: идеология иудаизма совершенно не влияет на духовное развитие». Это «именно потому» мне непонятно.

Лукач: Семьи Липотвароша³ отличались совершенным безразличием в вопросах религии. В соответствии с этим она занимала нас лишь ввиду того, что была частью домашнего протокола, что на свадьбе и при исполнении других церемоний она играла некоторую роль. Не знаю, рассказывал ли я уже этот забавный эпизод, но во времена зарождения сионистского движения⁴ мой отец⁵ заявил, что в случае создания еврейского государства он хотел бы занять пост консула в Будапеште. Одним словом, среди нас преобладало совершенное безразличие по отношению к иудейской религии.

Интервьюер: Таким образом, товарищ Лукач, Вы жили в Липотвароше, где именно?

Лукач: Я жил не в Липотвароше, а в районе проспекта Андрашши.⁶ В доме 107 по Андрашши, затем на улице Яноша Надя.⁷

Интервьюер: Следовательно, говоря «Леопольдштадт», Вы имеете в виду некоторый слой общества?

Лукач: В то время район проспекта Андрашши располагался на периферии Липотвароша. Здесь проживали знатные липотварошцы.

Интервьюер: В «Прожитых мыслях» упоминается также и другой забавный случай — «История с няней».

Лукач: История эта обрисовывает одну важную вещь. Я совершенно отвергал все протокольное. А к протокольному, на мой взгляд, принадлежало и общение с тетями и дядями. Моя мать рассказывала, как я, будучи еще совершенно ребенком, всегда заявлял: «Чужих гостей не приветствую, я их не звал». Протокол начинается там, где смиряются с тем, что чужих гостей нужно приветствовать. Тем не менее у меня есть доказательство того, что со мной возможно было разговаривать и в детстве, найдя соответствующий подход. У нас была пожилая няня, присматривавшая за нашими играми. Однажды я спросил ее, где находится какая-то игрушка. А она ответила мне: «Дюрика, она там, где вы ее положили». И это «там, где вы ее положили» произвело на меня глубочайшее впечатление, поскольку до тех пор от взрослых я всегда слышал лишь вздор. К примеру, от них я узнал, что тете Ирме мне следовало бы говорить: «Целую ручку». Игрушка там, где я положил ее, это было разумно, к этому можно было прислушаться. И я действительно не могу припомнить, чтобы в детстве был очень неаккуратным. Это я противопоставил протоколу. А между прочим, к нему принадлежало ведь и

лицемерие. Однажды родители взяли нас, детей, в путешествие по Европе, повсюду они водили нас в различные художественные галереи. И я считал это верхом лицемерия, поскольку в художественных галереях меня абсолютно ничего не интересовало. Зато мне было известно, что в Лондоне имеется превосходный зоопарк. Так что, полагал я, мы должны пойти именно в зоопарк! А мой старший брат,⁸ соглашавшийся на галерею и не имевший никакого желания идти в зоопарк, вызывал у меня жуткое негодование.

Интервьюер: Но как же случилось, что в конечном итоге чужие гости все же заслужили Ваше расположение?

Лукач: Мне надоело, что после каждого чужого гостя вспыхивал большой скандал и поднимался крик, и про себя я подумал, что так быть не должно: ну почему бы, в конце концов, мне не сказать этой тете Ирме: «Целую ручку»? Да, это протокол, но должен ли я поэтому поссориться с семьей?

Интервьюер: Схожим образом Вы рассуждали и когда мать запирала Вас в комнате для дров.

Лукач: Против своей матери я вел партизанскую войну. Дело в том, что она была с нами очень строга. В квартире была комната для дров, темная комната. К числу наказаний моей матери принадлежало и то, что она запирала нас в ней до тех пор, пока мы не просили прощения. Мои брат и сестра⁹ тотчас же молили о пощаде, в то время как я резко в этом от них отличался. Если утром она запирала меня в десять, то в пять минут одиннадцатого я просил прощения, и все было в порядке. Мой отец приходил домой в половине второго. Мать по возможности старалась избегать напряженных ситуаций в это время. Соответственно, я бы ни за что на свете не попросил бы прощения, когда был заперт после часа дня, поскольку

ку знал, что за пять минут до половины второго буду выпущен даже без извинений.

Интервьюер: Другой характерный случай рассказывает о том, как Вы научились читать.

Лукач: Ах, да, это забавная история. Мой брат был на год старше меня, и он, конечно, частным образом обучался чтению. Я тоже садился за стол напротив брата и тоже учился читать лежащую вверх ногами книгу. И вверх ногами лежащую книгу я научился читать быстрее, чем мой старший брат. В итоге мне запретили это делать. И только более чем через год мне было позволено читать нормальным образом.

Интервьюер: Не могли бы Вы вспомнить свое первое чтение?

Лукач: Первое читательское переживание я испытал в возрасте девяти лет. Тогда я читал венгерский прозаический перевод «Илиады». Она произвела на меня сильное впечатление, ведь я встал на сторону Гектора, а не Ахиллеса. В то же время я прочел еще «Последнего из Могикан». ¹⁰ Обе книги значили для меня очень много. Ведь несмотря на то что мой отец был чрезвычайно порядочным и честным человеком, как директор банка ¹¹ он все же разделял мировоззрение, согласно которому успех является критерием правильности поступка. Обе эти книги научили меня, что успех не есть этот критерий и что человек поступает правильно и тогда, когда успеха это не имеет. В «Последнем из Могикан» это выразилось даже более отчетливо, нежели в «Илиаде», потому что не европейцы, а угнетенные и подчиненные индейцы были совершенно правы. Кроме того, на мое счастье, мы сперва учили английский, а не французский, как обыкновенно это бывало в то время в Будапеште. Мой отец был большой англоман. Так что мы читали такие книги, как, к примеру, шекспировские сказки, кото-

рые меня сильно впечатлили. И кроме того, романы Марка Твена «Том Сойер» и «Гекльберри Финн». Это чтение заставило меня осознать существование жизненных идеалов. То, что в первых моих читательских переживаниях выступало лишь в качестве отрицательного опыта, обнаруживалось здесь в положительной форме, в форме того, как именно должен человек в сущности жить. Что он должен жить так, как жил Том Сойер, было идеалом моего детства. Позднее на меня в числе прочего оказал влияние и роман Ауэрбаха о Спинозе, прежде всего противодействие Спинозы религии и религиозной этике.¹²

Интервьюер: В набросках есть и еще одна ссылка на годы Вашей юности. Говоря о школьных временах, Вы упоминаете, что приняли тогда своих сверстников, что они были из лучшего материала, нежели Ваш брат и те дети, которых Вы знали по Вашему обществу. После чего пишете: «Надежда — несмотря на литературный скепсис — на бедных».

Лукач: К легенде, в соответствии с которой бедный ребенок — выдающийся ученик и хороший человек, я относился скептически. В популярной среди детей того времени книге Де Амичиса¹³ это утверждение встречается на каждом шагу. Единственная трудность моего школьного времени заключалась в том, что по отношению к учителям я хотел пользоваться преимуществами хорошего ученика, не считаясь при этом в классе зубрилой. Необходимо было суметь сочетать одно с другим. Во времена, когда я был школьником (Sekundaner), приключился небольшой эпизод. Каждый раз, когда входил учитель, мы вставали. Однажды мальчик с табелем или чем-то подобным подошел к учителю и по возвращении назад на свое место ударил меня в живот, что осталось не замеченным учителем. В ответ я ударил его в поясницу. Это учитель увидел и раздул скандал, вследствие чего я донес, что до

того мальчик ударил меня в живот. Должен вам сказать, что за это мне стыдно и по сей день. Тот факт, что в общественной жизни я веду себя порядочно, связан с тем ужасным стыдом, который я испытал будучи школьником (Sekundaner). Думаю, такого рода стыд является положительным моментом в жизни человека.

Интервьюер: С кем Вы дружили в детстве?

Лукач: В детстве у меня абсолютно не было друзей. Должен заметить, что также и в школе в течение многих лет особенно близкого общения у меня ни с кем не складывалось. В определенной степени я ладил с воспитателями моего старшего брата. Естественно, воспитатели, и в особенности воспитательницы, в семьях, относящихся к крупной буржуазии, рассматривались как люди второго сорта. Так что в отличие от своего брата, я брал воспитательниц под защиту. Это такая особая липотварошская вещь: дети действительно вынуждены были слушаться воспитательниц, однако по существу презирали их и держали за квалифицированную прислугу. У нас в эти годы были уже только французские и английские воспитательницы. Я всегда солидаризировался с ними. Вообще же мне не нужно было ничего учить. И это было неслыханной удачей, поскольку учился я неслыханно легко. Во второй половине дня, с половины четвертого до без пятнадцати четыре я, как правило, разделялся со всеми домашними заданиями. Из своего школьного времени мне запомнилось, что мать всегда покровительствовала моему брату. Это весьма забавная история. Ведь естественным в соответствии с этим покровительством было ожидать, что он будет хорошим учеником, гордостью семьи. Однако когда мой брат впервые посетил среднюю (Sekunda), а затем и старшую (Prima) школу в общественной гимназии, выяснилось, что дело обстояло совсем наоборот. Теория моей матери гласила, что я был очень стара-

тельным, а брат мой, напротив, ленивым, потому он и был плохим учеником, а я хорошим. Но в действительности дело обстояло так, что во второй половине дня, с половины четвертого до без пятнадцати четыре, я оканчивал делать свои домашние задания и шел кататься на велосипеде, а мой брат, когда я около семи возвращался домой, всё еще занимался.

Интервьюер: В средней школе (Höheren Schule) на Ваше развитие не оказывала влияние проблема еврейства?

Лукач: Нет. Ни *pro*, ни *contra*.

Интервьюер: Не сказало ли еврейство на Вашем развитии еще и в том смысле, что вне зависимости от Вашего сознания создавало трудности и...

Лукач: В евангелической гимназии ученики из Липотвароша были аристократией. Мне никогда не доводилось выступать там в роли еврея, но только в роли юного жителя Леопольдштадта, считавшегося в этой школе аристократом. То, что я еврей, я знал всегда, однако это никогда не оказывало существенного влияния на мое развитие.

Интервьюер: Я спрашиваю это потому, что Дюла Ийеш, как я слышал недавно, однажды сказал о товарище Лукаче, что он потому особенно уважает товарища Лукача, что в его становлении революционером не сыграла никакой роли еврейская мстительность.

Лукач: Это потому, что я не чувствовал себя евреем. Я принял мое еврейство как факт рождения, и тем самым вопрос был для меня закрыт.

Интервьюер: И все же существует различие между тем, как кто-то рассматривает свое собственное дело, и тем, как оно видится другим.

Лукач: Конечно, в тогдашней Венгрии различие между евреями и неевреями существовало. Но на мое

счастье, я выиграл премию Кристина-Лукач.¹⁴ Но до тех пор, пока конверт не был вскрыт, никто не мог узнать, кто же выиграет конкурс и, соответственно, будет принят в круг Бёти и Александера.¹⁵ Для следующего поколения, уже после диктатуры,¹⁶ то был гораздо более сложный вопрос, но до диктатуры серьезной роли это не играло.

Интервьюер: Теперь мы могли бы перейти к началу Вашей работы.

Лукач: Приступая¹⁷ к рассказу о своей так называемой литературной карьере, мне следовало бы начать с 15-летнего возраста. Как и всякий ребенок, я много читал. Уже и раньше некоторые вещи оказывали на меня устойчивое влияние, однако в возрасте пятнадцати лет я впервые подумал о том, что и сам мог бы стать писателем. Эта мысль была вызвана двумя импульсам. Первый импульс шел из-за границы. По воле случая, будучи читателем либеральной «Новой свободной прессы» («Neuen Freien Presse»),¹⁸ мой отец имел в своей библиотеке «Вырождение» Макса Нордау.¹⁹ Я прочел эту книгу, и таким образом, мне стало ясно, что (was) было крайней степенью декадентства у Ибсена, Толстого, Бодлера, Суинберна, и т. д. и т. п. К счастью, стихотворения Бодлера, Суинберна и других Нордау цитировал дословно. Я был совершенно увлечен и, естественно, тотчас признал хулимых у нас дома Толстого и Ибсена. Я раздобыл себе их произведения в издании «Reclam»²⁰ и тем самым в возрасте пятнадцати лет встал на тогдашнюю ультрасовременную западную точку зрения. Будучи молодым человеком, я мечтал даже о том, чтобы писать драмы в духе Ибсена и Гауптмана. Второй же импульс по воле случая имел отечественное происхождение. Моя сестра ходила в школу вместе с сестрой Марцела Бенедека. И когда однажды они пришли к нам в гости, наше знакомство состоялось. Я не хочу затрагивать подроб-

ности этой встречи, потому что в своей биографии²¹ он уже обо всем рассказал. В любом случае, моя литературная деятельность была чрезвычайно воодушевлена этой дружбой, и здесь сыграло свою роль не просто литературное, но литературно-этическое влияние, оказываемое на меня личностью Элека Бенедекка. Должен добавить, однако, что как писатель²² он никогда не мог дать мне что-либо. Но на свой пуританский лад Элек Бенедекк всегда выступал за свои истины, находясь в противоречии с окружением, для которого успех, добытый благодаря компромиссам и кое-чему похуже, был, так сказать, критерием человеческих ценностей. Могу сказать, что ни тогда, ни позднее меня не интересовало, что это были за истины. Но сам факт, факт выбора одной из сторон, привел к тому, что Элек Бенедекк как нравственная личность оказал на меня самое глубокое влияние в молодости. Эти два момента дополнялись еще и тем, что я был постоянным читателем еженедельника «Хет» («Hét»)²³. Всему этому вместе нужно быть благодарным за то, что в то время я начал писать драмы, ориентируясь на Ибсена и Гауптмана. Слава богу, от них ничего не осталось. Они были ужасно плохи. Примерно в восемнадцать лет я сжег все свои рукописи. С тех пор у меня был негласный критерий границ литературы, собственно говоря, плохим для меня является то, что я и сам мог бы написать. Литература же начинается там, где у меня создается впечатление, что написать этого я не смогу. Для меня в юности это сыграло роль негласного критерия, и я воспользовался им, когда написал четыре-пять очень плохих драм. Отсюда, однако, вытекало и иное следствие: писательство побудило меня к тому, чтобы начать читать тогдашнюю немецкую критику. Импрессионистский стиль Альфреда Керра произвел на меня большое впечатление. Через семейные связи по окончании восьми классов гимназии я получил заказ на работу в качестве театрального кри-

тика в чрезвычайно малопопулярной газете «Магьяр Салон» («Magyar Szalon»). Дело было в том, что редактор благодаря этому хотел обеспечить себе билеты на премьеры. Он посещал премьеру, в то время как мне отдавал билеты на второе представление. И в результате я ежемесячно писал для «Magyar Szalon» театральные рецензии в стиле Альфреда Керра.²⁴

Интервьюер: Без подписи?

Лукач: Нет. Рецензии выходили с подписью. Они также указаны в библиографии Олтвани.²⁵ Новое в моем литературном развитии проявилось в том, что в своей юношеской дерзости (мне было восемнадцать) я оказался в конфронтации со всей венгерской критикой. В то время в Национальном театре давали Шандора Броди: с треском провалившийся цикл «Королевских идиллий» («Király idyllek»). Шандора Броди заклеямили непатриотом, утверждалось, что он искажил венгерскую историю. Мне же, напротив, эти вещи очень понравились, и я очень честно выразил свой энтузиазм перед лицом критики. В результате Шандор Броди через одного общего знакомого искал контакта со мной.²⁶ Полагаю, Броди был разочарован, когда единственный критик, оценивший его, оказался гимназистом.

Интервьюер*: Ади также защищал «Королевские идиллии» из Оради.²⁷

Лукач*: Может быть, но тогда об этом я не подозревал. Во всяком случае, тогдашняя пештская критика в основном была настроена отрицательно. Броди проглотил свое разочарование и сказал, что при случае я должен показаться в еженедельнике «Йовенде» («Jövendő»), задумывавшемся им в то время. Я показался в «Йовенде» и опубликовал статью о Гауптмане в стиле Альфреда Керра и еще одну о Германе Банге.²⁸ Здесь, собственно, началась моя литературная карьера, очень скоро прерванная ссорой с Броди.

Дело в том, что я должен был написать для него исследование о Леонардо да Винчи по книге Мережковского, от которой он был в восторге. Я же, напротив, эту книгу ненавидел. В молодости люди не слишком дипломатичны. Мы поссорились, и я отошел от «Йовенде». Вполне вероятно, что при нормальных обстоятельствах мы бы помирились, так как Броди не был злопамятным. Если бы я посетил его четырьмя неделями позже, он вновь принял бы меня. Но тем временем произошел поворот, завершивший весь этот длившийся с пятнадцатого по восемнадцатый год моей жизни период, при условии, конечно, что этот детский дилетантизм можно назвать периодом. В университете я познакомился с Ласло Баноци, и вновь произошел общий переворот, подобный тому, который ранее был нравственно предопределен личностью Элека Бенедека. Теперь я находился под влиянием окружения Баноци. Для объяснения достаточно было бы упомянуть, что я посещал евангелическую гимназию, чей научный уровень был очень низок. Я искал свой собственный путь, притом что я был не только прескверный писатель, но и отвратительный критик. Я был настоящим дилетантом. Теперь же в семье Баноци я научился, как должно не механическим образом, а научно и серьезно заниматься теорией и историей. Отец Ласло Баноци, Йожеф Баноци, был тонко чувствующим, примирившимся с действительностью стариком, не слишком большим талантом, но разумным человеком, который, подобно Анатолю Франсу, относился к любого рода дилетантизму с эпикурейской иронией. Мне стало ясно, что, с одной стороны, вся литература, как я уже сказал, не стояла ничего и что, с другой стороны, весь импрессионизм Керра был мыльным пузырем. Главным образом вследствие этого после столкновения с Броди я так и не вернулся к нему назад — прежде всего потому, что решил учиться. С тех пор я не писал и не публиковал

ничего в течение примерно четырех лет. Этот период обучения связан с тем — об этом я не хочу говорить подробно, поскольку это хорошо известно, — что вместе с Баноци, Марцелом Бенедekom и Шандором Хевеши мы создали Общество Талии (Thália Társaság).²⁹ То был как раз один из важнейших методов этого обучения, ведь и без того из меня никогда не вышел бы режиссер, однако же я учился благодаря тому, что видел и игру актеров, видел, как тексты оживали на сцене, — это многое дало мне с точки зрения драматургии, техники и формы. С молодыми актерами, например с Доби, с Яношем Доктором, с Рожи Форгач и др., у меня были очень хорошие личные отношения. Каждый вечер мы ходили в кофейню Барош, где во главе стола всегда сидел Петеш — Петеш, которого мы называли князем и который был для нас величайшим авторитетом во всех театральных вопросах.³⁰ Одним словом, начался всеобъемлющий период обучения, связанный с чтением и усвоением теоретических работ. В результате на место простой импрессионистской критики пришла критика, подкрепленная немецкой философией и тяготеющая к эстетике. В это время я познакомился с философией Канта, а затем в современной немецкой философии с трудами Дильтея и Зиммеля.

Интервьюер: Имя Петеша встречается и в Вашем автобиографическом наброске, как имя того, кого Вы воспринимали как своего вождя.

Лукач: Вождь — это не очень подходящее слово. Мы называли его князем. Он обладал безошибочно точной способностью суждения относительно всех вещей, касавшихся театра. И если он говорил, что правую руку нужно поднять, а левую не опускать, то, конечно, был на сто процентов прав. В нас жила своего рода иллюзорная вера в его непогрешимость. Во времена «Талии» мы безоговорочно восхищались Петешем и признавали в нем образец.

Интервьюер: Вы познакомились во время организации Общества Талии?

Лукач: Петеш, Одри и другие актеры были дружны с Шандором Хевеши, которого мы пригласили основать и возглавить Талию. Отсюда возникло Кофейное общество (Kaffeehausgesellschaft) где Петешу, который никогда в Талии не играл, принадлежала роль некоронованного короля.

Интервьюер: Он активно поддерживал Талию?

Лукач: Советом – безусловно. Со всей определенностью следует заметить, что он был актером, подходившим к своему делу осознанно, а именно подчеркивая в полную силу сознательный элемент. В результате возникла та атмосфера общения, в которой ему принадлежала ведущая роль.

Интервьюер: Товарищ Лукач, чем, помимо организационных дел, Вы занимались в Талии?

Лукач: Помимо организационных дел, я не занимался ничем. За время этой своей короткой карьеры я также пережил два разочарования. С одной стороны, мне стало ясно, что я не писатель, а с другой, что я не режиссер. Я понял, что хотя и мог очень хорошо понять связь между идеей и драматическим действием, однако не обладал никаким талантом в том, что имеет в некотором отношении решающее значение, а именно в понимании того, должен ли актер поднять правую или левую руку.

Интервьюер: А какова была роль Баноци?

Лукач: Баноци был очень умелым организатором, и после того как Талия потерпела неудачу, еще долгое время продолжал двигать дело вперед. К тому моменту все уже потеряли интерес к проекту, поскольку наш интерес ограничивался сугубо литературой и театральным искусством. Мы провели время за по-

становкой «Строителя Сольнеса»³¹ или геббелевской «Марии Магдалены».³² Для чего-то другого не осталось ни времени, ни энергии.

Интервьюер: Марцел Бенедек тоже обнаружил свой талант?

Лукач: Марцел Бенедек был замечательным, очень благодушным человеком, который тем не менее, я бы сказал, не обладал никаким исключительным талантом. Это был литератор...

Интервьюер: Эстет?

Лукач: Эстет. Это верное выражение.

Интервьюер: Принимали ли Вы участие в составлении программы?

Лукач: Да. К примеру, я инициировал постановку «Марии Магдалены» Геббеля.

Интервьюер: Как переводчик?

Лукач: Нет.

Интервьюер: Но «Дикую утку», товарищ Лукач, перевели Вы?

Лукач: Перевел я.³³

Интервьюер: И «Дикая утка» ставилась в этом переводе?

Лукач: Да. В театре «Талия».

Интервьюер: Перевели ли Вы что-нибудь еще?

Лукач: Нет.

Интервьюер: А в качестве писателя Вы пробовали себя только в драмах?

Лукач: Да, только в драмах. Быть может, были еще фрагменты романа, но главным образом драмы.³⁴

Интервьюер: Лирикой Вы никогда не...?

Лукач: Нет, лирикой никогда.

Интервьюер: В своем автобиографическом наброске среди друзей молодости Вы называете имя Лео Поппера.

Лукач: Лео Поппер, быть может, являлся самым большим талантом, встречавшимся мне в жизни. Он обладал безошибочно точным чувством качества. В большинстве случаев чувство качества находится в противоречии с теоретическим пониманием. Имеет место некоторое расхождение. Но у него оно совершенно отсутствовало. Вот почему это был совершенно особый случай в истории критики.

Интервьюер: Упомянув в своем автобиографическом наброске Вашу дружбу, Вы указываете, что хотели бы поговорить об этом позднее, поскольку эти отношения являлись столь важным моментом Вашей жизни. Не хотели бы Вы рассказать о конкретных обстоятельствах этой дружбы, когда Вы познакомились и...

Лукач: Отец Лео, Давид Поппер, давал моей сестре уроки виолончели, и Попперы часто подолгу бывали у нас. Тогда мы с Лео и подружились, и именно благодаря тому — это действительно нужно сказать, — что я испытывал трепет и уважение перед его чувством качества, поскольку во мне оно было очень слабо развито. В особенности тогда. С тех пор я набрался опыта, но все же именно от него понял, что чувство качества является важнейшим в искусстве.

Интервьюер: Когда Вы познакомились?

Лукач: Когда мы были еще гимназистами.

Интервьюер: Работали ли Вы над чем-то совместно?

Лукач: Совместно мы не работали, поскольку я занимался прежде всего литературой, а он изобрази-

тельным искусством. Кое-что об изобразительном искусстве я написал уже под его влиянием.³⁵

Интервьюер: Не перевел ли он какую-нибудь работу товарища Лукача с венгерского на немецкий?

Лукач: Нет, подобного не бывало. И хотя по-немецки он писал лучше, чем по-венгерски, тем не менее он писал статьи и на венгерском языке.

Интервьюер: Кто перевел на немецкий «Душу и формы»?

Лукач: Я сам. Это было написано как на венгерском, так и на немецком языке. Сначала я написал [эту книгу] по-венгерски, а затем между 1910 и 1911 годами перевел на немецкий.³⁶

Интервьюер: Из Вашего автобиографического наброска можно понять, что Вы находились в отчаянии в связи с получением премии за «Историю развития современной драмы» и что из этого кризиса Вам помог выйти Лео Поппер. В чем заключалась причина этого кризиса и каковы были обстоятельства Вашего спасения?

Лукач: Я придерживался того мнения, что общество было не в состоянии оценить эту работу. В результате этого присуждение премии с неизбежностью означало для меня, что в книге должен быть некий недостаток. Я искал этот недостаток, однако не мог найти. И тут мой друг Лео Поппер пришел мне на помощь...

Интервьюер: Состояла ли его помощь в том, что он сообщил Вам, в чем заключался недостаток этой книги?

Лукач: Нет, но он сообщил мне, в чем заключалось ее достоинство.

Интервьюер: В Ваших заметках читаем и о том, что к этому же времени относится также попытка

сделать Вас депутатом от партии Тисы.³⁷ Но Вы, товарищ Лукач, лишь посмеялись над этим жалким предложением.

Лукач: Конечно, выиграв премию Кристина-Лукач, на некоторое время я стал человеком известным. И мой отец, бывший сторонником партии Тиса, хотел, чтобы я выступил депутатом от этой партии. Над этим мне оставалось только посмеяться.

Интервьюер: Я читал одну газетную статью, примерно 1910 года. Автор сильно упрекал товарища Лукача за то, что тот посмел спорить с Бернатом Александером о Шекспире.

Лукач: Это вполне могло быть, поскольку Б. Александер был в это время влиятельным человеком. У меня после нескольких бесед сложилось настолько плохое мнение о нем, насколько это можно себе представить, я это свое мнение и не скрывал.

Интервьюер: Газета упрекала товарища Лукача: как вообще молодой человек может вступать в спор со столь большим авторитетом.

Лукач: Это очень даже возможно. Я в юношеском возрасте...

Интервьюер: ...не очень почитал авторитеты.

Лукач: Я чрезвычайно почитал авторитеты, если речь шла, например, об Ади.

Интервьюер: О подлинном авторитете.

Лукач: Но чтобы чтить какого-то будапештского университетского профессора, это слишком уж не соответствовало моей психологии.

Интервьюер: Были ли у Вас тогда политические амбиции?^{38*}

Лукач: У меня были амбиции изменить положение вещей, то есть мои амбиции были направлены на из-

менение старого венгерского феодализма. Однако же они, конечно, никогда не могли превратиться в актуальное политическое устремление, поскольку в тогдашнем Будапеште движения такого рода просто не существовало.

Интервьюер: Семья...

Лукач: От семьи, по крайней мере, от некоторой части семьи, я был совершенно отчужден. Вследствие этого я либо вообще не имел отношений с семьей, либо... Моя мать была умной женщиной, которая начала понимать ситуацию. Она была тяжело больна и умерла от рака груди. Поддавшись на домашние уговоры, я написал ей письмо. Получив это письмо, она сказала: «Я должна быть очень больна, раз доктор Георг написал мне письмо».³⁹

Интервьюер: А что потом случилось с Вашим братом?

Лукач: Мой брат погиб при фашистах.

Интервьюер: Что за положение он занимал?

Лукач: Он занимал среднюю должность в каком-то банке и был призван исполнять трудовую повинность, но вместо того чтобы увидеть в этом призыве нечто угрожающее, сбежать и потянуть время, он сообщил, что не считает себя в чем-либо провинившимся. Он отправился выполнять трудовую повинность и не вернулся.⁴⁰

Интервьюер: При каких обстоятельствах возобновилась Ваша литературная деятельность после четырехлетнего перерыва?

Лукач*: В 1906 г. я вновь обратился к публичной деятельности. Важнейший эпизод, можно было бы даже сказать, мое третье литературное рождение совпало здесь с началом выпуска [издания] «Серда» («Szerda»).

Я представил Игнотусу одну небольшую статью. Работа ему чрезвычайно понравилась. Он тотчас передал ее в «Серду», где она и вышла.⁴¹ С Игнотусом мы договорились, что я буду посылать театральные обзоры из Берлина, ведь я готовился к тому, чтобы зимой уехать в Берлин.⁴² Но поскольку тем временем «Серда» уже обанкротилась, из этой затеи с обзорами так ничего тогда и не получилось. Тем не менее рассказать о моем первом разговоре с Игнотусом будет достаточно интересно, поскольку, как я уже сказал, он чрезвычайно дружелюбно и любезно принял меня и очень хвалил мою статью. Однако же в конце нашего разговора он неожиданно серьезно сказал мне: «Видите ли, мой мальчик, я думаю, вы талантливы. Я хочу сказать вам кое-что, что вы будете помнить всю жизнь. Ваша статья чрезвычайно умна, чрезвычайно остроумна, и, как вы видите, мы опубликуем ее. Но запомните: в ответ на все то, что вы написали, можно было бы равным образом написать и нечто прямо противоположное». На этой житейской мудрости мы с Игнотусом распрощались. Конечно, после такого напутствия я не мог установить с человеком, в третий раз «открывшим» меня, слишком тесного контакта. Но должен к этому добавить, что Игнотус удивительным образом всегда до известной степени протезировал мне и что я только потому мог постоянно писать для журнала «Nyugat» («Запад»), что он защищал меня против Ошвата.⁴³ Не думаю, что я появился бы в «Nyugat» без Игнотуса и что мог бы публиковаться там так часто, как публиковался. Но будучи молодым человеком, благодарности я не испытывал. И хотя я мог черпать пользу из признания меня Игнотусом, этот импрессионизм, с позиций которого он и меня признавал, я ни во что не ставил. Полемика против импрессионизма в моей статье «Пути разошлись», которую я написал после выставки [картин] Кернштока, достаточно явно была направлена именно против Игнотуса,

естественно, я не называл при этом его имени.⁴⁴ Так, можно сказать, я и перешагнул порог литературы.

Интервьюер: В Вашем автобиографическом наброске встречается имя Ирмы Зайдлер. Ей Вы посвятили «Душу и формы».

Лукач: Ирма Зайдлер принадлежала к родственному кругу семьи Поланьи,⁴⁵ и наша встреча в 1907 году имела чрезвычайное значение. Назвать ли это любовью или нет — отдельный вопрос. Однако между 1907 и 1911 годами она имела чрезвычайно сильное влияние на мое развитие. В 1911 она совершила самоубийство. Вслед за этим вышла моя работа о нищете духа. Это описание ее смерти и выражение осознания моей вины.⁴⁶

Интервьюер: Где Вы посещали университет?

Лукач: Сперва я посещал историко-философский факультет в Будапеште. Однажды я провел один семестр в Берлине. Во второй раз я провел там еще меньший промежуток времени. Но до 1911 года я не задерживался за границей надолго.

Интервьюер: Впервые выехав за границу, Вы тогда же присоединились к кругу Вебера?

Лукач: Я хотел стать историком немецкой литературы. Я ехал за границу с наивной верой в то, что эти историки литературы действительно занимаются делом. В связи с этим я хотел бы рассказать одну забавную историю о том, что, так сказать, решающее значение для моей жизни имели тогдашние разговоры о цвете глаз Лотты из «Вертера».⁴⁷ В «Вертере» у Лотты были голубые глаза, в действительности же они были черными. Кто-то написал длинное исследование на эту тему. В этом я увидел то, что Хатвани называл «наукой нестоящего изучения» («die Wissenschaft des Nicht-Wissenswertes»).

Интервьюер: Очевидно, это вызвало у Вас большое разочарование.

Лукач: Большого разочарования у меня это не вызвало, поскольку я давно испытал более глубокие его степени. Собственно, благодаря этому и завершился тот процесс, в ходе которого я порвал с историей литературы.

Интервьюер: И затем началось новое движение...

Лукач: ...в направлении к философии. Тогда началось влияние Зиммеля, а позднее Вебера.⁴⁸

Интервьюер: Как бы Вы обобщили то положительное, что было в этом влиянии?

Лукач: Я обобщил бы это в том духе, что Зиммель затронул тему общественного характера искусства, чем сообщил мне точку зрения, на основе которой я, выйдя далеко за пределы Зиммеля, рассматривал литературу. Подлинная философия книги о драме⁴⁹ — это философия в духе Зиммеля.

Интервьюер: А в чем заключалось влияние Вебера?

Лукач: Влияние Вебера пришло позже и было сильнее. Зиммелю была присуща некоторая фривольность [мысли]. Напротив, Вебер хотел создать всеобъемлющую теорию литературы без фривольных черт. Возможно, следует упомянуть, поскольку это сыграло роль в моих хороших отношениях с Вебером, что однажды я сказал Веберу следующее: согласно Канту, эстетическое суждение является сущностью эстетического. Однако я считаю, что эстетическое суждение не обладает приоритетом, поскольку приоритет остается за бытием. «Произведения искусства существуют. Как они возможны?» Этот вопрос я задал Макс Веберу, и он произвел на него глубокое впечатление. Это основная проблема моих гейдельбергских эстетических набросков.⁵⁰

Интервьюер: Позднее, главным образом во времена написания «Разрушения разума», оценивая Зиммеля и Вебера, Вы придерживаетесь однозначно отрицательной точки зрения.

Лукач: Однако в моральном плане мое отношение к Веберу всегда оставалось положительным, тогда как у Зиммеля я критиковал некоторую фривольность, и потому мы отделились друг от друга. С Вебером, однако, этого отдаления у нас не произошло.

Интервьюер: В то время началась Ваша дружба с Блохом?

Лукач: Да.

Интервьюер: В Гейдельберге Вы также познакомились с Ласком? Вас связывала с ним тесная дружба?

Лукач: Это была прекрасная дружба. Однако не может быть и речи о том, что он повлиял на мое развитие. Блох же имел на меня огромное влияние, поскольку на собственном примере он убедил меня, что философствовать в старом духе возможно. До того момента я был по уши погружен в неокантианство своего времени, и теперь в лице Блоха я столкнулся с тем феноменом, что кто-то философствовал так, как будто бы вся современная философия просто не существовала, и что было возможным философствовать, как Аристотель или Гегель.

Интервьюер: Почему Блох посетил Будапешт?

Лукач: Блох был учеником Зиммеля, и у Зиммеля он познакомился с Эммой Ритоок. Через Эмму Ритоок я встретился с Блохом. Между прочим – как забавный случай это, может быть, покажется интересным, – первое впечатление Блоха обо мне было очень плохим. Он сказал, что я эстет, несерьезный человек и т. п. Эмма Ритоок, естественно, рассказала мне об этом, и тогда я ответил: «Великий человек или значи-

тельный философ не обязательно должен быть и хорошим знатоком людей». ⁵¹ Моя реакция на его суждение произвела на Блоха сильное впечатление. С тех пор между нами установилась близкая дружба.

Интервьюер: Как долго длилась эта дружба?

Лукач: До тех пор, пока Блох находился в Гейдельберге. Скажем, с 1909 по 1914 годы. Потом мы разошлись, поскольку перед войной Блох укрылся в Швейцарии, в то время как я остался дома.

Интервьюер: В этот период Ваша писательская карьера в Венгрии уже пошла в гору.

Лукач*: Моя настоящая литературная карьера началась отчасти с выходом книги о драме, ⁵² отчасти же с появлением в журнале «Nyugat». К этому я должен прибавить одну очень важную вещь, значения которой в то время я, собственно говоря, не понимал и только теперь уяснил ее решающее влияние на все мое литературное и даже выходящее за пределы литературы развитие. Был 1906 год. В то время вышли «Новые стихотворения» (сборник стихов Эндре Ади) и совершенно перевернули меня, грубо говоря, они были первым произведением в венгерской литературе, в котором я обрел свой дом и которое стало частью меня. Мое нынешнее мнение о старой венгерской литературе — другой вопрос. Это уже следствие долгого опыта. В те времена, однако, должен признаться, я не ощущал никакой внутренней общности с венгерской классической литературой. Лишь мировая литература (в первую очередь немецкая, скандинавская и русская) оказала на меня формирующее влияние и, кроме того, немецкая философия. Влияние немецкой философии сохранялось на протяжении всей моей жизни. Потрясение, испытанное мною от стихотворений Ади, в сущности, этого не изменило. И это переживание не устранило влияние немецкой философии

и не привело меня обратно в Венгрию. Можно сказать, что тогда стихотворения Ади и были для меня Венгрией. Но произошло также нечто, значение чего я осознал только позднее: дело в том, что в немецком развитии, и не только у Канта, которого я тогда уже знал, но и у Гегеля (три-четыре года спустя я от Канта уже приблизился к Гегелю), как и у тех современных немцев, которых я читал, скрывалась огромная доля консервативного мировоззрения. Я знаю, что навлеку сейчас на себя обвинение в анахронизме, если процитирую позднейшее стихотворение Ади, но с самого начала у Ади в настроении его строк «Все едино. Угоча не коронует»⁵³ содержалось то, что всегда звучало для меня аккомпанементом гегелевской «Феноменологии» и «Логики». Таким образом, возникла смесь, до того не существовавшая в тогдашней литературе, когда некто, будучи гегельянцем и представителем науки о духе, в то же время занимал левую и даже до известной степени революционную позицию. Я не говорю сейчас об огромном поэтическом и литературном влиянии [Ади] на меня. Но я во всяком случае должен констатировать, что встреча со стихотворениями Ади, независимо от сугубо литературных аспектов, также принадлежит к решающим событиям моей жизни. Это открытие не было чем-то преходящим, как часто бывает в молодости, как раз наоборот, и, наверное, не нужно напоминать об этом особо, я на всю жизнь сохранил верность творчеству Ади. И это не проекция сегодняшнего взгляда, поскольку я был первым в Венгрии, кто три-четыре года спустя написал о личной связи Ади с революцией, о том, что он был революционером, считавшим революцию необходимой для своей реализации.⁵⁴ Относя сегодня это смутное первое впечатление к 1906 году, я, вероятно, не навлеку на себя обвинения в излишнем анахронизме. Но естественно, я должен подчеркнуть, что в то время я не имел ни малей-

шего представления о значении этой вещи. Я лишь испытывал безоглядный восторг в отношении стихотворений Ади.

Как я уже говорил, на самом деле моя литературная карьера началась именно в это время. В 1906—1907 годы я жил в Берлине, где написал первый набросок книги о драме, который и представил Обществу Кишфалуди⁵⁵ и за который в 1908 году получил премию Кристина-Лукач. Кроме того, в 1907 году я дал мою статью о Новалисе в «Nyugat», где она, если я не ошибаюсь, и вышла в начале 1908 года.⁵⁶ Я не хотел бы говорить о подробностях моей литературной деятельности, ведь [мои] книги хорошо известны. Я только хотел бы немного обрисовать занимаемое мною место в венгерской литературе и искусстве того времени, поскольку об этом не существует никаких достоверных литературных материалов. Здесь мне следует начать с некоторой оговорки, поскольку если исходить из личных отношений, то получается, что в тот момент, когда это было для меня самым важным, никаких личных отношений у меня и не сложилось. Я имею в виду Ади. Я встречался с ним единственный раз в жизни, но когда именно — не помню. Точно могу сказать, что это было после осени 1908 года, поскольку в тот момент вышла моя критика «Holnap» («Завтра»), в которой я впервые написал об Ади.⁵⁷ Итак, не называя точной даты, я бы отнес эту встречу к зиме 1908 или весне 1909 годов. Эта встреча состоялась благодаря моему близкому другу, художнику Дежё Цыганю, написавшему портрет Ади и имевшему с ним очень хорошие отношения. Однажды он взял меня с собой в ресторан «У трех ворон» («Három holló»). Должен сказать, из нашей встречи абсолютно ничего не вышло. Это был вечер, «Három holló» был полон друзей Ади из джентри.⁵⁸ И я совершенно не мог включиться в беседу. Тем не менее добавлю, поскольку с другой точ-

ки зрения это очень важно, что это не означало для меня какого бы то ни было разочарования. По отношению к значительным людям, с которыми я познакомился за свою жизнь, я придерживался точки зрения гётевской Филины:⁵⁹ «И коли я люблю тебя, что тебе до того?» Так что совершенно не случайно, что и с другим моим значительнейшим в этом плане современником, с Бартоком, у меня не было никаких отношений. Хотя в этом случае обстоятельства были гораздо более благоприятными, поскольку Барток, выпускник Академии музыки, преподавал музыкальную теорию моей сестре, которая была виолончелисткой. Кроме того, Барток вообще имел постоянный контакт с нашей семьей. Так, после 1919 года он некоторое время жил на вилле моего отца на горе Геллерт. Но будучи тогда не способным выразить свое отношение к музыке, с Бартоком я был весьма сдержан. Только во времена диктатуры, когда Барток, Кодай и Донаньи организовали директорию музыки, между нами возникли какие-то отношения. В то время в качестве народного комиссара я часто общался с ними.⁶⁰ Но, конечно, это не были личные отношения. Я упоминаю это только затем, чтобы прояснить, что в конечном итоге эти вещи не имеют решающего значения. Следует также заметить, что и с Эрвином Сабо, человеком, которого я назвал бы третьим в ряду наиболее почитаемых мной в тогдашнем Будапеште людей, у меня были хотя и уважительные, но не слишком близкие связи. Хотя в этом случае между нами и не было столь ярко выраженной дистанции, как в случае с Бартоком и Ади, эта связь также была весьма непостоянна, хотя среди тогдашних венгерских мыслителей Эрвин Сабо был единственным, кого я действительно мог бы всерьез поблагодарить. Если мы затронем эту тему, я лишь коротко скажу, что благодаря ему я познакомился с французским синдикализмом, который тогда казался мне единствен-

ным серьезным оппозиционным социалистическим движением.

Добавлю к этому, дабы обо мне не создалась ложная картина, способная только усилиться после характеристики моих личных отношений с «Nyugat», что я совершенно не был замкнутым одиноким парнем. К примеру, у меня были — что примечательно — хорошие, сердечные отношения с художниками того времени. Я никогда не был экспертом в области изобразительного искусства. Я написал на эту тему лишь несколько статей. Уже очень рано для «Huszadik Század» («Двадцатый век») я написал статью о Гюгене, еще одну о выставке «Nyolcak» («Восьмерки»), посвященную Кернштоку и другим.⁶¹ Вне зависимости от этого, помимо Дежё Цыгана, сердечная дружба с ранней молодости связывала меня с Марком Ведрешем, хотя он и был намного старше. Продолжалось хорошее общение со старшим поколением художников, с Кароем Ференци, Адольфом Фенешем, Йожефом Риппл-Ронаи, затем с Эдёном Марфи, Тиханем, позднее с Немешем-Лампертом, Бени Ференци, Ноэми Ференци. Одним словом, в изобразительном искусстве я поддерживал постоянные отношения с довольно широким кругом. Напротив, ни с кругами, стоявшими во главе журнала «Huszadik Század», равно как и с редакцией «Nyugat» у меня не было каких-либо личных отношений. В отношении же Ошвата, перифразируя немецкое выражение о любви с первого взгляда, можно было бы сказать: «Ненависть с первого взгляда». Мы терпеть не могли друг друга с первого мгновения. Он придерживался мнения, и говорил об этом открыто, что я был очень плохим писателем. В этом он совпадал с Яношем Хорватом. И это было распространенное мнение. Я не возражал. Сегодня сообразно моим позднейшим критериям стиль «Души и форм» уже кажется мне чрезвычайно манерным и неприемлемым. Тем не менее это не означает, что я

признаю правоту Ошвата в этом деле, ведь то, что он считал хорошим произведением, мне таковым не казалось. Но не останемся же мы с этим иррациональным утверждением. Очень быстро я понял, почему Ошват не нравился мне. В венгерской литературной критике существовал определенный тип, представленный до Ошвата Золтаном Амбрушем и до некоторой степени Енё Петерфи. Чрезвычайно прогрессивным образом они восприняли новейшие западные, в особенности парижские течения (что прежде всего бросается в глаза у Амбруша) и пересадили их на почву венгерского консерватизма, который вплоть до Ференца Херцога и Ференца Молнара потакал каждому жалкому направлению. Этот аристократический консерватизм я глубочайшим образом презирал, презирал я его и у Ошвата. И насколько я был прав, стало видно после моего возвращения в Венгрию после 1945 года, когда было опубликовано собрание критических статей Ошвата. Там лишь в одной статье имелась действительно острая критика, и направлена она была против Ибсена. Однако в то же время в его статьях было полно похвал в адрес худших писателей, начиная от Ференца Херцога и вплоть до Иштвана Сомахазы. Я знаю, что это противоречит легенде об Ошвате, но слава богу, в данном случае в нашем распоряжении находится отпечатанный текст, и потомки с помощью изданного тома могут изучить гений Ошвата как критика.

Интервьюер*: Товарищ Лукач, Вы как-то рассказывали историю о том, как Ошват сказал о Гегеле..

Лукач*: Да, в связи с моими статьями я как-то пошел в сегодняшней отель «Duna», тогда там было кафе Бристоль. До полудня там всегда сидел Ошват. И когда с книгами в руках я пришел из университетской библиотеки — а тогда портфели были не в моде, — Ошват, как всегда, посмотрел, что я читал. Он посту-

пал так со всеми. Случайным образом с собой у меня было несколько томов Гегеля. «Гегель — это никудышный писатель», — сказал он и захлопнул книгу. Между прочим, наш большой сказочник Оскар Геллерт распространялся, что Ошват уже тогда рассказывал ему эту историю и прибавлял, что Гегель был никудышным, а вот Энгельс достойным писателем. Здесь хорошо видно, сколь осторожным надо быть в отношении всякого мифотворчества. Исключено, чтобы Ошват вечером рассказал Геллерту, о чем он говорил со мной в Бристоле до полудня. Для этого в качестве писателя я был слишком эпизодическим явлением в «Nyugat». Рассказывая это, я необоснованно просцирую мой сегодняшний взгляд на литературу на 1909 год. С другой стороны, неверно и то, что Ошват считал Энгельса достойным писателем. Ошват никогда в жизни не прочел ни единой строчки из Энгельса. Оскар Геллерт сочинил эту сказку, для того чтобы переделать Ошвата в протобольшевистского марксиста. Во всем этом нет ни единого слова правды.

Для моих отношений с сотрудниками «Nyugat» весьма примечательно, что в то время хотя я и был знаком с редакционными дискуссиями Ошвата, Фенс и Игнотуса, однако, например, никогда не встречался и не был знаком с Шёпфлином, никогда не встречался с Жигмондом Морицем, хотя я даже написал о его первой книге. Костолани, о котором я тоже написал,⁶² не был знаком мне лично, не знал я и Каринти, не знал Дюлу Круди, одним словом, я ни разу не встречался с так называемым основным составом «Nyugat». Повторюсь, причиной тому была не моя личная сдержанность. Вот почему я упоминал выше о своих знакомых среди художников, с которыми в организационном плане я не имел ничего общего и которых я несмотря на это регулярно встречал в кафе «Япония» и в тому подобных местах. На собрания круга «Nyugat» я, однако, никогда не ходил. Моя первая встре-

ча с Михаем Бабичем тоже состоялась очень поздно, в 1916 году. Эрвин Сабо пригласил Бабича, Белу Балажа, Андора Габора и меня на одно заседание по вопросу о том, как активизировать писателей против войны. Вскоре после этого, в 1916 или в начале 1917, при посредстве Карла Мангейма мы ужинали втроем с Бабичем, после чего я пошел с ним на небольшую прогулку, и все же более тесного контакта между нами не сложилось. Из всего круга «Nyugat» у меня был личный контакт только с Маргит Кафкой, Анной Леснаи и Белой Балажем. О Маргит Кафке я могу сказать не много. У нас были хорошие, но не особо близкие дружеские отношения. Не знаю, слышали ли вы, что она прибыла в Пешт как учительница и только позднее смогла с этой профессией расстаться. И здесь благодаря своему положению в городском совете сыграл важную роль мой отец. Я имею в виду, что мы помогли Кафке попасть в Пешт. И однажды, будучи в Берлине, она навестила меня. Словом, вот такие сердечные отношения у нас с ней были. А с Анной Леснаи меня связывала настоящая дружба, сохранявшаяся на протяжении всей жизни. Я думаю, вы знаете, что в 1965 и 1966 годах мы провели много времени вместе во время ее пребывания в Будапеште. И я действительно очень рад тому, что застал рождение ее романа.⁶³ В молодости о себе заставили говорить лишь ее стихотворения. Я также рад тому, что мне выдалась возможность сказать Анне Леснаи, сколь выдающимся мне кажется ее роман. В разговоре с ней я сформулировал это следующим образом: первый том, на мой взгляд, является шедевром, а второй — просто хорошим романом. Повторюсь, для меня большая радость, что эта дружба была пронесена через всю мою жизнь.

II ВОЙНА, РЕВОЛЮЦИЯ

Интервьюер: Мы подходим к 1914 году, к началу войны.

Лукач*: В связи с войной я действительно могу сказать только одно: с первого же момента я был против войны. И даже в собственном окружении я был очень нетерпим к тем, кто занял какую-либо сторону в этой войне. Нетерпим я был даже в случае, когда речь и не шла о принятии той или иной стороны, как, например, в случае Белы Балажа: «Иди и тоже страдай!». Пусть не публично, но в частной беседе я очень остро высказал свое мнение, в особенности осудил я заключение книги.⁶⁴ Тогда между ним и Анной Леснаи состоялся разговор, в котором Балаж безоговорочно признавал Австро-Венгерскую монархию как своего рода Швейцарию национальностей, что я считал глупой лестью, поскольку имел в этом вопросе худшее мнение об отечественном положении вещей. Относительно войны могу сказать лишь, что был острейшим ее противником. Не знаю, говорил ли я это уже. Если еще не говорил, тогда скажу сейчас. В то время я придерживался следующей точки зрения: «Быть может, немецкие и австрийские войска разобьют русских, и тогда Романовы падут. Ничего страшного. Быть может, немецкие и австрийские войска будут разбиты англо-французскими, и Габсбурги с Гогенцоллернами также падут. И в этом также нет ничего страшного. Однако кто уберезет нас затем от западной демократии?». Этот вопрос я ставил. И здесь вы можете видеть, что моя враждебность к позитивизму имела также политические причины. Дело в том, что сколь бы сильно я ни осуждал венгерские порядки, принять английский парламентаризм в качестве идеала я был совершенно не готов. Но в то время я

не видел, что могло бы занять место существующего порядка. И с этой точки зрения революция 1917 года была великим переживанием, поскольку внезапно на горизонте появилась возможность того, что все может быть совершенно по-другому. Независимо от отношения к этому «другому», это «другое» изменило всю нашу жизнь, жизнь значительной части моего поколения.

Интервьюер: Однажды в связи с мнением о войне Вы упоминали письмо Зиммеля...

Лукач: Письмо Зиммеля интересно лишь ввиду того, что я очень сильно подозреваю, что люди стилизуют свое прошлое согласно собственным желаниям. Поэтому я спросил себя с некоторым подозрением, или лучше сказать критическим сомнением, верно ли, что с первого дня войны я был ее противником. И тут мне сразу пришло на ум, что однажды – не могу, однако, назвать дату – у меня состоялся разговор с Марианной Вебер, женой Макса Вебера, в котором она высоко ставила нравственную ценность подвигов, на что я ответил ей, что чем лучше подвиги, тем хуже. Теперь случайно мне в руки попала книга, изданная в честь Зиммеля. Там была опубликована часть его писем, в том числе письмо к Марианне, датированное августом 1914, в котором он писал, что если Лукач не в состоянии постичь величие этой войны, то дело безнадежно, войну можно постичь лишь интуитивно, а потому нет никакого смысла разговаривать с ним об этом. Отсюда следует, что наш разговор мог состояться в начале августа. Марианна сообщила о нем Зиммелю, и это был его ответ.⁶⁵ Это дает мне уверенность в том, что я действительно правильно помню, что уже в августовские дни был против войны. Следует быть очень осторожным, ведь вы знаете, недавно с бедным Дери в деле Райка⁶⁶ приключилась неприятность, поскольку он забыл, что давным-давно сам написал статью...*

Интервьюер: Зиммель был прав в том, что величие войны можно постичь лишь интуитивно...

Лукач: В этом я признаю его правоту, однако это дело интересует меня лишь ввиду того, что здесь существует объективное доказательство, что этот разговор состоялся в первые дни после начала войны.

Интервьюер: Товарищ Лукач, в то время Вы были в Берлине?

Лукач: Нет, в то время я был в Гейдельберге. В 1912 году я прибыл в Гейдельберг и, можно сказать, жил там вплоть до окончания войны, до того момента, как я вернулся в Пешт.

Интервьюер: Когда?

Лукач: Когда? Осенью 1917 года я поехал в Пешт, затем летом 1918 вновь был в Гейдельберге, в августе 1918 я вернулся в Пешт с мыслью о том, что следующей весной опять приеду в Гейдельберг, но естественно, этого не произошло.

Интервьюер: Как Вы избежали военной службы?

Лукач: Это опять же было связано с тем, что сын директора банка не обязан был служить, если он того не хотел. Конечно, нас отвезли в казармы. Там мне сразу сообщили, что я должен пройти медицинскую комиссию. И обследование подтвердило у меня тяжелую неврастению.

Интервьюер: От этой болезни Вы в жизни пострадали меньше всего.

Лукач: Тяжелая неврастения стала моей болезнью. Должен добавить, что она была поставлена мне Корани. Венгерскую коррупцию следует рассматривать как гораздо более обширную и серьезную, чем это принято, поскольку Корани был человеком, доступным не для каждого, но для моего отца он был досту-

пен, и следовательно, во время войны я стал работником вспомогательной службы (Hilfsdienstler).

Интервьюер: До окончания войны?

Лукач: Нет. Только до тех пор — мне следует рассказать эту историю, поскольку благодаря вовлеченным в нее людям она весьма занимательна, — пока мой бывший школьный товарищ, ставший позднее министром внутренних дел, Иван Раковски, не навестил моего отца. И когда он навестил моего отца, поскольку хотел заполучить членство в совете директоров одного кредитного банковского учреждения, то переговоры, естественно, велись через дядю Йожи. Само собой разумеется, всплыл вопрос, чем занимается Георг, и мой отец выразил ему свое сожаление, что мне как работнику вспомогательной службы (Hilfsdienstler) придется жить в Пеште и чувствовать себя очень некомфортно. В ответ на это Раковски сказал, что дядя Йожи должен следить за тем, чтобы ничего не случилось, а Дюри нужно сказать, чтобы он навестил его в парламенте, и там они всё обсудят. И мы действительно все обсудили. Четырьмя неделями позже я был освобожден и никогда больше не имел с воинской службой ничего общего. Раковски же получил должность в кредитном банке.

Интервьюер: Это называется хеппи-эндом.

Лукач: Рассматривая мое развитие в молодости, не следует изымать из него этот момент. Тот факт, что я был сыном директора кредитного банка, не имел литературного влияния, но тем не менее влияние таких жизненных условий очень важно. Кто знает, в каком русском лагере я бы погиб, если бы этой связи не существовало.

Интервьюер: И как Вам удалось держаться подальше от войны в Гейдельберге? В Вашем автобиогра-

фическом фрагменте можно прочитать: «Гейдельберг: помощь Ясперса (весьма против его собственной позиции)».

Лукач: Ясперс выдал мне медицинскую справку. Поскольку он поддерживал войну, это противоречило его убеждениям.

Интервьюер: Почему тогда он выдал справку? Вы были друзьями?

Лукач: Между нами была определенная дружба, и я думаю, что его помощи я обязан одной остроумной реплике, оправдавшей еще и позднее. Поскольку он задал вопрос, не уклоняюсь ли я потому, что боюсь за свою жизнь, я сказал ему: «Видите ли, если однажды я буду призван положить конец войне, о медицинской справке вас просить не стану». Это, по-видимому, повлияло на него.

Интервьюер: Он ведь не пошел в армию, не так ли?

Лукач: Он был больным человеком и не был призван.

Интервьюер: Когда Вы говорите о военных годах, звучит имя Вашей первой жены Елены Грабенко.

Лукач: Она была русской и принадлежала в России к эсэрам, от которых, однако, уже давно отошла. Во время войны мы жили — это личные вещи, они не особенно интересны, — так вот, во время войны мы жили отдельно, то есть она жила вместе со своим любовником, и поскольку она была русской и не имела заработка, я поддерживал ее материально. В 1918 году они разошлись, не знаю почему, и она приехала в Пешт. Но к тому времени наш брак уже давно распался.

Интервьюер: Где она жила во время войны?

Лукач: Елена Грабенко? Сначала в Гейдельберге, потом в Баварии.

Интервьюер: В венгерской литературе она действительно упоминается несколькими авторами. К примеру, Бени Ференци или в романе Шинко...⁶⁷

Лукач: Она была чрезвычайно умным человеком, независимо от того, что была также и талантливой художницей. Когда она приехала в Будапешт и увидела Куна, у нее сложилось впечатление, что Кун напоминает Вотрена. Я считаю это чрезвычайно остроумным и хорошим замечанием. В то время я также оценил его. Из этого замечания ясно видно, что она была весьма проницательным человеком. В Будапеште она подружилась с младшим поколением, с кругом Бени Ференци, с Ревай, с Шинко и так далее. Она жила в Доме Советов, и они собирались на обеды, ужины и другие мероприятия. Она принадлежала к этому кругу без того, чтобы входить в коммунистическую партию. Это продолжалось и в Вене, где она, к примеру, продолжала поддерживать хорошие отношения с Ревай.

Интервьюер: Она тоже эмигрировала?

Лукач: Она тоже эмигрировала.⁶⁸

Интервьюер: Вы познакомились в Гейдельберге?

Лукач: Нет. На одном итальянском курорте. В Париже она подружилась с Балажами и навещала их, там мы и познакомились.

Интервьюер: Как Вы оцениваете опубликованную в военное время центральную работу «Теория романа»?

Лукач: Вслед за Фихте «Теория романа» называет всю ту эпоху эпохой завершенной греховности. Особенность книги о романе нужно видеть в том, что методологически это книга, созданная в соответствии с духовно-историческим методом. Однако я полагаю, это единственная не вправо ориентированная духов-

но-историческая книга. Нравственно я считаю эту эпоху предосудительной, и искусство, на мой взгляд, хорошо при условии, что оно противится этому ходу событий, и здесь с точки зрения моего развития особое значение приобретает русский реализм, так как Толстой и Достоевский показали нам, как можно в литературе осуждать всю систему целиком и полностью. У них речь не идет о том, что капитализм имеет те и те ошибки, но согласно точке зрения Толстого и Достоевского, вся система как она есть бесчеловечна.

Интервьюер: Вызвано ли это осознание тем, что товарищ Лукач также не ждал от победы англичан улучшения?

Лукач: Видите ли, я всегда скептически относился к буржуазной демократии. Анатоль Франс как-то сказал нечто вроде того, что богатым, как и бедным, равным образом запрещено лежать под мостом. Я всегда находился в оппозиции к этой идее равенства. Однако это не означало, конечно, какой бы то ни было конкретной политической точки зрения. В то время я узнал, что тут также существует конкретная политическая форма, когда выступление Либкнехта* в Германии сделало ее очевидной.⁶⁹

Интервьюер: В то время, должно быть, революционно новым было то, что форму романа Вы поставили в связь с историей.

Лукач: Там есть некоторые верные наблюдения. В целом, однако, книга исходит из концепции, согласно которой Толстой и Достоевский рассматривались как высшая точка революционного романа во всей мировой литературе, что в качестве концепции неверно. В любом случае эта работа рассматривает — естественно, только в пределах буржуазной литературы — теорию революционного романа. В то время еще не было чего-то подобного. Существовала ду-

ховно-историческая концепция романа, художественно и идеологически бывшая равным образом консервативной. Моя теория романа не была революционна в смысле социалистической революционности. Однако по сравнению с литературоведением и теорией романа того времени она была революционна. В конце концов, «Теория романа» есть не что иное, как продолжение статьи об Ади,⁷⁰ развитие жанра, темы на более широком, нежели сугубо венгерский, материале.

Интервьюер: Товарищ Лукач, удручает ли Вас сегодняшнее влияние «Теории романа» или Вы скорее довольны? Я спрашиваю это, поскольку в другом месте Вы уже разъяснили, в связи с чем Вы не рассматриваете «Теорию романа» как составную часть Вашего дела жизни.

Лукач: Это очень сложный вопрос, поскольку сегодня мы живем в переходную эпоху и подобный продукт, каким является «Теория романа», следует расценивать как промежуточный продукт.

Интервьюер: У меня есть ощущение, что вопрос может быть только частично решен тем, что речь идет о чем-то переходном, если такой продукт, как «Теория романа», продолжает жить и оказывать влияние на протяжении более чем пятидесяти лет. Очевидно, в нем воплотились не только переходные ценности.

Лукач: Видите ли, фихтевская эпоха завершенной греховности означает, что из той псевдоконсолидации, в которой люди прожили до 1914 года, Европа низверглась туда, где она сейчас находится. Таким образом, эта эпоха завершенной греховности абсолютно негативно соответствует истине. Здесь, естественно, недостает лишь того, что развил отсюда Ленин: все общество должно быть изменено коренным образом. Этого еще не было в «Теории романа».

Интервьюер: В любом случае интересно, что Вы написали книгу в 1914 году, но выйти она смогла только после войны...

Лукач: Это не так. Во время войны «Теория романа» вышла в «Zeitschrift für Ästhetik und Allgemeine Kunstwissenschaft». В форме книги она появилась только после войны.⁷¹

Интервьюер: Когда Вы были с ней уже не согласны.

Лукач: В то время единство взглядов было выше единства убеждений.

Интервьюер: Вы вообще не задумывались над изданием гейдельбергских рукописей, эстетических фрагментов?

Лукач: Нет.

Интервьюер: Эта работа осталась незавершенной?

Лукач: Она осталась совершенно незавершенной. Одна глава оттуда вышла в «Zeitschrift für Ästhetik und Allgemeine Kunstwissenschaft» или в «Логосе». Я уже не помню, где именно.⁷² Гейдельбергскую эстетику же я вскоре забросил, поскольку в 1917 году начал интересоваться этическими проблемами и оставил эти эстетические фрагменты лежать.

Интервьюер: Опубликованная глава также не вошла в собрание сочинений, которое сейчас вышло?⁷³

Лукач: Она имеется в ранних работах.⁷⁴ Эта глава то есть.

Интервьюер: В целостности рукопись больше не существует?

Лукач: Часть ее сохранилась, но я совершенно не знаю, где и у кого.^{*75}

Интервьюер: В своем биографическом наброске в связи с этим периодом Вы упоминаете Будапештский

кружок. Очевидно, речь идет о так называемом Воскресном обществе⁷⁶ (Sonntagsgesellschaft). Кто принадлежал к нему?

Лукач*: Воскресное общество было объединением круга друзей, сложившимся вокруг Белы Балажа и меня. Мы объединились во время мировой войны. 1915 и 1916 годы я провел в качестве солдата вспомогательной службы в Будапеште, тогда и сложилось это общество. В него вошли Бела Балаж и Анна Леснаи, затем к нему со всех возможных сторон примкнули также и другие, например, Эмма Ритоок, бывшая очень старой знакомой Балажа, затем масса более молодых теоретиков, например, Бела Фогараши.

Интервьюер*: И Реваи?

Лукач*: Нет, Реваи не примкнул.

Интервьюер*: Анна Леснаи упоминала также и Реваи.⁷⁷

Лукач*: Мали ошибается. В действительности сначала к нам примкнул Лайош Фюлеп, с которым я уже раньше имел хорошие отношения. Затем присоединился Фредерик Антал, писавший позднее о Хогарте и итальянской живописи, молодой Карл Мангейм и Арнольд Хаузер и так далее. Около 1918 года к этому обществу фактически примкнули несколько молодых людей, среди которых был также Гергей, будущий муж Анны Леснаи,⁷⁸ и наиболее талантливый из всех них историк искусства Чарльз де Тольнай, однако Реваи, который, если я не ошибаюсь, был их школьным товарищем, к этой группе не принадлежал.

Интервьюер*: И Маргит Кафка?

Лукач*: Некоторое время Кафка тоже бывала у нас, но затем она вышла замуж за брата Белы Балажа, Эрвина Бауэра. Эти двое ненавидели друг друга так, как обыкновенно ненавидят братья, так что вследствие этого Кафка покинула наше общество.

Интервьюер: Вы считаете это общество «идеологически пестрым».

Лукач: Основой нашего объединения выступило отношение к войне Ади. Но неприятие войны было очень различным. Я, к примеру, занял точку зрения тотального неприятия войны. Позиция Мангейма или Хаузера так далеко не заходила.

Интервьюер*: Что определило дискуссии Воскресного общества?

Лукач*: Дискуссии колебались между исключительно путанными и взаимопротиворечащими либеральными взглядами. Совершенно нельзя утверждать, что существовала единая точка зрения Воскресного кружка (Sonntagskreis). Для примера, общее настроение общества имело склонность в направлении западной демократии а-ля Михай Каройи. Думаю (в одном месте я уже об этом писал), я был единственным представителем взгляда: «Хорошо, Австро-Венгрия и Германия смогут разбить Россию, тогда Романовы падут, в этом нет ничего страшного. Может случиться, что и Германия с Австрией будут разбиты западными государствами, тогда падут Гогенцоллерны и Габсбурги. И в этом также нет ничего страшного. Однако кто уберезет нас затем от западной демократии?» Конечно, в Воскресном кружке это считалось страшным парадоксом. Что касается меня, то я получил ответ в революции 1917 года, той третьей возможности, которую я искал уже раньше. Наша общая точка зрения могла бы быть сформулирована в той форме, что мы отклоняли любой компромисс с венгерской реакцией и в этом отношении выступали также за союз с «Huszadik Század». ⁷⁹ Мировоззренчески, однако, мы находились в остром противоречии с вольнодумствующим позитивизмом. Отсюда затем произошла Свободная школа наук о духе (Freie Schule der Geisteswissenschaften), которая начала свою деятель-

ность в 1917 году.⁸⁰ Здесь делали доклады Лайош Фюлеп, Бела Балаж, Эмма Ритоок и Мангейм. Делал доклады также и я. Впрочем, официально это учреждение не имело враждебных отношений с группой Яси. Эрвин Сабо, к примеру, с самого основания симпатизировал этой школе и вообще не рассматривал ее как реакцию на группу Яси. Необходимо, конечно, прибавить, что наш радикализм не следует переоценивать в сегодняшнем и в особенности в большевистском смысле, поскольку я сам должен был преодолеть некоторые кризисы, прежде чем из члена Воскресного общества стать коммунистом. Абсолютно не соответствует фактам то, что утверждалось позднее контрреволюцией, например, Эммой Ритоок, а именно, что Воскресное общество являлось большевистским собранием. Для различия точек зрения внутри Воскресного общества характерно, что я был единственным, кто начал представлять гегельянско-марксистскую точку зрения. Лишь Фредерик Антал имел некоторую склонность к марксизму. Лайош Фюлеп занимал точку зрения наук о духе, в то время как Эмма Ритоок была, в сущности, консервативна. Леснай, конечно, нельзя отнести ни к одному из этих направлений. Лишь посредством позднейшей стилизации Воскресное общество можно было бы превратить в пробольшевистское или большевистское собрание.

Интервьюер*: Может быть, скажете несколько слов также о Вашем отношении к кругу «Huszadik Század»?

Лукач*: Уже в студенческие годы в начале этого столетия я познакомился с ним через Баноци. Вероятно, вы знаете, что Маргит Баноци позднее стала женой Шомло. Однако с Баноци имел контакты весь круг. Через другие связи я также довольно рано познакомился с Эрвином Сабо. В то время само собой разумеющимся было принадлежать к нему

[то есть к этому кругу]. Назову один пример: в 1905 или в 1906 году в Обществе социальных наук (Gesellschaftswissenschaftlichen Gesellschaft) группа Яси пыталась сместить группу Пала Вольфнера и Андраши.

Интервьюер*: Это было в 1906 году.

Лукач*: Я помню только, что я был на каникулах в Татрах и лишь с большим трудом смог достать денег, чтобы из Татр добраться до общего собрания и суметь занять сторону группы Яси против лагеря Пала Фаркаша⁸¹ и Андраши. Я говорю это только для иллюстрации того, что с самого начала был сторонником такого рода общественных стремлений «Huszadik Század». Однако весь позитивизм Яси философски я осуждал сильнейшим образом. Сколько я помню, я всегда был против позитивизма. Добавлю, что я всегда считал Яси путаником и теоретически мало одаренным человеком. Напротив, рассудок Дюлы Пиклера и научные способности Бодога Шомло всегда ценил. К слову, с Шомло у меня были довольно неплохие отношения, и очень хорошие отношения у меня были с рано умершим Эде Харкани. Так что с Обществом социальных наук я был связан посредством нескольких слабых нитей, однако англо-французский позитивизм этой группы философски я всегда отклонял. Иногда я встречал Яси. Мы беседовали. Он мне не особенно нравился, и полагаю, мне Яси также не особенно симпатизировал. Проблем, подобных проблемам с Ошватом, у меня с ним не было. Не помню, чтобы Яси не опубликовал что-то, что я ему дал.⁸² Как вы знаете, скорее было так, что Ошват отклонил статью об Ади – я и отдал ее Яси. На самом деле из всего круга я уважаю только Эрвина Сабо. Фактически он единственный сыграл какую-то роль в моем развитии. И если бы вы спросили меня сейчас, что из Яси я прочел, ей-богу, я все забыл. Ничего из этого не осталось. Многие, даже Ади, говорили, что они ви-

дели в Яси своего предводителя. Своего предводителя я в нем никогда не видел.

Интервьюер*: Быть может, добродетель Яси следует видеть в его нравственном поведении?

Лукач*: Как бы странно это ни звучало, когда я сравниваю Яси с тем глубочайшим переживанием, с тем значением, которое имело для меня нравственное поведение Элека Бенедека, нравственное поведение Яси произвело на меня куда меньшее впечатление. В нем была определенная доля личной привязанности, которая мне не понравилась. Например, Криштофи и его люди поддерживались группой Яси.⁸³ Вследствие этого мне было совершенно ясно, что позднее Дарани выбросит Яси из Министерства.⁸⁴ Это было, на мой взгляд, логично. Я совершенно не понимал моральное возмущение Яси лично и его круга. Потому что кто, черт возьми, мог ожидать от Игнаца Дараны демократичности? Тогда я был реалистичным достаточно, чтобы это понимать. Кроме того, из времени диктатуры у меня осталось о Яси одно неприятное воспоминание. Не знаю, является ли это характерным для личности Яси, тем не менее его не представляет в лучшем свете то, что после начала диктатуры он нашел меня и предложил, чтобы Общество социальных наук избрало в директорию активных коммунистических теоретиков: Элека Болгара, Фогараша и меня. На что я ответил ему: «Видите ли, в течение многих лет мы активно выступаем публично. Если вы до сих пор не избрали нас в директорию, тогда нет никакой причины для того, чтобы избирать нас сейчас как министров или кого там еще». Тогда Яси спросил меня, что же будет с «Huszadik Század». Я ответил ему: «Пусть „Huszadik Század“ выходит! До тех пор, пока там не проповедуется открытая контрреволюция, — сказал я ему, — с вами ничего не случится». Это сказка, что Яси подвергался преследованиям и потому вы-

нужден был бежать.⁸⁵ Это не подтверждается фактами даже у Анны Леснай.⁸⁶ Абсолютно никто не собирался арестовывать Яси. Он эмигрировал, поскольку — справедливо — имел опасения, что диктатура будет свергнута и что контрреволюционные преследования не остановятся на диктатуре, но будут продолжены. В этом отношении Яси был совершенно прав. При диктатуре же Яси мог бы оставаться спокойным.

Интервьюер*: Ваши отношения с Кружком Галилея?⁸⁷

Лукач*: С Кружком Галилея у меня не было особых отношений. Я хорошо знал Карла Поланьи и иногда посещал Кружок Галилея. Возможно, я даже делал там доклад. Больше ничего об этом вспомнить не могу. В любом случае тесных отношений между нами не возникло. С радикальными галилейцами, группировавшимися вокруг Корвина, я познакомился только в 1919 году. Прежде они были нелегальной группой, отчего со мной как буржуазным писателем они вряд ли могли бы установить какие-то отношения. Когда же я вступил в Коммунистическую партию, у меня сложились отношения не только с Корвином, но и с более молодыми представителями — с Дучинской, Чиллагом и другими. С некоторыми, к примеру с Чиллагом, у меня сложились очень хорошие отношения. Однако с Клубом Галилея никаких серьезных отношений у меня не было.

Интервьюер: У Вас не было серьезных отношений с Кружком Галилея даже тогда, когда он до известной степени радикализировался?

Лукач: Первые серьезные отношения, не считая мало-мальски дружественных, у меня были с Коммунистической партией. До Коммунистической партии я не относился ни к радикальной, ни к социал-демократической партии. Я не имел ни малейшего представления о том, что происходило в этих партиях.

Интервьюер: В своих воспоминаниях Поланьи пишет, что на похоронах Ади⁸⁸ он воздал его заслугам в воинствующе антиматериалистическом духе, в то время как товарищ Лукач — в воинствующе большевистском.

Лукач: Что думал Поланьи 6 февраля 1919 года, я теперь проверить не могу, но я не вполне могу проверить и что сам думал тогда.⁸⁹ Вы, как историк литературы, с излишней внимательностью проследиваете здесь развитие писателя, которого ужасно мало интересовала большая часть вещей в момент их происхождения. Всю свою жизнь я был большим почитателем Ади, и когда Поланьи предложил мне поэтому выступить с речью, я, естественно, выступил. Но что какое-либо значение с точки зрения моего последующего развития имело то, подумал ли я то или это, уже историко-литературные перегибы.

Интервьюер: Вернемся теперь к основной теме. Вы говорили, что забросили эстетику, поскольку начали интересоваться проблемами этики. Какие работы появились в результате этого интереса?

Лукач: В то время никаких работ в письменной форме у меня не появилось. Интерес к этике привел меня к революции.

Интервьюер: Тем не менее статьи по этике вышли, например, «Тактика и этика»...⁹⁰

Лукач: Это более поздняя статья, написанная в 1919 году.

Интервьюер: Но она также является результатом этого интереса?

Лукач: Разумеется. В ней я затрагиваю проблему этического конфликта, как возможно действовать неэтически и тем не менее верно.

Интервьюер: Проблема Гейбеля... дилемма Юдифь.⁹¹

Лукач: «И если Бог ставит между мной и возложенным на меня делом грех, то кто я такой, чтобы от него уклониться?»

Интервьюер: Чудеснейшая фраза. Но, к сожалению, как и все умные и красивые фразы, она дает повод к злоупотреблениям.

Лукач: Фразы, не дающей повода к злоупотреблениям, не существует.

Интервьюер: Ваша теоретическая деятельность началась с эстетики. Затем появился интерес к этике. Вслед за этим последовал интерес к политике. С 1919 года политический интерес доминировал.

Лукач: На вой взгляд, не следует забывать, что этот политический интерес был в то же время и этическим. «Что делать?» - вот что всегда было для меня главной проблемой, и через этот вопрос связывались между собой этическая и политическая проблемы.

Интервьюер: Какую позицию Вы заняли во время революции астр Каройи?⁹²

Лукач: Не следует задним числом подвергать вещи стилизации. Я принадлежал к тому широкому кругу интеллектуалов – немцы говорят *Mitläufer*, – который считал все тогдашнее положение вещей неприемлемым. В качестве показательного примера хочу рассказать, что я также присутствовал при перестрелке на Цепном мосту. Нас было там что-то около четырех-пяти сотен; я был среди них. Из всей истории я помню только, что был на площади Вёрёшмарти с женой Ласло Диенеша,⁹³ химиком, очень мне симпатичной и очень умной женщиной, мы покинули площадь вместе и затем бежали под аркадами на берегу Дуная. В этой демонстрации я не играл абсолютно никакой особенной роли. Это характерно для периода всей

Октябрьской революции [1918 года]. Я был полным сторонником Октябрьской революции [1918 года], однако не играл в ней никакой активной роли. Я не мог играть никакой активной роли потому, что, помимо небольшого Воскресного общества, никаких связей у меня не было. Я стал активен только после победы революции, когда в связи с выступлением коммунистов проблемы начали становиться интересными. Должен признаться, и тому есть документальное подтверждение, что к Коммунистической партии я присоединился только после некоторых колебаний. Это странно, но в реальности случается что-то подобное. Хотя я прекрасно знал о положительной роли насилия в истории и никогда не возражал против якобинцев, когда здесь возник вопрос о насилии и решение, что я должен содействовать насилию своей собственной активностью, обнаружилось, что в голове человека теория не вполне совпадает с практикой. И должен был протечь определенный процесс в ноябре, чтобы в середине декабря я смог присоединиться к Коммунистической партии.⁹⁴

Интервьюер: В это время возникла «Тактика и этика»?

Лукач: В то время возникла «Тактика и этика». Эта статья вышла в январе.⁹⁵ Она была внутренним сведением счетов, которое сделало возможным мое вступление в Коммунистическую партию.

Интервьюер: С этим вступлением внутренняя идеологическая борьба, конечно, не закончилась?

Лукач: Несмотря на мою уже обрисованную антивоенную и антипозитивистскую точку зрения, ранее у меня не было никаких связей с движением и я не достиг никакой конкретной политической позиции. Что конкретная политическая форма сопротивления возможна, я узнал лишь когда посредством выступления Либкнехта в Германии⁹⁶ она стала очевидной. Но

никогда нельзя забывать — и это не биографический факт, а универсальная вещь: что бы ни думали о ленинской теории и ленинской практике, а в настоящее время говорится много неправильного и плохого, исключительно ленинской заслугой является то, что он спас честь Интернационала, провозгласив, что свержение капитализма как раз в связи с войной является задачей рабочего класса. Мы смогли приблизиться к этому знанию исключительно через Ленина. Однако это приближение совершилось не без кризисов. И я не буду отрицать, что и в моем развитии был период колебаний, который, хотя и длился лишь пару недель, тем не менее существовал. Не следует забывать, и для этого, к счастью, в нашем распоряжении есть достаточно хороший документ, роман Эрвина Шинко «Оптимисты», какие путаные идеологические отношения интеллигенция сформировала в то время к коммунизму. Для этой путаницы характерно, что тогда я принадлежал все же к тем, кто еще относительно ясно все понимал. Хочу не хвалить себя, но только охарактеризовать общее настроение. Марксистское образование, даже у таких людей, как я, читавших Маркса, было очень низким. Не было никого, кто имел бы в распоряжении опыт участия в движении и уж тем более революционный опыт, и добавим мы, даже если тем самым отойдем от ортодоксальной точки зрения, что политическая зрелость прибывших из Москвы была страшно переоценена людьми.⁹⁷

Интервьюер: Разделилась ли партия уже тогда, в момент своего конституирования на ориентированное на Москву и неориентированное на Москву направления?

Лукач: Нет. Положение в то время было довольно хаотичным, и мы, собственно, радовались каждому «москвичу», способному поделиться с нами информацией и рассказать, каково на самом деле положение и каков теоретический смысл происходящих событий.

Я испробовал все, и здесь мне помогли личные связи, к примеру, мой старый друг Эрнё Зайдлер, однако должен заявить, что об этих вещах мы не услышали от москвичей ничего путного.

Интервьюер: Это было внутреннее обсуждение или...

Лукач: Дискуссии отчасти состоялись в Воскресном обществе, а затем у меня был большой доклад в академии Коммунистической партии, а именно, если память мне не изменяет, о проблеме насилия.⁹⁸ Дискуссии и диалоги – это Шинко тоже верно описал – беспрерывно проходили на улице Visegrádi.⁹⁹ Я был не единственным, кто не видел ясно. Положение было очень сложным. С одной стороны, мы были убеждены в том, что не только для Венгрии, но и для всего человечества это был единственный выход из тогдашнего положения, с другой, мы не имели ни малейшего представления о теоретических основаниях и отдельных этапах этого выхода. Сегодняшняя партийная историография не может представить себе, что какой-то функционер о чем-то не имеет никакого понятия. Следовательно, для истории партии это положение как бы не существует. И дело представляется так, будто Кун и его люди прибыли в Будапешт с ленинским знанием и через соответствующие каналы распространили это знание среди других и будто спустя некоторое время уже имелись знания первого порядка, второго порядка и так далее. Признаюсь вам, что в действительное теоретическое значение Ленина я начал вникать только в эмиграции в Вене. Ни от Куна, ни от Самуэли, ни от кого-либо еще из приехавших из России мы не могли получить никакой серьезной информации.

Интервьюер: Прочсть Ленина было в то время невозможно?

Лукач: Только «Государство и революция» было переведено в то время. Однако позвольте добавить,

что «Государство и революция» было написано так хорошо, что непосвященные и марксистски необразованные не могли понять его, поскольку такой читатель думал, что он имеет дело с какой-то марксистской филологией. «Государство и революция» рассматривает все без исключения Марксовы высказывания, относящиеся к теме. И тем самым создает такое впечатление. Признаюсь, только позже я понял огромное теоретическое значение этой работы. Что касается меня, могу лишь сказать, что я вступил в партию совершенно неготовым и что в партии я на этот счет вообще ничего не узнал. А подлинные годы вынужденного учения начались во времена диктатуры и после ее краха, когда часть коммунистов принялась за изучение и освоение марксизма, понятого в коммунистическом смысле этого слова.

Интервьюер: Товарищ Лукач, принадлежали ли Вы до того к какой-либо группе, присоединившейся к Коммунистической партии?

Лукач: Нет.

Интервьюер: Какому обстоятельству Вы приписываете то, что относительно быстро стали народным комиссаром? Вашей репутации?

Лукач: Отчасти тому обстоятельству, что Кун и Самуэли в этом отношении были людьми практичными. В конце концов я был если и не первого ряда, то тем не менее так называемым известным писателем. Они оценили это положительно. И я убежден в том, что без моей репутации я бы не выступил с первым докладом в рамках большой серии выступлений.¹⁰⁰ Вторая причина, возможно, состояла в том, что после ареста Белы Куна¹⁰¹ в феврале был образован второй состав центрального комитета, и «Vörös Ujság» («Красная газета») вышла под его эгидой.¹⁰² Но теперь нам удалось завоевать определенный авторитет в кругу

левых социал-демократов, в кругу группы Ландлера и близких к ней. Дело в том, что они были поражены тем, что после ареста всей верхушки компартии «Vörös Ujság» все же вышла и не только по их, но и по общему мнению была даже лучше, чем прежде. Не могу судить, но я помню один забавный случай, как мой отец, с которым я, конечно, о подобных вопросах никогда не говорил, и президент или что-то вроде этого некоего союза капиталистов и частных служащих, ориентированных на социальную политику, однажды встретили кого-то, кто, к их потрясению, сказал: «Смотрите, господин директор, это действительно великолепно, с тех пор как ваш дорогой господин сын редактирует „Vörös Ujság“, она стала намного лучше, чем раньше». ¹⁰³

Интервьюер: Товарищ Лукач, Вы редактировали газету или были главным редактором?

Лукач: Газета редактировалась группой. Официально назначенным редактором числился Ференц Ракош, но к группе он не относился. Однако там были Алпари, Болгар, Реваи, а также я, и мы редактировали газету *de facto*. Другой вопрос, почему у общественности преобладало мнение, что редактором был я. Вероятно, это было связано с тем, что опять же мое имя было наиболее известным из всей группы.

Интервьюер: Как в организационном плане начались Ваши отношения с Коммунистической партией?

Лукач: У меня были давние дружеские отношения с Эрнё Зайдлером из руководства Коммунистической партии, и Зайдлер, приехавший в Будапешт ¹⁰⁴ раньше, чем Кун и его люди, много обсуждал со мной эти вопросы. Я уже упоминал, что с самого начала сочувствовал русской революции, сочувствовал я и провозглашению советской республики. Но в конце концов я точно так же вырос среди буржуазных предрассудков.

Следовательно, лозунг диктатуры пролетариата вызвал у меня определенный идеологический кризис, продукт которого появился в газете «Szabadgondolat» («Свободная мысль»), где в одной из статей я занял позицию против диктатуры.¹⁰⁵ После того как в декабре 1918 этот кризис разрешился, Зайдлер взял меня с собой на беседу с Куном и Самуэли.

Интервьюер: К тому моменту Коммунистическая партия уже сформировалась?

Лукач: Коммунистическая партия сформировалась в середине ноября. Стало быть к основателям Коммунистической партии я не принадлежу.

Интервьюер: Товарищ Лукач, Вы попали в руководство, после того как первый состав был арестован?

Лукач: Да, верно. Вступив в партию, по воле Куна и Самуэли я должен был занять место в редакционной комиссии теоретического журнала. Я принял это, и если правильно помню, в «Internationale» появилась моя статья.¹⁰⁶ Когда Кун и его люди были арестованы, некоторые товарищи начали прощупывать, какие коммунисты могут занять руководящие посты в сложившихся обстоятельствах. Кто-то — не помню кто — свел меня с центральным комитетом, находившимся на нелегальном положении. Нужно сказать, что там — не думаю, что тому есть исторические свидетельства, — существовало два течения. Одни вследствие ареста Куна и его людей и того факта, что они были разбиты, были весьма напуганы и опасались, что в Венгрии к власти придет крайне реакционное направление. Они придерживались той точки зрения, что мы должны реорганизоваться на манер кружка Эрвина Сабо и продолжать работу на чисто теоретически-идеологических основаниях. Другие — к ним принадлежал и я — придерживались той точки зрения, что работа первого состава руководства партии

должна быть продолжена, если необходимо, то нелегально, если нет — все так же легально.

Интервьюер: Кто принадлежал к первой группе?

Лукач: Сейчас я уже не могу сказать.

Интервьюер: А ко второй?

Лукач: К примеру, Тибор Самуэли, который тогда находился на нелегальном положении. Он горячо поддерживал вторую группу. Я не могу перечислить сейчас всех членов обеих групп, но это не так уж важно, поскольку речь здесь идет о внутреннем обсуждении, без внешних последствий. Коммунистическая партия продолжила существовать, и пополненное руководство продолжило старую политику. С одним единственным небольшим отличием. Должен сказать, что я тоже имел к этому отношение. Дело в том, что Кун поддерживал хорошие личные отношения с Ландлером. Через ловкое убеждение и уговоры Кун хотел ввести левую социал-демократическую группу Ландлера в партию. Некоторые из нас в руководстве придерживались той позиции, что группа Ландлера будет теперь колебаться между двух точек зрения, и если мы подвергнем критике эти колебания, то тем самым поспособствуем приближению Ландлера и его людей к Коммунистической партии. Не соглашусь, что тем самым мы рыли ров меж нами. Хочу заметить, что сам Ландлер, когда я говорил с ним об этом во времена диктатуры,¹⁰⁷ признал, что коммунистическая пресса с ее острой критикой его шатаний между обеими партиями имела очень большое влияние на его позднейшую позицию.

Интервьюер: Было ли руководство во время диктатуры единодушно по таким крайне важным вопросам, как, например, аграрная реформа?

Лукач: К сожалению, по вопросу аграрной реформы мы все пришли к согласию. Отчасти еще под со-

циал-демократическим влиянием, отчасти поскольку некоторые думали, что распределение земли так или иначе является лишь переходной мерой, и так как капитализм в Венгрии находится на более высокой ступени развития, чем в России, нам не нужна эта переходная мера, и если бы мы превратили крупные землевладения в производственные кооперативы, то тогда, пропустив буржуазно-революционную стадию, непосредственно достигли бы социализма. Мы все впали в эту ошибку. И сейчас со своей стороны я считаю характерным, что в области культуры я в полном объеме признал себя сторонником того, что для проведения подлинно революционных изменений необходимо опереться на буржуазные революционные элементы, тогда как в земельном вопросе, поскольку я не был политиком и обстоятельно этим вопросом не занимался, я принял точку зрения партии. Я не хочу приукрашивать вещи, я не был в оппозиции, хотя в то время, когда я в качестве политкомиссара прибыл в войска,¹⁰⁸ неоднократно имел возможность убедиться в том, что из-за несостоявшегося раздела земли крестьяне относились к нам с подозрением.

Интервьюер: Имели ли место вопросы, разделившие партийное руководство во времена диктатуры?

Лукач: В небольших вопросах это случалось, поскольку Кун, бывший довольно искусным тактиком, поддерживал очень хорошие отношения с Вельтнером и Бёмом¹⁰⁹ и первым делом советовался с ними чуть ли не по всем вопросам. Некоторые из нас высказали мнение, что он ставит партийную тактику в излишнюю зависимость от курса, одобренного Вельтнером и его людьми. В свою очередь, имела место оппозиция этой точке зрения, которой сочувствовал Тибор Самуэли. К ней относились Отто Корвин, Дюла Лендел, Ласло Рудаш и Элек Болгар. Я также принадлежал к ней. Эта интеллектуальная оппозиция пыталась, как

мы тогда говорили, мобилизовать Белу Куна немного влево, в направлении опоры на коммунистов. Эта оппозиция была, однако, еще слишком далека от того, чтобы стать чистой фракцией или течением.

Интервьюер: Но Вы поддерживали объединение обеих рабочих партий?¹¹⁰

Лукач: Так как власть находилась в наших руках, мы придавали большое значение поддержке объединения. У меня, конечно, это было следствием особых личных обстоятельств. Во мне продолжали жить пережитки синдикализма Эрвина Сабо. Поэтому я ожидал от объединения партий прорыва синдикалистской тенденции, после чего органы, ведущие пролетариат к диктатуре, станут более высокоразвитыми, чем были партии. Мою статью «Партия и класс»¹¹¹ следует понимать как последнюю волну воспринятого от Эрвина Сабо синдикализма, а вовсе не как важнейший принцип моего развития, поскольку практика диктатуры очень скоро показала мне, что эта точка зрения была несостоятельна.

Интервьюер: Придерживаетесь ли Вы сегодня того мнения, что связи Куна с социал-демократией были чересчур тесными?

Лукач: Кун должен был поддерживать эти связи с социал-демократией в определенном объеме. С другой стороны, мы были недовольны тем, что диктатура не семимильными шагами создавала тот рай на земле, за который мы и [считали] коммунизм... Когда я говорю «рай на земле», это должно представляться чем-то очень сектантски-аскетическим. Речь шла совершенно не о сказочной стране, где текут молоко и мед, но о решении важнейших жизненных вопросов. Эти настроения сильно выделялись в период диктатуры и проявились также в определенных конкретных вопросах, а именно в тех, в которых, по моему мнению,

оппозиция была права. Подобным вопросом был случай с ультиматумом Клемансо, когда государственный деятель Кун позволил себя одурачить.¹¹² Дело в том, что он верил Клемансо, что румыны точно так же оттянут свои войска, если мы оттянем своих солдат от чешской границы. Бела Кун был попросту обманут Клемансо, и мы в оппозиции были в этом отношении умнее, нежели Кун, поскольку знали, что это лишь ловушка и от принятия ультиматума Клемансо мы не выиграем. Однако все это абсолютно не является основанием для того, чтобы в каком-то смысле можно было бы говорить о фракции.

Интервьюер: Не могли бы Вы рассказать о своей работе в качестве народного комиссара?¹¹³

Лукач: Об этом мало что можно сказать. В людях была очень сильна ненависть к капитализму и всем его формам. Мы хотели уничтожить их любой ценой и как можно быстрее. Это, без сомнения, сыграло свою роль в культурной политике партии. Были предприняты попытки, верные в своем основании, однако наивные: попытки устранить товарный характер искусства, выдернуть его из товарооборота, то есть мы хотели устранить характерный для капитализма товарный характер во взаимоотношениях художников и искусства. Так называемые писательский и художественный кадастры служили этой цели. Мы хотели сделать художников материально независимыми от продажи или непроджи их работ. Очевидно, некоторое время спустя после диктатуры мы уже совершенно ясно увидели, что это была очень наивная вещь, и было бы очень смешно отстаивать эту меру как коммунистическое нововведение. С другой стороны, наша политика имела очень позитивные стороны: руководство искусством и литературой посредством литературных и художественных директорий было отдано в руки художников. Наиболее явно это выра-

зилось в той области, где на ведущих позициях оказались подлинные, сознательные художники. Дело в том, что директория музыки была образована Бартоком, Кодаем и Донаньи, и в области музыки они осуществляли такую диктатуру, благодаря которой направление Бартока – Кодая добилось победы. Они также провели реформу оперы, о чем свидетельствует и то, что во время диктатуры состоялась большая премьера, а именно премьера на венгерской оперной сцене «Отелло» Верди. Хотя и не столь впечатляющая, но подобная ситуация сложилась и в области изобразительного искусства. Там ведущие роли играли такие люди, как Бени Ференци, Нозми Ференци и Немеш-Ламперт. Они объединились с очень талантливыми молодыми историками искусства – с Кальманом Поганем, Яношем Вильде и ставшим позднее известным Фредериком Анталом. С их помощью они провели социализацию произведений искусства, находившихся в частной собственности. Результатом этой социализации летом 1919 года стала выставка, едва ли имевшая аналог во всем мире. Я могу привести в качестве доказательства мнение такого выдающегося знатока изобразительного искусства, как Дворжак, назвавшего эту выставку абсолютно образцовой и грандиозной. Политически Дворжак был человеком консервативным, которому, несмотря на это, было по душе, что картины были изъяты у коллекционеров и переданы в музей. В еще более слабой форме все это имело место в области литературы. Упомяну еще один момент для характеристики культурной политики. В период, непосредственно предшествовавший диктатуре, среди учителей, прежде всего среди гимназических учителей, возникло радикальное движение, и Народному комиссариату просвещения удалось в Министерстве, начиная от секретаря министра и выше, уволить всех руководящих людей из старой гвардии и поставить на их место на все веду-

щие позиции университетских отделов руководящих людей этого радикального учительского профсоюза.¹¹⁴ В скобках скажу, что однажды ночью я одержал в этом деле победу над Кунфи, поскольку имел более крепкие нервы. Около трех ночи у Кунфи сдали нервы, и он согласился. В этом отношении действительно произошли изменения, и что, конечно, исключительно важно, так это то, что мы с самого начала занялись разработкой серьезной программы, такой, которая, как здесь следует упомянуть, была осуществлена революцией 45-го. Обязательное восьмилетнее школьное образование, за которыми следовали четыре класса гимназии и затем университет — все это уже содержалось в программе реформ диктатуры.

Интервьюер: Какие отношения поддерживали Вы в это время с писателями?

Лукач: У писателей была своя директория...

Интервьюер: Входил ли в нее Кашшак?

Лукач: Входил. Даже Дери входил в нее. От Ошвата до Дери и Кашшака там были представлены приблизительно все направления.

Интервьюер: Бабич?

Лукач: Конечно, входил. Он даже получил кафедру.¹¹⁵

Интервьюер: Вы против этого не возражали?

Лукач: Да, эти истории, будто это все делалось путем принуждения... Видите ли, кто может принудить кого-либо к занятию кафедры? Досадно то, что Кашшак писал в автобиографии,¹¹⁶ а именно то, что я якобы с револьвером хотел принудить его идти на фронт. Это в первую очередь глупость именно потому, что, если бы Кашшак случайно оказался на фронте в качестве политкомиссара и был в моем районе,¹¹⁷

я бы отправил его домой. Во всяком случае на фронт бы я его определенно не послал. Это связано с моими политическими убеждениями, так как я считал уход на фронт очень большой наградой как для коммунистов, так и для беспартийных. Принуждение кого-либо силой оружия пойти на фронт было совершенно чуждо мне. Более того, Кашшак создал бы на фронте огромные трудности. Когда я пошел на фронт — и это является фактом, на который я могу сослаться, — он кишел такими ультралевыми коммунистами. Всех их без исключения я послал домой. Я в них не нуждался. Своих подчиненных я выбрал из порядочных коммунистических рабочих в армии. Хотя в конце концов Кашшак не единственный, кто солгал, описывая этот период. Можно привести в пример Михая Бабица, который утверждал, что в 1919 году, когда Кун и его люди были под арестом, Бела Балаж и я якобы попросили его вступить в партию. Это, конечно, абсолютно нелепо, и это утверждение лишено всякого основания.

Интервьюер: Владели ли Вы как народный комиссар пистолетом?

Лукач: Еще задолго до диктатуры у меня был карманный пистолет, который раньше я брал с собой во время путешествий. Но во время диктатуры этот пистолет я вытащил лишь однажды, правда, в забавной ситуации и с большим успехом. Дело в том, что в Будапеште были анархисты, с которыми дружба у нас была как у кошки с собакой. Тем не менее однажды они реквизировали в восьмом округе слишком много квартир, и когда я получил жалобы от молодых рабочих, я выкинул анархистов оттуда и поселил молодых рабочих в эти квартиры. В ответ на это в один прекрасный день перед нами предстает анархистская делегация. В прихожей отталкивают секретаря. Добиваются точно такого же доступа, как теперь немцы,¹¹⁸ и начинают кричать. И один из них кричит, что за

то, что делает товарищ Лукач, нужно товарища Лукача попросту расстрелять. В ответ на это я опустил руку в карман брюк, вынул револьвер и положил его на стол: «Пожалуйста». После чего наступила полная тишина. Пять минут спустя анархисты сели, и мы обсудили все дело мирно. В этом отношении я, пожалуй, могу сказать, что со своим пистолетом добился больших успехов в период диктатуры.

Интервьюер: Имели ли место у Вас разногласия с Кашшаком?

Лукач: Кашшак, вероятно, столь же мало мог терпеть меня, сколь я в свою очередь Кашшака. У меня были причины для этого. Я никогда особенно не испытывал восхищения перед поэзией Кашшака, но когда я вступил в партию, Кашшак уже крутился там повсюду как посвященный, и я полностью признал его как коммунистического писателя. Затем в феврале попались Кун и его люди. И вдруг в журнале Кашшака¹¹⁹ вышла статья, что это клевета, что они коммунисты, что Кашшак сторонник перманентной революции, независимый от каких-либо партий и группировок. На это уже у меня было свое мнение. Когда затем 21 марта¹²⁰ Кашшак вновь захотел стать официальным придворным поэтом коммунизма, это было уже слишком много для моего радикального буржуазного «живота», и с тех пор я презирал Кашшака как личность неприятную. Отныне Кашшак всегда стремился к тому, чтобы стать официальным поэтом коммуны, против чего я всегда выступал. По моему мнению, коммуна не нуждается в официальном поэте. Каждое приемлемое при коммунизме направление должно свободно развиваться, и та идеология, которая способна добиться признания, должна такого признания добиться. С другой стороны, я заступался за Кашшака и его людей, когда социал-демократы и профсоюзная бюрократия инициировали против

них кампанию и хотели прижать их к стенке. Я не мог допустить того, чтобы им заткнули рты. Однако же я не мог терпеть их амбиции выступать в качестве официальных художников. К слову сказать, такого рода попытки официально укрепить собственные позиции посредством вовлечения коммунистов беспрерывно совершались не только Кашшаком и его людьми, но и социал-демократами, Яси и его людьми. Полагаю, я уже говорил об этом применительно к Яси, но и в связи с Кунфи это тоже проявилось. Когда социал-демократы овладели журналом «Uj Idok» («Новые времена»),¹²¹ Кунфи предложил мне войти в редакционную коллегию. Я отклонил это предложение и сказал ему, что если они взяли в свои руки журнал «Uj Idok», то должны заниматься им так, как они хотят, я не стану вмешиваться. Подобного рода отношения складывались у меня также с Кашшаком и его людьми. Было ли то же самое с ними у Балажа, я не знаю.

Интервьюер: Сохранилась ли Ваша дружба с Балажем во время Коммуны?

Лукач: Да. Но в любом случае все рассказы о том, что Балаж якобы получил какую-то привилегированную роль, неправда. Балаж работал в Народном комиссариате и ненадолго уходил на фронт.

Интервьюер: Эти истории, очевидно, питаются тем, что Вы, товарищ Лукач, по общему мнению, сильно переоценили Балажа в своей книге «Balázs Béla és akiknek nem kell» («Бела Балаж и его враги»)..¹²²

Лукач*: Дело в том, что его антикапитализм был в социальном плане еще менее оправдан, чем в моем случае,¹²³ но какой-то романтический антикапитализм присутствовал также и у него. И то *tertium datur*, что я выдвинул против свободной мысли в духе «Huszadik Század» и против Оттокара Прохаски,¹²⁴ я обнаружил также и у него, в его стихотворениях и

драмах. Не хочу решать, насколько я переоценил их тогда, однако когда сегодня так явно подчеркивается, что я слишком высоко оценил вклад Белы Балажа, то это связано с тем, что, на мой взгляд, значение лирики Белы Балажа до 1918 недооценивается. В качестве лирика Бела Балаж играл в этот период куда большую роль, чем представляется сегодня. Для существующего искажения всей системы оценки показательны то, что сегодня, например, из Дюлы Юхаса сделали великого поэта, и я бы даже пошел еще дальше — это мое личное мнение — и сказал бы, что даже Арпад Тот после 1919 года был гораздо более значительным поэтом, чем до 1918. И даже «Jónás könyve» («Книга пророка Ионы»)¹²⁵ стоит недосягаемо высоко в сравнении с продукцией молодого Бабица и т. д., то есть, если мы хотим по справедливости оценить этих людей, мы должны принимать в расчет помимо того периода, который сейчас нами рассматривается, также их развитие после 1919 года.

Отсюда следует, конечно, действительно проблематичный пункт в вопросе о Беле Балаже. По-человечески чрезвычайно достойным уважения в нем было то, что он участвовал в революции 1919 года с огромным воодушевлением и самоотверженностью и сохранил верность ей и позже. Но в какой-то степени это было и несчастьем для него. Ибо коммунизм — это такая вещь, как говорится, *qui tange du rare en meurt*,¹²⁶ марксизм нельзя взять попробовать. В марксизм должно либо действительно обращаться — и я знаю, что это непросто, это стоило мне двенадцати лет, прежде чем это обращение свершилось, либо можно вполне неплохо рассматривать мир с левобуржуазной точки зрения. У Балажа сложилась пагубная смесь поверхностного марксизма и продолжения его старых поэтических интенций, и, на мой взгляд, ничего существенного — не считая нескольких действительно прекрасных стихов «Férfi-ének» («Мужское пе-

ние»), — он больше не создал. С тех пор Бела Балаж был писателем, который потерял свой путь, и совершенно не случайно, что в двадцатые годы между нами произошел разрыв. Хорошо, что только что я упомянул случай Анны Леснай, поскольку при этом становится ясно, что мое мнение не имеет ничего общего с коммунистическим сектантством. Несомненно, что лирика Анны Леснай всегда была еще более чуждой всякому коммунизму, чем лирика Белы Балажа. Тем не менее и будучи коммунистом, я принял лирику Анны Леснай, хотя знал, что эта лирика чужда моим общественным убеждениям. Причину того, что я не мог принять ту половинчатую смесь, сложившуюся у Балажа, не следует искать в том, что она была коммунистической только поверхностно, скорее, мое возмущение заключалось в том, что она была половинчатая. И эта половинчатость наложила свой отпечаток и на его достижения как поэта. Так что мои отношения с Балажем охватывают только период «Nyugat»,¹²⁷ и мой сборник статей о нем был не началом нашей совместной работы, но ее завершением и концом.

Интервьюер: А кто среди других писателей обращался в Народный комиссариат с официальными предложениями?

Лукач: Почти все писатели посетили Народный комиссариат. Костоланьи, например, хотел создать коллектив для перевода «Капитала».

Интервьюер: Было бы не так уж плохо, если бы Костоланьи перевел «Капитал».

Лукач: Это было бы неплохо для венгерского языка. Однако не забывайте то величайшее идеологическое презрение — и в этом презрении Гегель играл куда большую роль, нежели Маркс, — со стороны венгерских писателей ко мне. Для общественного мнения периода до диктатуры очень характерно — и сей-

час я говорю даже не о каком-то писателе, но о Пола-
ньи, — что однажды на семинаре, где я присутствовал,
Поланьи читал фрагмент из «Феноменологии духа»,
как будто бы он читал какую-то юмореску. Он зачитал
вслух длинное предложение, после чего разразился
грандиозный хохот, затем он зачитал еще одно длин-
ное предложение, после чего вновь разразился гран-
диозный хохот. Одним словом, у меня есть большие
сомнения, смог бы Костолањи стилистически пере-
дать отношение Маркса к Гегелю на венгерском.

Интервьюер: Должен сказать, однако, что, когда я дол-
жен был взять цитаты из «Капитала», обнаружилось,
что и в переводе Рудаша и Тамаша Надя почти не бы-
ло предложений, которыми можно было бы воспользо-
ваться. Содержательно этот перевод также плох.
Лукач: Может быть.

Интервьюер: Текст Костолањи мог бы по меньшей
мере стать хотя бы хорошим популярным чтением.
Лукач: Однако я очень сомневаюсь, что от ориги-
нального Марксова содержания там бы что-то оста-
лось.

Интервьюер: Товарищ Лукач, помимо образования,
Вы исполняли также и военные функции.

Лукач: Да. Но это был лишь эпизод, хотя и длив-
шийся шесть недель.

Интервьюер: Какие посты Вы занимали?

Лукач: Я был политкомиссаром пятой дивизии.
Когда в апреле произошло чешско-румынское напа-
дение, Совет народных комиссаров решил, что поло-
вина народных комиссаров, если я правильно пом-
ню, должна в качестве политических руководителей
направиться в крупнейшие военные соединения.
Ваго и Погань были в то время командирами кор-

пусов. Ландлер стал главнокомандующим позднее. Это были не политические, а военные функции. Но коммунисты стали политическими комиссарами во многих подразделениях. Я вызвался на эту работу и был направлен в Тисафюред, где мы заняли оборонительный рубеж. Оборона Тисафюреда шла очень плохо, поскольку будапештские красноармейцы разбежались без единого выстрела, и таким образом оба других батальона, которые уже были на месте для достойной обороны Тисафюреда, не смогли удержать свои позиции, так что румыны прорвали фронт и Тисафюред пал. И тогда порядок я восстановил очень энергично, то есть, когда мы переправились в Поросло, я созвал чрезвычайный военный трибунал и восемь человек из этого беглого батальона расстреляли на рыночной площади. Тем самым в общем и целом порядок там был восстановлен. Позднее моя миссия изменилась, когда я стал политкомиссаром всей пятой дивизии. Вместе мы наступали на чехов до самой Римавска-Соботы. Я был при взятии Римавска-Соботы, а затем отозван обратно в Будапешт, так закончилась моя связь с Красной Армией.

Интервьюер: Кто управлял Народным комиссариатом в этот промежуток времени?

Лукач: Начальники отделов. И если выдавался спокойный день, я брал себе специальный поезд, состоявший из локомотива и одного вагона третьего класса, и когда затем по оценке генштаба могли последовать 24 часа передышки, вечерами я ехал своим специальным поездом в Будапешт, а после полудня возвращался им же обратно.

Интервьюер: Хорошо, что у нас такая маленькая страна. В России это было бы куда сложнее.

Лукач: Но здесь, в Венгрии, это было вполне возможно.

Интервьюер: Какое влияние Вы оказали на военные события?

Лукач: Конечно, оказать влияние на военные события я мог только в самых чрезвычайных случаях. Тут я изобрел для себя хороший метод, и отъявленный контрреволюционер, начальник генерального штаба,¹²⁸ лопался от злобы, когда я этот метод применял. Я говорил ему: «Смотрите, вы – солдат, у вас есть свой собственный солдатский язык, как и у меня есть мой философский. Однако о военных вещах я не имею ни малейшего понятия. Если вы говорите, что этот батальон должен быть отправлен отсюда – туда, то вы не можете рассказать мне ничего о группировке, соединении и о всех возможных специальных вещах, поскольку об этом я не имею понятия, но поясните мне вещи так, чтобы я, как простой человек, понял, почему вы поступили так, а не иначе». Он был небольшого роста, начальник генерального штаба дивизии, бывший капитан или майор. Конечно, он ужасно зверел, поскольку фактически занимался саботажем и потому что на гражданском языке объяснить это было действительно невозможно. Дело в том, что из Клаузевица я знал, что серьезный военный план очень хорошо можно объяснить на гражданском языке, однако саботаж объяснить, конечно, совершенно невозможно.

Интервьюер: Товарищ Лукач, довольно давно, думаю, еще до 1956 года, Вы рассказывали, что, всякий раз прибывая в войска, Вы неизменно [посещали] кухню...

Лукач: Дело в том, что я постоянно выезжал на фронт. Однако за два-три километра до фронта я оставлял свой автомобиль, прятал его в каких-нибудь кустах и неожиданно появлялся в войсках, и в первую очередь на кухне. И там тотчас просил подать мне что-нибудь из еды, так что повара передо мной трепетали. Они никогда не знали точно, в какой момент я

внезапно появлюсь на кухне, и они больше ничего не смогут затушевать.

Интервьюер: То, что на уровне комиссара дивизии начинать нужно с кухни, — практическое следствие материализма.

Лукач: В мышлении людей две вещи были важны. Первой была кухня, другой — почта, то, чтобы они получали письма вовремя. Я не считал себя выдающимся военным организатором, но обе эти вещи я привел в порядок в дивизии. Солдаты получали порядочное довольствие и свою ежедневную почту.

Интервьюер: Был ли у Вас контакт с высшим военным руководством, с Штромфельдом и Бёмом?

Лукач: В целом мы выполняли те приказы, которые получали. Лишь однажды я саботировал приказ, а именно во время большого румынского наступления перед первым мая. Наша дивизия двигалась по линии Тисафюред — Эгер. Более крупные венгерские части находились только в Сольноке, и там же, между прочим, в Кишкёре находилась переправа через Тису, которую никто не защищал. Я потребовал от руководства: или организовать оборону моста, или, если оно было не в состоянии это сделать, позволить взорвать мост, поскольку в противном случае чехи попросту могли бы пройти между нами и Сольноком, и это стало бы концом для нас. Штромфельд по всевозможным военным соображениям вмешиваться не хотел, вследствие чего я взорвал мост без одобрения.

Интервьюер: С Вами ничего не произошло?

Лукач: Нет. Задним числом Штромфельд признал, что я — с военной точки зрения — был прав.

Интервьюер: Вы хорошо его знали?

Лукач: Нет. Мы подружились позднее, когда он уже принадлежал к Коммунистической партии.

Интервьюер: Ваше знакомство с Габором Гаалом произошло на фронте?

Лукач: Да. Я обратился в Министерство обороны с просьбой выделить мне офицера запаса из Коммунистической партии, которого можно было бы использовать в качестве адъютанта. И они рекомендовали мне Габора Гаала. Я отправился с ним на фронт, и вместе мы провели эти шесть, или сколько их там было, недель на фронте. С этого времени я знал Габора Гаала. У меня создалось замечательное впечатление о нем, и между нами сложилась личная дружба.

Интервьюер: Сохранились ли эти отношения в какой-либо форме также и позднее?

Лукач: В Вене мы поддерживали дружеские отношения. Затем Габор Гаал покинул Вену, а личной переписки между нами тогда не существовало, нельзя сказать, что в то время мы как-то отделились, но *de facto* разошлись, и долгое время только из прессы я узнавал, чем занят Габор Гаал.¹²⁹ Знаю, что он узнавал о том, что у меня выходило из печати, из немецких, венгерских и русских газет. Думаю, что и он публиковался довольно много.

Интервьюер: Товарищ Лукач, не посылали ли Вы какую-нибудь работу ему напрямую?

Лукач: Я никому не посылал своих работ напрямую. Я передавал их уполномоченному партийному лицу. Об их выходе заботился этот партийный форум. Где эти работы были напечатаны, этого я сегодня сказать уже не смогу.

Интервьюер: Насколько я знаю, после падения диктатуры¹³⁰ вам, товарищ Лукач, и Корвину Белой Куном было поручено оставаться в Будапеште.

Лукач: Да.

Интервьюер: Какое у Вас было задание?

Лукач: Мы должны были организовать Коммунистическую партию. Когда пришли румыны,¹³¹ я был на фронте, где мне было дано задание по возможности привести пятую дивизию в порядок. Тогда мне это не удалось, и поздним вечером я приехал на машине и спросил находившихся там товарищей о мнении партии. И мнение партии было таково, что Корвин и я должны остаться в стране, чтобы поддерживать нелегальное движение и руководить им. Я должен был принять идеологическое руководство, в то время как Корвин — организационные обязанности. Даже тогда я уже сомневался в том, являемся ли мы с Корвином наиболее подходящими для этого задания, поскольку если и были коммунисты, которых многие знали, то это были мы. К тому же препятствием для Корвина была его внешность: у него был горб.

Интервьюер: Вы сочли это задание проявлением враждебных настроений?

Лукач: Доказать это уже невозможно. Коммунистические руководители вчетвером, впятером вместе с Куном, заседали там в партийном штабе, и когда я вернулся с фронта, меня уже поджидало готовое решение.

Интервьюер: «Догадка о Куне» — что означает эта заметка из Вашего биографического наброска?

Лукач: Видите ли, отношения между Куном и мной уже во время диктатуры были довольно плохими. Выражение моей первой жены¹³² очень показательно для этих плохих отношений. Я уже цитировал его. Когда моя жена увидела Куна, у нее возникло впечатление, что он похож на Вотрена.¹³³ Я считаю это чрезвычайно остроумным и хорошим замечанием и уже тогда с ним согласился. Даже в то время между нами существовали постоянно заострявшиеся разногласия. Тогда они касались исключительно моральных вопросов

нашего движения. Таким образом, относительно этого задания я никаких иллюзий не питал. В то время я понял его таким образом, что Корвина и меня сочли подходящими на роль мучеников.

Интервьюер: У Корвина также были разногласия с Куном?

Лукач: Да. Дело в том, что очень острая воинствующе-классовая позиция Корвина часто противоречила компромиссам Куна. Когда Корвин выражал мнение, хотя бы чуть-чуть отличное от мнения некоторых центристских социал-демократов, Вельтнер и его люди, естественно, поддерживали социал-демократов, а вот Кун на сторону Корвина не вставал.

Интервьюер: Что произошло после того, как Корвин попался?

Лукач: Корвин попался примерно через неделю,¹³⁴ и поскольку он естественным и разумным образом не сообщил мне имена и адреса своих сотрудников и людей, я, следовательно, оказался в совершенно изолированном положении. В таких обстоятельствах не было абсолютно никакого смысла оставаться в Будапеште. Кроме того, под руководством офицера был произведен обыск у Ольги Мате, вдовы Белы Залаи, где я скрывался, в результате доноса, поступившего из дома. И то, что они меня не схватили, — одно из весьма удачных обстоятельств моей жизни.

Интервьюер: Почти невысказано, что при обыске возможно уйти.

Лукач: Дело обстоит гораздо проще, чем люди думают. Нужно добавить, что в том была и моя заслуга. Ольга Мате была фотографом, очень смелой женщиной. Ее квартира состояла из одной маленькой комнаты, где жила она с дочерью, большой столовой и ателье, к которому примыкал чердак. В ателье нахо-

дилась кушетка, на которой я спал. Каждый день мы спорили друг с другом, поскольку Ольга Мате любой ценой хотела приготовить мне постель, в то время как я противился, так как считал, что, если ночью позвонят, я смогу просто перейти на чердак. Я хорошо ориентировался на чердаке и уже заранее продумал, что там есть большой ящик, позади которого можно спрятаться. И если кушетку обнаружат в растрепанном состоянии, никто и не подумает, что кто-то мог спрятаться в ателье. В этой борьбе я смог победить Ольгу Мате лишь с большим трудом. Однажды утром около трех действительно позвонили, и произошел полноценный обыск, который я слушал, находясь за ящиком. А так как донос касался того, что Ольга Мате якобы приняла Белу Куна и сфотографировала его, а не того, что кто-то у нее прятался, дальше рыться они не стали. Я поднимался к ней после полудня без вещей, а к фотографу, естественно, постоянно приходили люди. Для домоправительницы, поднимавшей меня на лифте, ничего странного не было в том, что какой-то господин поднимается к Ольге Мате, так как в то время после полудня всегда приходило туда пять или даже десять человек. Так что она также не догадывалась, что там может кто-то скрываться. Конечно, эта квартира для меня после этого по сути прекратила свое существование, поскольку я не мог рисковать еще одним обыском. Таким образом, после обсуждения с тогдашними товарищами было принято решение, что я должен направиться в Вену, чтобы пополнить эмиграцию. Это произошло затем в конце августа—начале сентября. Будапешт в то время был занят армией Макензена,¹³⁵ а их офицеры путешествовали между Будапештом и Веной туда-сюда. В период диктатуры они вывели белых из страны в Вену, а после диктатуры за хорошие деньги — красных. Моя семья подкупила старшего лейтенанта армии Макензена, в качестве шофера которого я покинул страну. Но по-

сколько я не умел водить автомобиль, мы подвязали мне руку так, как будто по дороге со мной произошел несчастный случай, и офицер вел автомобиль. Правда в том, что все это было чистой сделкой.

III В ЭМИГРАЦИИ

Интервьюер: Как долго Вы находились в Вене?

Лукач: Можно сказать, с момента отъезда из Венгрии, иными словами, с конца августа—начала сентября 1919 до II съезда партии, то есть до 1930/31.¹³⁶

Интервьюер: Тогда же началась Ваша совместная жизнь с Вашей женой Гертруд?

Лукач: Совместная жизнь началась в эмиграции. Наше знакомство состоялось, конечно, намного раньше. Я знал ее уже в течение долгого времени, однако более близкие отношения между нами возникли только после моего выступления по этике в 1918 году.¹³⁷ В результате разговора и дискуссии о моем выступлении между нами возникла та духовная и моральная общность, которая с тех пор играла для меня ведущую, господствующую роль. В сущности, я никогда не встречал женщину, с которой мог бы иметь такие близкие отношения.

Интервьюер: На что Вы жили в Вене?

Лукач: Я писал, продавал старые вещи, и у меня еще было все необходимое... Как-то мы жили.

Интервьюер: Партийного содержания тогда не существовало...

Лукач: Поначалу, можно так сказать, весьма непродолжительное время я вел жалкое существова-

ние. Затем на протяжении трех лет я был редактором Торгового бюллетеня русского посольства.¹³⁸ За это ежемесячно я получал сотню долларов, на которую мы хорошо жили. В 1928 году умер мой отец, и всеми возможными способами и путями я все же вступил в наследство, на которое мы жили вплоть до моего отъезда в Россию.

Интервьюер: В качестве писателя Вы ничего не работали в это время?

Лукач: Я писал, но писатель-коммунист, писатель-теоретик не мог в то время существовать на гонорары от своих работ, хотя и тогда были крупные успехи от бестселлеров.

Интервьюер: Австрийские власти оставили Вас в покое?

Лукач: По-разному. В первое время я был баринном, поскольку полиция тогда еще не знала, кто мы — беглые убийцы или будущие министры. Лично я, кроме того, имел особую удачу знать некоторых теоретиков из социал-демократической партии еще по Гейдельбергу. И если полиция вела себя по отношению ко мне особенно нагло, а так однажды и произошло, я мог пойти к одному из них, чтобы пожаловаться. Он информировал Реннера, Реннер звонил начальнику полиции и разъяснял ему, что так не пойдет,¹³⁹ после чего шесть месяцев они вновь были исключительно дружелюбны. После реакционного поворота¹⁴⁰ они также не могли ничего против нас предпринять, поскольку венгерский запрос о выдаче преступников касался социал-демократов точно так же, как и нас.¹⁴¹ Если бы они решились нас выдать, им бы пришлось выдать Бёма, Кунфи и других. В результате мы тихо сидели в тени Бёма и его людей. Это положение постоянно ухудшалось. Но дело в том, что я не принимал участия в австрийском коммунистическом дви-

жении, только в венгерском. И оно было настолько законспирировано, что мне невозможно предъявить обвинения в чем-либо.

Интервьюер: Мне известно одно письмо Томаса Манна канцлеру Зейпелю...

Лукач: Да. Дело в том, что после ареста Куна в 1928 году в Вене они хотели выслать и меня, и тогда мои друзья написали Томасу Манну, а Томас Манн написал письмо против моей высылки.¹⁴²

Интервьюер: Таким образом, до 1928 года из Венгрии Вы не получали никакой материальной поддержки?

Лукач: К счастью, у нас было мало предрассудков. Мы уже жили вместе, однако решили не жениться, поскольку Гертруд как вдова государственного служащего получала пенсию и деньги на детей,¹⁴³ и у нас не было абсолютно никакой причины отказываться от этих денег. Когда в 1923 показалось, что я должен получить приглашение в Йену в качестве профессора, мы решились на свадьбу, поскольку в конце концов неженатый мужчина не мог переехать в Йену с женщиной и детьми. Поэтому мы поженились в Вене. И когда затем пару недель спустя йенские планы потерпели крах, Гертруд повела себя очень смело — это был действительно прекрасный и смелый поступок с ее стороны — и сделала так, будто бы наш брак вовсе не существовал, и вскоре возобновила свои документы на вдовство в венгерском посольстве, так что до 1933 года, до переезда в Россию, между нами не было никакого брака.

Интервьюер: Из-за чего сорвалась Ваша йенская профессура?

Лукач: Поскольку в Саксонии и Тюрингии существовала коалиция между левыми социал-демократами и коммунистам, которая, однако, вследствие

давления, оказанного левыми на социал-демократов, распалась. Социал-демократы завладели Саксонией и Тюрингией, и тем самым возможность проведения в йенском и лейпцигском университетах такого рода реформ прошла.

Интервьюер: Где Вы жили в Вене?

Лукач: Гертруд жила у сестры ее родителей в Хюттелсдорфе, и я также получил там комнату. Мы жили все время в общей квартире. В Берлине было даже так, что Гертруд снимала себе квартиру, а я меблированную комнату в этой квартире. Мы не женились только потому, что нам было совершенно очевидно, что не стоило отказываться от выплат Гертруд венгерским государством средств к существованию в форме пенсии и денег на детей.

Интервьюер: В Австрии у Вас не было трудностей с властями?

Лукач: Видите ли, трудностей не было, поскольку это был порядочный буржуазный дом, и не было совершенно ничего примечательного в том, что один этаж домовладелица предоставила своей сестре и что ее дети также жили там, как ничего не было и в том, что Гертруд сдавала кому-то комнату.

Интервьюер: С Аттилой Йожефом Вы также познакомились в Вене?

Лукач: Да, в Вене.

Интервьюер: Это было мимолетное знакомство?

Лукач: Достаточно мимолетное, поскольку Аттила Йожеф был в Вене лишь очень недолго. Если мне не изменяет память, я познакомился с ним через Анну Леснаи. С самого начала я был высокого мнения об Аттиле Йожефе. И из этого своего мнения я никогда не делал тайны также и внутри партии.

Интервьюер: Существует один документ, письмо Агтилы Йожефа Йолан Йожеф...¹⁴⁴

Лукач: ...как сердечно я выражался о его стихах. Да, существует письмо Агтилы Йожефа об этом, написанное тогда в Вене.

Интервьюер: Вы знали в то время о внутривнутрипартийном конфликте Агтилы Йожефа, о его исключении из партии?¹⁴⁵

Лукач: Видите ли, не следует забывать, что активным членом партии, бывшим в курсе всех происходивших событий, я был до 1930 года. В 1929 после «Тезисов Блюма» я покинул венгерское движение.¹⁴⁶ Когда конфликт с Агтилой Йожефом имел место быть, я больше не имел никакого отношения к венгерскому движению.¹⁴⁷

Интервьюер: Организационно Вы перешли в немецкую партию?

Лукач: Нет, до 1930 я был членом австрийской партии, а в России стал затем членом советской партии.¹⁴⁸ С 1931 до 1933 я принадлежал к немецкой партии, и когда мы затем в 1933 году вернулись в Россию,¹⁴⁹ было принято общее решение, что эмигрировавшие члены немецкой партии останутся ее членами и не должны будут переходить в русскую партию. Таким образом, до 1945 года я был членом немецкой партии.¹⁵⁰

Интервьюер: В то же время Вы состояли членом редколлегии одного венгерского журнала?

Лукач: В «Új Hang» («Новый голос»), да, это верно.¹⁵¹ Немцы не сильно беспокоились об этом, поскольку знали, что я венгр, и давали мне вследствие этого вольную.

Интервьюер: Вы никогда не были членом венгерской партии до «Тезисов Блюма»?

Лукач: Официально я был членом австрийской партии. Всякий, кто жил в Австрии в качестве венгер-

ского коммуниста, должен был стать членом австрийской партии, поскольку венгерская партия была вне закона.

Интервьюер: Таким образом, официально Вы были членом австрийской партии, но организационно принадлежали к венгерской?

Лукач: Да.

Интервьюер: Итак, Вы встретили Аггилу Йожефа в обществе Анны Леснай?

Лукач: Мы встречались также и при других обстоятельствах. Я познакомился с ним исключительно благодаря Анне Леснай. По пути из Парижа на родину меня посетил Ийеш. С ним у нас состоялся длинный разговор.¹⁵² В Вене меня посетил Лайош Надь. И с ним у нас тоже состоялся длинный разговор. Так что с венгерскими писателями я поддерживал некоторые отношения.

Интервьюер: И с некоммунистической эмиграцией?

Лукач: Скажу да, с Кашшаком у меня были плохие отношения, а с Шандором Барта сложились хорошие, когда Барта и его люди стали склоняться влево.

Интервьюер: Как в эмиграции возникла внутривнутрипартийная фракционная борьба?

Лукач: На то были очень разные причины. В самом начале изгнания одна часть эмиграции сгруппировалась вокруг Ландлера, а другая — вокруг Куна. Ситуация, очевидно, была крайне нестабильная, потому что я помню, это было приблизительно в декабре 1919, когда после возвращения Ландлера из интернирования в Карлштейне¹⁵³ у нас с ним состоялся разговор, которым он как бы предложил мне союз против Куна. Могу сообщить только тот факт, что вообще на это я не дал ему никакого принципиального отве-

та. Я сказал ему, что его окружение, Йозеф Погань и другие, ни на йоту не лучше, чем окружение Куна. Я был столь же мало склонен объединиться с Поганем, сколь и с Белой Ваго. Чтобы охарактеризовать ситуацию, я хочу упомянуть, что Погань позднее, как вы, возможно, знаете, перешел к Куну. И возникла другого рода конфигурация сил, которая, естественно, была предопределена тем, что руководство венской эмиграции, вынужденное бездействовать, все же использовало время для реорганизации. И здесь вопрос о методах Белы Куна является важной исходной точкой, поскольку они показывали, как я задним числом вижу, что с Лениным Кун имел страшно мало общего, хотя и встречался с ним один или два раза. По большому счету он состоял в этой «партмахерской» (?) школе Зиновьева. Он был типичным зиновьевским учеником, посредством демагогии, насилия и, когда это было необходимо, посредством подкупа выстроившим партию и создавшим себе репутацию, и в связи с этим первый конфликт вспыхнул именно вокруг подкупа, вокруг так называемого золотого дела. Летом 1920 Кун уехал в Москву, затем в один прекрасный день — а я, сам не знаю откуда, был немного лично знаком с людьми из советского посольства,¹⁵⁴ — мне сообщили, что на адрес Ваго пришла посылка, слишком тяжелая для ее размеров. Я сообщил об этом Ландлеру. Мы заподозрили, что Кун послал своим сторонникам деньги, для того чтобы предоставить пяти или шести руководящим товарищам причитающийся им из России гонорар. Я не могу перечислить сейчас всех деталей, во всяком случае мы заподозрили, что Рудаш также принадлежал к тем, кто имел с этого выгоду. Вследствие этого я попытался запугать Рудаша, что было не слишком трудно, поскольку он был одним из самых больших трусов, которых только можно было себе представить. По случаю мы как раз тогда снимали меблированные комнаты в од-

ной квартире, и я нагнал на Рудаша страха перечислением тех печальных последствий, которые могут для него наступить: его могут исключить из партии и т. п. Одним словом, Рудаш полностью попал в ловушку и признал, что, если я правильно помню, пришли пять килограммов золота в монетах, которые на основании полученного от Куна списка распределял Ваго. Рудаш показал также и свою долю. Совместно с Ландлером тогда мы убедили Рудаша вернуть Ваго деньги на основании того, что как честный коммунист он не может участвовать в таких делах. Тем самым формально дело было мгновенно урегулировано, однако в результате между Ваго и Рудашем возникла смертельная вражда, вспыхнувшая однажды на заседании в эмиграции. Во время спора посыпались взаимные обвинения в истории с золотом, после чего была создана комиссия, Ваго был исключен и т. д. Всё дело должно было быть представлено Коминтерну. Всё это произошло весной 1921 года, и венгерская делегация, прибывшая на III Конгресс [Коминтерна], получила задание в какой-то форме уладить этот вопрос. Дело дошло до Коминтерна, и там неприятные для Куна вещи были замяты в одной комиссии. Коминтерн назначил центральный комитет, в котором было четыре сторонника Куна и три — Ландлер, Хирошик и я — сторонника Ландлера. Важнейшим человеком Куна в этом комитете был Йозеф Погань, который пытался проводить политику со всем зиновьевским радикализмом и со всевозможным притворством. При возникновении фракций большую роль сыграли старые связи Куна с Зиновьевым. Дело в том, что проблемой, в решении которой мы расходились, был именно вопрос о том, какую роль мы должны приписывать эмиграции. В согласии с Зиновьевым Кун приписывал эмиграции очень значительную роль. Речь даже шла о том, чтобы в массовом порядке возвратить эмигрантов. В связи с этим Ландлер занял чрезвычай-

но скептическую позицию. Он высказал мнение, что действительное движение должно начаться в самой Венгрии и что эмиграция не может сделать ничего другого, кроме того, чтобы из-за границы, исходя из ее более высокого идеологического уровня развития, идеологически ему содействовать. Но в глазах фракции Ландлера эмиграция всегда подчинялась движению внутри страны.

Интервьюер: В чем заключалось основное противоречие?

Лукач: Конфликт вспыхнул вокруг одного чрезвычайно важного вопроса — вопроса о профсоюзных взносах. Вы, наверное, знаете, что в старой социал-демократической партии профсоюзный взнос содержал также и партийный взнос, и так *ipso facto* каждый, кто вступал в профсоюз, платил и партийный взнос в социал-демократическую партию. Кун и его люди провозгласили беспринципностью то, что члены профсоюза, таким образом, автоматически будут также и членами социал-демократической партии. Они требовали, чтобы коммунисты расторгли этот договор и отказались от выплаты социал-демократических партийных взносов. Ландлер как умный человек тотчас выступил против этого требования. Он сказал, что в таком случае коммунисты, находящиеся в Венгрии вне закона, будут поставлены в безвыходное положение. Они могли отказаться от уплаты социал-демократических партийных взносов по двум причинам: либо поскольку были коммунистами, но тогда их тотчас бы арестовали, либо поскольку были «желтыми», но тогда их положение на предприятиях стало бы невозможным.¹⁵⁵ Мы высказали мнение, что если венгерские коммунисты хотят участвовать в рабочем движении легально, то должны заплатить эту цену за вход. Когда Погань захотел осуществить это сектантское и неадекватное мероприятие любой це-

ной и всем средствами, Ландлер, Хирошик и я покинули заседание Центрального комитета. Мы объявили о нашем выходе из Центрального комитета и представили этот вопрос на рассмотрение венской партии.¹⁵⁶ Это само по себе и было сутью партийного раскола. Когда Кун и его люди потребовали опубликовать эту резолюцию в газете, фракция Ландлера отделилась и чуть позже основала контргазету.

Интервьюер: В то время фракция имела собственную организационную структуру и располагала руководством...

Лукач: Само собой разумеется.

Интервьюер: Очень интересно, что из такого важного, однако чисто практического вопроса [возникли] фракции...

Лукач: Ландлер отличался от Куна тем — и это заставило меня стать верным сторонником Ландлера, — что не создавал программы, с помощью которой он смог бы выступить перед миром в качестве вождя коммунистов, но что он держал в уме исключительно практические возможности оживить венгерское движение. Это произвело на меня очень большое впечатление, и с тех пор во всех вопросах я был горячим сторонником Ландлера.

Интервьюер: Как Кун добрался до золота? Существовала одна сплетня — и Костолани отдал ей дань в начале своего романа «Анна Эдеш», — что Кун, когда летел над Венгрией...

Лукач: Нет, нет, такие сказки возникли позже. Золото они получили во время русской революции посредством реквизиции, то есть сторонники Куна или какая-то группа его сторонников где-то реквизировали золото, а затем его просто украли. Одним словом, два с половиной килограмма золота находилось у Ку-

на в его личном распоряжении. Я убежден в том, что русские партизаны точно так же захватывали добычу и крали ее. Партизан, которые все всегда только отдают, не существует в природе.

Интервьюер: «История и классовое сознание», появившаяся в то время, и международный резонанс вокруг этой работы¹⁵⁷ не оказали никакого воздействия на фракционную борьбу в венгерской партии?

Лукач: Видите ли, оказали в том плане, что Зиновьев¹⁵⁸ и Кун воспользовались дискуссией, для того чтобы ухудшить мое положение внутри венгерской партии. Однако в самом венгерском движении никто о том не позаботился, так что «История и классовое сознание» не имела для меня никаких серьезных последствий по венгерской линии. Воздействие проявилось лишь в том, что Рудаш выступил с критикой этой работы. И таким образом критика получила фракционный характер. Все кунисты считали своим долгом напасть на эту работу. Из московского времени существует одна забавная история. На одном венгерском собрании в Москве Рудаш и его люди очень остро нападали на «Историю и классовое сознание». Они сообщили, что товарищ Лукач — идеалист. И тогда встал приехавший из Вены сталевар, принадлежавший к партии Ландлера, и сказал, что, конечно, товарищ Лукач, должно быть, идеалист, ведь он думает не только о своем собственном физическом благополучии, как товарищ Рудаш.¹⁵⁹ Таков был уровень. Не стоит передавать его потомкам.

Интервьюер: Фракция Куна собралась в Москве, а фракция Ландлера в Вене?

Лукач: Фракция Ландлера действительно работала только в Вене. Позднее, после разложения венской эмиграции,¹⁶⁰ Енё Хамбургер, к примеру, обосновался

в Москве, Дюла Лендел в Берлине, так что и там возникли такие центры. Однако центр тяжести фракции Куна был, конечно, в Москве.

Интервьюер: Товарищ Лукач, каким образом эта фракционная борьба повлияла на Вашу жизнь и творчество?

Лукач: Я считаю существенным, что все мы были сектантами мессианского толка. Мы верили в предстоящую завтра мировую революцию. Вместе с тем работа на венгерском направлении определялась реализмом Ландлера в реально существующих венгерских вопросах. Отсюда возникла двойственность: в международном плане мы были мессианскими сектантами, тогда как на венгерском направлении, напротив, реальными политиками. Этот дуализм завершился, наконец, победой венгерского реализма в «Тезисах Блюма».

Интервьюер: У фракции Куна в противовес этому были абсолютно мессианские представления?

Лукач: С фракции Куна — и это, конечно, сложный вопрос — это общее сектантство и началось. Это было мессианское сектантство. Сюда относились люди вроде, к примеру, Роланда Холста. Однако в Москве в Коминтерне с Зиновьевым начало складываться бюрократическое сектантство. И это сектантство в общем было представлено фракцией Куна. Существовал, например, план массового возвращения всех разбросанных по России военнопленных в Венгрию, чтобы они могли послужить базисом для нелегальной партии. Это была, конечно, чушь, поскольку каждый репатриант из Москвы находился под тройным надзором полиции. Это была глупая бюрократическая концепция, исходившая из того, что массовую партию нельзя делать медленно и шаг за шагом, но надо только одним ударом.

Интервьюер: В какой степени Интернационал вмешивался в такие планы?

Лукач: Кун был в Интернационале, как говорили тогда, шаммашем Зиновьева, и Зиновьев поддерживал Куна во всем.

Интервьюер: И благодаря чему была возможна работа фракции Ландлера?

Лукач: Благодаря тому досадному (для кого-то) обстоятельству, что правда была на стороне фракции Ландлера. В Коминтерне того времени это играло определенную роль. Следствием этого являлось то, что фракция Ландлера всегда была права в принципиальных решениях и что Кун и его люди затем получали в центральном комитете большинство. Такова была зиновьевская политика в этой области.¹⁶¹

Интервьюер: Товарищ Лукач, позвольте мне в связи с «Историей и классовым сознанием» задать один актуальный вопрос. Каково Ваше впечатление от международного влияния этой работы в настоящее время?¹⁶²

Лукач: Эта книга имеет некоторую ценность, поскольку в ней поднимаются проблемы, которые марксизм того времени избегал. Общепризнанно, что в ней впервые поднимается проблема отчуждения (*Entfremdung*) и что в книге предпринимается попытка органического включения ленинской революционной теории в общую концепцию марксизма. Фундаментальной онтологической ошибкой всего этого является то, что я, собственно, признаю только общественное бытие за бытие и что в «Истории и классовом сознании», поскольку в ней отвергается диалектика в природе, совершенно выпадает та универсальность марксизма, которая из неорганической природы выводит органическую, а из органической

природы через работу выводит общество. Здесь еще нужно добавить, что во всей этой общественной и политической позиции уже упомянутое мессианское сектантство играет большую роль.

Интервьюер: И именно последнему книга обязана своим сегодняшним большим, вновь возникшим влиянием?

Лукач: Я думаю, да. Отчасти ее влияние, однако, вызвано тем, что, по сути, едва ли существует какая-либо марксистская философская литература. Несмотря на все содержащиеся в «Истории и классовом сознании» ошибки, эта книга все еще является куда более умной, чем многое другое, что сейчас написано о Марксе с буржуазной стороны.

Интервьюер: Я заметил, что во Франции после майских событий 1968 года¹⁶³ «История и классовое сознание» была прочитана очень многими студентами. Один лидер студенческого движения в своем заявлении назвал «Историю и классовое сознание» в числе трех своих любимых книг. «История и классовое сознание» соответствует психологии, которая выражается в воле к революции при отказе от конкретных политических сил.

Лукач: Так как в разрешении проблемы классового сознания содержатся также идеалистические элементы и, следовательно, онтологический материализм марксизма встречается здесь меньше, чем в позднейших работах, эта книга, конечно, доступна также и буржуа.

Интервьюер: Как появились «Тезисы Блюма»? Почему их так называли?

Лукач: Блюм тогда был моим псевдонимом в [коммунистическом] движении.

Интервьюер: Что предшествовало «Тезисам Блюма»?

Лукач: Когда готовился II Партийный съезд [венгерской компартии], мне было поручено сформулировать политическую и общественную стратегию партии. Это было сделано в «Тезисах Блюма». «Тезисы Блюма» были тогда, как вы знаете, отвергнуты Куном самым решительным образом. Не знаю, рассказывали ли я уже тот весьма забавный эпизод с Мануильским, проясняющий, на какой принципиальной высоте находился Коминтерн того времени. Я был в Будапеште на нелегальной работе,¹⁶⁴ когда в Берлине было созвано заседание Исполнительного комитета, в котором принимал участие также Реваи — а моя информация происходит от Реваи — и на открытии которого Мануильский сказал, что он должен подчеркнуть заслуги венгерской партии: Коминтерн на своем VI Конгрессе¹⁶⁵ вскользь поднял вопрос демократической диктатуры, а в венгерской партии уже существовало в связи с этим серьезное решение. На следующее же утро Мануильский сказал на конференции, что это ужасно скверно, что у нас проявляются такие ликвидаторские ревизионистские тенденции, как «Тезисы Блюма»! В этот промежуток времени он, очевидно, получил телеграмму из Москвы.¹⁶⁶

Интервьюер: Кажется, это управление посредством телеграмм имеет довольно богатое прошлое.

Лукач: Совершенно верно. Следовательно, не стоит забывать, что в действительности у Ленина не было ни единого ученика в Венгрии. У нас это всегда забывается, поскольку исходят из того совершенно абстрактного представления, что тогдашний венгерский вождь был учеником Ленина. Кун и его сторонники принадлежали к окружению Зиновьева, и в зиновьевском Интернационале уже проявлялись определенные тенденции, которые позднее были переняты Сталиным. Этот прием, как ясно из эпизода

с Мануильским, был характерным исключительно для школы Зиновьева и Куна. Смешно рассматривать Куна как ученика Ленина. Ленин был крайне плохого мнения о Куне и не слишком им интересовался. Справедливости ради должен сейчас сказать, что Ленин и обо мне был очень плохого мнения. Здесь не надо ничего приукрашивать. Ленин очень резко высказался о моей статье о парламентаризме. В то время как Куна он рассматривал как ученика Зиновьева, меня он считал обычным ультралевым.¹⁶⁷

Интервьюер: Ленин в особенности ценил кого-нибудь из венгерской партии?

Лукач: Об этом мне ничего не известно.

Интервьюер: Имела ли начавшаяся после смерти Ленина фракционная борьба в советской партии какое-либо влияние на дискуссии в венгерской партии?

Лукач: Не слишком сильное. Лишь ввиду того, что в венгерской партии — и я должен добавить, что также и у меня, — поскольку Кун принадлежал к партии Зиновьева, возникла определенная симпатия к Сталину.

Интервьюер: В то время Сталин и Зиновьев еще вели общий фронт против Троцкого, не так ли?

Лукач: Они вели общий фронт, однако в то время уже намечался конфликт между Сталиным и Зиновьевым. Должен сказать, что моя антикуновская позиция сыграла некоторую роль в том, что я с определенной симпатией воспринял сталинские антизиновьевские тенденции.

Интервьюер: Значительных сторонников Троцкого в венгерской партии не было?

Лукач: Троцкизм не имел сколько-нибудь значительного влияния в венгерской партии, троцкистской фракции не существовало.

Интервьюер: Оказал ли конфликт между советской партией и возглавляемым Зиновьевым Интернационалом влияние на судьбу «Тезисов Блюма»?¹⁶⁸

Лукач: Я так не думаю. Считаю, Реваи очень правильно охарактеризовал положение в одном письме к Куну,¹⁶⁹ где относительно «Тезисов Блюма» заявил, что, хотя он и не был согласен с ними, однако эти «Тезисы» последовательно выражали ту ландлерскую политику, которая после отклонения куновских тезисов о профсоюзах привела к основанию ВСРП.¹⁷⁰ «Тезисы Блюма» должны рассматриваться как теоретическая quintessence этого направления.

Интервьюер: Реваи был не согласен с «Тезисами Блюма»? Однако он также принадлежал к фракции Ландлера.

Лукач: Он принадлежал к фракции Ландлера. Но Ландлер умер в 1928 году. Можно сказать, «Тезисы Блюма» уничтожили затем фракцию Ландлера. Теоретики фракции – Реваи и другие единомышленники – были не согласны с тем, что венгерское движение должно развиваться по линии ВСРП. Они перешли на линию Куна, которая свыше, прямо из Москвы, хотела управлять движением.¹⁷¹ Так, Реваи и Михай Хай, который был в то время очень одаренным молодым человеком, покинули фракцию Ландлера.

Интервьюер: Проявлялись ли у Реваи уже раньше какие-либо знаки того, что он отделится от фракции Ландлера?

Лукач: С такими людьми, как Реваи, очень трудно сказать, где и когда именно произойдет разрыв.

Интервьюер: С этого времени Ваши контакты с Реваи в Москве прекратились?

Лукач: Они не прекратились, но совершенно изменились.¹⁷²

Интервьюер: Следовательно, трагедия Реваи¹⁷³ начинается здесь?

Лукач: Реваи, с одной стороны, занял очень радикальную позицию, поскольку не забывайте, что лишь в одной-единственной рецензии «История и классовое сознание» критиковалась с позиции того, что она была недостаточно радикальна, и эта рецензия принадлежала Реваи, она доступна в архиве Грюнберга.¹⁷⁴ С другой стороны, в то время у Реваи зрело осознание того, что он является государственным деятелем, предопределенным венграм свыше, который именно поэтому непременно должен находиться в руководстве венгерской партии. Он придерживался того мнения, что ради этого он должен быть готов на любые жертвы. В этом и состояла трагедия Реваи.

Интервьюер: Тогда я, вероятно, даже не сильно ошибся, сказав, что трагедия Реваи начинается здесь. Как только он перенял линию, направленную на создание эмигрантской партии, которая должна управляться извне, тогда он, собственно, и обнаружил свою позднейшую роль, роль того, кто направляет все извне и сверху.

Лукач: Совершенно верно. Так оно и есть.

Интервьюер: Ваши личные отношения с Реваи начались еще в Венгрии...

Лукач: Еще до диктатуры,¹⁷⁵ в особенности, когда после ареста Куна возник второй Центральный комитет.¹⁷⁶ И я, и Реваи были членами редколлегии «Vörös Újság» и постоянно работали там совместно. Так что во время диктатуры у нас был очень хороший личный контакт друг с другом.

Интервьюер: Соответствует ли действительности та забавная история из романа Эрвина Шинко, со-

гласно которой Ваши отношения начались с того, что Реваи начал обсуждать какой-то теоретический вопрос и был «обращен» товарищем Лукачем в ходе дискуссии?

Лукач: Да, он что-то сказал, уже не помню точно что. Знаю только, что я ему ответил: «Смотрите, это говорю не я, а Маркс в своем введении к „К критике политической экономии“». На другой день после этого Реваи пришел ко мне и сказал: «Вы были правы».

Интервьюер: Вернемся назад к разложению фракции Ландлера.

Лукач: После разложения фракции Ландлера люди первоклассные ориентировались на Куна, поскольку в то время в венгерской партии вокруг Шандора Сереньи образовалась фракция. Результатом этой ориентации на Куна явился переходный период, завершившийся VII Конгрессом и вытекающей из него политикой. Она полностью подтвердила «Тезисы Блюма».

Интервьюер: Какую позицию представлял Шандор Сереньи?

Лукач: Он был враждебен Куну и представлял точку зрения, опиравшуюся на чисто венгерские основания и бывшую совершенно несостоятельной.

Интервьюер: Это была серьезная фракция?

Лукач: Это была серьезная фракция, которая после III Конгресса¹⁷⁷ перехватила власть и во владении ею сделала все возможное. Реваи, например, придерживался того мнения, и он выразил его также и Гертруд, что предпочел бы быть заключенным Хорти, чем подчиненным Сереньи. Затем он отправился в Венгрию, где провалился и отсидел около двух с половиной лет.¹⁷⁸

Интервьюер: Товарищ Лукач, в какой степени на Вашу последующую карьеру оказала влияние ситуация с «Тезисами Блюма»?

Лукач: До «Тезисов Блюма» я был функционером венгерской партии. Следовательно, поле моей деятельности в значительной степени определялось этим обстоятельством. После «Тезисов Блюма», когда я понял — и это является сущностью «Тезисов Блюма», — что пролетарская и буржуазно-демократическая революции, при условии что речь идет о действительной революции, не отделены друг от друга китайской стеной, я вступил в область, где мог двигаться свободно и где в этическом плане передо мной открывалось большое поле возможностей на этом пути. Позвольте признаться: после составления «Тезисов Блюма» мне, с одной стороны, стало ясно, что я не являюсь политиком, поскольку в это время политик никогда бы не написал или по крайней мере не обнаружил бы «Тезисы Блюма». С другой стороны, во время работы над «Тезисами Блюма» я понял, что пролетарская революция является не изолированным событием, но венцом определенных исторических процессов. Следовательно, «Тезисы Блюма» имеют одну хорошую сторону — дело в том, что они открывают путь для идеологического развития в направлении демократии. Для того чтобы иметь свободные руки в этом кажущемся важным вопросе, я полностью подчинился венгерской линии, я не хотел в связи с этим предоставлять Беле Куну возможность праздновать триумф, не хотел, чтобы он мог сделать «Тезисы Блюма» международным вопросом. Таким образом, дело было сведено к чисто венгерскому вопросу, и содержание всей моей «философии» изменилось. С венгерского я перешел на немецкое, точнее говоря, на русское направление.

Интервьюер: Можно ли, немного преувеличив, сказать, что «Молодой Гегель» является продолжением «Тезисов Блюма»?

Лукач: У меня каждая вещь является продолжением чего-то. Я считаю, что в моем развитии нет неорганических элементов.

Интервьюер: Я только хотел сказать, что изучение революционного периода капиталистического общества могло быть связано с осознанием того, что между пролетарской и буржуазной революцией не существует китайской стены.

Лукач: Да. В этом вы совершенно правы. Я начал исследовать идеологическую сторону проблемы, а позднее поставил ее в центр моих исследований.

Интервьюер: Ранее Вы упоминали, что в то время выезжали в Венгрию на нелегальную работу.

Лукач: В 1929 году.

Интервьюер: Какова была Ваша задача?

Лукач: Я должен был возглавить движение. Члены заграничного (то есть работавшего в эмиграции) комитета поочередно направлялись на три месяца в Венгрию, чтобы лично руководить движением. В эмиграции возобладало общее мнение, что только Кун и Ландлер составляют здесь исключение, что им не следует приезжать в Венгрию. В эмиграции существовала группа, хотевшая также и меня рассматривать как исключение. Но поскольку это натолкнулось на большое сопротивление Куна, я не мог присоединиться в этом вопросе к взглядам моих друзей. Я придерживался того мнения, что провала можно избежать, если быть достаточно осторожным и случайно не столкнуться с информатором, и что с другой стороны, даже если я провалюсь, в случае со мной бу-

дет так много международных протестов, что смертный приговор не будет вынесен.

Интервьюер: В Венгрии Вы провели три месяца?

Лукач: Три месяца.

Интервьюер: А конспиративная квартира и прочее было подготовлено из Вены?

Лукач: Да. Все было подготовлено из Вены, но все было подготовлено плохо. Квартира, правда, была прекрасна. Она находилась в Варошлигет, однако всего в десяти шагах от редакции «Nyugat». С этим я смириться не мог. У меня был связной — мнимая кузина. Я дал ей задание, вечером она должна была прийти ко мне чрезвычайно взволнованной тем, что ее мать потеряла дар речи, поскольку в Сегеде с завещанием ее дяди произошло такое-то и такое-то безобразие, и только я один мог бы навести порядок, приехав в Сегед. Это я рассказал хозяйке и про запас оплатил квартиру на месяц вперед. Стало быть, мы прекрасно сговорились, что эта кузина зайдет за мной на следующий день и посадит на поезд в Сегед. Между тем приключилась небольшая напасть, и я рассказываю об этом лишь поскольку горд, что сумел сохранить хладнокровие. Вечером хозяйка предстала предо мной и заявила, что ее племянник, живший у нее, обокрал ее шкаф, что он украл такое-то количество денег и что она уже была в полиции. Это было очень интересно. Еще одним забавным моментом было здесь то, что моя хозяйка случайным образом оказалась кузиной Швейнитцера¹⁷⁹ и, естественно, побывала у него. Хозяйка спросила меня, не подметил ли я что-нибудь в ее племяннике. На что я ответил: «Но, сударыня, в каком же мире мы живем? Я въехал сюда, к Вам, сударыня, и не спросил, достойна ли горничная моего доверия или нет. В результате я, как вы можете видеть — тут я указал на шкаф, — оставлял клю-

чи от шкафа в замке, поскольку если вы утверждаете, сударыня, что кто-то заслуживает моего доверия, то я этому полностью доверяю. Учитывая это, должен ли я сомневаться теперь в племяннике сударыни? В каком, стало быть, мире мы живем?». В ответ на это она посоветовала, и все затем было в полном порядке. Я горд тем, что сумел благополучно выйти из этой ситуации.

Интервьюер: Вы как-то упомянули, что хотели путешествовать первым классом.

Лукач: Это была чушь, чистый идиотизм. Я хочу добавить, это тоже не исключено, ибо такие люди, как Золтан Санто, смогли спокойно поехать из Вены в спальном вагоне, причем с ними ничего не случилось. Но если бы я сел в спальный вагон, то совершенно не мог быть уверенным в том, что в него не войдет бывший одноклассник или кто-то еще, кто тотчас меня узнает.

Интервьюер: Стало быть, третий класс был предпочтительнее?

Лукач: Я поехал в Пожонь, а из Пожони скорым поездом Берлин — Будапешт поехал домой третьим классом.

Интервьюер: Что Вы там делали?

Лукач: У меня были контакты с восемью-десятью людьми, с лидерами различных групп. Я принимал участие в заседаниях местного Центрального комитета и *de facto* руководил в то время, в течение этих трех месяцев, местными делами.

Интервьюер: Выходит, у всего этого имелся какой-то смысл.

Лукач: У этого был некоторый смысл. Было также полезно, что нелегальность не фетишизировалась людьми. В условиях нелегальности необходимым бы-

ло делать дела с абсолютной точностью, что, однако, получалось далеко не всегда и в Будапеште вообще было трудноосуществимо. Существовал минимальный шанс, а именно один к тысяче, что прямо в этот момент появится кто-то, кто знал меня раньше. Такую возможность, естественно, нельзя исключать. Однако в Будапеште было более миллиона жителей, и вероятность такой встречи была ужасно мала. Во время моего пребывания в Будапеште был период, когда производились масштабные аресты. В это время использовать нормальные связи было невозможно. Поэтому я сообщил Имре Шаллаи, который в то время делал газету,¹⁸⁰ что мы тогда-то должны встретиться с ним в десять часов пять минут на таком-то углу улицы и что я передам ему рукопись. В десять часов пять минут я встретил Шаллаи на углу и вручил ему папку. Шаллаи пошел направо, я налево, и ни за что в мире нас бы не раскусили. Во время таких встреч возникают технические проблемы. Если Шаллаи опаздывает, опасность провала возрастает не то что в десять, а намного в большее количество раз. Потому что если я хожу там туда-сюда и кто-то от этого туда-судаходящего что-нибудь получает, то это весьма бросается в глаза. С возможностью подобного необходимо считаться. Была также и другая тенденция, тоже среди нелегалов: речь шла о том, что нельзя прибывать и отбывать с крупных железнодорожных станций, а следует использовать для таких целей небольшие станции. Я же считал небольшие станции очень опасными. Ведь сколько человек садятся в Гёдёллэ на скоростной поезд в Вену? Тот, кто ждет скоростного поезда на станции Гёдёллэ, заведомо является подозрительным субъектом. В свою очередь если кто-то прибывает на посадку, например, на Восточный вокзал Будапешта... я, к примеру, делал так, что не прибывал на вокзал уже с билетом, а покупал на перроне. И один товарищ с таким же билетом вносил

мой чемодан. Он входил в вагон и находился там две минуты, я также заходил в вагон. Это не привлекало ничего внимания, поскольку такие случаи сто раз происходили при каждом отправлении поезда на Восточном вокзале. Нужно было только следить за тем, чтобы все происходило с таким выражением безразличия, насколько это вообще возможно. В этом случае шанс провала был очень низок.

Интервьюер: Не могли бы Вы назвать имена тех коммунистов, с которыми встречались в 1929 году в Венгрии?

Лукач: Видите ли, имена этих людей теперь никому не будут интересны. Из сегодняшних величин среди прочих я знал, например, Шандора Сереньи. Или назову другое, лучшее имя: Иштван Фриш был в то время молодым человеком, редактором нелегальной газеты.

Интервьюер: В связи с крахом диктатуры пролетариата мы говорили о роли Куна в создании мучеников... Были ли эти действия характерными для того времени в общем?

Лукач: Нет. И в отношении Куна я допускаю здесь то, на что с его стороны даже и намек никакого не было. Но лично я убежден в том, что у него таились мысли такого рода.

Интервьюер: Сейчас вышел том автобиографии Дюлы Хая.¹⁸¹ Я не читал его, но слышал, что в своей биографии Дюла Хай утверждает, что Кун послал своих политических противников в Венгрию в расчете на то, что они там провалятся и будут убиты.

Лукач: Это не исключено. Я не хочу делать никаких моральных заявлений в отношении Белы Куна, но насколько я знаю характер Куна... Я уже цитировал мою первую жену, которая очень точно назвала его Вотреном.

Интервьюер: Стало быть, не существует никаких дат или фактов, но только подозрения?

Лукач: Это вещи, которые невозможно доказать. В конце концов, я сам по своей воле направился в Будапешт и вернулся оттуда невредимым. Так что я не считал эту нечистоплотность доказанной. Нечистоплотным я считал самого Куна с нравственной точки зрения. Но что касается этого конкретного дела, то я сам стремился к тому, чтобы суметь поехать в Будапешт...

Интервьюер: Товарищ Лукач, сам факт того, что Вы вернулись оттуда невредимым, абсолютно ничего не доказывает в пользу Куна. В конце концов Вам пришлось переехать уже в первый день...

Лукач: Всякое случается. И случай с моей квартирой никак нельзя записать на счет Куна, поскольку квартирой занимались местные люди, и они не могли знать, что между мной и «Nyugat» существовали тесные отношения...

Интервьюер: Одним словом, утверждения Хая могут быть как истинными, так и ложными.

Лукач: Во всяком случае нельзя считать их доказанными. Но одно можно сказать наверняка — это то, что Кун с легкостью манипулировал нелегальным положением так называемых сложных людей. Однако происходило ли это в силу политических убеждений, или просто по небрежности, или же из-за его злой воли, ничего этого доказать невозможно.

Интервьюер: Полагаю, Хай упомянул эту историю в связи с Шаллаи.¹⁸²

Лукач: Это предположение справедливо только в связи с Шаллаи, поскольку Шаллаи во время диктатуры был заместителем Корвина.¹⁸³ Следовательно, было совершенно очевидно, что его повесят, если он будет схвачен. Конечно, так рисковать не следовало.

С другой стороны, верно также и то, что Шаллаи безусловно хотел поехать в Венгрию. Это неправда, что он был послан не по своей воле. Особенность ситуации заключалась в том, что член руководящих органов Компартии, если он не выезжал в Венгрию, в перспективе не мог играть в венгерской партии никакой роли. Здесь, как я полагаю, только лишь Кун и Ландлер были исключениями.

Интервьюер: Раз уж речь зашла о Хайе: какие отношения у Вас с ним были?

Лукач: В первое время у меня с Хаем были хорошие дружеские отношения, поскольку его первые драмы, «Бог, кайзер и крестьянин» и «Иметь», мне очень понравились.¹⁸⁴ Позже Хай вступил в ряды театральных «мейкеров», и наши отношения стали очень прохладными.

Интервьюер: Где Вы познакомились?

Лукач: В Москве.¹⁸⁵

Интервьюер: После 1945 года у Вас не было никаких дружеских отношений?

Лукач: После 1945 года у нас не было никаких контактов. Хай превратился в совершенного дельца.¹⁸⁶

Интервьюер: Его несчастьем было, вероятно, то, что для философа или человека, работающего в другой области, является не столь трагичным, однако для писателя означает большой удар, а именно то, что у него, по сути, не было родного языка творчества, что он, по сути, не знал по-настоящему ни одного языка. Немецкий он знал, пожалуй, лучше венгерского. Необходимая выразительность и блеск сценического языка, однако, полностью отсутствовали у Хая. Отсутствовали они и в его первых пьесах.

Лукач: Как бы то ни было, в его первых пьесах был настоящий конфликт. Без сомнения, в «Иметь»

был заключен серьезный конфликт. Не забывайте тогдашнее положение венгерской драмы. Конечно, для того времени это была сильная вещь.

Интервьюер: Она и сейчас производит сильное впечатление. Конфликты и сейчас редко встречаются в пьесах.

Лукач: В венгерских пьесах нет никаких конфликтов. Появление Хая в то время означало настоящий поворот в венгерской драме.

Интервьюер: Где Вы жили после нелегальной вылазки в Венгрию?

Лукач: После «Тезисов Блюма» я поехал на II партийный съезд в Москву...¹⁸⁷

Интервьюер: Когда Вы впервые посетили Москву?

Лукач: Впервые я был в Москве во время III Конгресса Коминтерна, в 1921 году, правда, лишь пару недель, пока длился Конгресс. Однако после II партийного съезда я остался там более чем на год. Оттуда я поехал в Германию и вернулся в Советский Союз после прихода Гитлера к власти, где и оставался до освобождения.

Интервьюер: Где Вы работали во время первого длительного пребывания в Москве?

Лукач: Я работал в Институте Маркса и Энгельса. О венгерских «Тезисах Блюма» мы уже говорили, однако же ситуация получила очень интересное развитие. Рассматривая сейчас сталинскую эпоху, естественно, следовало бы гораздо более серьезно, чем это обыкновенно делают, изучить действительные пережитки этого времени и тем самым подвести его итог, однако, с другой стороны, представление о том, что Сталин высказывал лишь неправильные и антимарксистские вещи, является предрассудком. Я упоминаю

об этом сейчас в связи с тем, что в 1930 году, во время моего первого длительного пребывания в Советском Союзе, проходила так называемая философская дискуссия, открытая Сталиным против Деборина и его школы. Естественно, в ходе этой дискуссии проявились и многие позднейшие черты сталинизма, но все же Сталин отстаивал чрезвычайно важную точку зрения, сыгравшую в моем развитии очень положительную роль. Дело в том, что Сталин обрушился на так называемую плехановскую ортодоксию, являвшуюся столь важной для России того времени. Он выступил против того, чтобы рассматривать Плеханова как крупного теоретика, считавшегося проводником идей Маркса. Сталин утверждал, что скорее марксистско-ленинская – и неявно также сталинская – линия марксизма имеет наибольшее значение. Если рассмотреть преследовавшуюся здесь Сталиным главную цель, то, естественно, это была чисто сталинистская идея, имевшая, однако, для меня одно очень важное следствие: сталинская критика Плеханова привела меня к критике Меринга.¹⁸⁸ Дело в том, что Плеханов и Меринг считали, что Маркса необходимо дополнить, в случае когда нечто иное, помимо общественно-экономических вопросов, выносится на обсуждение. Вы, возможно, помните, что Меринг встраивает кантовскую, а Плеханов главным образом позитивистскую эстетику в теорию Маркса. Я истолковал сталинскую борьбу против плехановской ортодоксии как позицию, согласно которой марксизм оказывался не общественно-экономической теорией, рядом с которой могли иметь место и другие, но универсальным мировоззрением, и вследствие этого должна была бы существовать самостоятельная марксистская эстетика, не заимствованная марксизмом ни от Канта, ни откуда-либо еще. Эти идеи были выработаны Лифшицем и мной совместно. В то время я работал вместе с ним в Институте Маркса и Энгельса. С разработ-

кой этой идеи получило ход все наше последующее развитие. Сегодня в истории философии не является общепринятым утверждение, что мы были первыми, кто заговорил об особой марксистской эстетике, а не о той или иной эстетике, посредством которой марксистская система будет дополнена, и все же это факт. Мысль, согласно которой эстетика составляет органическую часть марксистской системы, имеется в написанной мною статье о дискуссии между Марксом и Лассалем вокруг «Зиккингена»,¹⁸⁹ а у Лифшица в его ранней книге о молодом Марксе.¹⁹⁰ Исходя из этого, мы начали развивать идею, что марксистская эстетика существует и что в развитии этой эстетики необходимо исходить из Маркса. В отличие от иных эта наша мысль удивительным образом очень распространилась в России. И в связи с ее быстрым распространением никто и не знал, что вообще-то Лифшиц и я осуществили этот поворот.¹⁹¹

Интервьюер: Подводя итог, скажите, каково Ваше мнение о Лифшице?

Лукач: Мое мнение о Лифшице таково, что я полагаю, он был одним из самых больших талантов, живших в то время, прежде всего в области литературы. Он очень ясно видел проблему реализма, однако не распространял ее затем на другие области культуры. Не забывайте, что в тридцатые годы я написал свою книгу о Гегеле, которая, естественно, была направлена против всей официальной линии,¹⁹² потому что Жданов отстаивал ту точку зрения, согласно которой Гегель был одним из романтических критиков Французской революции. Я даже не хочу говорить о том, что в то же время я начал работу над «Разрушением разума». Здесь я обращаюсь также против той догмы, что современная философия основывается исключительно на противоположности материализма и идеализма.¹⁹³ Я занял позицию, противоположную

и иррационализму, и рационализму, будь то в идеалистической или материалистической форме. То есть даже в то время тематически я вышел далеко за линию Лифшица. Бедный Лифшиц остался в России, я ни в коем случае не хочу его обидеть. Что он мог сделать в России? Он поддерживал ту линию, согласно которой современная литература не была хороша. Его точка зрения становилась все более и более консервативной. Я не хочу сказать, что существующая между нами дружба вследствие этого прекратилась, но, естественно, те вещи, которые Лифшиц до сего дня еще не отринул, я оставил теоретически очень далеко позади.

Интервьюер: Но тем не менее с ним было что-то неладно, поскольку после 1945 года его имя вряд ли могло быть произнесено в Венгрии.

Лукач: Да, верно, однако это было связано с еврейским вопросом.¹⁹⁴ Он, в сущности, всегда был очень ортодоксален в том смысле, что только материалистическая философия согласуется с реалистической теорией искусства.

Интервьюер: В каких современных литературных феноменах обнаруживается различие между Вами? В конце концов, товарищ Лукач, Вы также отвергаете довольно много современных явлений. Я имею в виду, например, драмы Ионеско или Беккета. Какие современные феномены Вы, товарищ Лукач, принимаете, а Лифшиц решительно отвергает? Какого рода эти феномены?

Лукач: В современной драме, несомненно, появляются следы или начала трагического. Эти следы или начала я наблюдал с исключительной озабоченностью, поскольку, на мой взгляд, необходимо указать, что эти вещи, пусть слабые и неясные, существуют и сегодня. Эти феномены Лифшиц полностью отвергал.

Интервьюер: Товарищ Лукач, у каких писателей Вы наблюдали это появление трагического?

Лукач: В «Визите старой дамы» Дюрренматта,¹⁹⁵ например, эта связь, несомненно, присутствует. Его позднейшее развитие я прослеживаю очень критически, но его первая драма...

Интервьюер: В области изобразительного искусства также существовало различие между Лифшицем и товарищем Лукачем?

Лукач: Различие заключалось в том, что я усматривал высшую точку современной живописи в Сезанне и Ван Гюге,¹⁹⁶ в то время как Лифшиц относил эту высшую точку намного раньше.

Интервьюер: В какую эпоху?

Лукач: В эпоху Возрождения.

Интервьюер: Это очень давно. Существовало ли в области музыки такое различие?

Лукач: Область музыки не была в то время столь важна, поскольку вопрос музыки стал важен для меня, когда я оказался перед лицом проблемы Бартока.¹⁹⁷

Интервьюер: Товарищ Лукач, что привело Вас в Берлин?

Лукач: Это очень просто. Я хотел уехать из Москвы. После «Тезисов Блюма», когда я явился к Рязанову, он остроумно сказал: «Ah, Sie sind kominterniert!».¹⁹⁸ Это, к сожалению, не поддается переводу.

Интервьюер: А что произошло с Рязановым?

Лукач: Рязанов был директором Института Маркса и Энгельса. Он был известным марксистом, в давние времена осуществил большое издание Маркса и Энгельса. Он был эксцентричным, но чрезвычайно образованным человеком и действительным знатоком

Маркса. Уже во время моего пребывания там¹⁹⁹ у него были какие-то неприятности, в связи с которыми он был переведен в провинцию и во время больших процессов наконец исчез. Подробности неизвестны.²⁰⁰

Интервьюер: Почему Вы выбрали Берлин?

Лукач: Вена интересовала меня лишь в качестве венгерского центра,²⁰¹ однако направиться туда я не мог, поскольку венгерская партия, то есть Кун и его люди, выступили бы против этого. Тогда я решил ехать в Берлин, поскольку совершенно правильно предположил, что смог бы серьезно поработать в немецкой партии. В течение двух-трех лет моего пребывания в Берлине я вел работу исключительно на немецком направлении.²⁰²

Интервьюер: Андор Габор остался в Вене?

Лукач: Нет, он переехал в Берлин уже в двадцатые годы.

Интервьюер: А Бела Балаж?

Лукач: Балаж также переехал в Берлин, а затем в Москву.²⁰³ Однако в эмиграции я совершенно разошелся с Белой Балажем.

Интервьюер: Почему?

Лукач: Об этом мы уже говорили. Политически Балаж был левым. Однако он не пережил до конца мировоззренческий переворот, то есть он построил свое старое мировоззрение в официальный коммунизм. Вследствие этого возникла двойственность, которую я ни теоретически, ни в художественном плане переносить не мог. За исключением его первого сборника лирики, «Мужской песни», вещи, написанные им в эмиграции, страдали этой двойственностью, и вследствие этого мы затем постепенно отдалились друг от друга. Добавлю к этому, дабы вы видели, что речь идет не о каком-то сектантстве: я всегда отгова-

ривал Балажа вступать в партию. Я в самом деле считал, что этот мировоззренческий вопрос не встанет с такой остротой, останься он просто буржуазным писателем, сочувствующим коммунизму. Тогда бы никто не обязывал его принимать марксизм, и он мог бы остаться левым буржуазным писателем. Однако он хотел любой ценой вступить в партию.

Интервьюер: В отношении заслуг Балажа в области теории кино Вы придерживаетесь столь же уничижительного мнения?

Лукач: Что касается кино, Балажу очень повезло, что не существовало никакой марксистской теории кино. Следовательно, он мог писать об этом на свой лад, и этот дуализм не проявился. Однако я не знаю, видели ли вы «Цинку Панну»,²⁰⁴ которую после 1945 года Кодай даже положил на музыку? Это было просто ужасно. С одной стороны, он непременно хотел подать себя как человек, подходящий к делу с марксистских позиций, и потому сделал Ракоци и Берчени оппортунистами, а Ласло Очкаи представлял по отношению к ним плебейско-демократическую линию. Это было уже само по себе верхом идиотизма. Но он к тому же вдобавок выдумал следующее: посланник Берчени идет с планом сражения к Очкаи. Характерным является то, что этот план сражения полностью совпадает с первоначальным планом Очкаи. Но поскольку план послан Берчени, он не желает его исполнить. Работа полна такого рода глупостей, и я, конечно, уже в Москве сказал Балажу, что он должен сжечь рукопись.

Интервьюер: Насколько глубок был мировоззренческий переворот Андора Габора?

Лукач: Андор Габор с легкостью принял это мессианское сектантство, возникшее после 1919 года и выразившееся на венгерской стороне в жгучей ненависти к Хорти и его людям, в Вене, уже не прини-

мавшей столь же сектантского характера. Но позже, уже именно на этапе перехода к Сталину, Габора охватило настолько глубокое разочарование, что старик, в сущности, погиб, поскольку, думаю, во всем мире не найдется человека, который прочитал бы все десять — а жена Габора, к несчастью, настояла на десяти томном издании — томов его сочинений. Но среди прочего там есть его венские стихотворения и памфлеты в «*Bécsi Magyar Újság*» («Венская венгерская газета»), которые я считаю превосходными. Они принадлежат к лучшим венгерским памфлетам. К сожалению, должен сказать, что, на мой взгляд, кроме меня, не существует венгерского писателя, на котором сталинская эпоха не оставила бы шрамов времени. О Хайе мы уже поговорили. Так что Ревай на съезде в Венгрии отстаивал очень неверную позицию, защищая эмигрантскую литературу.²⁰⁵ И оставшиеся в Венгрии писатели были совершенно правы в своем непринятии этой позиции. Ни Балаж, ни Габор, ни Дюла Хай и так далее...

Интервьюер: Не говоря уже о Беле Иллеше.

Лукач: Бела Иллеш, Шандор Гергей...

Интервьюер: Но Бела Иллеш мог даже испортиться, поскольку его первая книга была вовсе не так плоха...

Лукач: «Карпатскую рапсодию» еще можно читать как книгу. Но те, что он написал впоследствии, просто ужасны.

Интервьюер: Теперь мы можем перейти к берлинскому периоду. Когда Вы прибыли в Берлин?

Лукач: Летом 1931 года.

Интервьюер: И оставались там до захвата власти Гитлером?

Лукач: Гитлер пришел к власти в январе, а в марте я уехал в Москву.

Интервьюер: Похоже, это было обычным делом для товарища Лукача — в течение еще двух месяцев оставаться на месте событий после победы контрреволюции.

Лукач: Видите ли, я все еще оставался в Берлине, поскольку партия также отстаивала очень неправильную позицию, согласно которой я должен был перевести организации интеллектуалов на нелегальное положение. Это, конечно, была наивность, ведь кто мог уже тогда знать, как будет выглядеть нелегальная работа при Гитлере? Но в любом случае после захвата власти Гитлером я оставался там примерно до середины марта.

Интервьюер: Чем Вы занимались в Берлине? Писали?

Лукач: В Берлине я главным образом писал.

Интервьюер: Вы работали в какой-то газете или журнале?

Лукач: Видите ли, у меня не было никакого договора, но я постоянно работал, например, для «Die Linkskurve» и других коммунистических изданий.

Интервьюер: Все ли сравнительно многочисленные статьи для «Linkskurve» были написаны в это время или же Вы отправляли в «Linkskurve» работы еще из Вены?

Лукач: Нет, все эти статьи были написаны там. Они сейчас вышли. В четвертом томе моих сочинений.²⁰⁶

Интервьюер: Вы играли какую-либо роль в немецком Союзе писателей?

Лукач: В немецком Союзе писателей работала большая левая группа, часть которой составляли коммунисты. Я принадлежал к руководству этой коммунистической части группы.

Интервьюер: Возможно ли было в то время в Германии открыто признавать себя коммунистом?

Лукач: Видите ли, сам факт того, что я был коммунистом, невозможно было скрыть. Однако это касалось не только меня, но и, скажем, Виттфогеля и Бехера, которые играли в то время большую роль. Каждому было известно, что они коммунисты.

Интервьюер: Товарищ Лукач, и положение не осложнялось тем, что Вы были иммигрировавшим коммунистом и организационно?..

Лукач: До прихода Гитлера это не играло никакой роли. Не знаю, так ли обстояло дело и у других. Но я был довольно известным немецким писателем — и я говорю это сейчас не в коммунистическом понимании, — я был писателем, о котором писали Томас Манн и другие. Словом, я принадлежал к так называемой писательской элите. Так что приходилось считаться с тем, что я коммунист.

Интервьюер: Ваши современные марксистские взгляды, которых Вы и сегодня придерживаетесь, в общем и целом сформировались в то время, то есть до 1933 года, до окончания немецкого периода Вашей эмиграции?

Лукач: Видите ли, их истоки могут быть отнесены именно к этому времени. Особенно ясно это проявилось в том, что я критиковал натурализм Бределя в «Linkskurve»,²⁰⁷ в то время как официальное немецкое коммунистическое направление видело в Бределе своего великого пролетарского представителя. В художественном плане я всегда отвергал такого рода натуралистическое понимание коммунистической идейности.

Интервьюер: Ваше знакомство с Брехтом также произошло в то время?

Лукач: Да.

Интервьюер: О Ваших отношениях с Брехтом сейчас в Восточной Германии появляется так много, даже клевета...²⁰⁸

Лукач: Тогда в Берлине я считал Брехта сектантом, и его первые пьесы, его дидактические пьесы, несомненно, были очень сектантскими по своему характеру. Следовательно, по отношению к брехтовскому направлению я занял до известной степени критическую позицию, которая затем еще более обострилась. Главная заслуга принадлежала здесь его жене, которая всегда — как это можно видеть и сегодня — стояла на самой официальной точке зрения, дабы тем самым поспособствовать брехтовскому поэтическому успеху.²⁰⁹ Это происходило и тогда. В этой связи я хотел бы рассказать один эпизод. Я находился в Германии в таком положении, что моя активность в сфере культуры в качестве писателя была разрешена официально. Однако мне сказали, что я должен держаться подальше от политики. И тут на одном партийном собрании я был атакован фрау Брехт, говорившей, что на районном партийном собрании в таком-то вопросе я политически должен занять такую-то позицию, на что я просто сказал ей, что очень просил бы фрау Брехт высказать это в полиции, а не здесь.

Интервьюер: Как развивались Ваши отношения с Брехтом в последующие годы?

Лукач: Дело в том, что в дебатах об экспрессионизме между нами обнаружилось несомненное различие. Несомненно, что Брехт скорее сочувствовал экспрессионистам, нежели мне.²¹⁰ Однако во время войны — уже не помню, в каком году, — мы как-то повстречались в Москве. Изначально он некоторое время прожил в Дании и Финляндии. Оттуда он путешествовал через Советский Союз в Америку. Мы встретились в Москве,²¹¹ и тогда в одном кафе Брехт сказал мне: «Смотрите, существует куча людей, которые любой ценой хотят на-

травить меня на вас, и, несомненно, существует точно так же много людей, желающих натравить вас на меня. Мы не должны допустить этого». Беседа окончилась довольно забавно, поскольку мы договорились, что через час после заключения мира встретимся в таком-то кафе в Берлине. Стало быть, в Москве мы расстались довольно дружелюбно, хотя в дебатах об экспрессионизме я критиковал все, что только можно. Однако я признаю себя виновным в одном литературном упущении, которое можно объяснить тем, что я был слишком сильно занят венгерскими делами: уже после того, как мне стало ясно большое значение последнего периода [творчества] Брехта, я не написал о нем никакой статьи. Если бы я это сделал, сегодня было бы куда яснее, какого мнения я придерживался об этом периоде [творчества] Брехта. Это факт, что в то время при каждом своем визите в Берлин я посещал Брехта и что мы часто бывали вместе. Я делился с ним своим мнением, мы обсуждали его. И можно сказать, что между нами сложились исключительно хорошие отношения, что можно проиллюстрировать также и тем, что по просьбе жены Брехта я был в числе тех, кто в Берлине выступил с речью о нем непосредственно после его смерти. Я находился на одном немецком курорте, где мне поступила просьба выступить с этой речью.²¹²

Интервьюер: Полагаю, если мне будет позволено быть немного критичным, Ваше упущение имеет и еще одну сторону, поскольку, может быть, ранние драмы Брехта, за исключением «Трехгрошовой оперы», и не останутся...

Лукач: Да.

Интервьюер: ...но его ранние стихотворения имеют непреходящую ценность.

Лукач: Видите ли, лирикой Брехта я, в сущности, никогда подробно не занимался. Эти же поздние дра-

мы я, напротив, оцениваю очень высоко. Об этом я говорю в «Эстетике»²¹³ и где-то еще. Я попросту совершил ту ошибку, что в тридцатые годы, когда был сильно занят, не написал для какого-либо немецкого издания ни единой статьи о том, насколько все же отличны поздние драмы Брехта от ранних.

Интервьюер: В тридцатые годы? Не в сороковые?

Лукач: В сороковые.

Интервьюер: Ведь когда Вы писали «Прогресс и реакция в немецкой литературе»,²¹⁴ Вам еще не были известны эти драмы, а эту работу Вы же написали в тридцатые.

Лукач: Нет-нет, в сороковые, я просто ошибся.

Интервьюер: Почему, на Ваш взгляд, Брехт не остался в качестве эмигранта в Советском Союзе? Он ничего не говорил на этот счет?

Лукач: Видите ли, Брехт, как бы это сказать, всегда хотел, с одной стороны, фантастическим образом зарезервировать для себя обеспеченное и кошерное место в партии, а с другой — сохранить полнейшую свободу. Для него также характерно, что, прежде чем направиться в Восточный Берлин,²¹⁵ он сперва получил австрийское гражданство. Как австрийский гражданин он отправился в Берлин и до самого конца оставался гражданином Австрии.

Интервьюер: Насколько я знаю, он поместил свои деньги в один скандинавский банк и продал авторские права западногерманскому издательству «Suhrkamp», то есть в общей сложности четыре страны были вовлечены им в дело обеспечения безопасности его жизни и его трудов.

Лукач: Одним словом — и в этом большую роль сыграла его жена, — Брехт был чрезвычайно предусмо-

трительным человеком, не отказывавшимся от возможности заключить хорошую сделку для обеспечения своей свободы.

Интервьюер: Какие контакты были у Вас в Берлине с другими значительными писателями? К примеру, с Анной Зегерс?

Лукач: С Анной Зегерс у меня, так сказать, до последних лет были дружеские отношения. Наша переписка также была окрашена в дружеские цвета. Но с тех пор как Анна Зегерс – на мой взгляд, совершенно излишне и безрассудно – подчинилась последним ульбрихтовским литературным тенденциям, наша связь без особых издержек прервалась.²¹⁶

Интервьюер: Но началась она уже тогда в Берлине?

Лукач: В тридцатые годы в Берлине, еще до Гитлера.

Интервьюер: Насколько я знаю, ее муж был венгром.

Лукач: Ее муж был венгром, однако дурного сорта, не слишком кошерным по мне. Говоря «некошерным», я имею в виду, что он был человеком партии в плохом смысле этих слов. Думаю, в этом отношении он имел плохое влияние на Анну Зегерс.²¹⁷

Интервьюер: А другие писатели? Блох, Бехер...

Лукач: С Блохом у меня был некоторый контакт. С Бехером меня связывали дружеские отношения.²¹⁸ Он был важнейшим связующим звеном с немецкими писателями, поскольку мои старые литературные связи, так сказать, полностью исчерпались. Кто-то умер, да и не стоит забывать, что, например, Томас Манн свое отношение ко мне выражал чрезвычайно дипломатично.

Интервьюер: И в чем состояла его дипломатия?

Лукач: Его дипломатия состояла в том, что он никогда не утверждал ничего хорошего обо мне, без то-

го чтобы в то же время не сделать какую-нибудь огорку.

Интервьюер: Он делал это из политической дипломатии или же ради своего буржуазного престижа?

Лукач: Видите ли, я думаю, что в глазах Томаса Манна я должен был быть чем-то вроде — не знаю, как выразить это по-венгерски, — *unheimliche* (в оригинале по-немецки), то есть удивительного явления. Я абсолютно не исключаю, что это было так с самого начала и что связано это было даже не с коммунизмом, а с характером нас обоих. Недавно обнаружилось одно очень подозрительное обстоятельство. Дело в том, что один американский профессор написал мне, что в архиве Томаса Манна он изучил рукопись «Смерть в Венеции», где обнаружил дословные, без кавычек помещенные туда цитаты из «Души и форм». Но кто знает молодость Томаса Манна, тому известно, что Томас Манн тотчас устанавливал хорошие отношения с критиком, если для этого представлялась хоть какая-нибудь возможность. Со мной же он никогда близких отношений не устанавливал. Хотя я в то время еще не был коммунистом. Одним словом, здесь должно быть что-то, причину чего я не могу обнаружить, отчего для него я был — мне не приходит на ум точное венгерское слово — *unheimliche* (в оригинале по-немецки) явлением...

Интервьюер: Подтверждением здесь может служить то, что, согласно литературному преданию, фигура Нафты...²¹⁹

Лукач: Не может быть абсолютно никаких сомнений в том, что для фигуры Нафты он взял меня в качестве модели. Он был, однако, слишком умен, чтобы не знать, что взгляды Нафты не были моими взглядами.²²⁰ На эту тему в его письмах имеется ужасно много всякой дипломатии. К примеру, у него была

переписка с одним немецким историком литературы французского происхождения, которого он очень просил, чтобы тот не поднимал вопроса Нафты, поскольку до сих пор я очень дружелюбно высказывался об этой великой книге, о «Волшебной горе» то есть, явно не принимал в голову, что Нафта как-то ко мне относится.

Интервьюер: Как будто бы Вы, товарищ Лукач, интересовались тем, что...

Лукач: Смотрите, однажды я дал интервью журналу «Spiegel», где сказал, что когда Томас Манн спросил меня в Вене, можно ли ему использовать меня в качестве модели, то я не возражал, ведь это точно то же, как если бы он сообщил мне, что забыл дома свой портсигар и попросил меня дать ему сигарету.

Интервьюер: Существует еще одно место, подтверждающее в филологическом плане, что Томас Манн при изображении Нафты имел перед глазами образ товарища Лукача. В его письме к канцлеру Зейпелю есть места, почти дословно совпадающие с тем, что Ганс Касторп думает о Нафте...²²¹

Лукач: Да-да, невозможно отрицать, что Томас Манн хотел запечатлеть в Нафте меня. Однако я считаю, что если, узнавая в его ранних новеллах определенных немецких писателей, я бывал этим очень позабавлен, а сами изображения эти мне очень понравились, то почему я должен смотреть иначе в том случае, когда в роли прототипа оказываюсь я сам? В литературном плане такое вполне можно себе представить. Но в то же время я никогда не буду изучать, действительно ли человек, изображенный тем или иным писателем, похож на этого человека в реальности или же нет, поскольку вопрос этот неинтересен. Интересно же, скорее, другое: удалось ли

этому писателю изобразить тот тип, который он хотел изобразить. Равным образом я не буду разбираться, насколько Нафта похож на меня. В случае с Нафтой этот образ удался. Следовательно, с Нафтой все в порядке.²²²

Интервьюер: Писатель либо ищет свою модель среди своих знакомых, либо прибегает к такой абстракции, в которой более никто или же, наоборот, каждый может узнать себя.

Лукач: Если Томас Манн постоянно заботился о том, чтобы меня не узнавали... К этому нужно, конечно, добавить, что порой писатель должен отступить от своей модели из-за свойств объекта. Приведу простейший пример: в августе 1919 года я покинул Будапешт, естественно, не имея никаких денег. Костюм, в котором я предпринял эту поездку, носился мною все 1919 и 1920 годы, поскольку он был моим единственным костюмом, и в этом же костюме я посетил Томаса Манна. Стало быть, что я был элегантен, увидеть он не мог. Он сочинил мою элегантность в угоду образу. Хочу добавить, что я никогда не был элегантен. Есть одно очень хорошее высказывание Либермана о том, что он написал кого-то более похожим, чем он был в действительности (в оригинале фраза по-немецки). Писатель нуждается в некотором образе (Gestalt). От меня же Томас Манн получил импульс. И все, что ему было необходимо, он совершенно свободно изменил. Не думаю, что он особенно обращал внимание, был ли я элегантно одет или же нет.

Интервьюер: И он наверняка вложил в этот образ нечто от происхождения товарища Лукача из богатой семьи...

Лукач: Верно, нечто подобное возможно, но несомненно все-таки, что я не был элегантен, когда посетил Томаса Манна в мае 1920 года.

Интервьюер: Вы также встречались по случаю лекции о Шиллере в 1955 году.

Лукач: Это опять-таки было очень характерно для Томаса Манна. Когда в Йене проводился шиллеровский юбилей,²²³ я жил с ним в одном отеле. Питание же было организовано так, что высокие бонзы, большие шишки, вся верхушка [в оригинале приводит это слово по-русски], Ульбрихт и остальные, а также Бехер от писателей и Томас Манн от буржуазных писателей ели в специальной комнате, в то время как я вместе со «средним классом» ел прямо там, в отеле. И ни единого раза Томасу Манну не пришлось на ум сказать Бехеру: «Пригласите же и Лукача к столу!»²²⁴

Интервьюер: Бехеру эта мысль также не пришла в голову.

Лукач: Поскольку Бехер был точно таким же дипломатом, как и Томас Манн.

Интервьюер: И эта дипломатия имела, однако, для него печальные последствия. В то время как дипломатия Томаса Манна не оказала никакого влияния на его творения, дарование Бехера было ею загублено.

Лукач: В таких вопросах, как вы видите, я очень либерален. Хорошему писателю я позволяю, так сказать, все. Когда-то у меня была переписка с Томасом Манном — к сожалению, уничтоженная в Вене, — в которой я высказывал опасения, что мы можем поспорить. Во время процесса по делу Санто я написал ему с предложением направить протестную телеграмму Хорти против процесса.²²⁵ В ответ на это Томас Манн написал мне длинное письмо о том, что сейчас он в Польше принимает участие в заседании ПЕН-клуба, и о том, как прекрасны, в отличие от политики, в которой он не хотел бы участвовать, эти великие идеологические связи. На это я ответил ему очень грубым письмом, где писал, что политику он

понимает так, что, если бы это было нужно, полуфашизм Пилсудского был бы безоговорочно поддержан идеологически по линии ПЕН'а, и он был бы этим очень воодушевлен. Однако если бы было нужно спасти порядочного коммуниста от смерти, тогда политика вдруг стала бы ужасным делом. Я был убежден в том, что после этого письма все связи между нами оборвутся. Вместо этого тремя днями позже я получил телеграмму: «Телеграфировал Хорти».²²⁶ Мне очень жаль, что эта телеграмма больше не существует.²²⁷

Интервьюер: Однако письмо, вероятно, имеется в архиве Томаса Манна.

Лукач: Письма тоже нет. Я уничтожил его.

Интервьюер: А письмо, которое Вы, товарищ Лукач, написали?

Лукач: Это письмо, может быть, сохранилось, но они этим хвастать, конечно, не станут.

Интервьюер: Однако тогда должна же быть копия письма Томаса Манна. Ведь насколько я знаю, он делал копии всего, что только можно представить, отчасти для потомков, в расчете на открытие архива.

Лукач: Вполне возможно, что письмо где-то имеется. Мы по крайней мере придерживались тогда мнения, что Томас Манн может быть полезен и в других случаях и это нужно будет использовать.²²⁸ Следовательно, нужно было внимательно следить, чтобы при обыске при мне не смогли бы обнаружить никаких писем Томаса Манна. Поэтому мы и уничтожили эту переписку.²²⁹

Интервьюер: Ваша дружба с Эрнстом Фишером началась в венские годы?

Лукач: Нет, уже в Москве.

Интервьюер: Насколько мне известно, Эрнст Фишер тоже переписывался с Томасом Манном по схожим делам.

Лукач: С самого начала Эрнст Фишер был коммунистом, который поддерживал контакт с беспартийными и искал связей.

Интервьюер: Давайте перейдем к годам в Москве.

Лукач: 30 января Гитлер стал рейхсканцлером. Было очевидно, что оставаться в Берлине мне было больше нельзя. Партия, однако, считала, как уже было сказано, что я должен помочь перевести организацию, насколько это было возможно, на нелегальное положение. Это, конечно, было смешно, поскольку нелегальную работу в эпоху Гитлера невозможно было сравнить ни с какой предшествующей нелегальной работой и поскольку не существовало никакой организации, в рамках которой она могла бы проводиться. Так или иначе по этой причине до середины марта я оставался в Берлине, а в середине апреля выехал в Москву.

Интервьюер: В то время уже абсолютно нелегально?

Лукач: Я всегда путешествовал нелегально. У меня не было паспорта, поскольку Венгрия не дала мне его. Следовательно, я путешествовал с паспортом из нелегальной мастерской даже тогда, когда я как член венгерского ЦК много ездил туда-сюда между Веной и Прагой, Веной и Берлином. До 1945 года я никогда не путешествовал по Европе с легальным паспортом.

Интервьюер: После возвращения в Москву Вы продолжили работу в Институте Маркса и Энгельса?

Лукач: Нет, в Институт Маркса и Энгельса я не вернулся, поскольку тем временем по инициативе Сталина была инициирована кампания, имевшая и

свои вполне положительные стороны, а именно борьбу против РАПП. Эта кампания, в сущности, служила хорошей цели — сместить троцкиста Авербаха, генерального секретаря РАПП. Сталин был исключительно заинтересован в этом вопросе. В этой кампании также приняли участие Юдин и Усиевич, атаковавшие бюрократическую аристократию РАПП и предлагавшие вместо узколобой РАПП, принимавшей в свои ряды только коммунистических писателей, общий русский Союз писателей, в котором каждый русский писатель из Советского Союза занял бы свое место и который тогда смог бы заниматься делами русских авторов.²³⁰ Я также присоединился к этому движению. В какой-то мере движение раскололось на две части. Чисто сталинистское крыло удовлетворилось тем, что изолировало Авербаха. В последующие годы он был также ликвидирован — уничтожен в ходе процессов. Из другого крыла вышел журнал «Литературный критик», боровшийся за революционно-демократическое преобразование русской литературы. В последний период моего пребывания в России я принимал в нем участие.

Интервьюер: Какие возможности имел этот журнал в годы поднимающегося сталинизма?

Лукач: Не следует забывать то особенное обстоятельство, что практическое влияние сталинизма все-таки осуществлялось через центральный партаппарат. Не знаю, по какой причине, но Сталин, во всяком случае, рассматривал также и философов Митина и Юдина в качестве своих людей. Следовательно, в Центральном Комитете они играли важную роль и, таким образом, Юдин мог выторговать через Усиевич уступки для направления «Литературного критика». По этой причине не только я уцелел в годы больших процессов; среди актива «Литературного критика» никто также не стал жертвой великих преследований.

Усиевич, на мое счастье, была моей московской подругой. Она в свою очередь хорошо дружила с Юдиным. Благодаря этому мы действовали как фракция в Центральном Комитете, хотя Фадеев и другие, бывшие членами других фракций, нас непрерывно атаковали. Мой арест был предотвращен посредством взаимодействия несметного количества обстоятельств благодаря моей сказочной удаче. С одной стороны, мы находились под протекторатом Юдина. С другой, на мое счастье, я больше не играл никакой роли в венгерской партии, где уже нельзя было найти ни единого человека, который смог хотя бы вспомнить меня лично. Процессы происходили между 1936 и 1937 годами, «Тезисы Блюма» были в 1930. Если кто-то в то время полностью отсутствовал в венгерской партии столь долго, его забывали. Личные вещи были тогда не так очевидны, как сегодня, во время «великих протоколов»²³¹ и чего там еще. Вдобавок приведу один очень циничный мотив: у меня была очень плохая квартира,²³² и она чрезвычайно мало привлекала людей из НКВД.

Интервьюер: В связи с этим в «Прожитых мыслях» находится еще одно непонятное мне замечание: «Удача в годы катастроф, Бухарин-Радек 1930...»

Лукач: Вернувшись в 1930 году в Москву, я был очень дружелюбно встречен Бухариным. Он любезно подготовил для меня встречу, от которой я отказался.

Интервьюер: В таком случае удача может относиться к этому...

Лукач: Не случись этого счастливого обстоятельства, я, конечно, попал бы в сталинский процесс.

Интервьюер: А что должно означать: «И все же удача в 1941»?

Лукач: В 1941 году я тем не менее был арестован.

Интервьюер: Это Вы называете удачей?

Лукач: Под удачей я понимаю то, что был арестован именно в этот момент, поскольку тогда все эти казни больше уже не имели места.²³³

Интервьюер: Товарищ Лукач, на протяжении всех Ваших воспоминаний устойчиво слышится: «Мне очень повезло». Не могу ничего поделаться, но мне на ум пришел герой Солженицына Иван Денисович, которому точно так же в этом очень везло.

Лукач: Я прошел через одну из крупнейших в мире кампаний арестов. В конце кампании, когда существенные моменты этой кампании перестали играть какую-то роль, я был арестован на два месяца. Это можно понять только как удачу.

Интервьюер: Выяснилось ли, почему Вы были арестованы?

Лукач: Когда меня доставили в тюрьму, мне сказали, что меня арестовали как московского представителя венгерской политической полиции.²³⁴

Интервьюер: На основании какого доноса?

Лукач: Не имею ни малейшего представления, поскольку никаких актов в мое распоряжение представлено не было. Когда меня арестовали, произошел обыск и была конфискована одна папка, в которой хранились автобиографии, связанные с моими заявлениями о приеме в различные партийные и другие организации. Все вопросы были связаны с этим. Вы можете судить об уровне вопросов на основании того, что парень, который допрашивал меня однажды, сказал: «Я прочел эти вещи и вижу, что во время III Конгресса вы были ультралевым и стало быть троцкистом». В ответ на это я ответил: «Стало быть, извините, в этом утверждении верно только то, что во время III Конгресса я был ультралевым, однако неверно, что

Троцкий был тогда троцкистом, поскольку в то время он поддержал Ленина». Затем он спросил меня, кто же в таком случае был троцкистом. Я сказал ему: часть итальянских коммунистов, часть польских коммунистов были троцкистами, среди немецких коммунистов — Маслов, Рут Фишер,²³⁵ Тельман. Когда я назвал имя Тельмана, парень покраснел, ударил кулаком по столу и сказал, что я лжец. Я ответил ему, что мы не должны говорить об истине и лжи — в их библиотеке имеются протоколы III Конгресса, и я бы посоветовал ему прочесть речь Тельмана, прочесть, что ответил на нее Ленин, а также прочесть и речь Троцкого. Больше мы к этому вопросу не возвращались.²³⁶

Интервьюер: Книги не конфисковали?

Лукач: Нет, ничего не конфисковали.

Интервьюер: Были ли у Вас книги, которые могли бы конфисковать?

Лукач: Нет. Мне сказали, что библиотека конфискована, но Гертруд проследила, чтобы они ничего не забрали.

Интервьюер: Товарищ Лукач, уничтожили ли Вы те книги, которые считали опасными?

Лукач: Это нужно было сделать, поскольку, если бы у кого-то обнаружили книги Троцкого, это было бы очень опасно.

Интервьюер: Вы уничтожили главным образом Троцкого?

Лукач: Главным образом Троцкого, Бухарина и прочих — книги тех, кто попал между шестерней машины. Хочу заметить, что сделать это меня вынудил Андор Габор. Как-то раз он явился вместе со своей женой и большим мешком, забрал все книги Троцкого и Бухарина из библиотеки и тем же вечером бросил их в реку.

Интервьюер: Эта сцена, должно быть, очень походила на ту, что Тибор Дери описал в книге «Приговора не будет», когда Андор Габор предостерегал его быть начеку и переписать свою книгу.²³⁷ Габор, должно быть, был предусмотрительным человеком.

Лукач: Габор был очень своеобразным человеком. Больше всего он хотел бы уберечь всех от подобных ситуаций. Сам он, однако, был в этом отношении очень смелым. Например, он постоянно переписывался с арестованными, постоянно посылал им продукты и т. д. И вообще, Андор Габор был на редкость порядочным человеком.

Интервьюер: Каким обстоятельствам Вы обязаны своим быстрым освобождением?

Лукач: Как я узнал позже, за меня вступился Димитров.²³⁸

Интервьюер: У Вас были с ним личные отношения?

Лукач: Еще со времени моего пребывания в Вене, когда он находился там в качестве болгарского эмигранта.²³⁹ Димитров без конца посещался всевозможными английскими и американскими журналистами, и, так как я хорошо владел английским, хотя у меня и был ужасный акцент, я часто переводил для него и его людей. Отсюда происходит наше знакомство.

Интервьюер: В Москве у Вас были с ним какие-то отношения?

Лукач: В Москве мы не встречались. Поскольку он был таким большим человеком, а я таким маленьким, просто встретиться с ним в Москве было невозможно.²⁴⁰

Интервьюер: Как Димитров узнал о Вашем аресте, товарищ Лукач?

Лукач: Очень просто. Гертруд сообщила Бехеру. Бехер, Ревай и Эрнст Фишер вместе пошли к Дими-

трову и рассказали обо всем ему.²⁴¹ Поскольку Димитров был обо мне очень хорошего мнения — не знаю, как оно сложилось в Вене, — он тотчас начал действовать. На счастье, Ласло Рудаш²⁴² был арестован вместе со мной, так что к этим действиям тут же присоединилась и венгерская партия. В то время Матьяш [Ракоши] уже фигурировал в качестве будущего вождя и, естественно, имел очень хорошие отношения с Рудашем.²⁴³ Когда Димитров предложил Ракоши предпринять действия для Лукача и Рудаша, тот ведь не мог сказать: для Рудаша, но против Лукача. И это очень противоречило физиономии Ракоши.

Интервьюер: Арест Рудаша был мне неизвестен. Таким образом, едва ли был хоть один человек, которого бы не арестовывали.

Лукач: Было лишь очень мало людей, которых вообще не арестовывали.

Интервьюер: Реваи?

Лукач: Реваи не арестовывали.

Интервьюер: Белу Иллеша тоже.

Лукач: Белу Иллеша тоже. Однако Белу Иллеша на некоторое время куда-то интернировали. Антикуновская волна отчасти захватила с собой и его.²⁴⁴

Интервьюер: Стало быть, другие участники «Литературного критика», Лифшиц, а также Усиевич, избежали всех процессов?

Лукач: Усиевич до самого конца оставалась нетронутой. Она была чрезвычайно старым членом партии. Будучи молодой девушкой, она приехала в Москву в особом поезде Ленина. Она обладала очень большим партийным прошлым.

Интервьюер: Которым обладали также и другие.

Лукач: Но кроме как в области литературы, она не занимала позицию ни в каких вопросах. Она не была ни троцкистом, ни бухаринцем. Следовательно, она не угодила в процессы. К слову, она происходила из одной исключительно старой большевистской семьи. Ее отец, Феликс Кон, сыграл большую роль в польской партии, и — с гордостью заявляла Усиевич — не было такого польского восстания, в котором бы не приняла участие ее семья. Усиевич уже на основании своего происхождения принадлежала к руководящему слою партии.

Интервьюер: Одно только это не подействовало бы на Сталина.

Лукач: Одно это — нет, но в области философии она опиралась на Митина и Юдина, а перед Сталиным и везде Юдин был всегда солидарен с Усиевич. Это, естественно, означало многое для Усиевич, тем более Сталин не интересовался литературными вопросами в узком смысле слова.

Интервьюер: Заслуживает ли внимания литературное наследие Усиевич?

Лукач: Безусловно. Однако из нее ничего не переводится.

Интервьюер: Возможно ли было «Литературному критику» в годы нарастающих сталинских репрессий, не совпадая с главной сталинской линией..

Лукач: Мы атаковали сталинскую натуралистическую ортодоксию. Не следует забывать, что в то время вышло письмо Энгельса по вопросу о Бальзаке,²⁴⁵ и в чрезвычайно остром противоречии к сталинизму мы подняли вопрос — без того чтобы получить серьезные последствия, — что идеология не является критерием для эстетического качества работы и что

также вопреки плохой идеологии, такой как роялизм Бальзака, может возникнуть очень хорошая литература, что мы затем перевели в форму того, что при очень хорошей идеологии может возникнуть плохая литература. По этой линии, например, Усиевич — я читал вовсе не так много, поскольку не знал русского, — чрезвычайно остро атаковала политическую поэзию своего времени, без того чтобы ее за это посадили в тюрьму.²⁴⁶

Интервьюер: Очевидно, Вам бросилось в глаза, что Сталин разошелся с руководящей линией Ленина. В какой степени это повлияло на Ваше мировоззрение в последующем развитии?

Лукач: Могу сказать, что я полностью проигнорировал это. Помимо литературных вопросов, в работу по этим причинам не вмешивались, то есть нашим противником был только Фадеев. Ему разрешалось полемически выступать против нас. Затем в связи с реорганизацией была дана санкция на закрытие «Литературного критика». Тем не менее по отношению к нам ему не были даны никакие полномочия, которые могли бы привести к аресту,²⁴⁷ хотя это не было бы несовместимо с фадеевской линией. Что, однако, касается философии, то в то время я начал свое философское творчество и оказался в полном противоречии с представляемой Сталиным линией. В то время я написал свою книгу о Гегеле,²⁴⁸ во второй половине тридцатых, тогда, когда Жданов уже сказал, что Гегель на самом деле был идеологом феодальной реакции против Французской революции, но невозможно утверждать, что моя книга о Гегеле была изложением этой мысли.²⁴⁹ Позже Жданов совместно со Сталиным представил всю историю философии в виде борьбы между материализмом и идеализмом. Напротив, «Разрушение разума», в общем и целом возникшее во время Мировой войны,²⁵⁰ ставит совершенно другую

противоположность в центр рассмотрения, а именно борьбу между рациональной и иррациональной философией. Хотя это верно, что иррационалисты все были идеалистами, своими антагонистами они имели также идеалистов, однако рационалистического направления. Так, стало быть, та противоположность, которую я изображаю в «Разрушении разума», опять же совершенно несовместима со ждановской теорией.

Интервьюер: «Разрушение разума» Вы написали во время войны? Я думал, в начале пятидесятих годов.

Лукач: В начале пятидесятих я закончил книгу, но большая часть рукописи была готова уже во время войны. Замечу, что позиция, согласно которой противоположность между материализмом и идеализмом является единственной противоположностью в истории философии, еще имела силу также и в пятидесятые годы, поскольку вы, возможно, помните, что после выхода «Разрушения разума» я был атакован слева как раз на основании того, что будто бы пренебрег этим важнейшим вопросом.²⁵¹

Интервьюер: Один из основных тезисов «Разрушения разума» заключается в том, что философии, не несущей ответственности, не существует. Ницше, а также более ранние иррационалистические тенденции ответственны за фашизм. Товарищ Лукач, возможно ли на этом основании, по Вашему мнению, не делать Маркса ответственным за сталинизм?

Лукач: Если я говорю вам, что дважды два — четыре, а вы, однако, в качестве моего ортодоксального последователя говорите, что дважды два — шесть, то я за это не в ответе.

Интервьюер: С таким же правом можно сказать, что Ницше, который как личность, вероятно, не был бы

последователем Питлера, точно так же не в ответе за то, что сделали из его учения.

Лукач: Речь вновь идет о том, действительно ли следовали теории или нет. Если я объясняю Толстого так, как Энгельс объяснил Бальзака, что между идеологией и искусством существует диссонанс, тогда Энгельс в определенной степени ответственен за мое понимание Толстого. Если я, напротив, полностью искажу характер того, что сказал Энгельс, Энгельс за это не в ответе. Историческая ответственность сводится к действительному продолжению мысли. Я оспариваю, например, что энгельсовское отрицание отрицания будто бы являлось законным продолжением гегелевского отрицания отрицания. Последнее есть чисто логическая категория. Маркс говорит в своих Парижских рукописях:²⁵² «Непредметное существо есть невозможное, нелепое существо». То есть сущее, не обладающее предметностью, не может существовать. Бытие тождественно с предметностью. В противоположность этому гегелевская логика исходит из бытия, лишённого предметности, и первая часть гегелевской логики стремится через внесение количества и качества из беспредметности сделать предметное бытие. Это возможно лишь с помощью логических трюков. И к логическим трюкам относится то, что играет, на мой взгляд, большую роль в онтологических исследованиях марксизма: мы, переоценивая логику и теорию познания, начинаем придавать отрицанию бытийную форму, хотя отрицание лишь в очень переносном смысле является бытийной формой. Речь не только об отрицании отрицания, но и о встречающемся у нас, например, также перенятом от Гегеля *omnis determinatio est negatio*.²⁵³

Интервьюер: Это перенято от Спинозы, не так ли?

Лукач: Да. Но у Спинозы это имеет смысл. У Спинозы это означает, что вещи действительно существу-

ют, когда они являются неотделимой частью субстанции. Как только они становятся самостоятельными вещами, их самостоятельность отрицает это субстанциальное единство. Здесь, стало быть, отрицание имеет какой-то смысл, хотя мы и не могли бы применить его ни к чему в мире без спинозовской идеи субстанции. Гегель привнес сюда дальнейшее развитие, когда определил инобытие как отрицание. Естественно, в инобытии имеется некоторый элемент отрицания. Я могу сказать, что это является столом, а не стулом. Но то, что делает этот стол столом, не негативные, но те позитивные черты, которые имеются в нем, посредством которых создается инобытие между столом и стулом. В своей плебейской манере я обычно говорю, что при таких обстоятельствах, *omnis determinatio est negatio*, я мог бы установить, что лев не является кремом для бритья. Это положение логически безупречно, поскольку лев действительно не является кремом для бритья. Однако можно было бы высказать миллион такого рода положений, и ни одно из них не имело бы действительного смысла, поскольку отрицание является подчиненным моментом в инобытии. Оно возникает при сравнении и здесь выступает лишь подчиненным моментом, поскольку взаимное инобытие стула и стола, например, возникает из совершенно позитивных вещей, и то обстоятельство, что стол не является стулом, есть чрезвычайно подчиненный фактор и не играет собственно в практическом мышлении никакой роли. Напротив, отрицанию, вне зависимости от того, что его истинный смысл уже стерся, выпадает большая роль, только если мы хотим понять действительность на чисто логической основе. Действительным отрицанием является, например, когда я говорю: «Дважды два не пять». Когда я говорю: «Драконов не существует», — это тоже оправданное отрицание. Подавляющее большинство отрицаний, однако, поистине не являются действительными отрицания-

ми. Если я говорю, что лев — это не крем для бритвы, то это абсолютно не является действительным отрицанием, но только чисто логическим следствием побочного логического утверждения.

Интервьюер: Понимаю. Я даже считаю, что и в случае с драконами мы отрицаем что-то, чему в действительности ничего не соответствует.

Лукач: Отрицание состоит именно в том, что понятие бытия не может быть применено к семиглавому дракону.

Интервьюер: Стало быть, это позитивное положение.

Лукач: Если это определение можно применить к крокодилу, а к семиглавому дракону нет, то это «нет» действительно должно что-то значить. Но одно, как правило, забывают, переоценивая отрицание: каждое отрицание в практической жизни является предпосылкой утверждения. Когда я говорю, что я республиканец, то тем самым утверждаю, что не хочу иметь монархию. Это не то же, как: не существует семиглавого дракона, потому что существует монархия. Устранение и разрушение имеют точно такое же отношение к работе, как и сама работа. Это своеобразие человеческого действия. Когда я изготавливаю каменный топор, неизбежно, что я удаляю с будущего топора части камня. Это удаление, конечно, является негативной деятельностью, поскольку удаляемые части камня я просто отбрасываю прочь и больше о них не забочусь. Одним словом, в моем действии имеется негативный элемент. Но этот элемент не тождественен логическому отрицанию. Логическое отрицание в крайнем случае может сказать, что нечто должно не быть или нечто не есть. Но если я удаляю части от исходного куска камня, для того чтобы изготовить каменный топор, то в этом не содержится ни «не есть», ни «должно не быть»...

Интервьюер: «Должно» доминирует.

Лукач: «Должно» доминирует.

Интервьюер: «Должно не быть» в крайнем случае можно было бы выразить так, что «этот камень должен не быть круглым, но быть острым».

Лукач: Сущностью вещи является, однако, то, что он «должен быть острым», так как наряду с тем, что он «должен не быть круглым», я мог бы еще сказать, что он «должен не быть эллиптическим», что он «должен не быть параболическим», и я мог бы назвать еще миллион таких вещей, через которые нельзя было бы определить ни единый каменный топор.

Интервьюер: Позвольте мне теперь вернуться к «Разрушению разума» и спросить, не ощущаете ли Вы недостаток этой работы в том, что в ней не подвергается критике тот вид иррационализма, который сформировался в сталинизме. Я думаю, например, о культе вождя, который, несомненно, является иррациональным моментом, или...

Лукач: В сталинизме философски господствовал гиперрационализм. То, что вы называете иррационализмом, — это форма гиперрационализма. Начиная с Шеллинга в немецкой философии — включая Кьеркегора, — приобретают значение тенденции, противостоящие рационализму. Этим тенденциям приписывается значимость действительности. Со Сталиным рационализм получил форму, в которой он переходит в некоторую абсурдность. Тем не менее эта абсурдность является еще одним понятием, а также чем-то другим, нежели иррационализм.

Интервьюер: Не принадлежит ли также это в какой-то форме к разрушению разума?

Лукач: Я никогда не сомневался и всегда утверждал, что сталинизм является видом разрушения разума.

Только я не считал бы правильным критиковать Сталина там, где, скажем, случайно могла бы обнаружиться какая-то параллель с Ницше, поскольку тем самым мы не приблизимся к истинной сущности сталинизма. Подлинная сущность сталинизма, на мой взгляд, заключается в том, что рабочее движение теоретически сохраняет практический характер марксизма, но на практике действия регулируются не глубоким пониманием вещей, а глубокое понимание призраивается к тактике действий. У Маркса и Ленина была задана основополагающая линия общественного развития, которое движется в определенном направлении. В пределах этой основополагающей линии в каждое время обнаруживаются некоторые стратегические проблемы. В пределах этой основополагающей линии возникают соответствующие тактические проблемы. Сталин перевернул этот порядок. Тактические проблемы он считал первичными и выводил из них теоретические обобщения.²⁵⁴ Например, при заключении Пакта Сталина – Гитлера Сталин применил по отношению к Гитлеру верную тактику, но сделал отсюда совершенно неправильный теоретический вывод, что Вторая мировая война похожа на Первую, то есть что либкнехтовское «враг находится в собственной стране» имеет силу и по отношению к антигитлеровской обороне французов и англичан, что не соответствовало истине. Даже сейчас трудности русской политики заключаются в том, что она не задается вопросом, что является решающим с точки зрения всемирно-исторического развития, но исходит из некоторых тактических вопросов. Подумаем только о конфликте между Израилем и Египтом. Из чисто великодержавной тактики выходит тогда, что египтяне – социалисты, а израильтяне же не социалисты. При этом, конечно, ни те, ни другие социалистами не являются.²⁵⁵

Интервьюер: Товарищ Лукач, Ваше понимание инверсии теории и тактики является, безусловно, соответствующим действительности, но я думаю, суперрационализм, о котором Вы сейчас говорили, во многих пунктах переходит в обыкновенный иррационализм. К примеру, дабы не говорить о чем-то другом, в том, что всемирно-историческая мудрость персонифицируется. Не только в личности Сталина, но и в соответствующей тактике партии...

Лукач: Без сомнения, в преувеличенной рациональности имеется некоторая возможность перехода в направлении иррациональности, поскольку рациональность всегда относится к конкретным вещам. Если я преувеличиваю абстрактные черты этого конкретного, то достигаю той точки, где рациональность предшествовавших рациональных связей заканчивается.

Интервьюер: В ходе предыдущих разговоров, товарищ Лукач, Вы высказали это в связи с категорией необходимости. Преувеличение необходимости ведет в конце концов к теологии.

Лукач: Я придерживаюсь того мнения – и думаю, это совпадает с точкой зрения современного естествознания, – что понимаемая в классическом смысле необходимость существует только в области математики. В действительности следует изучить, насколько велика вероятность истечения необратимых процессов, происходящих в ней. Если, например, вероятность функционирования машины составляет 99.8 %, то я работаю с ней так, как если бы это было необходимо. Я пренебрегаю 0.2 %, хотя теоретически речь не идет о какой-то необходимости, но лишь о 99.8-процентной вероятности. Каждый может наблюдать в повседневной жизни, что мы воспринимаем максимальную вероятность в качестве необходимости. Я думаю, в ее классическом смысле необходимость вовсе не встречается в действительности.

Интервьюер: Можно ли философски охарактеризовать сталинизм через преувеличение необходимости? К примеру, утверждается, что победа революции, точнее низвержение царизма и экспроприация, через такое-то время с необходимостью приведет к социализму. Это, в конце концов, преувеличение необходимости, граничащее с иррационализмом.

Лукач: В «Разрушении разума» я занялся специфической формой иррационализма. В сталинской точке зрения содержится преувеличенная необходимость, становящаяся бессмысленной. Эта бессмысленность в определенной мере граничит с иррационализмом. Но я не думаю, что это было бы важным для понимания этого вопроса. Это побочный мотив.

Интервьюер: А в чем бы Вы усмотрели существенный мотив, если бы исследовали философские корни сталинизма?

Лукач: Я думаю, прежде всего очень важно — и без этого искажения не был бы возможен сталинизм, — что Энгельс и некоторые социал-демократы в его окружении относительно влияния общества по отношению к той действительной общественной связи, о которой говорил Маркс, встали на точку зрения логической необходимости. Маркс всегда, в сущности, говорит, что X человек данного общества реагируют X способами на какую-либо данную производственную систему, и что из этих X-реакций синтезируется происходящий в обществе процесс. Это *ipsosfacto* уже больше не может быть в том смысле необходимым, как дважды два — четыре.

Интервьюер: Какие работы помимо того Вы написали во время Вашего пребывания в Советском Союзе?

Лукач: Работы по истории реализма.²⁵⁶ Потом я выпустил книгу, речь в которой идет о теоретических

вопросах,²⁵⁷ затем сборник эссе о Гёте,²⁵⁸ Бальзаке,²⁵⁹ Толстом²⁶⁰ и так далее. Больше книг я не выпускал. Я писал очень много статей, но, например, издание «Исторического романа» было в России невозможно, хотя я представил его в издательство.²⁶¹

Интервьюер: Книга о Гегеле также не вышла.²⁶²

Лукач: Хотя я и не был арестован во время больших волнений, в глазах издательства я был подозрительным явлением, подозрительным не в том смысле, что будто бы был врагом, но кем-то, кто не следует продиктованному Фадеевым марксизму.

Интервьюер: Так как Вы вновь заговорили о волнах арестов, товарищ Лукач, как могли бы Вы идеологически проанализировать эти процессы?²⁶³

Лукач: Я считал мерзостью эти процессы и утешался тем, что говорил себе, что мы стоим сегодня на стороне Робеспьера, хотя процесс против Дантона, если мы рассматриваем его с юридической стороны, был не многим лучше, чем процесс против Бухарина. Другим моим утешением было то — и это было решающим моментом, — что в это время важнейшим вопросом было уничтожение Гитлера. Уничтожения Гитлера нельзя было ждать от Запада, но только от Советов. И Сталин был единственной существовавшей антигитлеровской силой.

Интервьюер: Разделяете ли Вы свою тогдашнюю точку зрения еще и сегодня? И если да, в какой степени? Мой вопрос касается не вообще Сталина, но процессов.

Лукач: Даже если бы я и хотел, я ничего не мог бы сделать в связи с процессами. Единственный раз, казалось, представилась возможность отправиться в Америку, но я этого не захотел.

Интервьюер: Мой вопрос относился не к Вашему личному поведению, но к тому, совпадает ли Ваше тогдашнее объяснение процессов с Вашей сегодняшней точкой зрения?

Лукач: В этом отношении сегодня я вижу ситуацию иначе, ведь Сталин абсолютно не нуждался в этих процессах. Бухаринским процессом²⁶⁴ он полностью прикончил оппозицию, и политически из большой волны арестов не вытекало для него никакой выгоды. После бухаринского процесса было совершенно невозможным, чтобы кто-то рискнул выступить против Сталина. Сталин, однако, продолжил свою тактическую линию устрашения людей. В этом отношении я считаю процессы излишними.

Интервьюер: На мой взгляд, процессы не усилили, но, скорее, ослабили Советский Союз. Я имею в виду прежде всего военные процессы.²⁶⁵

Лукач: Военными процессами все началось, и я думаю, Сталин придерживался того дилетантского мнения, что один солдат спокойно может быть заменен другим. Он отказался от этого воззрения в начале войны, поскольку велел доставить генералов из тюрем.

Интервьюер: Поражение на Западе, перенесенное в начале войны, о котором существует обширная литература, объясняется тем, что весь опытный советский высший командный состав был арестован раньше.

Лукач: Это связано со сталинским образом мыслей. Поскольку Сталин тактически считал неизбежным соглашение с немцами, он рассчитывал на крепость этого соглашения больше, чем оно того заслуживало.

Интервьюер: Были эмигранты²⁶⁶ согласны по этому вопросу со Сталиным?²⁶⁷

Лукач: Я нет.

Интервьюер: К этому соглашению Вы всегда относились скептически?

Лукач: Я всегда скептически к нему относился.

Интервьюер: Товарищ Лукач, однажды в связи с процессами Вы сказали, что процессы потому стали приемлемыми для Вас, что во время немецкой угрозы все силы должны были бы быть объединены, и в конечном итоге каждый, кто выступал против центрального руководства, ослаблял бы Советский Союз. Если я правильно это помню, то Вы сказали, что сами процессы, хотя Вы и не поверили в их документальный материал, идеологически, точнее говоря, тактически не отвергали.

Лукач: Нельзя сказать, что тактически мы не отвергали процессы. Тактически мы были нейтральны. Я повторю: если Сталин и применил против Троцкого такое же оружие, как Робеспьер против Дантона, то это нужно оценивать не по сегодняшним обстоятельствам, но по обстоятельствам того времени, так как именно в тогдашних обстоятельствах решающим вопросом было, на какой стороне Америка вступит в войну.²⁶⁸

Интервьюер: Считаете ли Вы верной параллель между Робеспьером — Дантоном и Сталиным — Бухариным также и с сегодняшней точки зрения?

Лукач: Я не считаю ее верной, но считаю понятной с точки зрения жившего тогда в России венгерского эмигранта.

Интервьюер: Если сегодня Вы должны были бы идеологически критиковать эту параллель, из чего бы Вы исходили?

Лукач: Я бы исходил из того, что Дантон, естественно, никогда не был предателем и никогда не отрекался от республики, как утверждал Робеспьер. Что

касается обвиняемых на процессах, обстоятельства дела были не столь безупречны.

Интервьюер: Потому что на процессах они сами должны были назваться предателями. Даже Бухарин должен был это утверждать. Это очень большое отличие, однако, только в моральном смысле.

Лукач: Это только моральное отличие, но о Бухарине я не говорю, поскольку я считаю его исключительно порядочным человеком. Я считаю его плохим марксистом, что не является основанием для казни. Но Зиновьев и другие сделали исключительно много для того, чтобы содействовать приходу сталинского направления к власти. Они являются жертвами своих собственных действий.

Интервьюер: А какую роль здесь сыграли Троцкий и казненные троцкисты?

Лукач: Я едва знал троцкистов. Самого Троцкого я знал с III Конгресса,²⁶⁹ и он был мне вообще несимпатичен. Недавно я прочел в томе последней переписки Горького,²⁷⁰ что Ленин однажды сказал, что Троцкий приобрел себе в гражданской войне большие заслуги, что он принадлежал к ним [к большевикам], но не был их человеком, эта плохая черта была в нем от Лассаля. Это сравнение я абсолютно разделяю.

Интервьюер: Но я думаю, по сравнению с обществом Каменева и Зиновьева Троцкому и его сотрудникам, к примеру Иоффе, совершившему самоубийство, невозможно отказать в том, что они были революционерами.²⁷¹

Лукач: Каменев и Зиновьев превратились после революции в бюрократов. С непосредственными сторонниками Троцкого этот процесс еще не произошел. Однако я не проводил никакого существенного различия между ними, поскольку Троцкий и троцкисты

абсолютно не нравились мне именно ввиду этого ласкаевского мотива.

Интервьюер: И сочинения Троцкого?

Лукач: Троцкий был исключительно остроумным и образованным писателем. Но как политика, как политического теоретика я не ставлю его ни в грош.

Интервьюер: А как историка? Что Вы думаете о его исторических работах о революции 1905 и 1917 годов?

Лукач: Их я оценить не могу. В любом случае весь троцкизм, и в этом отношении также Зиновьева, Каменева и Бухарина, в то время не воспринимался иначе как возможность повернуть общественное мнение в Америке и Англии против СССР в условиях борьбы с Гитлером. Характерно, что Блох в Америке, так сказать, с теми же словами уклонился заявить о своей солидарности с Троцким и его людьми.

Интервьюер: Товарищ Лукач, по Вашей оценке, стало быть, выступление Троцкого наносило больший ущерб Советскому Союзу в глазах общественного мнения Америки, чем процессы? У меня есть ощущение, что процессы нанесли больший ущерб.

Лукач: На весах этого не измерить. То, что процессы нанесли ущерб, это вообще не вопрос. Не подлежит сомнению, что само их существование нанесло ущерб. Я думаю, мы имеем здесь дело с большим комплексом явлений. Тогда речь шла о вопросе, касающемся всего сталинского руководства, речь шла о том, не принесло ли сталинское руководство еще худшую диктатуру, чем можно было бы ожидать от Троцкого и его сторонников. На этот вопрос мы, естественно, ответили: «Нет».

Интервьюер: Но в конце концов речь шла не о вопросе, должна ли существовать сталинская или

троцкистская диктатура, потому что возможно, что Троцкий, даже будучи до середины двадцатых годов на практике плохим политиком и плохим идеологом, позднее, может быть, по принуждению или исходя из некоторой тактики, также на основании своих собственных ошибок осознал бы все возможное и...

Лукач: Я не сомневаюсь, что Троцкий был исключительно порядочным человеком, талантливым политиком, выдающимся оратором и так далее. Я говорю только, что он при всем при этом не мог стать для Сталина таким соперником, которого в равной степени признали бы в качестве соперника как на Западе, так и на Востоке. И не забывайте: Троцкий не мог прийти в соответствие с той сталинской линией, которая одна была в состоянии *de facto* оказать сопротивление Гитлеру. Поскольку началом подлинного противостояния был сталинский пакт.

Интервьюер: Товарищ Лукач, считали ли Вы в начале войны, в период немецкого наступления, победу немцев возможной?

Лукач: Нет. Нет. Я все время верил в то, что Россия, которая уже однажды уничтожила куда более крупного человека, чем Гитлер, — Наполеона, уничтожит также и Гитлера.

Интервьюер: Стало быть, в первую очередь это была вера в Россию?

Лукач: Вера в Россию.

Интервьюер: И что союзники, в конце концов, встали на эту сторону...

Лукач: На какую сторону встанут союзники, было фактически важнейшим вопросом, поскольку если бы Англия и Америка поддержали Гитлера, тогда не знаю, как закончилась бы война. Однако вместе

с англо-франко-американским наступлением чаша весов склонилась в пользу противников Гитлера.

Интервьюер: Преобладала ли в общем среди людей, принадлежащих к эмиграции, вера в победу или в этих кругах было своего рода пораженчество?

Лукач: Было пораженчество, сильное пораженчество.

Интервьюер: В венгерских кругах или вообще?

Лукач: В венгерских кругах. Но оно было характерно и для Бехера, который был очень трусливым и впечатлительным человеком.

Интервьюер: Когда возникла Ваша антитроцкистская позиция?

Лукач: Я работал в Институте философии,²⁷² и моя позиция окончательно определилась тем, что русская философия образовывала однозначный и единый фронт против Гитлера. Лишь троцкисты были против. Следовательно, я был против троцкистов.

Интервьюер: Против чего именно были троцкисты?

Лукач: Троцкисты выступали против единого антигитлеровского фронта.

Интервьюер: Интересно. Сам Троцкий также выступал против этого?

Лукач: Этого я не знаю.

Интервьюер: Насколько же я помню, Сталин до Пакта Сталина – Гитлера подвергался очень острым нападкам Троцкого, конечно, прежде всего из тактических соображений, Троцкий предсказывал, что Сталин даже объединился бы с Гитлером.

Лукач: Соглашение с Гитлером было предпосылкой того, что Гитлер нападет на Англию и Францию и тем самым будет вызвана европейская война, а за-

тем в этой европейской войне эти государства и даже Америка станут более или менее заслуживающими доверия союзниками Советского Союза.

Интервьюер: Разве история с Польшей, странами Балтии и Финляндией не возбудила в первый период войны антипатии в Советском Союзе?

Лукач: Всеми этими историями были вызваны антипатии. Не было и двух человек, по крайней мере, среди тех, кого я знал в эмиграции, которые утром вставали бы с мыслью быть за Сталина, а вечером ложились бы все с той же мыслью про дело Сталина. Другое дело, что после некоторого размышления становилось ясно, что политика Сталина приведет к формированию европейского альянса против Гитлера. Это было интеллектуальное знание, а не спонтанное чувство эмиграции.

Интервьюер: Я прочитал одно высказывание Мальро, в котором он рассказывает, что в начале тридцатых годов во время одной пешей прогулки²⁷³ Бухарин без антисталинских упреков и обвинений рассказал ему, что сталинская политика ведет к абсолютному расширению личной и диктаторской власти. Его, к примеру, считал Бухарин, Сталин казнит. В изображении Мальро это звучало как простая констатация фактов. Возможно ли было в то время действительно чувствовать или знать, какой оборот приобретут события?

Лукач: Очень легко себе представить, что Бухарин, этот старый коммунист, который обладал многолетним опытом фракционной борьбы и хорошо знал Сталина еще с того времени, когда тот был еще очень маленьким человеком, это предвидел.

Интервьюер: Товарищ Лукач, помните ли Вы книгу Эрвина Шинко «Роман одного романа»?²⁷⁴

Лукач: Да.

Интервьюер: Шинко как человек, участвующий в движении, был не слишком мудр, но из его романа, который он написал, конечно, постфактум, опираясь на свои дневниковые записи, вытекает, что в 1934—1935 годах, к времени, в которое начинается повествование в романе, в Москве в литературных кругах и в кругах движения общее настроение однозначно сигнализировало, что эта пугающая тенденция развития неудержимо будет двигаться вперед. Я не знаю, в какой степени шинковское субъективное...

Лукач: Субъективная ситуация с Шинко также сыграла здесь некоторую роль. Тем не менее в Москве, конечно, не было людей с исправным рассудком и пятью здоровыми чувствами, которые бы не приняли все это к сведению.

Интервьюер: Вы встречали Шинко в Москве?

Лукач: Нет. Когда Шинко приехал в Москву, он привез с собой рекомендацию Романа Роллана Беле Куну и Коминтерну. Поскольку с Белой Куном и Коминтерном я имел очень натянутые, плохие отношения, я не хотел встречаться с Шинко. Он позвонил мне и спросил, когда бы мы смогли встретиться, а я ответил ему, что встретиться мы не смогли бы. Я опасался, что он был заодно с Куном и вдвоем они что-то против меня замышляют.

Интервьюер: Такое подозрение было в целом совершенно оправдано, но в случае Шинко...

Лукач: В случае Шинко это подозрение случайным образом не оправдалось, но я на самом деле не жалею, что высказал это подозрение, поскольку это была реальная проблема. Я полемизировал не против критики «Тезисов Блюма», но защищал себя тем, что устранился от всех венгерских дел. Таким образом, затем для Шаса [Шандора Серени] и его людей,

а позднее также и для Куна исчезла реальная причина нападать на «Тезисы Блюма». Когда Кун был свергнут после VII Конгресса (Коминтерна)²⁷⁵ и я вернулся к венграм, никто больше не говорил о тезисах, они были преданы забвению.

Интервьюер: У Вас не было никакого контакта с Вашими венгерскими друзьями в то время?

Лукач: С моими старыми друзьями — да, были, однако очень немногие из них находились в Москве. Енё Хамбургер жил там. С ним у меня был контакт. Он каждый месяц уплачивал мой взнос в венгерский клуб. Но мои контакты с Хамбургером были абсолютно частными, и он не имел абсолютно ничего общего с венгерскими делами, прежде всего потому, что это был именно тот период, когда после падения Шаса и его людей Куну удалось склонить на свою сторону лучших людей фракции Ландлера, среди которых, например, был Реваи. Так как Гертруд была в Вене, когда Реваи был откомандирован в Будапешт, они встретились в последний вечер, и Реваи сказал Гертруд — я цитирую это почти дословно, — что вся его поездка подготовлена очень плохо, и он почти уверен, что вскоре провалится. Однако он был того мнения, что лучше сидеть в тюрьме в Будапеште, чем заниматься венгерским движением под Шасом и его товарищами.²⁷⁶ Реваи выехал в Венгрию, действительно там провалился и два с половиной года отсидел в тюрьме.

Интервьюер: Где Вы были во время войны?

Лукач: Один год в Ташкенте, а затем в Москве.

Интервьюер: Что Вы делали в Ташкенте? Работали?

Лукач: Московские писатели были откомандированы в Ташкент,²⁷⁷ и мы жили здесь, как могли. Мы участвовали во всех возможных делах и не участво-

вали в них. Мне-то было еще довольно хорошо, поскольку Алексей Толстой в качестве делегата Союза писателей посетил Ташкент,²⁷⁸ а он знал меня как известного за границей писателя. Следовательно, он причислил меня к элите. К слову, пожалуй, мы встречались лишь однажды на пару минут, но это не имело никакого значения.

Интервьюер: Помимо Вас были ли в Ташкенте венгры?

Лукач: Да, конечно, даже слишком много.

Интервьюер: По всему миру существует слишком много венгров. Теперь личный вопрос: насколько я знаю, Ференц Яноши²⁷⁹ также был арестован?

Лукач: Да, но независимо от меня.

Интервьюер: Он тогда работал уже в Советском Союзе?

Лукач: Он уже десять лет работал на одном предприятии. И он совершил ошибку, которую сегодня уже признал. Дело в том, что, когда разразилась война, большая часть предприятия была эвакуирована в Западную Сибирь, и лишь небольшая часть людей осталась в Москве, так он решил остаться там. Если бы он уехал в Сибирь, они бы никогда его не арестовали.

Интервьюер: Сколько времени он находился в заключении?

Лукач: Несколько лет. Его освободили в 1945 году. Когда партия отмечала мое 60-летие,²⁸⁰ Енё Варга пришел к нам и предложил свой содействие в деле освобождения Ферко, если только мы обратимся с письмом. Тогда пришла весть о том, что меня в Венгрии избрали депутатом,²⁸¹ и это уже было ненормальное положение: в то время как я был депутатом в Венгрии, он продолжал все еще оставаться в лагере для интернированных. Поэтому я написал это письмо.

IV ВНОВЬ В ВЕНГРИИ

Интервьюер: При каких обстоятельствах Вы вернулись из Советского Союза в Венгрию?

Лукач: Для обстоятельств возвращения в Венгрию характерно, что все мои московские ереси были забыты. Очень показательно, что в какой-то газете вышла публикация, посредством которой были полностью аннулированы «Тезисы Блюма». То есть сообщалось, что II Конгресс принял неверное решение в деле демократии и диктатуры, и это неверное решение было исправлено Сталиным.²⁸² О «Тезисах Блюма» не было сказано ни единого слова, будто бы они вообще не существовали. Я связываю это с тем, что мое существование или несуществование всегда было здесь, в Венгрии, очень проблематичной вещью. Например, в 1959 году по случаю юбилея диктатуры музей Петефи выставил памятную доску 1919 года, и там мое имя было заклеено.²⁸³ Понятно, что в 1959 году вследствие моего поведения в 1956–1957 годах я не мог быть народным комиссаром 1919 года. Народным комиссаром мог быть только тот, кто во время 1956 и 1957 годов вел себя партийно и правильно. Это следует принять к сведению. Так, стало быть, все, что пишет обо мне официальная история партии, мягко говоря, в отношении истины чрезвычайно проблематично. И сейчас я говорю не об оценке, потому что оценка — это право каждой историографии. Однако то, что кто-то в 1919 году не мог быть народным комиссаром, поскольку плохо себя вел в 1957 году, принадлежит к специфике венгерской партии.

Интервьюер: Не думаю, что это принадлежит к специфике венгерской партии, поскольку в 1905 году Троцкий также не мог...

Лукач: Само собой разумеется, это был конек сталинской эпохи, и с Троцкого это как раз началось.

Интервьюер: Он был председателем петербургского совета рабочих...

Лукач: Он не мог им быть, поскольку ведь не мог же противник Сталина быть революционером. В меньшей степени, поскольку в Венгрии все происходило в меньшей степени, но это происходило также и в Венгрии.

Интервьюер: Вернемся к 1945 году: поначалу в связи с прошлым хотелось начать все с чистого листа, хотя бы с имитации чистого листа?

Лукач: Имитация чистого листа. Особенность периода между 1945 и 1948 годами заключалась в том, что мне позволялось все. Дело в том, что обе рабочие партии²⁸⁴ боролись друг с другом за увеличение числа членов. И здесь, естественно, позиция интеллигенции играла особенно большую роль. Поэтому с 1945 до 1948, до 1949 года мне позволялось все. Дебаты с Рудашем разразились уже после объединения обеих партий,²⁸⁵ то есть мавр сделал свое дело, мавр может уходить, следовательно, Лукач больше не нужен.²⁸⁶

Интервьюер: Каковы с сегодняшней точки зрения были решающие идеологические причины, по которым мавр должен был уйти?

Лукач: По сути, речь шла о демократическом регулировании идеологических вопросов. Начиная с «Тезисов Блюма» я придерживался непрерывной и никогда не отрицаемой мной линии. Первое время это принималось Ракоши и его людьми. То есть они принимали это в том смысле, что терпели. Не верьте, что моя идеология воспринималась кем-нибудь в качестве официальной идеологии. Но и никаких протестов не было. Для радикального примера: даже против высказывания о зайчишке не было никаких протестов.²⁸⁷ Этим воспользовалась Коммунистическая партия при проведении пропаганды в рядах соци-

ал-демократической партии. Вы не должны забывать, что Ракоши а также Герё были в этом чистыми утилитаристами. И естественно, их мнение изменялось, едва изменялось мнение в Москве. Я не думаю, что смена мнения в моем деле безусловно первоначально пришла из Москвы, но она была вызвана просто тем, что мавр, как я сейчас сказал, сделал свое дело, мавр может уходить. Должен сказать, что и моя собственная позиция была неверна, поскольку вследствие дела Райка я был того мнения, что на кону стоят моя жизнь и моя свобода и что ради литературных вопросов непозволительно брать на себя такой риск.²⁸⁸ *Nota bene* хочу упомянуть как факт, что о дебатах с Рудашем я узнал от Реваи. Он позвонил мне и спросил, знаю ли я, что Рудаш сочинил против меня отвратительный пасквиль. И таким образом, конечно, Реваи подогнал эти дебаты к линии Ракоши. Моя ошибка заключалась в том — я потому не делаю себе упрека, что во время процесса Райка ошибиться было нетрудно, — что я не знал, что Герё и Ракоши получили указание из Москвы, согласно которому единственно только московская эмиграция заслуживала доверия, в то время как остававшиеся в Венгрии и вернувшиеся с Запада эмигранты имели сомнительную благонадежность.²⁸⁹ Этого я не знал, и потому так произошло, что я пошел на уступки в том, в чем, наверное, нельзя было бы идти на уступки.²⁹⁰ Когда речь идет об этом времени, я в любом случае самокритично замечая, что в дебатах с Рудашем в вопросе уступок я, вероятно, не должен был бы заходить так далеко, как зашел. В свое оправдание могу сказать, что когда Райк был казнен в Венгрии, невозможно было иметь никаких серьезных гарантий того, что в случае сопротивления не могла бы произойти подобная вещь.²⁹¹

Интервьюер: Ключевым моментом дебатов с Рудашем было то, что, по словам обвинителей, Вы, то-

варищ Лукач, ложно оценили классовый характер народной демократии и принизили роль диктатуры пролетариата в народной демократии.

Лукач: По моему мнению, восходящему к «Тезисам Блюма», народная демократия является вырастающим из демократии социализмом. Согласно другой точке зрения, народная демократия с самого начала является диктатурой и с самого начала той формой сталинизма, в которую она развилась после дела Тито.²⁹²

Интервьюер: Я задам один вопрос, который, наверное, является совершенно недialeктичным и неисторичным. Товарищ Лукач, с сегодняшней точки зрения могли бы Вы представить, что развитие народной демократии в направлении социализма, целиком и полностью predetermined внутренними факторами, возникло бы, если бы не были столь весомы факторы внешнеполитические?

Лукач: Я думаю, да. Но, естественно, только если бы в Советском Союзе не было сталинизма. При сталинистских методах такое развитие было бы совершенно немислимым, поскольку тогда никто не мог бы отклониться от официальной линии даже в малейших нюансах. Если взять случай Райка, мы не должны забывать, что Райк был ортодоксальным ракошистом. Это неправда, что он будто бы был оппозиционером.²⁹³ Прямо сейчас у меня было несколько неприятное столкновение с госпожой Райк, очень возмущавшейся, что в моей одностраничной статье для тома Райка я написал, что, каким бы симпатичным обликом ни обладал Райк, оппозиционером, однако, он абсолютно не являлся.²⁹⁴ То, что с ним сделали, было превентивным убийством, и это даже притом, что вокруг госпожи Райк складывается мир, миропонимание, согласно которому Райк будто бы был оппозиционером.²⁹⁵ Я прочел второй том Марошана в рукописи.²⁹⁶ Там это превосходно описано. Интересно, что до 1949 года

он больше всего сочувствовал именно Реваи и Райку. С ними у него был наилучший контакт. С большой искренностью он написал о том, каким ортодоксальным ракошистом был Райк. Существует жутко много таких легенд, и я не знаю, чем госпожа Райк подтвердит, что Райк был оппозиционером. Просто убирали любого, о ком подозревали, что он присоединился к линии Сталина без особых восторгов. Это, собственно, и является сутью моих дебатов с Рудашем. Реваи же упоминает «Тезисы Блюма» в конце одной из своих статей как исток моей ошибки.²⁹⁷ И все дебаты доказывают, что диктатура, проявившаяся в пятидесятых, с самого начала была диктатурой и что неверно, будто бы ей предшествовал демократический период. Таким образом, дебаты с Рудашем были связаны с «Тезисами Блюма». И я также вынес из этого урок — и сегодня, после того как я увидел, что даже такие абсолютно ортодоксальные люди, как Райк, были казнены, я не могу постфактум сказать ничего другого, как то, что ничего другого нельзя было и представить, — что в общем любой отклоняющийся взгляд постигнет такая же судьба.

Интервьюер: Самокритика содержала и один реальный элемент, а именно то, что Вы, товарищ Лукач, действительно ошиблись: народно-демократическое развитие, как оно изложено в «Тезисах Блюма», было действительно невысказано.

Лукач: Это верно, но с той разницей, что в самокритике я привел это в качестве того, чего быть не должно, хотя в действительности я считал, что этого и нет. В этом и заключается неискренняя сущность моей самокритики.

Интервьюер: В чем Вы видите разницу между московскими процессами и процессом Райка?

Лукач: Смотрите, дело обстоит так: в процессах тридцатых годов люди упускают из вида то, что эти

процессы разыгрывались уже в тени начинавшейся Второй мировой войны. Этим я не хочу оправдать процессы, но я хочу защитить, и по праву хочу защитить, связанную с этим позицию порядочных людей. В это время были люди, сказавшие: что бы ни происходило в Москве, они не будут поддерживать Гитлера в его нападении на Москву. Однако этот аргумент уже не имеет силы в случае с процессом Райка, поскольку в то время не было такого рода угрозы. В некоторой степени была холодная война, однако это не являлось оправданием...

Интервьюер: Отчасти это было причиной для возникновения холодной войны.

Лукач: Нет, я так не думаю. Сталин очень помог Западу в развитии холодной войны, но основополагающей причиной для холодной войны была так называемая *roll-back*-политика Даллеса, а именно то, что соглашения 1945 года должны были быть отменены путем постепенного нажима и всеми другими возможными средствами.²⁹⁸ Эта политика действительно существовала тогда, а то, что она поспешила на помощь нашей глупости, другой вопрос, это я не оспариваю. Стало быть, здесь, в Венгрии — и это касается не только нас, но процессов во всех странах народной демократии, — эти процессы были лишены всякого основания.²⁹⁹ Я вовсе не сомневаюсь, что два действительных шпиона могут попасться, когда арестовано десять тысяч человек. Но это чистая случайность. Что ж — к тому же это произошло в 1941 году, — когда я сидел на Лубянке, мне было предъявлено обвинение в том, что я был резидентом московской шпионской агентуры венгерской полиции.³⁰⁰ Когда затем я был освобожден, на все вопросы Лифшица я ответил: «Es war sehr komisch» (в оригинале по-немецки). Конечно, это произошло в благоприятное время, поскольку в отношении меня они не позволили себе никаких се-

рьезных зверств. Напротив, Райка и его людей серьезно пытали.

Интервьюер: Хотя обвинение равным образом было «sehr komisch».

Лукач: Обвинения были действительно смешны и полностью выдуманы. На мой взгляд, исторически следует проводить различие между двумя волнами процессов. Процессы Радека – Бухарина – Зиновьева позднее претерпели трансформацию. Примерно с 1937–1938 годов они переросли в совершенно неоправданные преследования, и те, кто погиб с венгерской стороны, – Шандор Барта, Дюла Лендел и так далее – в большинстве были совершенно ни в чем не повинны. Напротив, не может быть никаких сомнений, что Бела Кун был помощником Зиновьева. И Бела Кун провалился вместе со сторонниками Зиновьева. То есть Зиновьев имел серьезную фракцию в Коминтерне, а также в Ленинграде.³⁰¹ Но к тому времени идеологически эта фракция уже была разбита, и Хрущев был, на мой взгляд, совершенно прав, когда он критиковал эти процессы, поскольку они были излишними, хотя, естественно, здесь существует некоторое отличие, поскольку двумя годами ранее вокруг Зиновьева еще были люди, и вовсе не такие уж незначительные. Ведь если читать книгу Дойчера,³⁰² можно увидеть, что организации троцкистов существовали еще тогда и были потенциальной оппозицией. Напротив, мне совершенно ничего не известно о том, что при Ракоши была какая-либо оппозиция. И в связи с делом Тито ее тоже не было.

Интервьюер: Вернемся к периоду Вашего возвращения на родину. Товарищ Лукач, чем Вы занимались? Если моя информация верна, Вы были членом Центрального Комитета Компартии.

Лукач: Нет.

Интервьюер: Даже некоторое время?

Лукач: Нет, даже некоторое время. У меня не было никакой официальной функции. Конечно, фальсификация достигла сегодня неслыханной степени. К примеру, мне сообщили, что в одной внутренней дискуссии в «Söter-Institut»³⁰³ — эта дискуссия еще не опубликована — Сабольчи хотел включить меня в систему Ракоши, объясняя это тем, что я тогда был членом Центрального Комитета. На основании протокола партийного съезда можно точно установить, что в эпоху Ракоши я никогда не был членом Центрального Комитета.

Интервьюер: Но даже члены не могли, например, ничего сделать против процесса Райка...

Лукач: Сейчас речь не об этом. Речь о том, был ли я членом или нет. Тут нечего обсуждать, это вопрос фактов. Я знаю даже, что Ракоши и Герё в то время, когда я имел наибольшее влияние на интеллигенцию, было предложено избрать меня членом Центрального Комитета. На это они ответили, и в особенности Герё это настойчиво подчеркнул, что среди не принадлежащих к аппарату интеллектуалов только я могу приниматься во внимание, однако во внимание я не принимался. Об этом не стоит и говорить, поскольку эта история является просто ложью.

Интервьюер: Тогда у Вас уже была кафедра в университете?

Лукач: Уже была.

Интервьюер: И редакция «Форума»?

Лукач: Думаю, годом позже я также получил и ее. Я уже не вполне помню точную дату.³⁰⁴

Интервьюер: Означало ли это для Вас активную редакционную работу?

Лукач: Это означало активную редакционную работу и попытку проводить свою линию, поскольку

Вам не следует забывать, что после дебатов с Рудашем работа «Форума» была прекращена.

Интервьюер: Кто был редакторами «Форума»?

Лукач: Вертеш и Дарваш. В основе всей концепции «Форума» лежала проблема народного фронта, и потому речь во всех вопросах здесь шла о том, вырастет ли диктатура пролетариата из народного фронта.

Интервьюер: У Вас уже были какие-то отношения с редакторами раньше?

Лукач: Вертеша я довольно поверхностно знал как оппозиционно настроенного человека из старой системы, и я счел его подходящим для того, чтобы быть проводником моих литературных целей. Ревай сначала имел возражения против Вертеша. Однако когда я настоял на нем, он не возражал. И это еще раз дает понять, в чем состояла разница между 1945 и, скажем, 1948 годами.

Интервьюер: С Дарвашем у Вас раньше не было никаких отношений?

Лукач: Мои отношения с Дарвашем главным образом определялись тем — и я стремился сохранять эту определенность в течение всего времени существования «Форума», — что я старался сделать из «Форума» журнал народного фронта, а не коммунистов, журнал народного фронта, который в рамках народного фронта мог бы давать голос и истине коммунизма.

Интервьюер: Вы еще ничего не сказали о третьем редакторе, о Дюле Ортутаи.

Лукач: Дюла Ортутаи был, точно так же как и Дарваш, представителем левобуржуазного движения, и с Ортутаи я мог точно так же хорошо совместно ра-

ботать, как и с Дарвашем.³⁰⁵ Внутри «Форума» царило согласие в отношении того, что между радикальной частью некоммунистических движений и коммунистическим движением должны быть созданы самые близкие связи, отчасти вследствие радикализации соответствующих слоев, а отчасти вследствие демократизации коммунистических слоев. Эти отношения не нарушались вплоть до дебатов с Рудашем.

Интервьюер: С какими писателями у Вас были политические или личные отношения после Вашего возвращения на родину? С Дери? С Ийешем?

Лукач: С Дери у меня сложились очень хорошие отношения, поскольку я полностью одобрял его социалистические манифестации, а также считал [его творчество] в литературном смысле значимым. Следовательно, я был личным сторонником Дери, и мне было жаль, что Дери после критики Реваи оттеснили на второй план.³⁰⁶ Отношения с Ийешем были сложнее, поскольку Ийеш никогда не принадлежал к нам в том же смысле, что и Дери. Дери в то время считал себя коммунистическим писателем, и «Незаконченная фраза» и «Ответ» были по духу действительно коммунистическими сочинениями, соответствовавшими тому времени. Ийеш все время оставался при своем старом, наполовину националистическом, наполовину социалистическом мировоззрении. То есть в личном плане у меня всегда были хорошие отношения с Ийешем, однако с его политикой я никогда не соглашался.

Интервьюер: С Петером Верешем?..

Лукач: С Петером Верешем я всегда поддерживал вежливые и основанные на взаимном уважении отношения. Среди народных писателей Ференц Эрдеи был тем, кого я рассматривал как одного из наших.

Интервьюер: С ним у Вас также сложилась личная дружба?

Лукач: В первое время между нами возникли очень хорошие отношения, даже личная дружба, затем позднее мы разошлись.

Интервьюер: Лайош Надь?

Лукач: Лайоша Надя я считал значительным коммунистическим писателем-новеллистом, и как такового я все время его ценил.

Интервьюер: Вы знали его еще со времен «Nyugat»?

Лукач: Во времена «Nyugat» я не знал его.³⁰⁷ Но когда в начале тридцатых годов он останавливался с Ийешом в Москве, на конгрессе писателей,³⁰⁸ у меня с Лайошом Надем сложились очень хорошие личные отношения. Для него я был тогда недостаточно радикальным. Однажды у нас состоялся разговор, в ходе которого он спросил меня, как долго, на мой взгляд, еще продлится господство Питлера. На это я сказал ему: еще девять-десять лет, я бы дал еще десять лет на укрепление господства Питлера и так далее, на что Лайош Надь страшно рассвирепел и сказал мне: что же это за дела, если даже революционеры безразличны к тому, когда разразится революция.

Интервьюер: Если я правильно помню, он сказал, что был не таким хорошим коммунистом, чтобы...

Лукач: ...ему было все равно, когда разразится революция.

Интервьюер: Затем он вернулся из Москвы довольно разочарованным. Не правда ли?

Лукач: Он был очень разочарован нашим режимом.

Интервьюер: Он выразил это и в дружеских разговорах уже в Москве?

Лукач: Да, выразил.

Интервьюер: И Ийеш?

Лукач: Ийеш был гораздо большим оппортунистом, чем Лайош Надь. Ийеш, собственно, уже тогда занял довольно ортодоксальную позицию.

Интервьюер: Раз уж мы заговорили об Ийеше, товарищ Лукач, помните ли Вы то, что Ийеш в своей последней реплике в «Népszabadság» («Народная свобода») апеллировал к тому, что Ваше утверждение, согласно которому он не принадлежал к преследовавшимся писателям, неверно, поскольку он написал протест совместно с Бабичем и Шёпфлином. Вам что-нибудь об этом известно?

Лукач: Точной информацией об этом я не располагаю, но здесь существует две версии. По одной версии он написал протест, согласно другой версии он участвовал в кампании публичного сбора подписей. Это второе утверждение, однако, легко проверить.

Интервьюер: У меня есть копия, на основании которой может быть установлено, что он не подписывал. Конечно, он сформулировал соответствующим образом и свое объяснение: «В конце концов я написал протест», — что вовсе не значит, что он его также подписал. На самом деле он написал другой протест, который не дошел до общественности. Якобы он не подписал протест, поскольку он должен был выйти в «Szép Szó» (Красивое слово), а он не был готов играть в «Szép Szó» какую-то роль.³⁰⁹

Лукач: Это все отговорки. Такие исключительные вещи также делал и «Szép Szó», и я также когда-то критиковал «Szép Szó», поскольку между обоими направлениями не было абсолютно никакого единства,

что опять же показывает, что понимание единства Ийешем даже отдаленно не было столь зрелым, как он хочет представить его сегодня.

Интервьюер: Недавно в студенческом театре Ийеш выступил с докладом, где сказал, что венгерская литература является литературой народных писателей. Самое фантастическое здесь заключается в том, что он обращается именно к Аттиле Йожефу. Он сказал, что программу народных писателей якобы Аттила Йожеф сформулировал в стихотворении «Родина моя».

Лукач: Если под литературой народных писателей мы понимаем то, что понимал под ней Аттила Йожеф, то это действительно можно принять. И в венгерской литературе нет значительного писателя, который не присоединился бы к такому пониманию народа. Это, однако, не является пониманием Ийеша. С другой стороны, мне ничего не известно о том, что Аттила Йожеф в узком смысле слова действительно имел бы отношение к движению народных писателей.³¹⁰

Интервьюер: Он имел к ним отношение ввиду того, что поссорился с ними. Их отношения были исчерпаны настолько, что до конца своей жизни он не был готов иметь с ними дело.

Лукач: Дело в том, что вследствие краха 1919 года у крестьянских народных писателей существовало глубокое недоверие к рабочим.³¹¹ Этого нельзя отрицать. И это, на мой взгляд, в истории Венгрии является фактом, значение которого объективно нельзя умалять, поскольку в конце концов это последствие плохой крестьянской политики Советской республики. Рассматривая недоверие представителей крестьянства по отношению к коммунистам, нельзя забывать, что на то есть причины. Я не хочу сказать, что тем самым я полностью оправдываю этих представителей. Об этом и речи нет, но речь исключительно о том, что

эту неприязнь они взяли не из воздуха и не из реакционной клеветы, но из того, что они отвергли крестьянскую политику Советской республики.

Интервьюер: Давайте поговорим о других писателях. Какие отношения были у Вас с Миланом Фюштом?

Лукач: Смотрите, в отношениях с Миланом Фюштом дело обстояло ужасно просто: оно было вопросом партийной политики. Дело в том, что Милану Фюшту еще до меня³¹² каким-то университетским профессором была обещана хабилитация. Тогда я представлял политику народного фронта и придерживался мнения, что если такому видному члену старого поколения «Nyugat», как Милан Фюшт, пообещали университетскую доцентуру, то это обещание нужно сдержать. В одной книге о Милане Фюште имеется даже свидетельство того, что он был очень доволен той характеристикой, которую я представил о нем на факультет. Было совершенно безразлично, каким университетским преподавателем он станет. Политически это не играло бы никакой роли. Однако его, безусловно, нужно было назначить, дабы не создавалась видимость того, что мы не хотим назначать выдающегося члена «Nyugat» на должность профессора.

Интервьюер: Когда-то я слушал Милана Фюшта. Он был несравнимо забавнее и лучше, чем Вальдапфель и все остальные.

Лукач: Могу себе представить. Видите ли, совершенно ясно, что Милан Фюшт действительно был писателем и поэтом и в качестве такового высказывал в вопросах поэзии наряду с очень неправильными и очень правильные вещи.

Интервьюер: В дополнение к этому широко распространен взгляд, что Милан Фюшт высказывал свое собственное мнение. И это помимо него можно было

в те времена почувствовать только у Вас, товарищ Лукач.

Лукач: Не подлежит сомнению, что Милан Фюшт был в смысле «Nyugat» значительным писателем. Только на полях замечу одну забавную вещь: дело в том, что я в некотором отношении был очень разочарован Миланом Фюштом, поскольку думал, что он является исключительно надменным человеком, сознающим свою писательскую величину. Он же, напротив, нанес мне визит еще до своей хабилитации, точно так же, как какой-то маленький докторант посещает своего ординарного профессора. По всякому поводу он приносил Гертруд букет цветов и так далее. Одним словом, он очень разочаровал меня...

Интервьюер: Как раз сегодня Микша Феньо рассказал мне, что Фюшт обычно целовал Ошвату руку.

Лукач: Это не исключено. В остальном он был исключительно надменным человеком, надменным в тесном кругу. Но его писательский ранг я никогда под сомнение не ставил.

Интервьюер: Оскар Геллерт?

Лукач: Оскар Геллерт был оскаргеллертцентричным человеком, у которого все крутилось вокруг того, что имеет отношения к Оскару Геллерту. Честно говоря, во времена «Nyugat» это меня не интересовало, как не интересовало меня это также и в период после «Nyugat».

Интервьюер: Какие личные и идеологические отношения были у Вас с другими профессорами?

Лукач: Я был в значительной степени независимым и не очень интересовался мнением моих коллег.

Интервьюер: До дебатов с Рудашем кафедра философии имела по меньшей мере восемьдесят активных слушателей. Семинары по эстетике также очень хо-

рошо посещались. После дебатов осталось пять или шесть слушателей.

Лукач: Разумеется. Дело заключается в том, что я вынужден начать цитатой из Белы Куна. Когда в 1919 году образовался Центральный Комитет, я стал его членом, а Рудаш нет. Ради поддержания мира я сказал тогда Куну: «Смотрите, какой смысл? Ведь я выполняю свою работу даже и без членства в Центральном Комитете, но ведь есть Рудаш, для которого это членство было бы ужасно важно». В ответ на это Кун сказал мне, и я подчеркиваю, что запомнил это дословно: «Смотрите, это абсурд, то что вы говорите. Я являюсь вашим противником. Без сомнения, однако, что вы обладаете убеждениями и провозглашаете ваши убеждения в рамках коммунизма, даже если я ваши убеждения не признаю. Однако эти убеждения налицо, и в Коммунистической партии они обладают силой. Рудашу же, — сказал Кун, — дают деньги, и Рудаш пишет». Таково было мнение Белы Куна о Рудаше в 1919 году.

Интервьюер: Уже в 1919 году? Таким образом, Бела Кун, стало быть, имел глаз на людей?

Лукач: Видите ли, он имел очень циничный глаз. Он исключительно остро подмечал отрицательные вещи. Он был не в состоянии открыть положительные качества людей.

Интервьюер: Какие Ваши работы вышли после 1945 года?

Лукач: Прежде всего я выпустил большую часть работ, написанных мною между 1919 и 1945 годами.³¹³ Затем без моего разрешения по-немецки вышли «Теория романа» и «История и классовое сознание».³¹⁴ Тогда я больше не причислял эти работы к моему *œuvres*. У меня состоялась полемика с Шомьё о моем наследии. Шомьё упрекнул меня в том, что я не имел права от него отрекаться. Даже в том случае если я сейчас

не имею с ним абсолютно ничего общего. И вообще, лишь впоследствии история определяет, было ли это центральной частью моего наследия или нет. Кто хочет целенаправленно создать свое наследие, тот с самого начала стремится ко лжи.

Интервьюер: Хотя были и великие художники, которые сознательно стремились к созданию наследия, которые размышляли о единстве их трудов. У Томаса Манна постоянно ощущается, что относительно каждой работы он заранее знает, как она будет вписана в его творческое наследие.

Лукач: Это правда, и все же он дистанцировался от своей позиции по отношению к войне. И он никогда бы не написал «Доктора Фаустуса»,³¹⁵ если бы придерживался позиции своей военной книги.³¹⁶ Это «И доколь ты не поймешь: / Смерть для жизни новой». Именно это Гёте увидел столь ясно. Без этого не существует человеческого развития. Я не говорю, что каждое мгновение нужно изменять свое мнение. Но если на то имеются веские аргументы, нужно быть готовым к этому изменению мнения. И если этой готовности у меня нет, то мне недостает интеллектуальной честности, а этот недостаток является одним из наиболее значительных слабостей в сегодняшнем мире.

Интервьюер: Как развивались Ваши отношения с Реваи после 1945 года?

Лукач: После «Тезисов Блюма» Реваи и я полностью порвали друг с другом. В ходе подготовки VII Конгресса [Коминтерна] Реваи, правда, сказал мне в Москве в одном частном разговоре, что «Тезисы Блюма» должны были бы рассматриваться в качестве предтечи VII Конгресса.³¹⁷ Естественно, ни в какой официальной форме Реваи этого не заявлял. Фактом, однако, остается то, что после VII Конгресса он больше ни разу даже намеком не вернулся к «Тези-

сам Блюма». Скорее, на переднем плане для него оказались отношения с народническими направлениями. Дело в том, что внутри партии в этой области были некоторые противоречия. Андор Габор, к примеру, симпатизировал либерализму «Szép Szó», в то время как я, как вы знаете, равным образом подвергал критике как «Szép Szó», так и «Válasz» (Ответ),³¹⁸ и в этом отношении я находился с Реваи на одной линии.

Интервьюер: Эта общность сохранилась также и после 1945 года? Вплоть до дебатов с Рудашем?

Лукач: В полной мере, поскольку, как я уже раньше упоминал, он как хороший друг предупредил меня.³¹⁹ Затем этот хороший друг присоединился к противоположному направлению. И это опять-таки вытекало из присущего Реваи свойства, которое я обыкновенно формулировал так: Реваи не мог представить себе венгерскую партию без себя в ведущей роли. Следовательно, он предпринял все усилия для того, чтобы суметь свою ведущую роль сохранить. Но о компромиссах Реваи не следует судить здесь с каких-либо низменных позиций. Основанием его компромиссов было то, что Реваи хотел остаться в высшем партийном руководстве, и потому он делал исключительно большие уступки во всех вопросах, включая вопрос о связанных с народной демократией течениях.

Интервьюер: Товарищ Лукач, по Вашему мнению, не только личные мотивы объясняют его стремление непременно оставаться в правящей верхушке?

Лукач: Я думаю, здесь решающими были не только личные мотивы. Дело в том, что Реваи необходимо рассматривать как трагическое явление, как человека, видевшего очень много важных, действительных проблем исключительно ясно и тем не менее сделавшего при подходе к этим проблемам ложный выбор,

поскольку предполагал, что в противном случае он не смог бы остаться в руководстве. А чем была бы венгерская партия без руководства Реваи?

Интервьюер: Из этой сатирической и иронической формулировки можно было бы сделать вывод, что Вы, товарищ Лукач, считаете, что Реваи надеялся, что сумеет повлиять на Ракоши и Герё в правильном направлении?

Лукач: Реваи придерживался того мнения, что направление партии всегда правильно. Следовательно, он присоединился к руководящей партийной линии не из оппортунизма или карьеризма, но потому, что партия была права, и, следовательно, каждый должен поддерживать правильную позицию партии.

Интервьюер: В какой степени эта позиция Реваи оказала влияние на Вашу дружбу после 1949 года?

Лукач: После 1949 года отношения между нами, естественно, чрезвычайно сильно охладели. Вслед за этим Реваи был отстранен от руководства партией,³²⁰ и в то время хорошие отношения между нами вновь выправились.

Интервьюер: Товарищ Лукач, как Вы объясните большие симпатии Реваи к народным писателям? Для него это была тактика? Или за этим кроется «примирение с венгерской действительностью»?

Лукач: Это очень вероятно. Реваи лучше всех в венгерском руководстве знал Венгрию и ближе других стоял к господствовавшим в ней идеологиям. Вполне закономерно, что между ним и народными писателями возникли некоторые отношения.

Интервьюер: Товарищ Лукач, встречались ли Вы лично с Ласло Неметом?

Лукач: Ласло Немета я встретил лишь однажды в жизни, а именно у Реваи, когда Ласло Немет, я

и Дюла Ийеш собрались на совещание «четверки». По этому случаю между мной и Ласло Неметом разразился острый спор, поскольку я сказал, что Ласло Немет занял невозможную позицию, когда во Второй мировой войне об отношениях между Францией и Германией он сказал, что сближение с Германией разрушает «Францию адвокатов». Ласло Немет отрицал, что написал что-то подобное. На следующий день я послал ему открытку, на которой точно указал номера страниц, и на этом наши отношения окончились.³²¹

Интервьюер: Каково Ваше мнение о движении NÉKOSZ (Объединение рабочих и крестьянских факультетов)?³²²

Лукач: Я полностью одобрял движение NÉKOSZ в качестве народного движения и поддерживал его. Моим возражением против NÉKOSZ было то, что в его рядах сильно стремление к восхождению в руководящие круги. Студенты NÉKOSZ — главным образом я имел дело со студентами в университете — хотели в первую очередь не учиться в университете, но обучиться руководству. Они представляли себе дело так, что скоро переймут духовное, политическое и идеологическое руководство в общей партии. А я никогда не был готов признавать — не был готов признавать это и у NÉKOSZ, — чтобы какой-то круг изначально считался руководящим.

Интервьюер: Какие отношения были у Вас в это время с социал-демократами?

Лукач: С эсдэками у меня никогда не было отношений. Я был венгерским радикальным коммунистом особого склада, утверждавшим демократию в коммунизме и никогда, однако, не принимавшим социал-демократического ослабления идеи диктатуры. Я стоял между двумя лагерями: я не сочувствовал социал-демократам и тем, кто хотел вводить коммунизм дикта-

торскими средствами. После 1945 года возникла новая ситуация. В социал-демократической партии выступила серьезная оппозиция: Золтан Хорват, Марошан и другие, не хочу перечислять всех. С ними у меня был прямой союз. Порядки, сложившиеся после 1945 года, лучше всего характеризует, наверное, то, что Ракоши принял мою точку зрения и не возражал против моих выступлений. Дело в том, что Ракоши правильно понял, что проще было привлечь интеллигенцию моим методом, чем его. Затем последовало объединение обеих партий, естественно, в ничтожно малой части вследствие моего метода. Однако, когда они уже были объединены в одну партию, Ракоши, Герё и прочие подумали, что теперь именно они будут решать, что делать, а не такой человек, каким был я, — совершенно излишним для них и даже вредным. Таков был фон дебатов с Рудашем. Дебаты с Рудашем не только совпали по времени с объединением обеих партий, но и в действительности между этими двумя вещами существовала крайне тесная связь.³²³

Интервьюер: Впоследствии вопрос о Вашем отношении к эсдэкам больше не был актуален, поскольку эсдэков больше не было.

Лукач: С Марошаном меня связывает дружба еще и сейчас. Также и с Золтаном Хорватом у меня были довольно хорошие отношения. С эсдэками, объединенными с нами, у меня не было никаких проблем, помимо того, что я считал их либералами.³²⁴ Когда партии объединились, Ракоши спросил Марошана, кого он хотел бы выбрать для изучения основ коммунизма. И выбор Марошана пал на меня.

Интервьюер: Товарищ Лукач, кто и в трудные годы продолжал поддерживать с Вами дружеские отношения?

Лукач: Сказать это очень сложно. К примеру, я должен признать, что Вертеш был на моей стороне.

Среди писателей Ференц Эрдеи обнаружил действительную симпатию моим устремлениям.

Интервьюер: На Дери повлияли дебаты с Рудашем?

Лукач: На Дери дебаты с Рудашем не повлияли, однако на него повлияло то, что Ракоши считал, что в «Ответе» его роль в Венгрии была недостаточно подчеркнута. В этом состояла ошибка «Ответа». И поэтому Реваи обрушился затем также и на «Ответ».

Интервьюер: Как во время дебатов с Рудашем вела себя культурная общественность?

Лукач: Я думаю, сочувствовали скорее мне, нежели Рудашу, поскольку эстетические качества «Ответа» очень сильно говорили против Реваи.³²⁵ «Ответ» все-таки и доньше является лучшим социалистическим романом, возникшим в Венгрии. Он был принят молодежью, хотя Дери с началом острой критики немедленно объявил, что ни исправлений, ни продолжения у романа не будет. Притом одной очень интересной и существенной чертой «Ответа» было то, что герой романа становится коммунистом только после 1945 года. Согласно концепции Дери, человек этого типа только после провозглашения диктатуры становится коммунистом. Однако группа Ракоши — Реваи, естественно, не была готова признать это действительным.

Интервьюер: Это можно считать свидетельством благоприятных общих условий, когда высшее руководство всей страны столь интенсивно занимается продолжением какого-то романа.

Лукач: За этим скрывается один очень важный вопрос. Ракоши и его люди впоследствии высказывали то мнение, что в венгерском освобождении диктатура была налицо с самого начала и что диктатуре не предшествовал никакой демократический период.³²⁶

Интервьюер: Точка зрения Ракоши и его людей обнаруживала своеобразные противоречия. С одной стороны, они хотели заставить народ поверить в то, что свобода была завоевана Коммунистической партией при большой поддержке масс, с другой — свои методы управления они основывали на той посылке, что весь народ был настроен профашистски. Обе эти идеи они хотели бы увидеть отраженными в романе в их единстве. Но такой роман, который обосновывал бы одновременно сразу две эти противоположные стороны лжи, так и не был написан.

Лукач: Творчество Дери нельзя было встроить в эти концепции, а потом, к сожалению, получилось так, что вследствие этого он полностью выбыл из ряда социалистических писателей.³²⁷

Интервьюер: Товарищ Лукач, видите ли Вы корни сегодняшней эволюции Дери в сторону скепсиса по отношению к социализму в этой критике?

Лукач: Да. Естественно, для этого имеются собственные причины в самой личности Дери. Если, однако, читать биографию Дери,³²⁸ можно увидеть, что он всегда ставил собственную отдельную личность в центр мира. Был период, когда в этом плане произошла конвергенция, и из этой конвергенции возникли «Неоконченная фраза» и «Ответ». Вместе с критикой «Ответа» эта конвергенция перестала существовать, и возникли позднейшие романы, в которых он представляет социализм уже как очень сомнительную, выцветшую и ложную проблему. Ужасно, сколь много писательских карьер было уничтожено у нас после 1945 года.

Интервьюер: Трагичнейший перелом в поэтическом развитии произошел, на мой взгляд, у Юхаса.³²⁹

Лукач: Некоторая трагедия была также и в развитии Дери. Но в промежуточное время возникли такие

вещи, как «Две женщины»,³³⁰ уже одними ими Дери останется в истории литературы. Или сейчас, к примеру, это стихотворение, которое он выпустил совместно с Ийешем в одном томе.³³¹ Это стихотворение я считаю необычайно прекрасным. На мой взгляд, им Дери вошел в число значительных лириков.

Интервьюер: Так и есть. Развитие Юхаса я считаю наиболее трагическим, поскольку он обладал могучим талантом.

Лукач: Юхас, собственно, является продуктом всего венгерского кризиса. Он высокоталантливый поэт, один из талантливейших. Видите ли, старик Толстой был очень умным человеком, когда он выступил против фетишизации таланта. А именно сказав, что талант является только необходимым компонентом художественного развития, но только компонентом, а не всем. Возможно, в Венгрии сейчас даже и нет столь же одаренного лирика, как Юхас. Но интересна и другая крайность – случай Беньямина, оставившего великие стихотворения, но по своему таланту не принадлежавшего к крупнейшим лирикам. Ведь, к примеру, «Ода об Аране» принадлежит к прекраснейшим венгерским стихотворениям. Стало быть, я полагаю, Толстой был очень даже прав, когда протестовал против фетишизации таланта.

Интервьюер: Мы не спросили о Ваших отношениях с писателями из московской эмиграции, после того как Вы все вернулись в Венгрию. Имеются в виду Бела Балаж, Андор Габор, Бела Иллеш, Шандор Гергей.

Лукач: С Белой Балажем и Андором Габором я не совпадал в очень многих вопросах. Тем не менее я ценил их как писателей. Без этой последней оценки это относится также и к другим.

Интервьюер: Ваши дружеские отношения с Андором Габором и Белой Балажем по-прежнему сохранялись?

Лукач: С Андором Габором — да, с Белой Балажем — нет, поскольку Бела Балаж, принимая во внимание и его писательский дар, шел на куда большие компромиссы, чем Андор Габор. Вследствие этого в последние годы я ценил писательскую индивидуальность Белы Балажа уже не так, как раньше.

Интервьюер: После 1945 года Вы приняли участие в каких-то международных конгрессах?

Лукач: Это были в строгом значении этого слова не международные конгрессы, а конференции борцов за мир. Я принимал участие только в таких конференциях.³³²

Интервьюер: Но были ведь также некоторые философские конференции, к примеру, Женевская...

Лукач: В Женевской конференции я принял участие в связи с личным приглашением, которое не имело для партии никакого значения. В этом отношении Женевская конференция была для меня очень поучительна, в то время американский *way of life* был еще очень сильно распространен на Западе, так что я — хотя и в личном качестве, и в качестве писателя я был давно известен — был принят слегка в таком роде: вы, наверное, помните из «Персидских писем»³³³ «Monsieur est Persan? Comment Peut-on être Persan?» Соответственно, как кто-то может быть марксистом, который говорит на нескольких языках, образован и культурен. Небольшая конфронтация была у меня с Ясперсом. В сущности, речь шла о том, можно ли поддерживать и пропагандировать марксизм как научное мировоззрение.³³⁴

Интервьюер: Встречались ли Вы после войны с Блохом?

Лукач: Я с ним встречался и поучаствовал в том, что он стал профессором в Лейпцигском университете. Симпатия между нами также сохранилась, после того как он покинул Восточную Германию, хотя впоследствии мы больше не встречались, да и не переписывались.³³⁵

Интервьюер: Вы оцениваете отъезд из Восточной Германии иначе, нежели чем отъезд из Венгрии?³³⁶

Лукач: Естественно. Я считаю Блоха порядочным, достойным исключительного уважения человеком.

Интервьюер: Давайте поговорим о периоде, начавшемся в 1953 году.

Лукач: Он начался с того, что я после дебатов с Рудашем отказался от всех функций в литературной жизни и даже получил постановление Центрального Комитета, согласно которому вообще был «освобожден» от активной литературной деятельности. Тем самым были устранены, так сказать, негативные последствия этой «дискуссии», поскольку в дальнейших стычках я уже не участвовал. Вы, вероятно, помните, что, когда в пятидесятые годы началось писательское движение против Ракоши, я также не принимал в нем участия, не по возвышенным мотивам, но по тактическим соображениям, поскольку знал партию лучше других и знал, что, если писатели будут коллективно протестовать в одном определенном направлении, это будет рассмотрено как образование фракций. И соответственно если бы теперь одному из них за образование фракции пригрозили бы исключением из партии, то отступились бы все. И так это фактически и произошло.³³⁷ Но так как я не хотел отступать, во всем деле я не принял никакого участия. Так что выходит,

моя роль в литературных выступлениях, предшествовавших 1956 году, была равна нулю.

Интервьюер: До 1956 года Вы уже работали над «Своеобразием эстетического»?

Лукач: Да.

Интервьюер: Не могло ли быть причиной Вашей тогдашней бездеятельности то, что Вы чувствовали себя отрываемым от работы, когда Вас хотели втянуть в...

Лукач: Я никогда не говорил, что участие в движении отрывало меня от работы. Общественное движение, собственно говоря, всегда приносит только пользу для работы, поскольку тенденции тем самым обретают четкие острые контуры и становится ясным, что хотят люди.

Интервьюер: Какие перспективы Вы увидели после XX съезда?

Лукач: Сейчас я могу сказать только то, что и тогда, когда впервые всплыл весь этот комплекс проблем: неправда, что его можно редуцировать к культуре личности. Речь идет о куда более широком феномене, чем культ личности. Существует необходимость в реформах. Несомненно, и я не стал бы это отрицать, в первые недели я верил в то, что Имре Надь осуществит реформы. Позднее я оставил эти иллюзии.

Интервьюер: Когда Вы познакомились с Имре Надем?

Лукач: Очень рано. Не следует забывать, что Имре Надь жил в России в качестве военнопленного. В двадцатые годы он вернулся назад в Венгрию, где работал в провинции.³³⁸ Находясь в 1929 году в Будапеште, я многократно сотрудничал с ним, и эта наша совместная деятельность была довольно успешна.³³⁹ В позднейший период я был не готов признать

ведущую роль за Имре Надем, и тогда меня посетили студенты – возможно, и вы были среди них, я не помню, – которые считали все же неправильным, что мы не поддерживаем отношения друг с другом.³⁴⁰ На это я ответил, что Имре Надь точно так же далек от меня, сколь я от него. Должен же и Имре Надь проявить со своей стороны инициативу! Это не был для меня только вопрос престижа. Ведь если бы я пришел к Имре Надю, то тоже оказался бы вовлеченным в течение «дяди Имре», как это было в порядке вещей в тогдашней Венгрии. Однако если бы Имре Надь, в свою очередь, пошел на сближение со мной, тогда в доверительном разговоре с глазу на глаз я мог бы сказать ему, что совершить революцию нельзя, не имея программы.

Интервьюер: Вернемся на мгновение к периоду до 1953 года. Во время [Ваших] дебатов с Рудашем Имре Надь вследствие своей аграрной программы был исключен из Центрального Комитета.³⁴¹ До 1953 года Вы вообще не встречались?

Лукач: Поскольку мы принадлежали к так называемому второму классу [руководящего слоя], мы встречались в таких местах, как, например, Матрахаза (Mátraháza), которые были предназначены именно для этого круга.³⁴² У меня были хорошие отношения с Имре Надем на уровне простого общения. Но не более того.

Интервьюер: Товарищ Лукач, по Вашей оценке, у Имре Надя не было вообще никакой программы [действий] или ему недоставало лишь всеобъемлющей программы?

Лукач: Естественно, некая общая программа реформ у него была. Но он не имел абсолютно никакого представления о том, как можно было бы осуществить эту программу реформ в различных областях

и что конкретно должно было происходить, каковы были права и обязанности отдельных коммунистов в процессе этих преобразований.

Интервьюер: У него также не было программы и в аграрной сфере?

Лукач: Это тоже была такая программа, для реализации которой, я бы сказал, вообще ничего не предпринималось. Не забывайте, что при Имре Наде осуществилось очень мало из [планов] аграрной реформы.³⁴³

Интервьюер: Однако «при Имре Наде» Имре Надь, не считая разве что всего одной недели, был внутри партии в меньшинстве.³⁴⁴

Лукач: Это правда. Если я, однако, нахожусь в меньшинстве внутри партии, то либо не беру на себя ничего, либо ставлю некоторые условия: я беру на себя руководство при условии, что вот это, и это, и то, и то будет сделано. Имре Надь ничего подобного не предпринял, он оставался в роли государственного [почетного] «старца», «дедушки нации» или кем-то вроде этого.³⁴⁵ И создал группу, в которой в какой-то мере были представлены худшие из реформаторов. С другой стороны, у них не было никакой конкретной программы: сейчас вот надо сделать именно то и это, а вот чего-то другого, напротив, следует не делать и т. д. Вот почему мы так и не сошлись с ним за тот год, что он был на посту премьер-министра. Я ценил Имре Нада как порядочного человека, как умного человека, как человека, который компетентен в венгерских аграрных вопросах. Однако настоящим политиком я его не считал.

Интервьюер: Настоящих марксистов в группе Имре Нада вообще не было?

Лукач: Сейчас я уже не смог бы ответить на этот вопрос.

Интервьюер: Ференц Донат?

Лукач: Ференц Донат был в хороших отношениях с Имре Надем и принимал участие в этих собраниях сторонников Имре Надя. Точно так же, как принимали участие Силард Уйхейи и другие. Но я не знаю, как относился в то время ко всему этому Донат, поскольку только позднее между нами установились более тесные отношения, и позднее мне казалось, что он очень критически относился к Имре Надю.

Интервьюер: Это факт, что Вы, товарищ Лукач, не приняли участия в этом движении, но фактом является также и то, что, когда начались дискуссии на заседаниях Кружка Петефи, Вы тотчас в числе первых оказались в центре общественного внимания и ожиданий.³⁴⁶ Почему Вы оказались готовы в то время взять на себя определенную политическую роль?

Лукач: Дело обстоит так, что 1956 год я понимал как большое спонтанное движение, которое нужно было вооружить определенной идеологией. В некоторых своих выступлениях я проявил готовность взять на себя эту роль. Например, я попытался прояснить, в какой мере изменились наши отношения с другими народами и можно ли теперь действительно их строить на принципах сотрудничества и сосуществования, каковы предпосылки этого сосуществования. Такого рода идеологические устремления у меня действительно были,³⁴⁷ но не думаю, что у меня были более далеко идущие намерения.

Интервьюер: Эту свою попытку вооружить идеологией спонтанное движение Вы предприняли в рамках Кружка Петефи, еще до [основных] событий?³⁴⁸

Лукач: Нет, не только в рамках Кружка Петефи, сюда относится также мой доклад в Высшей партийной школе.

Интервьюер: Как этот доклад был воспринят?

Лукач: Довольно учтиво.

Интервьюер: А затем партийное руководство...

Лукач: Затем было [объявлено] плохим все, что бы я ни делал. Они дали волю этим юнцам, ученикам Рудаша, и позволили им писать обо мне все, что им вздумалось.³⁴⁹

Интервьюер: Я не имел в виду период после 4 ноября 1956.³⁵⁰ Я тоже помню вежливый прием доклада, поскольку присутствовал там. А непосредственно после этого, две-три недели спустя, еще до октября, значит, не было ничего предпринято со стороны руководства Ракоши...

Лукач: Совершенно ничего не произошло, поскольку они были так напуганы, что не решались что-либо сделать.³⁵¹

Интервьюер: А как Вы сами были затронуты октябрьскими событиями? В практическом плане каковы были последствия этих событий для Вас?

Лукач: Во-первых, они привели к тому, что я был избран в Центральный Комитет.³⁵² Во-вторых, внутри Центрального Комитета я оказался в некоторой оппозиции к Имре Надю. Я упомянул бы лишь важнейший вопрос: когда Имре Надь объявил о выходе Венгрии из Варшавского договора, Золтан Санто и я не только выступили, но и проголосовали против этого.³⁵³ Мы призывали Имре Надя не оглашать публично такие принципиально важные решения, прежде чем мы не договоримся об этом внутри партии.

Интервьюер: Вы вдвоем проголосовали против выхода Венгрии из Варшавского договора? Другими это постановление было поддержано?

Лукач: Другие поддержали его.³⁵⁴

Интервьюер: Были ли в руководстве другие расхождения?

Лукач: Это было решающим расхождением, которым были predeterminedены все остальные противоречия. Но вопрос всегда заключался в том, должны ли совершиться окончательный разрыв со старой системой или же речь идет о ее реформировании. И скажу честно, я был сторонником реформирования.

Интервьюер: Как и Имре Надь в течение долгого времени.

Лукач: Да, но с Имре Надем никогда не было ясно, на какой точке зрения он, собственно говоря, действительно стоит.

Интервьюер: Я полагаю, он также придерживался реформаторских позиций. Но при этом подвергался прямому давлению различных групп восставших — военных и гражданских. Это давление, на мой взгляд, повлекло его за собой.

Лукач: Это вполне возможно. Я абсолютно не утверждаю, что Имре Надь был контрреволюционером или, если хотите, сторонником капитализма... Одним словом, я не утверждаю ничего подобного. Я говорю лишь о том, что у него не было никакой программы. Сегодня он говорил одно, завтра — другое.

Интервьюер: Товарищ Лукач, у Вас были принципиальные причины выступить против выхода из Варшавского договора или же Вы руководствовались тактическими соображениями, в частности, страхом перед советским вмешательством?

Лукач: Во-первых, у меня были, конечно, принципиальные мотивы. Я просто одобрял членство Венгрии в Варшавском договоре. Во-вторых, при при-

нятии мной решения, конечно, сыграли свою роль и соображения о том, что мы не должны были давать русским никакого повода для вмешательства в венгерские дела. В качестве мотива [для меня] это, естественно, также играло роль.

Интервьюер: Товарищ Лукач, мы, стало быть, знаем, что Вы в октябре 1956 года вошли в руководство партии, состоявшее из семи членов.³⁵⁵ О Вашей государственной функции мы еще не говорили.

Лукач: Мое назначение министром стало возможным благодаря Ференцу Эрдеи,³⁵⁶ это он предложил меня в министры культуры.

Интервьюер: Были ли у Вас какие-то идеи, какая-то программа?

Лукач: Нет-нет, совсем нет, я так тогда и не переступил порога министерства.

Интервьюер: Насколько я помню, Вы сделали какое-то заявление, возможно, в газете «Szabadság» («Свобода»), где выступили с программой упразднения министерства.

Лукач: Это маловероятно.

Интервьюер: Это касалось не системы образования, а той части, которая занималась [внешкольным] народным просвещением. Речь шла о том, что это министерство взяло на себя массу функций, в которых не было никакого смысла. Например, чтобы оттуда управляли литературой и кино.

Лукач: Это вполне возможно. Такого рода заявление я вполне мог сделать.³⁵⁷

Интервьюер: Позднее Вас упрекали в том, что Вы приняли пост министра?

Лукач: Само собой.

Интервьюер: Вам делались и какие-то конкретные упреки? Или дело ограничилось привычными общими формулировками?

Лукач: Этого я теперь вспомнить уже не могу. В течение моей жизни обо мне было написано столько плохого, что я уже не могу вспомнить какие-то отдельные нападки.

Интервьюер: Вас застало врасплах то, что случилось 4 ноября?³⁵⁸ Верили ли Вы в то, что советское и венгерское правительства все-таки сумеют договориться?

Лукач: Это очень сложный вопрос, поскольку я, так сказать, в силу физических причин — и это вряд ли происходило со мной еще когда-либо в жизни — совершил ошибку. Поздним вечером 3 ноября я вернулся из парламента домой, и едва лег, позвонили Санто³⁵⁹ и предложили нам с Гертруд пойти к ним. Там они немедленно предложили отправиться всем нам в югославское посольство, поскольку русские уже входили в город. Я признаю, что в том своем состоянии просто невыспавшегося человека я поддался именно такому ходу мыслей. В свое оправдание могу сказать лишь, что, проспав часок-другой в посольстве, я тут же пожалел о том, что сделал, но об уходе из посольства уже было нечего и думать.

Интервьюер: Ощущались ли уже в посольстве различия во мнениях среди тех, кто нашел там убежище, расхождения, которые полнее проявились уже позже, во время Вашего пребывания в Румынии?³⁶⁰

Лукач: Конечно же, расхождения проявились уже в посольстве. Вообще нельзя забывать, что мотивы найти убежище там были у людей самыми разными. Золтан Ваш, например, укрылся в югославском посольстве, поскольку предполагал, что вместе с наступающими войсками прибудет и его жена и его как

человека ветреного заставит платить по счетам, поскольку он тогда уже жил вместе с его теперешней женой. Этим я лишь хочу проиллюстрировать, сколь различные мотивы сыграли здесь свою роль. Наша позиция с самого начала заключалась в том, что мы хотели вернуться домой. Это наше намерение — что интересно — было-таки принято во внимание применительно к некоторым людям, включая меня. Однако когда мы захотели воплотить это намерение на практике, мы были арестованы и доставлены в русский лагерь, или как это там называется.³⁶¹

Интервьюер: Кому еще разрешили уйти?

Лукач: Очень многим. Например, как я помню, Силарду Уйхейи, Золтану Санто и Золтану Вашу. Кроме группы Имре Надя в ее узком понимании, там была еще довольно большая группа лиц, желавших уйти.

Интервьюер: Что произошло, когда Вы покинули посольство?

Лукач: Когда мы сели в автомобиль, за нами тут же последовала полицейская машина и от нас потребовали, чтобы наш шофер следовал за ней. Мы свернули в переулок, и там нам предложили пересесть в машины, которые и доставили нас в русский лагерь...

Интервьюер: Как там с вами обращались?

Лукач: Обращение было с самого начала хорошим и вежливым.

Интервьюер: По Будапешту ходил анекдот о том, что каждого якобы попросили сдать свое оружие, после чего товарищ Лукач будто бы сдал свою авторучку.

Лукач: Это легенда. От нас не потребовали никакого оружия. Золтан Санто, Золтан Ваш и я первыми прибыли в русский лагерь.³⁶² Я не знаю, был ли еще

кто-то в этой группе. Три-четыре дня спустя туда же прибыло все общество. Затем нас отвезли в Румынию.

Интервьюер: Была ли у Вас там возможность работать?

Лукач: Собственно говоря, некоторые возможности там были. Библиотеки были доступны нам, так что, стало быть, можно было читать, что хотелось. В этом плане перед нами не ставилось никаких препон. Что нам там делать — оставили на наше свободное усмотрение.

Интервьюер: Вы там работали, товарищ Лукач?

Лукач: Я почитывал там вещи, до которых раньше просто не доходили руки вследствие моей партийной работы. Трудно назвать такую деятельность работой. Но чтобы я был ничем не занят — такого не случилось.

Интервьюер: Я слышал еще одну забавную историю. Будто бы в Румынии один румынский тюремный надзиратель получил задание идеологически переубедить товарища Лукача.

Лукач: Это возможно. Я действительно знал одного такого мордovorота, но это была довольно безобидная вещь.

Интервьюер: Рассказывают, что этот мордovorот после многонедельных дискуссий оказался в больнице для нервнобольных.

Лукач: Теперь я этого уже не могу вспомнить. Когда я покинул Румынию,³⁶³ он еще не был в больнице для нервнобольных.

Интервьюер: Он был разумным человеком?

Лукач: На партийном уровне таких людей считают разумными. Это все, и это не так уж много.³⁶⁴

Интервьюер: Предпринимали ли Вы какие-то шаги для того, чтобы вернуться в Венгрию?

Лукач: Да, и тут возникла одна проблема. Допрашивавшие сказали мне, что я не являюсь сторонником Имре Надя и что они это знают, а раз это так, то отчего бы мне тогда не дать показания против Имре Надя? На что я ответил: как только мы оба, я и Имре Надь, как-нибудь будем свободно прогуливаться по Будапешту, я выскажу свое мнение обо всех его действиях. Но о своих товарищах по заключению давать показания не хочу.

Интервьюер: Этой нравственной позиции придерживались все?

Лукач: Пожалуй, все.

Интервьюер: По Будапешту ходили слухи о том, что позиция Золтана Санто была не совсем корректна.

Лукач: Этого я не знаю. Я не обладаю об этом никакими конкретными сведениями, поскольку каждый допрашивался отдельно и затем другим рассказывал то, что ему хотелось и что он считал приятным для себя. В то же время я считаю вероятным, что показания Золтана Санто были неблагоприятны для Имре Надя, поскольку там было одно заседание, в котором принимала участие вся эмиграция, или, лучше сказать, все, кто там был интернирован. И на нем Золтан Санто довольно резко выступил против Имре Надя в его присутствии.

Интервьюер: Эти заседания проходили под строгим наблюдением?

Лукач: Это само собой. Этим занимались двадцать-тридцать человек... И причем это был русский или же румынский персонал.

Интервьюер: Я потому Вас спрашиваю о Золтане Санто, товарищ Лукач, что, насколько я помню, Ваша тесная дружба с ним пошатнулась именно в это время.

Лукач: Я был не согласен с поведением Золтана Санто, и потому наши отношения, естественно, до известной степени охладелись.³⁶⁵

Интервьюер: Во время одного нашего разговора в 1956 году Вы, товарищ Лукач, охарактеризовали его как наиболее талантливого коммунистического руководителя в наше время.

Лукач: Золтан Санто был превосходным партийным работником, и в 1930-е годы он сыграл очень активную роль при преобразовании венгерской партии.³⁶⁶ Позже он был оттеснен Ракоши и его людьми на задний план, и в силу этого Санто странным образом оценивал свою собственную роль куда выше, чем она была в реальности.

Интервьюер: В идеологическом плане он не представлял собой чего-то значительного?

Лукач: В идеологическом смысле он был правильным человеком.

Интервьюер: Товарищ Лукач, при каких обстоятельствах в мае 1957 года Вы получили предложение вернуться в Венгрию?

Лукач: Возвращение в Венгрию состоялось в конце марта – начале апреля.³⁶⁷

Интервьюер: Было ли оно обставлено какими-либо условиями?

Лукач: Нет, не было.

Интервьюер: Как в это время складывались Ваши отношения с партией?

Лукач: Когда партия была реорганизована и получила свое сегодняшнее название,³⁶⁸ я заявил, что по-прежнему остаюсь ее членом. Я написал в Центральный Комитет письмо.³⁶⁹ Я писал в нем о том, с какого времени являюсь членом партии,³⁷⁰ и о том, что вся моя партийная жизнь открыта для партии с тех пор, как я являюсь ее членом. Так что не было никаких причин отклонять мое заявление о перерегистрации партийного членства. Это заявление тем не менее было, конечно, отклонено, во всяком случае я не получил на свое письмо никакого ответа.³⁷¹ И только десятью годами позже этот вопрос вновь возник.³⁷²

Интервьюер: Вас и дальше продолжали упрекать в том, что Вы были министром в правительстве Имре Надя?

Лукач: Естественно.

Интервьюер: Вам предъявляли конкретные обвинения или только привычные, общего характера?

Лукач: Я сейчас уже это не могу вспомнить. Как я уже много раз упомянул, отдельные обвинения, которые против меня выдвигали, я сейчас уже не помню.

Интервьюер: Товарищ Лукач, Вы читали то плохое, что о Вас писали?

Лукач: Отчасти.

Интервьюер: А то хорошее, что писали?

Лукач: Еще в меньшей мере. Хорошее обо мне писали очень редко. Не забывайте, что хотя я и был в Венгрии известным человеком, но скандально известным человеком, а не таким, которому кто-то и каким-либо способом поклонялся (чествовал).

Интервьюер: Так было уже в начале Вашего пути.

Лукач: В начале моего пути я был обычный буржуазный писатель, сотрудник «Nyugat» и в рамках «Nyugat» занимал радикальную позицию. Но это не имело никаких политических последствий.

Интервьюер: Особая позиция до некоторой степени характеризовала Вас уже тогда.

Лукач: Естественно.

Интервьюер: Товарищ Лукач, уже тогда было закономерным, что больше плохого о Вас говорили в Венгрии, чем хорошего. Я думаю, например, о критике со стороны Бабица.³⁷³

Лукач: Бабиц не выносил меня, точно так же, как не выносил меня и Ошват. Эти радикальные в литературном отношении и политически консервативные венгерские писатели от всего сердца ненавидели меня и не делали из этого секрета, у них и не было причин скрывать это, в конце концов кем я был тогда? Мстить я им никак не мог, так что меня вообще не интересовал вопрос о том, какую позицию занять в отношении критики, писавшей обо мне.

Интервьюер: В вышедшем в 1962 году энциклопедическом словаре Йозеф Сигети³⁷⁴ написал, что Вы были исключены из партии.

Лукач: Это неправда. Но вполне возможно, что так написали, поскольку я вплоть до шестидесятых годов подлежал полному моральному осуждению.³⁷⁵ Вполне возможно, что обо мне распространялись подобные слухи. Во всяком случае, меня не исключили из партии, мне только не дали ровно никакого ответа на то письмо, в котором я писал, что хочу быть членом партии.

Интервьюер: Очевидно, Вам не дали никакого ответа, поскольку не осмелились написать ни да, ни нет.

Лукач: Конечно, какая-то такая причина была. Во всяком случае, эта проблема вновь появилась, когда я в связи с [планируемым] введением нового экономического механизма дал интервью газете «Unità» («Унита»). В нем говорилось примерно о том, что я поддерживаю проводимую линию, поскольку она по необходимости сопровождается демократизацией партии и обновлением марксизма.³⁷⁶

Интервьюер: Это интервью «Unità» было началом Вашего нового появления перед общественностью?

Лукач: Да, до некоторой степени. Но нужно все-таки принимать вещи такими, каковы они есть: и до проведения экономической реформы я тоже представлял в публичной роли — как пассивное воплощение ревизионизма, эта функция вплоть до названного момента также не утратила своей злободневности.

Интервьюер: В то время Вы еще работали над «Эстетикой»?

Лукач: На первом отрезке [этого времени] я уже завершил работу над «Эстетикой».³⁷⁷ И, естественно, не было никаких шансов, что ее позволят издать за рубежом, не говоря уже о Венгрии. Учитывая это, я написал Кадару письмо, в котором осудил установленный порядок вещей. То есть я думаю, что каждое издательство имеет право издавать то, что хочет. Однако ни одно издательство не имеет права препятствовать другим в издании книг. Таким образом, в своем письме Кадару я выражал протест против этого заведенного порядка.³⁷⁸ Вследствие этого я был вызван в Центральный Комитет. Как там звали этого парня? Сирмай.³⁷⁹ Я был вызван к нему, и он сооб-

шил мне, что, если я того захочу, в мое распоряжение любезно предоставят паспорт, позволяющий мне выехать в эмиграцию. На это я сказал Сирмаи: «Видите ли, власть в ваших руках. Вы можете делать со мной, что пожелаете. Если я сейчас покину эту комнату и в дверях мне на плечо положит руку полицейский, я буду пленником и ничего не смогу сделать. Однако у вас нет достаточной власти, чтобы выпроводить меня из Венгрии, когда вам это заблагорассудится». И таким образом, они положили дело на добрых полтора года под сукно.³⁸⁰

Интервьюер: Когда возник план полного немецкого собрания сочинений?

Лукач: Очень давно. Еще до 1956 года.³⁸¹

Интервьюер: В конечном итоге борьба велась за то, чтобы Вы смогли послать «Эстетику» Бензелеру?»³⁸²

Лукач: Именно за это.

Интервьюер: Имели ли Вы возможность в это время выпустить за рубежом другие рукописи?

Лукач: Что я смог переправить контрабандой, то и вышло.³⁸³

Интервьюер: От Вас в связи с этим не требовали объяснений?

Лукач: От меня в связи с этим никто не требовал объяснений. После того как затем был восстановлен мир, я поговорил об этом с Ацелом³⁸⁴ и сказал ему тогда: «Вот посмотри: сколь долго вы будете запрещать издание моих рукописей за рубежом, столь долго я буду преспокойно переправлять их, поскольку не признаю ваше право препятствовать немецкой публикации моей книги. Если же я получу гарантию того, что моим вещам будет разрешено законным путем выходить за рубежом, я с большим удовольствием

откажусь от моего права на контрабанду». С началом восстановления мира в наших отношениях я получил такое право.

Интервьюер: После возвращения в Венгрию участвовали ли Вы какое-то время в поддержке людей, оказавшихся в трудном положении?

Лукач: Разумеется, это происходило. Сейчас я уже не мог бы сказать, кого и каким образом мы поддерживали. Я всегда выступал против предпринимаемого со стороны правительства насилия, и никто не может утверждать, будто бы я одобрил казнь Имре Надя³⁸⁵ и тому подобное, однако существовали различия, которые в некоторых случаях имели в значительной мере тактический характер. Речь идет о том, что были шансы кому-то реально помочь, тогда как в других случаях все было безнадежно.

Интервьюер: Над чем наряду с «Эстетикой» Вы работали в это время?

Лукач: Над подготовкой моей «Онтологии». «Эстетика», собственно, была подготовкой к «Онтологии», ввиду того что она рассматривала эстетическое как момент бытия, общественного бытия.

Интервьюер: Насколько я знаю, после «Эстетики» Вы планировали написание «Этики».

Лукач: «Онтологию» я изначально планировал в качестве философского основания «Этики», и в силу этого «Этика» была оттеснена «Онтологией», поскольку речь шла именно о структуре бытия, а не о какой-либо отдельной его форме.³⁸⁶

Интервьюер: К этому времени относятся также политические статьи и даже политическое исследование об отношениях буржуазной и социалистической демократии. Это исследование не вышло ни на

одном языке.³⁸⁷ Оно было написано в связи с событиями в Чехословакии.

Лукач: Чешские дела возникли очень поздно. И в отношении чешских дел я решительно занял прочешскую позицию. Ссылаясь на мое право члена партии, я написал Кадару письмо, в котором довел до его сведения, что я в чешских делах не поддерживаю ни поведение партии, ни в особенности его поведение.³⁸⁸ Это я написал Кадару.³⁸⁹ В то же время — а я и сегодня считаю правильным, что поступил именно так, — я отказался от участия в философском конгрессе в Вене, куда был приглашен, поскольку если бы я там появился, то, конечно, каждое второе мое слово было бы связано с чешским вопросом, а этого я не хотел.³⁹⁰

Интервьюер: Изменилось ли в определенной степени Ваше отношение к 1956 году вследствие чешских событий? Я имею в виду то, что чехи, очевидно, не хотели выходить из Варшавского договора, и тем не менее последовала интервенция. Можно ли на этом основании заключить, что решение Имре Надя о выходе [из Варшавского договора] послужило только предлогом для интервенции?

Лукач: В то время нельзя было принимать такое решение. Я со своей стороны, хотя и занял прочешскую позицию, но при этом понимал, что в чешском вопросе, вопросе чешской демократии, можно было выявить внутренние противоречия — я даже собирался написать об этом статью для одной румынской газеты и не написал ее лишь из-за недостатка времени. Одним словом, я занял по отношению к чехам критическую, но тем не менее сочувственную позицию.

Интервьюер: Если я правильно помню, эта статья должна была затронуть вопрос о Масарике.

Лукач: Во время диктатуры чешские войска под руководством Масарика вторглись в Венгрию.³⁹¹

И я написал бы, что не слишком высоко ценю демократию, которая хочет использовать демократическое оружие против диктатуры пролетариата другой страны.

Интервьюер: А каковы были другие дискуссии этого периода?

Лукач: Дело в том — и я обычно говорю это товарищу Ацелу в доверительной беседе, — что он является чрезвычайно благосклонным и порядочным человеком, что он мне очень нравится и я его высоко ценю, но что он хочет решать все дела так, чтобы каждый был доволен. А так не получается. Это неразрешимая задача — устранить контрабанду и в то же время угодить контрабандисту. Ацел затем полемизировал в «Népszabadság» против того, что я называю трагедией Реваи.³⁹² Я сказал Ацелу — это не пошло в «Népszabadság», — что из времени Ракоши вышли сотни и тысячи людей. На одном полюсе стоял Михай Фаркаш, этот архиподлец, а на другой стороне стоял Андраш Хегедюш, премьер-министр Ракоши, а сегодня одна из важнейших фигур реформы. Если мы сейчас просто будем исходить из того, что с каждым из них случилась какая-то беда, что-то приключилось неприятное — мы не говорим сейчас о деталях, — то это будет означать, что мы в конце концов установим знак равенства между Михаем Фаркашем и Андрашем Хегедюшем. Это было бы несправедливо. И важным требованием современности является то, что мы говорим преисполненное ненависти «нет» типу Михая Фаркаша и «да» типу Андраша Хегедюша. Я говорю сейчас о типах людей, а не о людях. Между ними есть неимоверно большое количество оттенков, которые искусство должно было бы правдиво изобразить, но для этого нужно видеть градацию. Если мы это забываем, то фактически подходим к той точке зрения, что, хотя и были всевозможные неприят-

ности, но все они уже в прошлом, и мы, стало быть, должны о них забыть. Однако мы не должны о них забывать. Эта проблема уже появилась в нашей литературе в великолепной форме, а именно в великом педагогическом романе Макаренко.³⁹³ Согласно ему, метод социалистического воспитания состоит в том, что забвение следует за стыдом и катарсисом. Забвение, стало быть, может наступить только после катарсиса. Если мы действительно хотим социализм, мы не можем отказаться от такого рода воспитательной работы. Без этой воспитательной работы мы будем жить идеологически в псевдосоциализме. Или возьмем вопрос революционного террора. Если воплощение революционного террора для нас — Михай Фаркаш, то мы приходим к совершенно ложной формуле. Если революционный террор — это Отто Корвин, то... Позвольте мне опять рассказать одну историю! Когда во время диктатуры³⁹⁴ проходили выборы, после них моя жена — тогда мы еще не были женаты — и ее подруга пришли ко мне и рассказали, что произошла ужасная вещь: брат подруги, учитель, выступил с большой предвыборной речью, что все выборы — это мошенничество, обман, за что он был схвачен полицией, а теперь его непременно повесят. На это я пообещал на следующее утро позвонить Отто Корвину. И я действительно позвонил ему из Народного комиссариата, и он сказал мне только, ах, он этого ненормального парня уже давно освободил. В другой раз, однако, в случае с заговором Штенцела — Николенки как Корвин, так и я страстно боролись на Совете народных комиссаров против социал-демократической позиции, согласно которой оба этих человека должны быть помилованы. Мы стояли на той точке зрения, что они должны быть казнены, поскольку высокопоставленные офицеры полиции организовали в своих квартирах целый арсенал оружия для контрреволюции. Теперь я утверждаю, что обе эти проти-

воположные точки зрения Корвина не означают непоследовательности. Если я стираю различие между Корвином и Михаем Фаркашем и становлюсь на сегодняшнюю современную точку зрения всеобщего прощения, подлинный революционный герой, каким Корвин был в действительности, исчезает. Сегодня в Венгрии Отто Корвин не обладает никаким именем или престижем, и это по большей части объясняется тем, что в результате посредственной всеобщей амнистии позитивный тип революционера бесследно исчез. Отто Корвин изображается, как будто бы он был более умеренной версией Михая Фаркаша, хотя и умеренной, но в конце концов все же версией Михая Фаркаша. Знаете, я был бы рад, если бы люди поняли, что моя острая критика — это социалистическая критика. Я высказываюсь не с точки зрения так называемого буржуазного гуманизма. Из тактических соображений я могу представить себе такую размытую позицию вроде «Покроем прошлое пеленой забвения». Не забывайте, что «Покроем прошлое пеленой забвения» было сказано в 1867 году.³⁹⁵ И в моем детстве в каждом было живо воспоминание о тринадцати арадцах.³⁹⁶ Неправда, что этот покров пеленой был чем-то большим, нежели бюрократической мерой.³⁹⁷ Я был бы абсолютно против того, чтобы покрыть пеленой забвения период Михая Фаркаша, поскольку такое покрывание пеленой имеет действительные последствия, хотя и не столь катастрофичные, как в прежние годы. Но если Золтан Хорват провел больше года под домашним арестом, поскольку он в частной компании пренебрежительно отозвался о Каллаи, это действительно является возвращением времени Михая Фаркаша.³⁹⁸

Интервьюер: Я думаю, полемика Ацела против Вас, товарищ Лукач, касается того, что он требует устойчивого баланса, то есть, если мы начинаем говорить

что-то негативное, мы должны тут же добавить позитивное, что, естественно, является нонсенсом.

Лукач: Это полностью излишнее дело, поскольку я готов признать — я этого не знаю, но ведь возможно же, — что Михай Фаркаш был хорошим отцом семейства. Но я не считаю моей задачей как историка учитывать в его портрете свойство хорошего отца семейства. Это совершенно другое дело, когда диалектика хороших и плохих свойств присутствует в человеке, как, например, у Троцкого и других. В таком случае нужно изобразить эту диалектику, однако не для того чтобы сбалансировать позитивное и негативное, но поскольку без этой диалектики мотивы действий этого человека не могли бы быть раскрыты. Смотрите, в нашей юности мы восторгались, когда Эндре Ади назвал Иштвана Тису мужской версией Елизаветы Батори.³⁹⁹ Он не привел ни единого хорошего качества Иштвана Тисы, хотя Иштван Тиса был разумным человеком, честным и убежденным. И Ади был прав, когда он назвал его мужской версией Елизаветы Батори.

Интервьюер: В отношении Ади допускается, что он страстно судит о некоторых истинах. Однако это же никогда не признается за нами.

Лукач: Без этой страсти мы не будем двигаться вперед. Как, к примеру, в случае графа Радаи в фильме Янчо, который равным образом имел и позитивные стороны.⁴⁰⁰ Я бы поспорил с этим, но это не играет никакой роли.

Интервьюер: Или последний фильм Янчо «Тишина и крик»...

Лукач: Этот фильм мне очень нравится. В нем есть много невероятно ценных вещей, и я не могу сказать ничего другого, как то, что и от Янчо, и от Ковача мы можем ждать еще очень много в этой области. Но для

этого необходимо, чтобы они поддерживались друзьями кино, чтобы раскрытие негативных сторон настоящего и прошлого было позитивным делом и помощью социализму.

Интервьюер: Не случайно венгерское кино вмиг стало успешным, поскольку он отдал всего себя искренности.

Лукач: Это гротескный факт, что Сталин сказал о задаче литературы: «Пишите правду!» Только он не терпел именно того, чтобы правда была написана. В этом отношении я склонен к тому, чтобы даже принять сталинский лозунг и сказать: «Пишите правду!».

Интервьюер: Теперь еще несколько личных вопросов. Когда Вы вернулись из Румынии в Венгрию, Реваи еще был жив. Вы встретились?

Лукач: Мы встретились, поскольку Реваи именно в это время исключили из Центрального Комитета и, следовательно, он находился в неблагоприятном положении, а я после тридцатилетней дружбы не мог бы бросить его на произвол судьбы в этот момент. Наши контакты не были чрезмерно дружескими или чрезмерно тесными, но каждые четыре недели мы встречались друг с другом.

Интервьюер: Пересмотрел ли Реваи свою точку зрения?

Лукач: Реваи совершенно ничего не пересмотрел, как раз наоборот, он старался во всех вопросах сохранять свою старую точку зрения в качестве единственно правильной позиции.

Интервьюер: Когда Дери вышел из тюрьмы...⁴⁰¹

Лукач: Свою мысль о том, что в Венгрии можно написать социалистический роман, Дери на самом де-

ле потерял не в тюрьме, но в ходе дебатов, инсценированных Реваи.⁴⁰² С этого времени возникли поздние сочинения Дери вплоть до биографии, которые, конечно, являются чрезвычайно талантливыми вещами, имеющими, однако, уже очень мало или, так сказать, даже не имеющими ничего общего с социализмом.

Интервьюер: Ваши личные отношения продолжали существовать и впредь?

Лукач: Я симпатизирую его личности и также его жене. Следовательно, мы контактируем друг с другом, поскольку на самом деле мы никогда ничего друг против друга не сделали. Почему бы, стало быть, нам не встретиться? Хотя сейчас я, естественно, больше не придерживаюсь того, что написал о вещах Дери в начале тридцатых годов.⁴⁰³

Интервьюер: С какими писателями Вы поддерживаете отношения в последние годы?

Лукач: С Дери и Ийешем у меня по-прежнему хорошие дружеские отношения. Я должен, собственно, правильное сказать: хорошие разговорные отношения. С Ийешем, правда, дело обстоит так, что он фактически был плебейским демократом, хотя в сущности и не социалистом. И у меня сложилось впечатление, что он потерял всякую веру, и следовательно, его новые произведения, несмотря на высокий литературный уровень, и близко не достигают великих работ молодого Ийеша. Из других писателей нужно было бы назвать Ласло Беньямина, которого я встречал пару раз после 1957 года. Но с кем я, собственно, должен поддерживать отношения? Нет писателя, литературному характеру которого я бы придавал большое значение. Такого писателя — помимо трех названных, и в случае Беньямина это относится только к некоторым его стихотворениям, — такого писателя нет. С кем должен я поддерживать отношения?

Интервьюер: Теперь несколько слов о Ваших учениках. С кем из учеников у Вас самые длинные отношения и кого среди них Вы наиболее цените?

Лукач: Прежде всего Агнеш Хеллер, Ференц Фехер и еще несколько других.

Интервьюер: Маркуш?

Лукач: Маркуш не мой ученик. Маркуш вернулся из Москвы на 75 процентов зрелым человеком, я не скажу, что не оказал на него никакого влияния, но назвать его моим учеником нельзя.

Интервьюер: Вайда?

Лукач: Вайда, да. Вайда был, собственно, учеником Агнеш Хеллер, когда Хеллер училась в университете, и я перенял Вайду в качестве ученика от нее... Собственно, сказать «ученик» нельзя, поскольку он пришел ко мне уже более или менее зрелым человеком. С самого начала моими учениками были только Агнеш Хеллер и Ференц Фехер.

Интервьюер: А среди музыковедов?

Лукач: Среди музыковедов у меня тоже есть ученики, к примеру, Денеш Золтаи. В окружении Бенце Саболчи и моем окружении, конечно, найдутся еще люди, на которых я оказал влияние как учитель.

Интервьюер: Поскольку мы затронули тему музыки: в разговорах Вы всегда проводите различие между Кодаем и Бартоком.

Лукач: Я считаю Кодая выдающимся обновителем старой венгерской музыки, чьи относящиеся сюда работы, конечно, обнаруживают старую, идиллическую Венгрию. «Cantata Profana»,⁴⁰⁴ напротив, является не старой идиллической Венгрией, но мятежной Венгрией. Если отвлечься от молодого Кодая, которого не смею судить, поскольку я не музыкант, то

между Бартоком и Кодаем я не вижу ничего общего в развитии.

Интервьюер: Бенце Саболчи оспаривает это, не правда ли?

Лукач: Бенце Саболчи оспаривает это. В этом отношении я, однако, не считаю его компетентным, поскольку я говорю не о музыке, но, к примеру, о том, что Кодай считал необходимым обновление старой венгерской музыки. Для Бартока венгерская музыка не более благородная и не более мужицкая, чем египетская музыка и так далее. Для Бартока, если можно так выразиться, обновление мужицкого мира важно в том смысле, в каком Ленин однажды сказал о Толстом, что до этого графа мужика в русской литературе не было. В этом смысле также и в музыке еще не встречалось мужика, и это является существенным в Бартоке. И не то, что он венгерский мужик, или румынский мужик, или кто там еще, но то, что он мужик. Он тот олень, который не хочет возвращаться к людям.⁴⁰⁵ Здесь имеется, на мой взгляд, громадная разница между Бартоком и Кодаем, и я не готов сводить их к общему знаменателю. Это правда, что вокруг Кодая образовался миф, не беспочвенный миф, поскольку у него, без сомнения, нашли выражение отношения старого, докультурного венгерства к мужику. Я абсолютно не сомневаюсь в этом. Я сомневаюсь только, что у Кодая имеется интернациональное и революционное содержание этого отношения. Его мужики – это не мужики из «*Cantata Profana*», не те олени, которые не хотят возвращаться, но мужики, которые прекрасно танцуют и представляют всевозможную древнюю традиционную музыкальность, не говоря ни единого слова против старой Венгрии. Точно как в литературе линию Чоконай – Петефи – Ади – Аггилы Йожефа не отделяют от других линий, так и в музыке не делают никаких различий. Говорят: Барток и Кодай.

И это то же самое, как если бы я сказал: Ади и Бабич. Я не сомневаюсь в том, что Бабич был настоящим поэтом, но когда Бабич в конце Первой мировой войны сказал «Мы не спрашиваем, кто виноват, позвольте нам сажать цветы!» и так далее, то во имя сохранения мира он хотел бы примириться даже с Иштваном Тисой. Эндре Ади, напротив, никогда не хотел примириться с Тисой. Различие между Бартоком и Кодаем столь же глубоко, сколь между Ади и Бабичем.

Интервьюер: Скажете ли Вы в завершение пару слов о Вашей последней работе, об «Онтологии»?

Лукач: Согласно Марксу, я представляю себе «Онтологию» как собственно философию, основывающуюся на истории. Но теперь исторически несомненно, что сначала есть неорганическое бытие, и из него — нам неизвестно как, но когда, мы приблизительно знаем, — вытекает органическое бытие, а именно в его растительных и животных формах. И затем из этого биологического состояния позднее через исключительно много переходных состояний вытекает то, что мы называем человеческим общественным бытием, чьей сущностью является телеологическое полагание людей, то есть работа. Это наиболее решающая новая категория, поскольку она охватывает в себе все. Не забывайте, что мы также говорим во всевозможных ценностных категориях о человеческой жизни. Какая ценность первая? Первый продукт? Либо каменный молот соответствует своему назначению, либо он своему назначению не соответствует. В одном случае он будет ценен, в другом ценности у него не будет. Ценность и ее отсутствие еще не встречаются в биологическом существовании, поскольку смерть является, собственно, таким же процессом, как и жизнь. Между ними нет никакой разницы в ценности. Второе основополагающее различие — это «Sollen», что по-венгерски мы называем «Legyen!», то есть вещи изменяются

не сами собой, не благодаря спонтанному процессу, но вследствие сознательного полагания. Сознательное полагание означает, что цель предшествует результату. Это является основой всего человеческого общества. Та противоположность, которая натягивается между ценностью и не-ценностью, между осуществленным и осуществляющимся, составляет, в сущности, всю человеческую жизнь.

Интервьюер: В какой степени сам Маркс разработал эту теорию?

Лукач: Маркс прежде всего разработал то – и это я считаю важнейшей частью марксистской теории, – что это является основополагающей категорией общественного бытия, и каждое бытие является историческим. В Парижских рукописях Маркс говорит, что есть только одна-единственная наука, а именно история,⁴⁰⁶ и он даже прибавляет: «Непредметное существо есть невозможное, нелепое существо». То есть вещь, которая не обладает категориальными свойствами, не может существовать. Существование, стало быть, означает, что нечто существует в предметности определенной формы, то есть предметность определенной формы составляет каждую категорию, к которой упомянутая сущность принадлежит. Здесь онтология остро расходится со старой философией. Дело в том, что старая философия делала набросок системы категорий, внутри которой встречались также и исторические категории. В системе категорий марксизма каждая вещь есть прежде всего нечто, наделенное качеством, вещностью и категориальным бытием. Непредметное существо есть невозможное, нелепое существо. И внутри этого нечто теперь находится история – история изменения категорий. Категории, стало быть, являются составной частью объективной действительности. Не может существовать абсолютно ничего, что в какой-либо форме не было бы катего-

рией. В этом отношении марксизм невероятно остро расходится с предшествующими мировоззрениями: в марксизме категориальное бытие вещей составляет бытие самих вещей, в то время как в старых философиях категориальное бытие было основополагающей категорией, внутри которой образовывались категории действительности. Это не так, что история разыгрывается внутри системы категорий, но это так, что история есть изменение системы категорий. Категории, стало быть, являются формами бытия. Если, конечно, они становятся идейными формами, они тем не менее являются прежде всего формами отражения бытия. Таким образом, возникают совершенно другие категориальные группы и категориальное содержание. Возьмем исторически известный пример, как Лейбниц объяснил принцессе, что не существует двух листков на дереве одинаковой формы. Точно так он мог бы сказать, что не существует и двух одинаковых камней гальки. Индивидуальная неповторимость предметов неотделима от их бытия и не может быть сведена ни к чему. То есть я бы сказал, что система категорий с точки зрения индивидуальной неповторимости обнаруживает то развитие, в ходе которого категория индивидуальной неповторимости развивается из индивидуальной неповторимости камня гальки как результат чрезвычайно долгого развития вплоть до индивидуальной неповторимости человека.

КОММЕНТАРИИ

¹ Речь идет о корректуре немецкого издания завершенной части задуманного фундаментального труда «Онтология общественного бытия»: *Zur Ontologie des gesellschaftlichen Seins: Hegels falsche und echte Ontologie*. Neuwied; Berlin: Luchterhand, 1971.

² Жена Лукача Гертруд Бортштибер-Лукач скончалась в 1963 г.

³ Липотварош, названный так по аналогии с венским Леопольдштадтом, — район Будапешта (расположенный в его пештской половине и примыкавший к Дунаю), с конца XIX в. являвшийся средоточием крупного финансового бизнеса Венгрии. Здесь находились не только офисы банков, но и богатые жилые дома.

⁴ В силу исторических обстоятельств именно Австро-Венгерская монархия, где экономически очень сильное еврейство подвергалось определенным политическим ограничениям, явилась в конце XIX—начале XX в. местом зарождения активного сионистского движения. Одним из основоположников сионистской идеологии и виднейшим деятелем сионистского движения был соотечественник Лукача Теодор Герцль (1860—1904).

⁵ Отец Д. Лукача Йозеф Лукач (1855—1928), выходец из небогатой еврейской среды города Сегеда, стал влиятельным будапештским банкиром, принадлежал к финансовой элите венгерской половины Габсбургской монархии.

⁶ Проспект Андрашши — одна из главных магистралей венгерской столицы. Приобрел свой современный облик к 1896 г., когда с большой помпой было отмечено 1000-летие прихода кочевников-венгров на берега Дуная. Выполненный в эклектическом стиле архитектурный комплекс включал в себя и старейшее в Европе после лондонского метро, проходившее под проспектом Андрашши. Был назван в честь выдающегося государственного деятеля и дипломата Габсбургской монархии графа Дюлы Андрашши (1823—1892).

⁷ Ныне улица Бенцура, названная в честь видного венгерского художника второй половины XIX в. Дюлы Бенцура.

⁸ Янош Лукач (1884—1944), впоследствии банковский служащий.

⁹ С младшей сестрой Марией, которая была на три года моложе него, Лукач при всех многолетних разлуках (она прожила много десятилетий с мужем в Англии) сохранял довольно теплые дружеские отношения до конца жизни.

¹⁰ Речь идет об «Илиаде» Гомера и «Последнем из могикан» Дж. Фенимора Купера.

¹¹ Это был Венгерский кредитный банк.

¹² Речь идет о романе «Спиноза» (1837) немецкого писателя еврейского происхождения Бертольда Ауэрбаха (1812–1882).

¹³ Речь идет об одном из произведений популярного в свое время итальянского писателя Эдмондо де Амичиса (1846–1908), скорее всего о его романе «Сердце. Записки школьника» (1886).

¹⁴ Эту престижную в Венгрии того времени литературную премию молодой Лукач получил в 1908 г. за представленную на конкурс работу по истории драмы. Из нее выросла его первая монография «История развития современной драмы», написанная на венгерском языке и впервые опубликованная в 1911 г. См. немецкое издание под редакцией Ф. Бензелера: *Entwicklungsgeschichte des modernen Dramas*: Darmstadt; Neuwied: Luchterhand, 1981.

¹⁵ Речь идет о Жолте Бёти и Бернате (Бернхарде) Александрс, влиятельных будапештских университетских профессорах философии, занимавших видное место в интеллектуальной элите тогдашней Венгрии.

¹⁶ Имеется в виду Венгерская советская республика 1919 г.

¹⁷ Фрагменты текста, обозначенные звездочкой, являются стенограммой интервью с Георгом Лукачем, взятого Иштваном Эрши и Эржебет Везер 26 ноября 1966 года и вышедшего в публикации «Воспоминания 1» («Emlékezés 1») Литературного музея Петефи (Petőfi Irodalmi Múzeum). Текст стенограммы был просмотрен и утвержден самим Георгом Лукачем. Ввиду того, что данная подборка расположена в хронологическом порядке, мы вынуждены были нарушить целостность интервью, правя его подходящими фрагментами этой стенограммы.

¹⁸ Влиятельная венская газета.

¹⁹ Выходец из среды будапештских (пештских) евреев, выпускник Будапештского университета, врач по образованию Макс Нордау (1849–1923) многие десятилетия жил в Париже, но получил известность как немецкоязычный литератор. Был участником сионистского движения. В его книге «Вырождение» («Entartung», 1892), получившей всеевропейский резонанс, была подвергнута резкой критике с моральных позиций современная декадентская культура, сквозь призму концепции вырождения было изложено

видение актуальных общественных проблем современной Европы.

²⁰ Речь идет о лейпцигском издательстве «Reclam Verlag», выпускавшем мировую классическую литературу большим тиражом для широкой публики.

²¹ См. автобиографическую книгу М. Бенедека «A parlómat olvasom» («Читаю мой дневник», 1965).

²² Элек Бенедек, отец друга юности Лукача Марцела Бенедека, был видным в Венгрии начала XX в. детским писателем.

²³ Популярное в венгерской буржуазной и интеллигентской среде начала XX в. еженедельное издание, рассчитанное на образованную публику, проявлявшую интерес к высокой культуре современного Запада.

²⁴ Эти юношеские театральные рецензии Лукача, относящиеся к 1902–1903 гг., были позже опубликованы в томе его ранних работ, включенном в его венгерское собрание сочинений: «Ifjúkori művek» (1902–1918). Budapest; Magvető, 1977.

²⁵ См. библиографическое издание: Irodalomtörténet. Budapest, 1955. 402–420.о.

²⁶ Шандор Броди был одним из виднейших венгерских писателей начала XX в.

²⁷ Великий венгерский поэт Эндре Ади (1877–1919) в это время был журналистом в большом по венгерским меркам провинциальном городе Надьвараде (ныне Орадя, Румыния).

²⁸ Эти статьи 1903 г., опубликованные в венгерских изданиях того времени, включены в позднейшее издание: Ifjúkori művek.

²⁹ Театр Талия, созданный по инициативе элитной венгерской молодежи как любительский, но затем вовлекший в свою деятельность профессиональных актеров и режиссеров, занял довольно видное место в театральной жизни Будапешта начала XX в. Получил известность прежде всего своей репертуарной политикой, противопоставив модным и зачастую низкопробным салонным пьесам, а также историческим драмам, написанным в духе официального патриотизма, наиболее яркие, неординарные и культовые произведения европейской драматургии XIX–начала XX в. Театр Талия (как и одноименное театральное общество) существовал в 1905–1908 гг. В качестве веду-

щего режиссера в этом проекте принимал участие один из лучших театральных режиссеров Венгрии Шандор Хевеши, в межвоенный период главный режиссер венгерского Национального театра.

³⁰ Имре Петеш (1864–1924) был одним из крупнейших венгерских театральных актеров своего времени.

³¹ Философская пьеса Генрика Ибсена, впервые поставленная в 1893 г.

³² Социальная драма К. Ф. Геббеля «Мария Магдалина», изображающая картину гибели ремесленного мира в условиях наступления капитализма, была написана в 1844 г.

³³ Драма Г. Ибсена «Дикая утка» (1885), очевидно, была переведена Лукачем на венгерский язык не с норвежского оригинала, а с немецкого перевода.

³⁴ Сохранилась и юношеская повелла Лукача «Легенда короля Мидаса», опубликована в 1975 г. в венгерском журнале «Világosság» (№ 1).

³⁵ Эссе молодого Лукача об изобразительном искусстве наряду с другими его юношескими эссе включены в последнее издание его ранних работ: *Ifjúkori művek* (1902–1918).

³⁶ Венгерское издание сборника юношеских эссе Лукача «Душа и формы»: *A lélek és a formák* (Budapest, 1910). Немецкое издание: *Die Seele und die Formen* (Berlin, 1911). Издание на русском языке в переводе С. Н. Земляного — Москва, 2006. На самом деле Лукач сам целиком перевел на немецкий язык лишь одно из эссе, включенных в сборник (о Р. Касснере). Эссе о П. Эрнсте сразу писалось на немецком. Перевод других его эссе выполнили друзья молодого Лукача Лео Поппер, Отто Мандл и Эрнэ Лорши. См. об этом: *Nyíri J. K. Lukács: Die Seele und die Formen c. esszékötetének fordítás történetéhez // Magyar Filozófiai Szemle, 1974. № 2–3.*

³⁷ Речь идет о попытке отца вовлечь Лукача в текущую венгерскую политику, сделав его участником политического проекта, за которым стоял крупный венгерский деятель той эпохи и один из политических тяжеловесов двуединой Габсбургской монархии граф Иштван Тиса (1860–1918), который в этот период был спикером венгерского парламента, а в 1913–1917 гг. премьер-министром венгерской половины Австро-Венгрии. Тиса совмещал в себе глубокий консерватизм с последовательной

приверженностью идее австро-венгерского дуализма и прилагал большие усилия для преодоления обозначившегося к началу XX в. кризиса дуалистической системы.

³⁸ Фрагмент беседы, начинающийся со слов «Я читал одну газетную статью...» и до этого места, переведен А. С. Стыкалиным по венгерскому изданию. В немецком издании отсутствует.

³⁹ Это случилось несколько позже, уже в период Первой мировой войны.

⁴⁰ Это произошло в 1944 г. в условиях немецкой оккупации Венгрии, в период Холокоста, жертвами которого стало более 400 тыс. венгерских евреев.

⁴¹ Хуго Игнотус, последовательный либерал и западник, был в это время одним из наиболее влиятельных в Венгрии литературных критиков, журнальных редакторов и организаторов литературной жизни.

⁴² Для прохождения курса философии в Берлинском университете под началом известного философа Г. Зиммеля.

⁴³ Журнал «Nyugat» («Запад»), основанный в 1908 г. и выходящий до 1941 г., был одним из самых важных периодических изданий в истории венгерской литературной жизни. С ним были напрямую связаны почти все писатели, составившие цвет венгерской литературы первой трети XX в. Эстетическая программа журнала в первые годы его существования, когда на его страницах неоднократно выступал в качестве эссеиста и критика Лукач, была направлена на приобщение венгерской читающей публики к освоению творческого опыта новейших западных литературных, художественных, интеллектуальных течений, находившихся в реальности в сложных отношениях между собой, но мирно сосуществовавших под обложкой венгерского журнала с его весьма эклектической платформой. Э. Ошват был влиятельным критиком, одним из тех, кто долгое время определял лицо «Nyugat».

⁴⁴ Статья, о которой идет речь, впервые опубликованная в журнале «Nyugat» в феврале 1910 г. как отклик на выставку ряда современных венгерских художников во главе с К. Кернштоком (так называемая группа 8), была в определенной мере программной для молодого Лукача, поскольку содержала в себе критику неприемлемой для него к этому времени эстетики импрессионизма, ориен-

тированной на фиксацию частных явлений и мимолетных впечатлений в ущерб постижению сути. В исканиях группы 8, обращавшейся к опыту французского постимпрессионизма, Лукач видел пути преодоления импрессионистской эстетики.

⁴⁵ Речь идет об элитной венско-будапештской буржуазно-либеральной семье еврейского происхождения, из которой вышли получившие мировую известность интеллектуалы – экономист, социолог и антрополог Карл Полаanyi (1886–1964), химик и философ науки Майкл Полаanyi (1891–1976).

⁴⁶ Работа «О нищете духа» в форме философского диалога была впервые опубликована на языке оригинала (венгерском) в созданном Лукачем и его единомышленниками и очень недолго просуществовавшем философском журнале «A Szellem» («Дух»). На русском языке в переводе С. П. Поцелуева: О нищете духа (Диалог). Ростов-н/Д, 2001.

⁴⁷ Речь идет о героине шедевра Гёте «Страдания юного Вертера».

⁴⁸ У Георга Зиммеля Лукач учился, начиная с 1906 г. посещая лекции и семинары в Берлинском, у Макса Вебера – позже, в основном уже в 1910-е годы, в Гейдельбергском университете.

⁴⁹ Речь идет о вышеупомянутой первой монографии Лукача «История развития современной драмы» (1911).

⁵⁰ Неоконченные фрагменты фундаментального труда по эстетике, над которым Лукач работал в 1910-е годы в Гейдельберге, не были опубликованы при жизни философа. Они были извлечены из архивов и введены в научный оборот только в 1970-е годы. См., в частности, издания, подготовленные Д. Маркушем и Ф. Бензелером: Die Heidelberger Philosophieder Kunst (1912–1914). Neuwied; Darmstadt: Luchterhand, 1974; Heidelberger Ästhetic (1916–1918). Neuwied; Darmstadt: Luchterhand, 1974.

⁵¹ Эти слова в венгероязычном интервью Лукача были приведены им по-немецки.

⁵² См. первое венгерское издание «Истории развития современной драмы»: A modern drama fejlődésének története. Budapest, 1911.

⁵³ В строке из стихотворения Ади «Гунн, новая легенда» приведена латинская фраза «Ugocsa non koronat» –

«Угоча не коронует». Эту фразу, по преданию, комитат Угоч адресовал в 1505 г. Фердинанду I в ответ на приглашение участвовать в его коронации.

⁵⁴ Имеется в виду статья Лукача об Ади «Новая венгерская лира», которая была опубликована в 1909 г. в левом социологическом журнале «Huszadik Század» («Двадцатый век»), редактируемом О. Яси.

⁵⁵ Влиятельное в тогдашней Венгрии официозное литературное общество.

⁵⁶ В самом первом номере журнала «Nyugat» в марте 1908 г.

⁵⁷ Имеется в виду рецензия Лукача «Новые венгерские поэты», отклик на антологию современной венгерской поэзии, опубликованный в журнале «Huszadik Század» в ноябре 1908 г.

⁵⁸ Выходцы из мелкопоместного, зачастую разорявшегося дворянства, в Венгрии эпохи дуализма часто пытавшиеся найти себя на государственной службе. В этой среде довольно силен был антисемитизм, поскольку, пытаясь заниматься экономикой и бизнесом, выходцы из слоя джентри неизменно проигрывали конкуренцию евреям.

⁵⁹ Персонаж романа И.-В. Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795).

⁶⁰ В период Венгерской советской республики 1919 г. в качестве заместителя наркома просвещения Лукач, по сути, руководил политикой в области художественной культуры и прилагал усилия для вовлечения в культурную жизнь ведущих литераторов, художников, музыкантов.

⁶¹ Статья о П. Гогене, одном из мэтров французского постимпрессионизма, относится к 1907 г. В этой статье, как и в вышеупомянутом отклике на выставку «группы 8», Лукач пытался найти альтернативу неприемлемой для него импрессионистской эстетике, исключаяющей проникновение в суть изображаемых явлений. См.: *Lukács Gy. Ifjúkori művek* (1902–1918).

⁶² Отклики на ранние произведения этих крупных венгерских писателей см. там же.

⁶³ Речь идет об автобиографическом романе Анны Леснай «В начале был сад» (*Lesznai A. Kezdetben volt a kert*. Budapest, 1966).

⁶⁴ Можно предполагать, что речь идет о книге Белы Балажа «Дух в войне», опубликованной в 1916 г.

⁶⁵ Письмо Г. Зиммеля Марианне Вебер (1914) опубликовано: *Buch des Denkens an Georg Simmel*. Berlin, 1958. S. 133.

⁶⁶ Речь идет о выступлении крупного венгерского писателя Тибора Дери в поддержку «дела Райка» (1949), судебного процесса сталинских времен, инициированного лидером венгерских коммунистов М. Ракоши и построенного на сфальсифицированных обвинениях. См. позднейшие объяснения Т. Дери в этой связи: *Vértés György. Déry Tibor cáfolja meg Déry Tibort* // *Magyar Nemzet*. 1968. Október 27.

⁶⁷ Речь идет о мемуарных свидетельствах художника Бени Ференци и о романе Эрвина Шинко «Оптимисты».

⁶⁸ Имеется в виду эмиграция в Австрию после поражения Венгерской советской республики 1919 г. Позже Елена Грабенко вернулась в СССР и сгинула в сталинских мясорубках в 1930-е годы.

⁶⁹ Карл Либкнехт, будучи депутатом германского рейхстага от социал-демократической партии, в декабре 1914 г. оказался единственным парламентарием, проголосовавшим против военных расходов. Был исключен из-за этого из фракции, а в 1915 г. призван на фронт.

⁷⁰ Лукач имеет в виду свою вышеупомянутую статью «Новая венгерская лира» (1909).

⁷¹ В 1916 г. работа, очевидно, не в полном виде была опубликована в этом штутгартском издании и вышла там же, в Штутгарте, в виде отдельной брошюры. Послевоенное издание: *Die Theorie des Romans. Ein Geschichtsphilosophischer Versuch über die Formen der grossen Epik*. Berlin: Cassirer, 1920. На русском языке опубликовано в журнале «Новое литературное обозрение» в 1994 г.

⁷² В журнале «Логос» (Тюбинген) в 1917 г.

⁷³ Интервьюер имеет в виду сборник работ «Искусство и общество», составленный учеником Лукача Ф. Фехером: *Művészet és társadalom*. Budapest, 1968.

⁷⁴ Проект академической публикации ранних работ Лукача был реализован только после его смерти, в 1977 г.

⁷⁵ Рукописи ранних синтетических работ Лукача по эстетике были найдены в Гейдельберге и опубликованы Д. Маркушем и Ф. Бензелером в 1974 г.: *Die Heidelberger Philosophie der Kunst (1912–1914)*. Neuwied; Darmstadt: Luchterhand, 1974; *Heidelberger Ästhetik (1916–1918)*. Neuwied; Darmstadt: Luchterhand, 1974.

⁷⁶ Кружок молодых интеллектуалов в Будапеште времен Первой мировой войны.

⁷⁷ Упоминала в вышеназванном романе «В начале был сад», основанном на реальных впечатлениях.

⁷⁸ Речь идет о художнике Тиборе Гергее.

⁷⁹ Влиятельный среди венгерской интеллигенции первых двух десятилетий XX в. общественно-научный журнал позитивистской направленности во главе с О. Яси. Был связан с Обществом социальных наук.

⁸⁰ Проект, организованный молодыми интеллектуалами-гуманитариями, был направлен на ознакомление более широких кругов будапештской интеллигенции с новейшими течениями современной европейской мысли.

⁸¹ В венг. издании упомянут Волфнер, а не Фаркаш.

⁸² Имеются в виду публикации в журнале «Huszadik Század». См. последнее издание ранних работ Лукача: *Lukács Gy. Ifjúkori művek (1902–1918)*.

⁸³ Речь идет о поддержке группой О. Яси праволиберального политика Й. Криштоффи, в 1905–1906 гг. министра внутренних дел.

⁸⁴ Из министерства сельского хозяйства, которое долгое время (с перерывом) возглавлял праволиберальный политик И. Дарани.

⁸⁵ Оскар Яси в начале мая 1919 г., в период Венгерской советской республики, покинул Будапешт, выехав в Вену.

⁸⁶ Анна Леснаи в 1913–1918 гг. была замужем за Оскаром Яси.

⁸⁷ Кружок Галилея в Будапеште объединял молодых интеллектуалов леволиберальных и радикальных убеждений. Существовал в 1908–1919 гг. Решающую роль в нем играл Карой (Карл) Поланьи.

⁸⁸ Э. Ади скончался в феврале 1919 г.

⁸⁹ Текст выступления К. Поланьи на собрании Кружка Галилея, состоявшемся после похорон Э. Ади и посвященном его памяти, опубликован: *Írástudó nemzedékek – A Polányi család története dokumentumokban*. Budapest, 1986. 84–86.о. Текст речи Лукача на том же собрании см. в сборнике его публицистических выступлений 1918–1919 гг.: *Lukács Gy. Forradalomban*. Budapest, 1987. 207.о. (впервые опубликовано 7 февраля 1919 г. в газете «Világ»).

⁹⁰ На русском языке см.: *Лукач Д. Политические тексты*. М., 2006.

⁹¹ Речь идет о моральной дилемме, нашедшей отражение в трагедии К. Ф. Геббеля «Юдифь» (1841).

⁹² Демократическая революция в Венгрии в конце октября 1918 г., приведшая к детронизации Габсбургов с венгерского трона и провозглашению Венгрии республикой. Явилась важной составной частью революционного процесса в рамках всей Австро-Венгерской монархии, приведшего к ее распаду. Первым главой республиканского правительства, а затем и президентом Венгрии стал видный проантантовски настроенный венгерский леволиберальный политик граф М. Каройи. Неспособность Каройи и его команды удержать власть в условиях не только экономической разрухи, но и поддержанных победоносной Францией сильных территориальных претензий к Венгрии со стороны ряда национальных движений, активизировавшихся на руинах Австро-Венгерской монархии и представлявших новые государственные проекты (чехословацкий, югославский, великорумынский), привели к отставке Каройи 21 марта 1919 г. и установлению Венгерской советской республики, просуществовавшей 133 дня до начала августа. После падения ВСР в Венгрии была восстановлена монархия, хотя и без короля, с регентом адмиралом М. Хорти.

⁹³ Речь идет об Ирен Гётц, жене Ласло Диенеша (1889–1953), социолога, эстетика, участника Кружка Галилея, близкого товарища Д. Лукача в 1910-е годы.

⁹⁴ Колебания морального порядка, связанные с необходимостью оправдывать насилие во имя создания нового общества, нашли отражение в статье Лукача «Большевизм как моральная проблема», опубликованной в декабре 1919 г. в журнале «Szabadgondolat». На русском языке: Лукач Д. Политические тексты. М., 2006.

⁹⁵ Лукач ошибается. В начале февраля была опубликована другая его статья, «Правопорядок и насилие». Статья «Тактика и этика» вышла позже, уже весной 1919 г., в период Венгерской советской республики, в одноименной брошюре, наряду с этой включившей в себя и ряд других политических статей Лукача (издано наркоматом просвещения).

⁹⁶ Речь, очевидно, идет о вышеупомянутом антивоенном выступлении К. Либкнехта в германском рейхстаге в декабре 1914 г.

⁹⁷ Речь идет о вернувшихся на родину и принявших в конце 1918—1919 гг. активное участие в создании венгерской компартии, а затем и Венгерской советской республики Беле Куне и некоторых других деятелях, которые в бытность военными австро-венгерской армии на восточном фронте попали в русский плен и в 1917 г., приобщились в России к революционному движению на его большевистском фланге.

⁹⁸ Опубликовано в виде вышеупомянутой статьи «Правопорядок и насилие». Важнейшие тексты, относящиеся к этому времени, см.: Лукач Д. Политические тексты. М., 2006.

⁹⁹ Наряду с романом Э. Шинко «Оптимисты» события, о которых идет речь, нашли отражение и в произведении другого известного венгерского писателя, ставшего их непосредственным свидетелем, — в романе Йожефа Лендела «Вышеградская улица».

¹⁰⁰ Речь идет о вышеупомянутой лекции о правопорядке и насилиии, прочитанной в так называемой академии компартии, то есть в системе партучебы, организованной партией.

¹⁰¹ Бела Кун и ряд других членов руководства компартии были арестованы правительством Каройи в связи с попытками в сложных экономических и внешнеполитических условиях дестабилизировать ситуацию и захватить власть.

¹⁰² Печатный орган компартии.

¹⁰³ Отец Лукача продолжал оставаться директором банка, который, как и другие банки, затронул в период Венгерской советской республики процесс национализации.

¹⁰⁴ То есть вернувшийся из российского плена.

¹⁰⁵ Речь идет о вышеупомянутой статье «Большевизм как моральная проблема», опубликованной в декабре 1918 г.

¹⁰⁶ «Правопорядок и насилие» — первая статья Лукача, вышедшая в теоретическом журнале компартии «Internationale» (это было в начале февраля 1919 г.). Статьи Лукача, опубликованные в этом журнале, см.: *Lukács Gy. Forradalomban*. Budapest, 1987.

¹⁰⁷ То есть в период Венгерской советской республики.

¹⁰⁸ Весной—летом 1919 г. в условиях острейших национально-территориальных споров, охвативших простран-

ство распадавшейся Габсбургской монархии, Венгерской советской республике пришлось вести войны как на севере, с войсками образованной в конце 1918 г. Чехословакии, так и на востоке, с наступавшей румынской армией.

¹⁰⁹ С деятелями левой социал-демократии, осуществлявшими командование военными силами Венгерской советской республики.

¹¹⁰ Объединение коммунистов и социал-демократов в социалистическую партию произошло на раннем этапе Венгерской советской республики. После ее поражения и эмиграции активных участников революции в Вену пути двух партий снова разошлись.

¹¹¹ Была включена в брошюру «Тактика и этика», опубликованную весной 1919 г.

¹¹² Речь идет о поддержке победоносной Францией, определявшей в соответствии со своими геополитическими интересами послевоенное переустройство в Дунайско-Карпатском регионе, позиции Румынии в условиях претензий как Румынии, так и Венгрии на обширные восточные земли распадавшейся Габсбургской монархии (в том числе Трансильванию). За острыми национально-территориальными спорами между Венгрией и Румынией, в которые Франция вмешалась на стороне франкофонской Румынии как потенциального проводника французского влияния на востоке Средней Европы, скрывалась заинтересованность французской политической элиты в скорейшей ликвидации посредством румынских войск венгерского коммунистического эксперимента, то есть Венгерской советской республики, вооруженной идеологией мировой революции. В более конкретном плане имеется в виду ультиматум правительства Клемансо с требованием о прекращении наступательных действий венгерской революционной армии в направлении Чехословакии в обмен на уход румынской армии с территорий вдоль реки Тиса (речь шла о территориях не со смешанным, как в Трансильвании, а с однородным венгерским населением).

¹¹³ Наркомат просвещения Венгерской советской республики возглавлял левый социал-демократ Ж. Кунфи. Его заместитель Д. Лукач, представлявший компартию, обладал фактически такими же полномочиями. В его ведении находилась политика в области художественной культуры, культурного наследия, музейного дела и т. п.

¹¹⁴ Речь идет о переустройстве и принципиальных кадровых изменениях в унаследованной от прежней власти системе образования.

¹¹⁵ Одну из филологических кафедр в Будапештском университете.

¹¹⁶ Автобиография Л. Кашшака «Жизнь одного человека» («Egy ember élete») выдержала немало изданий.

¹¹⁷ Речь идет о деятельности Д. Лукача в качестве фронтового политкомиссара весной—летом 1919 г.

¹¹⁸ Явная оговорка Лукача.

¹¹⁹ Речь может идти о редактировавшемся Л. Кашшаком авангардистском литературно-художественном журнале «Ма» («Сегодня»).

¹²⁰ День установления Венгерской советской республики.

¹²¹ Влиятельный литературный журнал, выходивший с 1894 г.

¹²² Книга эссе, опубликованная в 1918 г., в которой содержался отклик на некоторые литературные произведения Б. Балажа.

¹²³ На самом деле Бела Балаж, уроженец города Сегеда, был сыном учителя гимназии, его семья занимала далеко не столь же высокое положение на ступенях социальной лестницы, как семья Лукача.

¹²⁴ То есть, с одной стороны, против либерально-позитивистской, а с другой стороны, против консервативной католической идеологии.

¹²⁵ Позднее произведение Михая Бабича, относящееся к 1938 г.

¹²⁶ Выражение восходит к известному своим коварством римскому папе XV в. Александру VI из рода Борджиа, который, приглашая врагов к себе в дом, умерщвлял их во время пиршества.

¹²⁷ Период сотрудничества молодых Лукача и Балажа с журналом «Nyugat», основанным в 1908 г.

¹²⁸ Многие офицеры, настроенные против Венгерской советской республики, продолжали занимать ответственные должности на фронтах, считая приоритетным делом оборону страны, подвергавшейся внешней угрозе, особенно со стороны Румынии.

¹²⁹ Начиная с середины 1920-х годов Габор Гаал (1891—1954) жил в румынской Трансильвании, продолжая актив-

но выступать в качестве публициста и редактора левых изданий.

¹³⁰ 1 августа 1919 г.

¹³¹ Румынская оккупация Будапешта продолжалась в течение нескольких месяцев начиная с августа 1919 г.

¹³² Речь идет о Е. Грабенко.

¹³³ Персонаж О. де Бальзака.

¹³⁴ О. Корвин стал жертвой контрреволюционного террора.

¹³⁵ Явная ошибка памяти. Германский фельдмаршал А. фон Макензен после поражения Германии в войне был интернирован французами и находился в этом состоянии до конца 1919 г. Будапешт же в это время находился под румынской оккупацией. Ошибка может отчасти объясняться тем, что Макензен в 1917–1918 гг. был главнокомандующим войск центральных держав именно на румынском фронте. Тем не менее Лукач действительно мог покинуть Будапешт и выехать в Вену с помощью подкупленного семьей офицера капитулировавшей германской армии.

¹³⁶ Речь идет о II съезде венгерской компартии, который состоялся в 1930 г. в советской эмиграции, в подмосковной Апрелевке.

¹³⁷ Речь идет о лекции Лукача, прочитанной в Свободной школе наук о духе (см. выше). Гертруда Бортштибер была в числе слушательниц.

¹³⁸ Дипломатические отношения между СССР и Австрией были установлены только в феврале 1924 г.

¹³⁹ Видный деятель австрийской социал-демократии, теоретик австромарксизма Карл Реннер был канцлером и главой госсвета Австрии с ноября 1918 по июль 1920 г.

¹⁴⁰ Сдвиг вправо в австрийской внутривнутриполитической жизни наметился уже в 1920 г. и со всей определенностью проявился в 1922 г., когда канцлером стал видный политик христианско-социальной партии И. Зейпель, принявший наступление на рабочее движение.

¹⁴¹ Хортистские власти требовали от австрийского правительства выдачи как государственных преступников всех активных функционеров Венгерской советской республики, бежавших в Австрию после ее поражения.

¹⁴² См. текст этого письма: *Mann Thomas. Die Forderung des Tages*. Berlin, 1930. S. 414–417.

¹⁴³ Дети Гертруд от первого брака Лайош Яноши (будущий физик, академик и вице-президент Венгерской академии наук) и Ференц Яноши (будущий экономист). Общая дочь Лукача и Гертруд Анна родилась уже в Вене.

¹⁴⁴ Своей старшей сестре (она тоже была писательницей).

¹⁴⁵ Великий венгерский поэт Аттила Йожеф сблизился в начале 1930-х годов с коммунистическим подпольем, однако затем порвал с ним в силу неприятия тогдашней сектантской линии коммунистического движения.

¹⁴⁶ «Тезисы Блюма» — условное наименование программы действий венгерской компартии, подготовленной Лукачем в 1929 г. к ее новому съезду. Была признана правооппортунистической и подвергнута резкой критике (подробнее см. комментарии к «Прожитым мыслям»).

¹⁴⁷ Окончательный разрыв А. Йожефа с венгерской компартией произошел в 1934 г.

¹⁴⁸ Лукач с Гертруд и двумя младшими детьми, по некоторым данным, приехали в Москву в самом конце 1929 г., в 1930–1931 гг. он работал в Институте Маркса и Энгельса при ЦК ВКП(б). Во второй половине 1931 г. семья выехала в Берлин. Отчасти ее отъезд был связан с идеологическими проработками и реорганизацией института, угрожавшими положению Лукача, чья вся предшествующая деятельность давала немало оснований для критики с позиций усиливавшейся ортодоксии.

¹⁴⁹ Весной 1933 г., после прихода Гитлера к власти.

¹⁵⁰ В то же время в конце 1930-х годов Д. Лукач восстановил тесные связи и с венгерской компартией, стараясь способствовать проведению в ее политике линии антифашистского народного фронта.

¹⁵¹ Литературный и общественно-политический журнал на венгерском языке «Új Hang» начал выходить в Москве в 1938 г. В основу его программы была положена линия VII конгресса Коминтерна (1935 г.) на единый народный фронт антифашистских сил, которую на венгерском направлении (в отличие от германского) удавалось проводить и после заключения в августе 1939 г. советско-германского Пакта, сразу блокировавшего (до июня 1941 г.) антинацистскую деятельность Коминтерна. Журнал существовал до 1941 г.

¹⁵² Дюла Ийеш покинул Венгрию в 1921 г. в связи с преследованиями за участие в радикальном студенческом движении. В 1922–1926 гг. жил в Париже вплоть до получения амнистии. Встреча с Лукачем по пути на родину состоялась летом 1926 г.

¹⁵³ Многие политэмигранты, бежавшие из Венгрии, прошли через лагерь для интернированных, пока вопрос об их пребывании в Австрии не был решен в международном плане.

¹⁵⁴ Постоянного советского дипломатического представительства в Вене в это время не было, речь может идти о командированных в Вену с той или иной целью (вопросы обмена военнопленными и т. п.) на долгий срок советских официальных лицах.

¹⁵⁵ Под желтыми понимаются штрейкбрехеры. «Желтые профсоюзы» — профсоюзы, склонные идти на сделку с работодателем и властями.

¹⁵⁶ Очевидно, на рассмотрение всей венгерской коммунистической эмиграции, находившейся в Вене.

¹⁵⁷ В 1923 г. в Берлине вышла книга Лукача «История и классовое сознание». В ее состав, наряду с уже опубликованными до того работами, вошли также два новых очерка («Овеществление и пролетарское сознание» и «Методологические заметки к вопросу об организации»), написанных Лукачем специально для этого издания. Общим мотивом сборника стала попытка переосмысления идеологии коммунистического движения в контексте критики оппортунистической политической практики II Интернационала. Работа Лукача, наряду с трудами А. Грамши и К. Корша, оказала огромное влияние на формирование так называемого западного марксизма прежде всего благодаря попытке автора связать вопросы политической тактики и стратегии пролетариата с вопросами онтологии и теории познания. Книга вызвала острую критику в рамках Коминтерна как проявление ревизионизма. Стоит отметить, что в ходе своего «пути к Марксу», прежде всего в московский период, Лукач пересмотрел взгляды, лежавшие в основе этого произведения. Об истории этого перехода он написал в своем втором (1968 г.) предисловии к сборнику. 1-е издание: *Geschichte und Klassenbewusstsein. Studien über marxistische Dialektik*. Berlin, Malik Verlag, 1923. На русском языке в переводе и со вступительной

статьей С. Н. Земляного: *Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике.* М., 2003.

¹⁵⁸ Г. Е. Зиновьев в этот период был председателем Исполкома Коминтерна.

¹⁵⁹ Скорее всего речь идет о выпадах в адрес Лукача, сделанных на собрании венгерской политэмиграции в Москве в период кампании 1930–1931 гг. по перестройке деятельности Института Маркса и Энгельса (где в это время работал Лукач), очищению его от разного рода идеалистических влияний.

¹⁶⁰ К началу 1930-х годов с усилением правых тенденций в австрийской внутривнутриполитической жизни Вена перестала быть важным центром венгерской политической эмиграции.

¹⁶¹ Следует иметь в виду, что Зиновьев, уступивший Сталину во фракционной борьбе внутри ВКП(б), с утратой своего влияния и официальных позиций в ВКП(б) должен был оставить в 1926 г. и должность председателя Исполкома Коминтерна.

¹⁶² О влиянии «Истории и классового сознания» на международное коммунистическое движение см. напр.: *Дмитриев А. Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа в 1920–1930-е гг.* СПб., 2004.

¹⁶³ Мощные студенческие волнения в Париже.

¹⁶⁴ Это было в 1929 г.

¹⁶⁵ Состоялся в 1928 г.

¹⁶⁶ Подробнее см. комментарии к «Прожитым мыслям».

¹⁶⁷ Ленин писал: «Статья Г. Л. очень левая и очень плохая. Марксизм в ней чисто словесный; различие „оборонительной“ и „наступательной“ тактики выдуманное; конкретного анализа точно определенных исторических ситуаций нет; самое существенное (необходимость завоевать и научиться завоевывать все области работы и учреждения, где проявляет свое влияние на массы буржуазия, и т. д.) не принято во внимание». *Ленин В. И. Коммунизм // Журнал Коммунистического Интернационала для стран Юго-Восточной Европы (на немецком языке). Вена, тетради 1–2, от 1 февраля 1920, до 18-й, от 8 мая 1920. Ленин В. И. Полное собр. соч. Т. 41. С. 135.*

¹⁶⁸ Никакого противоречия в реальности не было. Зиновьев летом 1926 г. почти одновременно с удалением из Политбюро ЦК ВКП(б) лишился и поста председателя Исполкома Коминтерна.

¹⁶⁹ Комментаторам это письмо неизвестно.

¹⁷⁰ В 1925–1928 гг., в эпоху так называемой бетленовской консолидации режима Хорти, названной так по имени премьер-министра И. Бетлена, коммунисты имели некоторые возможности легальной деятельности в рамках признанной властями венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП), занимавшей более левые позиции, нежели социал-демократы. Ее название не могло не вызывать у собеседников ассоциаций с кадаровской ВСРП, во время их беседы правящей партии Венгрии, главного звена ее политической системы.

¹⁷¹ Фактически это привело к полной утрате влияния компартии на рабочее движение.

¹⁷² После VII конгресса Коминтерна Реваи в качестве главного идеолога венгерской компартии обосновывал в своей публицистике линию единого фронта антифашистских сил, которую всецело поддерживал и Лукач.

¹⁷³ Реваи в конце 1940–начале 1950-х годов был главным идеологом коммунистической диктатуры Ракоши, которая была отвергнута венгерским народом в ходе вооруженного восстания в октябре 1956 г. После его подавления в условиях консолидации режима Кадара Реваи вплоть до своей кончины в 1959 г. выступал с критикой кадаровской политики, по некоторым пунктам фактически со сталинистских позиций.

¹⁷⁴ Имеется в виду издававшийся социальным философом Карлом Грюнбергом в Лейпциге журнал «Archiv für die Geschichte des Socialismus und der Arbeitewegung» («Архив по истории социализма и рабочего движения»). Был связан с Франкфуртским институтом социальных исследований, из которого выросла Франкфуртская школа.

¹⁷⁵ Речь идет о Венгерской советской республике 1919 г.

¹⁷⁶ Речь идет о событиях февраля 1919 г. (см. выше).

¹⁷⁷ Скорее всего оговорка, имеется в виду состоявшийся в 1930 г. под Москвой II съезд венгерской компартии. Фракция Серени, очевидно, имела влияние только среди коммунистов, работавших в венгерском подполье.

¹⁷⁸ Реваи находился в заключении в Венгрии в 1930—1933 гг.

¹⁷⁹ Высокопоставленное лицо в тогдашней венгерской политической полиции.

¹⁸⁰ Нелегальное издание компартии. Скорее всего имеется в виду газета «100 %».

¹⁸¹ Дюла (Юлиус) Хай, переселившись в 1964 г. из Венгрии в Швейцарию, обратился к написанию мемуаров. Его книга «Geboren 1900» выдержала немало изданий на разных языках.

¹⁸² Имре Шаллаи, один из лидеров подпольного коммунистического движения в Венгрии, был арестован хортистской политической полицией и в 1932 г. казнен по мнимому обвинению в подготовке террористической акции (после того, как террорист-одиночка пустил под откос венский экспресс в окрестностях Будапешта; ответственность за это властями вопреки реальным фактам была возложена на коммунистов, а временно введенное военное положение в стране позволило предпринять наступление на подпольную компартию).

¹⁸³ Во время Венгерской советской республики 1919 г. И. Шаллаи был заместителем О. Корвина как начальника политического управления наркомата внутренних дел.

¹⁸⁴ Более того, они стали предметом рецензий Лукача, который впервые заинтересовался творчеством Хая еще в период своей жизни и деятельности в веймарской Германии (1931—1933). Как Лукач, так и Хай (после 1919 г. подолгу живший в Германии и писавший как на венгерском, так и на немецком языке) принимали участие в литературной жизни веймарской Германии в последние годы ее существования.

¹⁸⁵ Берлинская премьера пьесы Юлиуса Хая «Бог, кайзер и крестьянин» в 1932 г. вызвала настолько сильную обструкцию рвавшихся к власти нацистов, что Хай был вынужден уехать в Австрию, откуда был выслан после прихода к власти клирофашистов в 1934 г. В 1935—1945 гг. жил в эмиграции в СССР. Как Лукач, так и Хай принимали участие в деятельности группы немецких левых писателей-политэмигрантов в СССР.

¹⁸⁶ Лукач мог иметь в виду выполненные Хаем переводы для венгерской сцены конъюнктурных пьес советских авторов, как и его деятельность в качестве драматурга и

кинодраматурга в период диктатуры Ракоши (конец 1940—начало 1950-х годов).

¹⁸⁷ II съезд компартии Венгрии, как отмечалось выше, состоялся в 1930 г. в Апрелевке под Москвой. Лукач с семьей приехал в Москву за несколько месяцев до съезда и был принят на работу в Институт Маркса и Энгельса.

¹⁸⁸ Лукач посвятил деятельности и творчеству видного немецкого публициста и критика марксистского направления Ф. Меринга предисловие к сборнику: Ф. Меринг. Литературно-критические работы в двух томах. Том 1. М.; Л., 1934. Опубликовано также в сборнике работ Лукача «Литературные теории XIX века и марксизм» (М., 1937).

¹⁸⁹ См. : Лукач Г. Маркс и Энгельс в полемике с Лассалем по поводу «Зикингена» // Литературное наследство. № 1. М., 1932.

¹⁹⁰ Речь идет о книге Мих. Лифшица «К вопросу о взглядах Маркса на искусство» (М., 1933).

¹⁹¹ В 1969 г. в предисловии к готовящемуся к выходу на венгерском языке сборнику своих работ «Мой путь к Марксу» Лукач писал: «Как сотрудник Института Маркса — Энгельса я прочитал в еще не изданной рукописи это произведение Маркса („Философско-экономические рукописи 1844 г.“. — А. С.), которое вызвало во мне поворот. В то же время я познакомился с товарищем Лифшицем, и наш с ним обмен мнениями не только способствовал прояснению моих взглядов, но и смог дать конкретное и плодотворное содержание годам моего „переучивания“. Для читателей этого предисловия не новость, что именно в области эстетики я достиг к тому времени наибольшего профессионализма. Главные интересы Лифшица были направлены на эту же область. Было, таким образом, очевидно, что после критического отклонения мною своей книги (речь идет о разочаровании Лукача к этому времени в философско-методологических основах своей книги 1923 г. „История и классовое сознание“. — А. С.), мое внимание обратится непосредственно на эту сферу науки. В рамках этого предисловия нет места для детального анализа результатов этой работы. Хотелось бы только попутно упомянуть, что первым результатом нашей общей с Лифшицем работы стало то, что мы восприняли марксистскую эстетику как самостоятельную область философии, истоки существования которой проистекают из

самой сути марксизма. До тех пор в Советском Союзе Плеханов, а в немецком рабочем движении Меринг считались главными теоретиками в области эстетики, хотя один из них в своих попытках достичь марксистского понимания эстетических явлений искал теоретическую опору по сути в позитивизме, а другой – в Канте. Ясно, что наша с Лифшицем общая позиция, которая удивительно быстро овладела умами в коммунистическом движении, исходила в конечном счете из того, что марксизм надо понимать во всей его всеобъемлющей целостности как единую систему и метод. Эта установка определяла всю мою критическую и эстетическую деятельность в 1930-е годы» (*Lukács Gy. Curriculum vitae. Вр., 1982. 368–369.о.*)

¹⁹² 100-летие со дня смерти Гегеля, отмечавшееся в мире в 1931 г., вызвало большой объем литературы, что только подтолкнуло Лукача к систематизации собственных взглядов на философию Гегеля в перспективе марксизма. Книгу о становлении философии Гегеля в общественно-историческом контексте Лукач писал в 1930-е–начале 1940-х годов, занимаясь этим параллельно с написанием многих других (прежде всего эстетических и литературоведческих) трудов. В конце 1942 г. эта работа была защищена в Институте философии АН СССР в качестве докторской диссертации. Первое издание книги: *Der junge Hegel: Über die Beziehungen von Dialektik und Ökonomie. Zürich-Wien, 1948.* Издание на русском языке: *Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М., 1987.*

¹⁹³ Этой дихотомии Лукач пытался противопоставить дихотомию рационализма и иррационализма.

¹⁹⁴ Лукач, оторванный от тех эстетических дискуссий, которые происходили в СССР в послевоенные годы, упрощает картину, сводя истоки критики работ Лифшица с позиций ортодоксальной советской эстетики лишь к «еврейскому вопросу», актуальному только для периода «борьбы с космополитизмом» последних лет сталинщины. Суть дела скорее в его последовательной приверженности принципу реализма, вступавшей в противоречие с принятой официальной эстетикой установкой на лакировку действительности и бесконфликтность. О характере взаимоотношений Лукача и Лифшица дают представление их переписка, записи бесед Л. Сиклаи с Мих. Лифшицем,

относящиеся к 1974 г, а также архивные материалы Лифшица. См.: Беседы Мих. Лифшица с Л. Сиклаи // Лифшиц Мих. Надоело. В защиту обыкновенного марксизма. М., 2012. С. 18–237; Мих. Лифшиц и Д. Лукач. Переписка. 1931–1970 гг. М., 2011. А также: *Лифшиц Мих.* Что такое классика? М., 2004.

¹⁹⁵ Пьеса Ф. Дюренматта «Визит старой дамы» была впервые поставлена в 1956 г.

¹⁹⁶ С творчеством крупнейших художников-постимпрессионистов – П. Сезанна, В. Ван-Гюга, П. Гюгена, а также их последователей в разных странах (в том числе в Венгрии) – Лукач еще в юные годы связывал плодотворную попытку выявления неизменных качеств предметного мира, преодоления неприемлемой для него импрессионистской эстетики, не способной выйти за рамки визуальных впечатлений, проникнуть в суть вещей. См. его статью «Пути разошлись», впервые опубликованную в феврале 1910 г.: *Lukács Gy. Az utak elváltak // Ifjúkori művek.* Вр., 1977. Из специальных работ о взглядах Лукача на проблемы развития изобразительных искусств см.: *Tímár Á. The young Lukács and the fine arts // Acta Historiae artium Academiae Scientiarum hungaricae.* Вр., 1989. Т. XXIV. F. 1–2.

¹⁹⁷ О месте музыки в системе эстетических построений позднего Лукача дает представление соответствующая глава: Своеобразие эстетического. Т. 4. М., 1987. В ней неоднократно упоминается и соотечественник философа Бела Барток (1881–1945), один из крупнейших композиторов XX века. Лукач был лично знаком с Бартоком в 1900–1910 годы (одно время молодой композитор давал уроки музыки младшей сестре Лукача Марии; кроме того, Барток в некоторой мере был связан с театральным обществом «Талия», одним из основателей которого являлся Лукач). В 1919 г., будучи одним из руководителей культурной политики Венгерской советской республики, Лукач привлекал Бартока к разработке конкретных проектов, касающихся развития музыкальной культуры (см. выше).

¹⁹⁸ Ах, вас коминтернировали!

¹⁹⁹ Лукач в 1930–1931 гг. работал в Институте Маркса – Энгельса (ИМЭ) при ЦК ВКП(б).

²⁰⁰ Наряду с обвинениями в ревизионизме Рязанову (бывшему меньшевику) были предъявлены обвинения

в поддержании связей с социал-демократической эмиграцией, а руководимый им институт подвергнут чистке в ходе так называемой сталинской «культурной революции» и преобразован, уже без участия Рязанова, в Институт Маркса – Энгельса – Ленина (ИМЭЛ). Сам Рязанов был сослан в Саратов, где преподавал в университете. В 1938 г. репрессирован. См.: *Рокитянский Я. Г.* Гуманист октябрьской эпохи: академик Д. Б. Рязанов. М., 2009.

²⁰¹ Речь идет о Вене как важнейшем центре венгерской коммунистической эмиграции.

²⁰² Лукач провел в Берлине неполные два года (с лета 1931 по весну 1933 г.), покинув Германию вскоре после прихода Гитлера к власти. Он был одним из руководителей союза пролетарско-революционных писателей Германии, возглавлял коммунистическую фракцию общегерманского писательского профсоюза, много выступал с лекциями, активно участвовал в литературном процессе в качестве критика, публикуясь в разных изданиях, прежде всего в журнале «*Linkskurve*». Среди его важнейших статей этого периода – «Романы Вилли Бределя», «Тенденция или партийность?», «Репортаж или повествование? Критические замечания о романах Оттвальта». Часть его статей, написанных в Берлине, была опубликована в переводе на русский язык в начале 1930-х годов и в советских журналах.

²⁰³ В Москве Б. Балаж работал главным образом в сфере кинематографа как кинодраматург, критик, теоретик кино. Был профессором ВГИКа.

²⁰⁴ Пьеса Балажа на сюжет из венгерской истории начала XVIII в., времен национально-освободительного движения под руководством трансильванского князя Ференца Ракоци.

²⁰⁵ Речь скорее всего идет об одном из выступлений Реваи уже в послевоенной Венгрии (на II съезде Венгерской партии трудящихся в феврале 1951 г. либо на съезде венгерских писателей в апреле того же года).

²⁰⁶ Лукач имеет в виду следующее издание: *Probleme des Realismus I (Essays über Realismus)*. Neuwied; Berlin: Luchterhand, 1971. (*Lukács G. Werke. Band 4*).

²⁰⁷ Статья Лукача «Романы Вилли Бределя» была впервые опубликована в журнале «*Linkskurve*» в ноябре 1931 г. Позже многократно переиздавалась.

²⁰⁸ В момент интервью Лукач продолжал рассматриваться идеологами ГДР как один из мэтров европейского ревизионизма. Такое отношение к нему сложилось после венгерских событий 1956 г. и закрепилось вследствие его критической позиции применительно к августовской 1968 г. интервенции 5 стран – членов Организации Варшавского договора (см. ниже).

²⁰⁹ Речь идет об актрисе и театральной деятельнице Хелене Вайгель.

²¹⁰ Дискуссия о роли экспрессионизма в современной немецкой литературе и художественной культуре проходила в 1937–1938 гг. в эмигрантских изданиях, в ней приняли участие многие видные представители немецкой эмигрантской антифашистской духовной жизни. В отличие от Брехта Лукач довольно скептически оценивал возможности экспрессионистской эстетики как духовного оружия в борьбе с нацистской идеологией. См. материалы дискуссии в книге: *Vita az expresszionizmusról / Szerk. L. Illes. Bp., 1994.* Позиция Лукача наиболее полно раскрывается в его более ранней статье: Величие и падение экспрессионизма // *Литературный критик*, 1933. № 2. С. 34–54. Статью, относящуюся к дискуссии 1937–1938 гг., см. в русском переводе: Спор идет о реализме // *Интернациональная литература*, 1938. № 12.

²¹¹ Встреча состоялась в июне 1941 г., за считанные дни до нападения нацистской Германии на СССР и до ареста Лукача органами НКВД (см. ниже).

²¹² Это произошло в августе 1956 г.

²¹³ Имеется в виду «Своеобразии эстетического».

²¹⁴ Работа, о которой идет речь, «*Fortschritt und Reaktion in der Deutschen Literatur*», была впервые опубликована в оригинале весной 1945 г. в ряде номеров московского журнала на немецком языке «*Internationale Literatur*».

²¹⁵ Брехт по возвращении в 1947 г. из США в Европу поселился сначала в Швейцарии и только через год переехал в Восточный Берлин, где ему предоставили возможность основать и возглавить при государственной поддержке свой собственный театр – «Берлинер ансамбль».

²¹⁶ Речь идет об ужесточении культурной политики в ГДР в условиях режима В. Ульбрихта, что проявилось среди прочего и в периодически усиливавшихся нападках

идеологов Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) на Лукача как на «правого ревизиониста».

²¹⁷ Муж Анны Зегерс Ласло Радвани (1900–1978), в Германии позиционировавший себя как Иоганн Лоренц Шмидт, был литератором, социологом, преподавал в университете Гумбольдта в Восточном Берлине.

²¹⁸ И. Бехер, будучи с 1954 г. министром культуры ГДР, а также президентом Академии искусств ГДР, покровительствовал изданию работ Лукача в ГДР (в издательстве «Aufbau»), поддерживал его участие в литературной и академической жизни Восточной Германии. После венгерских событий 1956 г. в ходе предпринятого внутривосточного ужесточения Бехер был отодвинут на вторые роли в культурно-идеологической политике, а Лукач стал мишенью развернувшейся с осени 1957 г. антиревизионистской кампании.

²¹⁹ Персонаж романа Томаса Манна «Волшебная гора» (1924).

²²⁰ Нафта — образ мистически настроенного иезуита-консерватора, отстаивающего незыблемую ценность традиций.

²²¹ Имеется в виду вышеупомянутое письмо Томаса Манна австрийскому канцлеру И. Зейпелю, относящееся к 1928 г., когда над Лукачем возникла угроза высылки из Австрии. См. : *Mann Th. Die Forderung des Tages*. Berlin, 1930. S. 114.

²²² Проблема соответствия образа Нафты Лукачу как прототипу рассмотрена в книге: *Novák Z. Thomas Mann és a fiatal Lukács. Leo-Naphta-rejtély megoldásához*. Bp., 1988.

²²³ 150 лет со дня смерти Ф. Шиллера. Примерно через три месяца после этого Т. Манн скончался. Лукач откликнулся на его кончину, назвав Т. Манна писателем, расширившим горизонты высокого реализма XX в.: *Der letzte frosse Vertreter des kritischen Realismus // Sinn und Form*, 1955, № 7. S. 665–668. Другое эссе о Т. Манне, написанное в связи с его кончиной, было опубликовано им в нью-йоркском издании: *The Stature of Thomas Mann // Masses and Mainstream*, 1955. № 8. P. 20–27.

²²⁴ Незадолго до этого, в 1953 г., в восточноберлинском издательстве «Aufbau» вышла небольшая книга эссеистики Лукача, посвященная непосредственно творчеству Т. Манна: *Thomas Mann*.

²²⁵ Один из судебных процессов в хортистской Венгрии, направленных против коммунистов-подпольщиков. Состоялся в 1927 г.

²²⁶ Видный деятель компартии З. Санто был в итоге приговорен к восьми с половиной годам заключения.

²²⁷ На самом деле она сохранилась и опубликована в венгерском журнале «Kritika» (1986. № 1).

²²⁸ Томас Манн был в эти годы в зените мировой славы. В 1929 г. он был удостоен Нобелевской премии по литературе.

²²⁹ Вероятно, в 1928 г., когда в Австрии активизировались преследования венгерских коммунистов-эмигрантов. Из литературы о сложных взаимоотношениях Лукача и Т. Манна см.: *Marcus J. Georg Lukács and Thomas Mann. A Study in the Sociology of Literature.* Amherst, 1987.

²³⁰ Здесь имеются в виду не только русские писатели, но и представители литератур народов СССР, которым в данном контексте противопоставляются жившие в СССР революционные писатели-иммигранты из разных стран мира. Их делами ведало Международное объединение революционных писателей (МОРП), функционировавшее в 1925–1935 гг.

²³¹ Иронический намек на то, что в более поздний период развития коммунистического движения деятельность партийных органов в большей мере подлежала фиксации в виде протоколов.

²³² После приезда в Москву из Берлина весной 1933 г. Лукач три года жил с семьей в гостинице, затем с марта 1936 г. в комнате во флигеле дома № 14 на Волхонке, где затем долгие десятилетия располагался до 2015 г. Институт философии АН СССР и позже РАН (в 1930-е годы здание принадлежало Коммунистической академии, после ее упразднения в 1936 г. в нем находились академические учреждения общественно-научного профиля). В 1938 г. Лукач получил от Союза советских писателей (членом немецкой секции которого являлся) две комнаты в коммунальной квартире в комфортабельном новом доме на Садовом кольце около Курского вокзала (ул. Чакалова, д. 21, кв. 68). Именно здесь он был арестован в конце июня 1941 г., проведя два месяца в застенках Лубянки (См.: Беседы на Лубянке. Следственное дело Дердя Лука-

ча. Материалы к биографии / Сост. и коммент. В. Середы, А. Стыкалина, А. Дмитриева, Я. Рокитянского, Р. Мюллера. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001), сюда вернулся летом 1942 г. после девятимесячной ташкентской эвакуации, отсюда выехал на родину, в Венгрию, в августе 1945 г. См. письма Лукача и немецкой секции ССП в руководство ССП (А. А. Фадееву) с просьбой об улучшении жилищных условий Лукача: Там же. С. 104–105. В конце 1960-х годов в беседах с учениками Лукач неоднократно полусуто говорил, что его достаточно скромное жилье на улице Чкалова не могло прельстить арестовавших его чекистов, что способствовало скорому освобождению.

²³³ Как вытекает из материалов следственного дела (См.: Беседы на Лубянке...), перспектива расстрела существовала вполне реально, Лукач подводился ходом следствия под высшую меру наказания. Его спасло лишь вмешательство одного из самых влиятельных лиц в окружении Сталина и мировом коммунистическом движении – генерального секретаря Исполкома Коминтерна Г. Димитрова.

²³⁴ Полное представление о характере обвинений дает следственное дело. См.: Беседы на Лубянке...

²³⁵ Рут Фишер и выходец из России Аркадий Маслов были в начале 1920-х годов видными деятелями левого крыла компартии Германии.

²³⁶ Эрнст Тельман (1886–1944), член президиума Исполкома Коминтерна и с 1925 г. председатель компартии Германии, в начале марта 1933 г. был арестован гестапо и брошен в берлинскую тюрьму Моабит. Он считался «священной коровой» в мировом коммунистическом движении. Эпизод, о котором идет речь, не нашел отражения в протоколах допросов Лукача (См.: Беседы на Лубянке...), что совсем не удивительно.

²³⁷ Речь идет о подвергавшемся критике в Венгрии эпохи Ракоши романе «Ответ» Тибора Дери (1894–1977), крупного венгерского писателя, высоко ценимого Д. Лукачем и находившегося с ним в дружеских отношениях в послевоенной Венгрии. В нем среди прочего нашли отражение сектантские тенденции в деятельности венгерской компартии в межвоенный период. Книга Дери «Приговора не будет» (1969) носит автобиографический характер.

²³⁸ Контакты Димитрова в начале августа 1941 г. со Сталиным, в ходе которых поднимался вопрос об аресте Лукача, нашли отражение в дневниках генерального секретаря Исполкома Коминтерна. См. полное болгарское издание: *Димитров Г. Дневник. 9 март 1933–6 февруари 1949.* София, 1997. С. 240, 243.

²³⁹ Вена была в 1920-е годы не только важнейшим центром венгерской коммунистической эмиграции, но и пристанищем революционной эмиграции из стран Юго-Восточной Европы. Об интернациональной революционной среде, существовавшей в то время в австрийской столице, см. воспоминания работавшего в Вене функционера Коммунистического Интернационала молодежи, ставшего впоследствии виднейшим советским специалистом по истории Австрии: *Турок (он же: Турок-Попов) В. М. Мое знакомство с революционерами и царсубийцами // Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография.* М., 1966.

²⁴⁰ Г. Димитров, арестованный нацистами после прихода к власти, был обвинен в поджоге рейхстага, но на судебном процессе, имевшем большой международный резонанс, был оправдан, поскольку сумел доказать алиби. В начале 1934 г. сумел выехать в СССР, где вскоре занял ключевые позиции в Коминтерне.

²⁴¹ Видный немецкий поэт-коммунист и общественный деятель-антифашист Иоганнес Бехер (1891–1958), публицист, литературный критик и философ, деятель компартии Австрии Эрнст Фишер (1899–1972) в 1930-е годы работали вместе с Лукачем в немецкой секции Союза советских писателей. Плавный (после VII Конгресса Коминтерна) идеолог компартии Венгрии публицист и литературный критик Йожеф Ревай (1898–1959) был в то время наиболее близкой Лукачу фигурой в венгерской компартии.

²⁴² Причем арестованный одновременно с Лукачем философ-марксист Ласло Рудаш (1885–1950) был его давним и принципиальным недругом. В 1920-е годы выступал с резкой критикой «Истории и классового сознания». В 1949 г., уже в условиях послевоенной Венгрии, явился инициатором новой критической кампании в адрес Лукача.

²⁴³ Видный деятель венгерского коммунистического движения и Коминтерна Матяш Ракоши (1892–1971),

которого Лукач знал по работе в условиях Венгерской советской республики и по венской эмиграции, в 1925–1940 гг. находился в застенках в хортистской Венгрии. В ноябре 1940 г. в условиях потепления отношений между СССР и сателлитом нацистской Германии – хортистской Венгрией получил разрешение на выезд в СССР фактически в обмен на знамена венгерской революционной армии 1848–1849 гг., доставшиеся в качестве трофея российскому войску под командованием фельдмаршала И. Ф. Паскевича при капитуляции в 1849 г. венгерской революционной армии.

²⁴⁴ Речь идет о близости писателя Б. Иллеша к фракции Белы Куна.

²⁴⁵ Речь идет об известном, многократно публиковавшемся письме Энгельса М. Гаркнесс о «победе реализма» над реакционными предрассудками великого автора.

²⁴⁶ Е. Ф. Усиевич, в частности, противопоставляла некоторым современным писателям Андрея Платонова, подчеркивала правомерность внимания писателя к страданиям людей эпохи построения социализма. Отстаивая сложность содержания социалистического гуманизма, она писала о необходимости познания и понимания конкретных, жизненных, трудных, часто трагических форм развития современной жизни (Лит. критик, 1938. № 9–10. С. 157, 171, 188).

²⁴⁷ Причины сложных отношений руководителя Союза советских писателей А. А. Фадеева с кругом журнала «Литературный критик» – отдельная тема, требующая самостоятельного рассмотрения. Определенную роль здесь играли субъективные моменты. В одной из бесед М. А. Лифшица с биографом Лукача Ласло Сиклаи, состоявшейся в конце 1974 г. (запись хранится в архиве Д. Лукача в Будапеште), Лифшиц вспоминал об одном из выступлений Лукача на встрече А. А. Фадеева с активом журнала «Литературный критик». Недостаточно уверенное владение Лукачем разговорным русским языком выставило в смешном положении именно Фадеева, которого Лукач в ходе всего своего выступления упорно склонял в женском роде («эта новая товарищ Фадеев ничуть не лучше чем прежняя товарищ Ставский», то есть предшественник Фадеева по руководству Союзом советских писателей). Фадеев никогда не мог простить этого Лука-

чу, говорил в кругу своих друзей о том, что в редакции журнала «Литературный критик» не только пренебрегают советской литературой, но и плохо говорят по-русски (См.: Беседы Мих. Лифшица с Л. Сиклаи // Лифшиц Мих. Надоело. В защиту обыкновенного марксизма. М., 2012. С. 205). Десятилетием позже Фадеев охотно подключился к новой критической кампании, направленной против Лукача (См.: Правда. 1950. 1 февраля).

²⁴⁸ Речь идет о книге «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества», впервые опубликованной на Западе в 1948 г. (см. выше).

²⁴⁹ Точка зрения о Гегеле как идеологе феодальной реакции на Великую Французскую революцию нашла законченное выражение уже позже – в санкционированной инстанциями редакционной статье: О недостатках и ошибках в освещении немецкой философии конца XVIII и начала XIX в. // Большевик. 1944. № 7–8.

²⁵⁰ Впервые полностью было опубликовано в Восточном Берлине в 1954 г.: Die Zerstörung der Vernunft. Berlin: Aufbau, 1954.

²⁵¹ После публикации в 1954 г. в Восточной Германии «Разрушения разума» недоброжелатели Лукача из идеологического аппарата Венгерской партии трудящихся пытались инициировать новую кампанию критики философа. Мишенью для нападков предполагалось сделать работу «Разрушение разума». Вопрос обсуждался в кабинете лидера партии М. Ракоши, была даже подготовлена статья соответствующего содержания для передачи в редакцию советского журнала «Вопросы философии». Кампании, однако, не дали хода. В идеологических структурах Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) восторжествовало мнение о том, что в непрекращавшейся идеологической борьбе между ГДР и ФРГ новая работа Лукача с критикой нищезанятия и других иррационалистических тенденций немецкой философии новейшего времени вполне годится на роль тяжелой артиллерии. Эта точка зрения получила в конце концов поддержку и в Будапеште, и в Москве. В апреле 1955 г. в Будапеште в академических кругах было довольно торжественно отмечено 70-летие философа, незадолго до этого он был удостоен государственной премии Кошута. В начале 1956 г. директор Института философии АН СССР П. Н. Федосеев высту-

пил с инициативой издать «Разрушение разума» в СССР, что так и не было осуществлено из-за участия Лукача в венгерских событиях осени 1956 г. О попытках критики Лукача слева в Венгрии в 1954–1955 гг. см.: *Ripp Z. Filozófiai frontok. Az Évkönyv-vitától a Petőfi Körig // Világosság, Budapest. 1989. № 3.*

²⁵² Речь идет об «Экономическо-философских рукописях» 1844 г.

²⁵³ В связи со своими «гегелевскими штудиями» 1930-х годов Лукач в 1969 г. в предисловии к готовящемуся к выходу на венгерском языке сборнику своих работ «Мой путь к Марксу» писал: «Лифшиц и я, принадлежа к активу журнала „Литературный критик“, находились в остром противоречии с официальной линией, возглавляемой Фадеевым. В этих рамках наши противоречия с идеологией сталинской эпохи все более расширялись и углублялись. Моя книга конца 1930-х годов о молодом Гегеле уже открыто противостояла связанной с именем Жданова теории, которая воспринимала этого великого диалектического философа как представителя реакционного духовного течения, враждебного Великой Французской революции. Хотя моя книга, исходя из тогдашних условий, нигде не выступала решительно против господствующей теории, всем своим духом она настолько открыто противостояла официальной точке зрения, что ее публикация могла состояться только через десять лет после написания книги, в 1948 г. — и то в швейцарском издательстве. Свои исследования Гегеля я далеко идущим образом использовал для того, чтобы откорректировать некоторые важнейшие, оказавшиеся ошибочными положения „Истории и классового сознания“, без того чтобы отбрасывать правильные тенденции, выраженные в этой книге неадекватным образом. Напротив, я стремился к тому, чтобы дать правильный, исторически обоснованный анализ этих явлений. Этой цели служила глава, в которой я стремился прояснить гегелевское и марксистское истолкование отчуждения. Это мое теоретическое устремление проявилось в исторических исследованиях, позволивших раскрыть глубокое влияние на развитие гегелевской диалектики как Французской революции, так и капиталистической экономики» (*Lukács Gy. Curriculum vitae. Bp., 1982. 368–369.о.*)

²⁵⁴ Рефлексия Лукача о сущности сталинизма, нашедшая отражение в интервью Эрши, перекликается во многих моментах с его размышлениями 1963 г. на страницах лондонского политического журнала, посвященного проблемам СССР и советского блока: *Reflection on the Cult of Stalin // Survey, April 1963. P. 105–111.*

²⁵⁵ При жизни Лукача арабо-израильский конфликт достиг своего апогея в шестидневной войне (июнь 1967 г.), закончившейся убедительной победой Израиля на трех фронтах (против Египта, Сирии и Иордании). В реальности президент Египта Г.-А. Насер позиционировал себя в качестве социалиста, функции государственной партии в политической системе выполнял Арабский социалистический союз. Представители социалистического крыла сионизма были обильно представлены и в правящей элите Израиля.

²⁵⁶ Книга Лукача «К истории реализма» (М., 1939), включившая в себя и ряд статей, ранее опубликованных в других советских изданиях, стала в СССР предметом бурной дискуссии по проблемам реализма как художественного метода, соотношения мировоззрения и метода в художественном творчестве.

²⁵⁷ Лукач имеет в виду свою книгу «Литературные теории XIX в. и марксизм» (М., 1937).

²⁵⁸ К гётевской тематике Лукач обратился еще в берлинский период своего творчества в ряде статей 1932 г., приуроченных к 100-летию смерти Гёте. Позже в СССР в 1936 г. в издательстве «Academia» с его вступительной статьей была опубликована переписка Гёте и Шиллера. Статьи о «Страданиях молодого Вертера» и «Вильгельме Мейстере» вошли в книгу «К истории реализма». В мае-июне 1941 г. в московском журнале на немецком языке «Internationale Literatur» были опубликованы его эссе о Фаусте, задуманные как составная часть более обширного труда о Гёте. Как показывают материалы следственного дела Лукача (См.: Беседы на Лубянке...), некоторые рукописи, имевшие отношение к будущей книге о Гёте, были изъяты при аресте и безвозвратно утрачены. В годы войны и после возвращения на родину в 1945 г. Лукач продолжал заниматься творчеством Гёте и его немецких современников, подготовив к печати сборник эссе «Гёте и его эпоха» (*Goethe és kora. Vp., 1946*), включивший

в себя в том числе и ряд работ, ранее опубликованных в СССР. На языке оригинала (немецком) впервые опубликовано: *Goethe und seine Zeit*. Berlin, Francke, 1947. Англоязычное издание: *Goethe and his Age*. London: Merlin Press, 1968 (выдержало ряд переизданий, в том числе в США).

²⁵⁹ Статьи о творчестве Бальзака, написанные и опубликованные в СССР (в том числе в книге «К истории реализма»), были опубликованы в Венгрии в переводе на венгерский язык уже в 1945 г. в книге по истории реализма во французской литературе — первой из книг Лукача, вышедших в послевоенной Венгрии (Balzac, Stendhal, Zola. Вр., 1945).

²⁶⁰ Написанные и опубликованные в СССР (в журнальных изданиях и в книге «К истории реализма») статьи о Толстом вошли в книгу Лукача «Великие русские реалисты. Критический реализм», опубликованную на венгерском языке в 1946 г. (*Nagy orosz realistik: Kritikai realizmus*. Вр., 1946). Позже неоднократно публиковалось на немецком и английском языках в разных изданиях, в том числе в книге: *Der russische Realismus in der Weltliteratur*. Berlin: Aufbau Verlag, 1952.

²⁶¹ Отдельные главы книги «Исторический роман» были опубликованы в 1937–1938 гг. в журнале «Литературный критик». Первым книжным изданием стало издание на венгерском языке: *A történelmi regény*. Вр., 1947. Первое издание на немецком языке: *Der historische Roman*. Berlin: Aufbau Verlag, 1955. Первое издание на английском языке: *The Historical Novel*. London: Merlin Press, 1962.

²⁶² Первое издание: *Der junge Hegel: Über die Beziehungen von Dialektik und Ökonomie*. Zürich; Wien: Europa Verlag, 1948. На русском языке книга «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества» впервые была опубликована в 1987 г.

²⁶³ Речь идет о больших показательных московских судебных процессах 1936–1938 гг., инициированных Сталиным.

²⁶⁴ 2–12 марта 1938 г.

²⁶⁵ Речь идет об уничтожении Сталиным в 1937–1939 гг., в канун мировой войны, и позже, уже в условиях начавшейся войны, большей части командного состава Красной Армии начиная с закрытого судебного процесса

по делу Тухачевского и ряда других военачальников в июне 1937 г.

²⁶⁶ Речь идет о зарубежной политэмиграции (прежде всего коммунистической), жившей и работавшей в 1930-е годы в СССР.

²⁶⁷ Об ударе, нанесенном международному коммунистическому движению Пактом Молотова – Риббентропа, дезорганизовавшем антифашистскую деятельность компартий и приведшем даже к преследованиям коммунистов за критику действий нацистской Германии, см.: *Байерлайн Б.* Предатель ты, Сталин! Коминтерн и коммунистические партии в начале Второй мировой войны (1939–1941). Утраченная солидарность левых сил. М.: РОССПЭН, 2011.

²⁶⁸ Предложенная Лукачем интеллектуальная конструкция не базируется на реальной оценке соотношения сил в мире в конце 1930-х годов. В реальности международная обстановка второй половины 1930-х годов не давала ни малейших оснований прогнозировать возможное вступление США в мировую войну на стороне нацистской Германии. Вопрос этот никогда даже не дискутировался в специальной исторической литературе.

²⁶⁹ III Конгресс Коминтерна, в котором принимал участие и Лукач, впервые тогда выехавший в Советскую Россию, состоялся в 1921 г.

²⁷⁰ Можно предполагать, что речь идет о книге: Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1957 // Литературное наследство. Т. 70.

²⁷¹ Речь идет о близком Троцкому советском государственном функционере и дипломате Адольфе Абрамовиче Йоффе (1883–1927), покончившем жизнь самоубийством. В период пребывания Лукача в Вене, в 1924–1925 гг., Йоффе был полпредом СССР в Австрии.

²⁷² Лукач после приезда в 1933 г. в СССР стал сотрудником Института философии (до 1936 г. в структуре Коммунистической академии, затем АН СССР) и работал там до 1938 г., когда, будучи членом Союза советских писателей (членом его немецкой секции), всецело сосредоточился на деятельности литературного критика. В 1942 г., после возвращения из ташкентской эвакуации, вновь восстановился в штате Института философии АН СССР и состоял в нем вплоть до отъезда из СССР в августе 1945 г.

²⁷³ Незадолго до ареста, в 1936 г., Бухарин, в то время главный редактор «Известий», с санкции Сталина был командирован на Запад для осуществления сделки по покупке архива Маркса и Энгельса, оказавшегося (в основной своей части) вывезенным из Германии после прихода к власти нацистов. Однако он не сделал выбора в пользу эмиграции, опасаясь за судьбу своей семьи.

²⁷⁴ Писатель, близкий к коммунистическому движению, Эрвин Шинко имел возможность побывать в СССР в период больших московских процессов.

²⁷⁵ Сектантская линия Куна, препятствовавшая формированию единого фронта антифашистских сил, была подвергнута критике на VII Конгрессе Коминтерна в 1935 г., что сделало для Лукача возможным вернуться к работе «на венгерском направлении» и, в частности, принять предложение Реваи о вхождении в редколлегию нового венгерского коминтерновского журнала «Uj Nang».

²⁷⁶ Речь идет о событиях 1930 г.

²⁷⁷ Эвакуации в Ташкент осенью 1941 г. предшествовало двухмесячное пребывание в заключении на Лубянке с конца июня по конец августа 1941 г. (См: Беседы на Лубянке...).

²⁷⁸ После смерти Горького в 1936 г. и вплоть до своей кончины в феврале 1945 г. А. Н. Толстой наряду с А. А. Фадеевым был наиболее влиятельной фигурой в Союзе советских писателей.

²⁷⁹ Пасынок Лукача.

²⁸⁰ В апреле 1945 г.

²⁸¹ Депутатом первого после освобождения страны созыва Национального собрания уже весной 1945 г.

²⁸² Речь идет о том, что сектантская линия, принятая на II съезде венгерской компартии в 1930 г., была пересмотрена в свете стратегии VII Конгресса Коминтерна (1935 г.) на создание широкого народного фронта антифашистских сил.

²⁸³ 40-летие Венгерской советской республики, довольно широко отмечавшееся в Венгрии в 1959 г., совпало по времени с международной кампанией критики Лукача как одного из мэтров европейского ревизионизма. Музей Петефи – венгерский литературный музей.

²⁸⁴ Коммунисты и социал-демократы, в новой обстановке после освобождения Венгрии от нацистской окку-

пации и доморощенного венгерского фашизма (нилашизма или салашизма) активно заявившие о себе во внутриполитической жизни, вошедшие в правящую коалицию.

²⁸⁵ Объединение коммунистов и социал-демократов состоялось в июне 1948 г. Этому предшествовало удаление из социал-демократической партии политически активных представителей ее правого крыла, выступавших против объединения двух партий на платформе установления в стране режима сталинского типа. В результате была создана Венгерская партия трудящихся (ВПТ).

²⁸⁶ Статьей Л. Рудаша в начале осени 1949 г. была инициирована критика Лукача в венгерской коммунистической прессе. Философу вменялись в вину поиски (в его публицистике 1945–1948 гг., главным образом на страницах общественно-политического журнала «Fórum») в сфере политики – третьего пути между капитализмом и диктатурой пролетариата (причем корни этой позиции выискивались еще в «Тезисах Блюма» 1929 г.), а в сфере эстетики – прежде всего недооценка роли передового мировоззрения в художественном творчестве, пренебрежительное отношение к советской литературе, выполненной по канонам социалистического реализма в его ждановской интерпретации. Так называемая дискуссия о Лукаче 1949–1950 гг. не ограничилась рамками Венгрии, повлияла на ужесточение культурной политики в других странах «народной демократии». Философу пришлось выступить с самокритикой, хотя значительной части прозвучавших (особенно в статье Рудаша) обвинений он не признал. См. позднейшую комментированную публикацию материалов этой дискуссии: A Lukács-vita. Вр., 1985.

²⁸⁷ Речь идет о раскритикованном позже высказывании Лукача о том, что марксизм, как Гималаи, возвышается над другими мировоззрениями, но забравшийся на их вершины заяц от этого не становится крупнее стоящего у подножия слона. Оно прозвучало в статье 1949 г. «Задачи марксистской критики». См.: A marxista kritika feladatai // Lukács Gy. Magyar irodalom – Magyar kultúra. Вр.: Condolat, 1970. 541.о.

²⁸⁸ Критика Лукача была развязана на очень зловещем внутривнутриполитическом фоне. Как раз в сентябре 1949 г. в Будапеште состоялся проведенный по образцу сталинских больших показательных судебных процессов

1936–1938 гг. и вызвавший немалый международный резонанс сфальсифицированный судебный процесс по делу Ласло Райка, видного деятеля венгерской компартии. На этом процессе подсудимые, активисты правящей партии, в соответствии с заранее написанным сценарием обвиняли себя в подрывной антигосударственной деятельности. Процесс, завершившийся вынесением нескольких смертных приговоров, был инициирован лидером венгерских коммунистов Ракоши, озабоченным тем, что его прежняя близость с югославским лидером И. Брозом Тито может после советско-югославского конфликта 1948 г. дать повод Сталину сменить руководство правящей венгерской партии. Процесс носил прежде всего антиюгославский характер и вывел антиюгославскую кампанию, развернутую в рамках всего формирующегося советского блока, на новый виток. Принятая в ноябре 1949 г. резолюция третьего совещания Коминформа (Информбюро коммунистических и рабочих партий, созданное в 1947 г.) «Югославская компартия во власти убийц и шпионов» стала программным документом мирового коммунистического движения.

²⁸⁹ Представители венгерской коминтерновской политической эмиграции в СССР, вернувшиеся на родину по окончании Второй мировой войны, действительно, как правило, не становились жертвами политических репрессий в условиях режима Ракоши в 1940–1950 гг. Это объяснялось тем, что Ракоши, устраняя своих политических конкурентов (как Райка), равно как и противников проводимой политической линии, не был до конца уверен в том, что в полной мере информирован о связях именно этой категории коммунистов с советской политической элитой и особенно органами НКВД. Тем не менее опасения Лукача имели под собой основания. 11 июля 1949 г. Ракоши и особо приближенный к нему министр обороны М. Фаркаш, делившиеся с советским эмиссаром своими планами суда над Райком, заметили также: «После окончания дела о Райке... возьмемся за идеологические вопросы. Прежде всего мы должны разоблачить идеалиста и космополита – Лукача Дьёрдя. С этой целью в центральной газете и теоретическом органе партии будет напечатано несколько статей по различным теоретическим вопросам. Затем будет вынесено решение Политбюро»

(Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 575. Оп. 1. Д. 188. Л. 148). Эти планы не вступали в противоречие с линией Москвы. За месяц до этого, 11 июня, на совещании в МИД СССР, где речь шла о положении в Венгрии, отмечалось, что Лукач «сейчас подвигается на идеологическом фронте Венгрии и в своих лекциях и статьях протаскивает антиленинские установки в вопросах эстетики, литературы и культуры». Из этого делался вывод, что «развертывание идеологической борьбы в Венгрии против троцкистов и других антимарксистских элементов является насущным делом» (Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 077. Оп. 29. Папка 137. Д. 56. Л. 32).

²⁹⁰ Речь идет о самокритичном выступлении Лукача, сделанном в 1950 г. См.: A Lukács-vita. Bp., 1985.

²⁹¹ Весть о казни Ласло Райка 15 октября 1949 г. застала Лукача на конференции в Италии. Дело Райка стало поводом для разрыва с режимом Ракоши ряда находившихся в это время за границей венгерских политиков, а также дипломатов (в их числе были первый глава республиканской Венгрии в 1918–1919 гг. граф Михай Каройи, который в 1947–1949 гг. был послом новой Венгрии в Париже; Ференц Фейтё, будущий крупнейший французский эксперт по восточноевропейским делам Франсуа Фейто). Что касается Лукача, то он уклонился от нежелательных для венгерских властей комментариев в связи с делом Райка, отвергнув тем самым представившуюся перспективу эмиграции.

²⁹² То есть после советско-югославского конфликта 1948 г.

²⁹³ Миф о том, что Ласло Райк, главная жертва режима Ракоши, был убежденным идейным противником этого режима, получил широкое распространение в среде венгерских коммунистов-реформаторов в общественно-политической и духовной атмосфере, сложившейся после XX съезда КПСС. Торжественное перезахоронение останков Л. Райка и казненных вместе с ним коммунистов 6 октября 1956 г. собрало многотысячный оппозиционный митинг, в определенной мере явившийся прелюдией стихийного вооруженного восстания 23 октября, положившего начало венгерской антитоталитарной революции 1956 г.

²⁹⁴ Речь идет о странице воспоминаний Лукача о давно реабилитированном Ласло Райке, подготовленной для задуманного тома памяти Райка. Публиковалось уже после смерти философа. См: *Emlékeim Rajk Laszlóról // Lukács Gy. Curriculum vitae.* Вр., 1982. 350.о.

²⁹⁵ Речь о том, что этот миф продолжал жить в кадавровской Венгрии в среде критически настроенных к режиму коммунистов-реформаторов, участников антитоталитарной революции 1956 г., прошедших после ее подавления через аресты и преследования. Именно к этому кругу тяготела и вдова Райка Юлия Райк, никогда не прекращавшая активной общественной деятельности.

²⁹⁶ Речь идет о книге мемуаров видного ветерана венгерского рабочего движения Дьёрдя Марошана: *Gyorgy M. Az úton végig kell menni.* Вр.: Magvető, 1972.

²⁹⁷ К критике Лукача, развязанной Рудашем в 1949 г., присоединился и главный идеолог правящей ВПТ Й. Ревай. См.: *A Lukács-vita.* Вр., 1985.

²⁹⁸ Дж. Ф. Даллес в качестве госсекретаря США стал ключевой фигурой американской внешней политики только с приходом к власти республиканской администрации президента Д. Эйзенхауэра уже в условиях холодной войны.

²⁹⁹ Процессы по делу Т. Костова в Болгарии (1949), по делу К. Дзодзе в Албании (1949), по делу Р. Сланского в Чехословакии (1952) и др.

³⁰⁰ См.: Беседы на Лубянке...

³⁰¹ В качестве главы ленинградской парторганизации до 1926 г.

³⁰² Лукач имеет в виду третий том биографии Троцкого, принадлежащей перу Исаака Дойчера: *Троцкий. Изгнанный пророк, 1929–1940.* М., 2006 (первое англоязычное издание – 1963).

³⁰³ Институт литературоведения Венгерской академии наук, возглавлявшийся Иштваном Шётером. Претензии в искажении его биографии были предъявлены Лукачем литературоведу М. Саболчи.

³⁰⁴ Общественно-политический и литературный журнал «Fórum», в редколлегии которого Лукач играл главную роль, выходил в 1946–1950 гг.

³⁰⁵ Этнограф Дюла Ортутай представлял левое крыло партии мелких хозяев, а народный писатель Йожеф Дар-

ваш — национальную крестьянскую партию. Последний (как и упомянутый ниже Ф. Эрдеи, также относившийся к этой партии) фактически был скрытым коммунистом.

³⁰⁶ Роман Т. Дери «Ответ» был подвергнут в начале 1950-х годов критике с позиций официальной эстетики режима Ракоши, находившейся под влиянием «ждановских» постановлений второй половины 1940-х годов. На русском языке роман опубликован в 1974 г. в переводе Е. Малихиной.

³⁰⁷ Журнал «Nyugat» выходил до 1941 г., хотя Лукач был с ним связан только на раннем этапе его существования, прежде всего до Первой мировой войны.

³⁰⁸ Дюла Ийеш и Лайош Надь посетили СССР в 1934 г., будучи гостями первого съезда советских писателей. См. книгу Д. Ийеша, написанную по итогам пребывания в СССР: *Ийеш Д. Россия. 1934* / Пер. Т. Воронкиной. М., 2005.

³⁰⁹ Литературно-общественный журнал, выходивший в 1936–1939 гг. Речь идет об одном из эпизодов в противостоянии венгерского оппозиционно настроенного литературного сообщества (раздираемого при этом противоречиями между «народными писателями» и «урбанистами») антидемократической политике режима Хорти.

³¹⁰ «Народные писатели» — влиятельное литературно-общественное течение в Венгрии, возникшее в 1930-е годы. Из классиков венгерской литературы к нему принадлежали Д. Ийеш, Л. Немет.

³¹¹ Недоверие вполне понятное, учитывая левацкие эксцессы в аграрной политике Венгерской советской республики 1919 г. (попытки создания госхозов вместо продуманной аграрной реформы, способной удовлетворить нужды крестьянства в земле). Аграрная реформа 1945 г. проводилась коалиционным левоцентристским правительством с учетом этого негативного опыта Венгерской советской республики, причем во главе реформы стоял министр земледелия коммунист Имре Надь, будущий премьер-министр, оставивший след в истории революции 1956 г.

³¹² То есть еще до прихода Лукача в Будапештский университет.

³¹³ Речь идет в том числе об уже упомянутых сборниках статей о Гёте, Бальзаке, Толстом, других класси-

ках мировой литературы, изданных на венгерском языке начиная уже с 1945 г. На немецком языке в 1947 г. в Берне вышел сборник работ о Гёте («Goethe und seine Zeit»). В 1948 г. в издательстве «Европа» (Цюрих – Вена), как отмечалось выше, выходит написанный в Москве «Молодой Гегель», а восточноберлинское издательство «Ауфбау» выпускает сборник статей Лукача о реализме («Essays über Realismus»). В последующие годы это издательство становится (вплоть до 1956 г.) главным публикатором на немецком языке работ Лукача, в том числе написанных им в московский период творчества.

³¹⁴ Неясно, о каких изданиях идет здесь речь. Очевидно, что без разрешения Лукача в самый разгар его критики в рамках всего советского блока вышло в начале 1960 г. парижское издание «Истории и классового сознания» на французском языке: *Histoire et Conscience de Classe: Essay de Dialectique Marxiste*. Paris: Les Editions de Minuit, 1960. Однако уже в 1963 г. «Теория романа» вышла в немецком оригинале в западногерманском издательстве «Luchterhand» не только с разрешения Лукача, но и с его специально написанным в июле 1962 г. предисловием: *Die Theorie des Romans*. Neuwied; Berlin: Luchterhand, 1963. Соответственно первое завизированное самим Лукачем позднее издание «Истории и классового сознания» с предисловием, написанным им в марте 1967 г., относится к 1968 г.: *Geschichte und Klassenbewusstsein*. Neuwied; Berlin: Luchterhand, 1968.

³¹⁵ Роман Т. Манна «Доктор Фаустус» впервые был опубликован в 1947 г.

³¹⁶ Здесь имеется в виду в известной мере провоенная позиция, занятая Т. Манном во время Первой мировой войны и нашедшая отражение в сборнике эссе «Размышления аполитичного» («Betrachtungeneines Unpolitischen», 1918). Она привела даже к его временному разрыву с братом, Генрихом Манном, занимавшим в годы Первой мировой войны более последовательные антивоенные позиции.

³¹⁷ К этому времени, к 1935 г., в мировом коммунистическом движении возобладала линия единого антифашистского фронта. Ревай, пересмотревший свои прежние позиции, стал одним из ее главных проводников в венгерской компартии.

³¹⁸ Журнал «Válasz», выходявший как в эпоху Хорти (в 1934–1938 гг.), так и в первые послевоенные годы (в 1946–1949 гг., вплоть до установления диктатуры Ракоши), был главным рупором влиятельного в духовной жизни Венгрии литературно-общественного движения «народных писателей» с их чувствительностью к аграрному вопросу и приверженностью идеалам крестьянской демократии.

³¹⁹ О подготовленной Рудашем разгромной статье против Лукача.

³²⁰ Из политбюро ЦК ВПТ Реваи был выведен в 1953 г., вновь избран туда летом 1956 г., за три месяца до антиталитарной революции.

³²¹ Это неприемлемое для Лукача высказывание было подвергнуто им критике и в статье 1945 г. «Партийная поэзия», впервые опубликованной в 1946 г. См.: *Pártköltészet // Lukács Gy. Magyar irodalom – Magyar kultúra. Vp., 1970. 293.o.*

³²² Студенческое и молодежное движение второй половины 1940-х годов, находившееся под влиянием идеологии «народных писателей». Вопреки явной приверженности большинства его участников социалистическим ценностям (чаще не в марксистском, а в народническом понимании) было распущено в условиях режима Ракоши, поскольку не вписывалось в идейно-политическую парадигму тоталитарного режима. Вместе с тем сыграло немалую роль в духовном формировании той генерации интеллигенции, которая проявила себя в разных областях в кадаровской Венгрии. В художественной культуре среди прочего нашло отражение в фильме классика венгерского и мирового кинематографа Миклоша Янчо «Светлые ветры» (1968).

³²³ При всей несомненной связи двух явлений объединение коммунистической и социал-демократической партий на высшем уровне состоялось, как уже отмечалось выше, несколько раньше, в июне 1948 г.

³²⁴ О неоднозначности ситуации свидетельствует то, что Д. Марошан, после подавления осенью 1956 г. советскими войсками венгерского восстания вошедший в узкое руководство кадаровской ВСРП, занимал крайне жесткую позицию в отношении «борьбы с контрреволюцией», позволяя себе (будучи прекрасным оратором) и публичные

антиинтеллигентские, близкие по духу к погромным высказывания, не только вполне созвучные кампании по борьбе с лукачевским ревизионизмом, но и превосходившие ее по накалу призывами к подавлению любой оппозиции. Будучи приверженцем принципов внутривластной (при этом ограниченной рамками правящей партии) демократии, что в конце концов привело к его конфликту с Кадаром и демонстративному выходу из руководства, он не проявил себя в то же время позже сторонником экономических реформ, начатых в Венгрии при поддержке Кадара в 1968 г.

³²⁵ Лукач считал роман Т. Дери «Ответ» одним из образцов высокого реализма современной эпохи в венгерской литературе и проводил это мнение в своей литературной критике.

³²⁶ Речь идет об особенностях развития страны по окончании Второй мировой войны. В 1945–1947 гг. в стране существовала реальная многопартийность, у власти находились коалиционные антифашистские левоцентристские правительства, хотя коммунисты уже в этот период при поддержке советской военной администрации фактически контролировали органы МВД. Решающими вехами в процессе перерастания режима ограниченной демократии в однопартийную диктатуру сталинского типа явились фактический разгром зимой–весной 1947 г. верхушки партии мелких хозяйев в результате фальсифицированных обвинений в антиреспубликанском заговоре, сопровождавшиеся многочисленными нарушениями парламентские выборы в августе 1947 г. и, наконец, объединение коммунистов и социал-демократов в июне 1948 г., ставшее важнейшим шагом на пути создания государственной партии.

³²⁷ Острые выступления Дери с критикой бесчеловечной сталинской политической практики, повлекшие за собой сначала его исключение из правящей партии, а затем, после подавления восстания 1956 г., обвинения в идейной подготовке «контрреволюции» и арест, не сопровождались в то же время его публичным признанием в отказе от социалистических убеждений.

³²⁸ Лукач имеет в виду мемуарную прозу Дери «Приговора нет» (Ítélet nincs, 1969).

³²⁹ Речь идет о поэте Ференце Юхасе.

³³⁰ Новелла, по мотивам которой был снят получивший международную известность фильм режиссера К. Макка «Любовь» (1970).

³³¹ Лукач имеет в виду издание: *Déry Tibor. Szembenézní; Illyés Gyula. Azéden elvesztése.* Бр., 1968. Неясно, на какое конкретное стихотворение ссылается Лукач. Т. Дери оставил большой след в истории венгерской литературы XX в. прежде всего как прозаик.

³³² Движение сторонников мира, в конференциях которого неоднократно принимал участие Лукач, вплоть до венгерских событий 1956 г. фактически было подконтрольно Москве, выступая инструментом (не в последнюю очередь пропагандистским) советской внешней (в последние годы жизни Сталина, как правило, не миролюбивой) политики в условиях обострившейся холодной войны.

³³³ Сатирический эпистолярный роман Ш. Монтескье (1721).

³³⁴ Философская конференция в Женеве, едва ли не первая масштабная встреча представителей международного интеллектуального сообщества, посвященная осмыслению опыта германского нацизма и Второй мировой войны, состоялась 2–14 сентября 1946 г. Текст доклада Лукача «Аристократическое и демократическое мировоззрение» был вначале полностью опубликован в ноябре 1946 г. в венгерском переводе в первом номере журнала «Fórum». Материалы дискуссии Лукача с К. Ясперсом, М. Мерло-Понти и др. см. в журнале: *Internationale Umschau* (Mainz), 1947. № 3. В некоторых положениях своего доклада Лукач, как и в ряде работ этого периода, обратился к критике философии экзистенциализма, получившей наиболее развернутое воплощение в его книге, впервые опубликованной на французском языке. См.: *Existentialisme ou Marxisme?* Paris, Nagel, 1948.

³³⁵ Э. Блох был отстранен в ГДР от преподавания в 1957 г. в условиях ужесточения культурно-идеологической политики в стране вследствие венгерской революции. В августе 1961 г., находясь на отдыхе в ФРГ, узнал о сооружении берлинской стены и принял решение не возвращаться в Восточную Германию. Преподавал после этого в Тюбингене.

³³⁶ После подавления венгерского восстания 1956 г. страну покинуло около 200 тыс. человек. Можно предполагать, однако, что в вопросе содержался иной подтекст: в 1960 г., когда встал вопрос о публикации за рубежом рукописи «Своеобразия эстетического», Лукачу было предложено партийными инстанциями подумать об эмиграции (см. ниже).

³³⁷ Осенью 1955 г. большая группа венгерских писателей действительно поставила подписи под меморандумом протеста против ретроградных веяний во внутренней политике, однако затем большинство из них отозвали свои подписи (за исключением Т. Дери и еще нескольких лиц).

³³⁸ Имре Надь, будучи военнослужащим австро-венгерской армии во время Первой мировой войны, попал в русский плен и примкнул в 1917 г. к большевикам. См. основные вехи его жизненного пути: *Райнер Я. М.* Имре Надь – премьер-министр венгерской революции 1956 года. Политическая биография. М., 2006.

³³⁹ Речь идет о том периоде, когда Лукач около трех месяцев нелегально находился в Будапеште в 1929 г. по поручению Коминтерна, координируя деятельность подпольных коммунистических групп (см. выше).

³⁴⁰ Очевидно, речь идет о периоде, когда И. Надь оказался в опале весной 1955 г., будучи отстраненным от должности премьер-министра, которую он занимал с июня 1953 г., и выведенным из высших органов партии. В это время вокруг него группируется оппозиционно настроенная интеллигенция.

³⁴¹ Всегда чувствительный к положению крестьянства Имре Надь, выступавший за более щадящие темпы проведения коллективизации на селе, осенью 1949 г. был подвергнут за это резкой критике и выведен из Политбюро ЦК ВПТ. И хотя в 1951 г. его восстановили в Политбюро и даже поручили курировать осуществление сельхоззаготовок в соответствии с генеральной линией партии, за ним прочно закрепляется репутация правоуклониста и бухаринца (в том числе в глазах советских эмиссаров и дипломатов).

³⁴² Речь идет о курортной местности в Венгрии.

³⁴³ Имеется в виду период пребывания И. Надя на посту премьер-министра с конца июня 1953 г. по начало апреля 1955 г.

³⁴⁴ Через неделю после своего прихода на пост премьер-министра, в начале июля 1953 г., И. Надь выступил со своей программной речью, в которой подверг резкой критике политику ВПТ, проводившуюся на предшествующем этапе. Это сразу обострило его отношения с лидером партии М. Ракоши, за которым стояла основная масса партийных функционеров.

³⁴⁵ То есть своего рода «свадебного генерала», декоративной фигуры, символизирующей в данном случае новое направление в государственной политике.

³⁴⁶ Выступление Д. Лукача стало центральным событием на дискуссии об актуальных задачах и перспективах марксистской философии, состоявшейся 14–15 июня 1956 г. в рамках Кружка Петефи, молодежного дискуссионного клуба, деятельность которого привлекала в мае–июне 1956 г. огромное общественное внимание на волне ожиданий, вызванных XX съездом КПСС. См.: *Filozófiai Értesítő*, 1956. № 4. 148–151.о. На русском языке излагается: *Стыкалин А. С. Дьердь Лукач – мыслитель и политик.* М., 2001. С. 153–155.

³⁴⁷ Свою позицию по названным вопросам Лукач наиболее развернуто изложил в лекции «Борьба прогресса и реакции в современной культуре» («A haladás és reakció harca a mai kultúrában»), прочитанной 28 июня 1956 г. в политической академии ВПТ. Она была опубликована в теоретическом журнале ВПТ «Társadalmi Szemle» («Общественное обозрение», 1956, № 6–7. 68–87.о.) и вышла также отдельной брошюрой. См.: *Стыкалин А. С. Дьердь Лукач – мыслитель и политик.* С. 157–160.

³⁴⁸ Под событиями здесь понимается мощное народное восстание, начавшееся 23 октября. В течение считанных дней власть в стране как в центре, так и на местах фактически распадается.

³⁴⁹ О развязанной в 1957 г. международной кампании критики Д. Лукача как одного из столпов современного ревизионизма см. подробно: *Стыкалин А. С. Дьердь Лукач – мыслитель и политик.* С. 196–204.

³⁵⁰ 4 ноября 1956 г. состоялась решающая советская военная акция в Венгрии, приведшая к свержению действующего, сформированного в дни событий правительства Имре Надя, фактически не контролирувавшего ситуацию в стране.

³⁵¹ В конце июня 1956 г. произошли волнения в польском городе Познани, сопровождавшиеся большими человеческими жертвами (более 70 человек убитых), а одновременно с ними в Венгрии имела место бурная дискуссия о свободе печати на заседаниях Кружка Петефи, имевшая огромный общественный резонанс. Именно эти события и напугали руководство ВПТ.

³⁵² ВПТ как государственная партия и важнейший компонент всей политической системы в конце октября, лишившись в условиях антитоталитарной революции минимальной поддержки снизу, распалась и фактически самораспустилась, однако 31 октября было объявлено о планах приступить к созданию новой марксистской партии — Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП), порывающей со сталинским наследием. Лукач стал членом ее комитета, который должен был заняться подготовкой учредительного съезда партии.

³⁵³ Премьер-министр Имре Надь, также представлявший только что созданную ВСРП, вызвав 1 ноября посла СССР Ю. В. Андропова, довел до его сведения решение правительства о выходе Венгрии из Организации Варшавского договора. Решение было принято в связи с несанкционированным вводом в Венгрию новых советских воинских частей и их передвижениями по венгерской территории.

³⁵⁴ Оба собеседника без слов прекрасно понимали, что среди голосовавших за выход Венгрии из ОВД был и Янош Кадар.

³⁵⁵ В партийный комитет, который должен был заняться подготовкой учредительного съезда новой партии, вошли Ф. Донат, Я. Кадар, Ш. Копачи, Г. Лошонци, Д. Лукач, И. Надь и З. Санто.

³⁵⁶ Видный левый политик, экономист и публицист, близкий к движению «народных писателей», один из основателей национальной крестьянской партии Ференц Эрдеи (1910–1971) был по сути крипто-коммунистом, занимал министерские посты и после установления диктатуры Ракоши, формально представляя свою партию, существовавшую к этому времени лишь номинально. Осенью 1956 г., в дни восстания, он вошел в качестве вице-премьера и в правительство И. Нады, формировавшееся на коалиционной основе.

³⁵⁷ Речь идет об одном из интервью, которое Лукач дал в те дни часто посещавшим его журналистам.

³⁵⁸ Рано утром 4 ноября произошло вступление советских войск в Будапешт.

³⁵⁹ Речь идет о ветеране венгерской компартии Золтане Санто и его жене.

³⁶⁰ Группа венгерских коммунистов (преимущественно сторонников Имре Надя) и членов их семей, с вступлением советских войск в Будапешт в ночь на 4 ноября укрывшихся в югославском посольстве, после согласованного выхода оттуда (большинство из них вышли 22 ноября) была задержана и 23 ноября переправлена в Румынию в г. Снагов близ Бухареста.

³⁶¹ Речь идет о здании советской военной комендатуры.

³⁶² Это произошло 18 ноября.

³⁶³ Лукач получил возможность покинуть Румынию и вернуться домой в середине апреля 1957 г.

³⁶⁴ Речь идет либо о Вальтере Романе (Эрнё Нойландере), либо (с большей вероятностью) о Николае Гьльдберgere, видных функционерах румынской компартии, трансильванцах еврейского происхождения, владевших венгерским языком на уровне родного. См. на венгерском языке мемуары В. Романа, опубликованные еще при его жизни: *Roman W. Találkozások Lukács Györgygyel // Kritika*. Вр., 1982. № 6. Записи бесед Лукача и Гьльдбергера опубликованы на основе материалов из фондов румынских спецслужб в книге: *A Snagovi Foglyok. Nagy Imre és társai Romániában. Iratok // Összeállította, a jegyzeteket és a bevezető tanulmányt írta Baráth Magdolna és Sipos Levente. Budapest, 2006* (есть и румынское издание).

³⁶⁵ По устным воспоминаниям тех, кто находился с Лукачем в Снагове на положении интернированных, после выступления Санто против И. Надя Лукач демонстративно отказывался сидеть с ним за одним столом во время общих обедов. См. серию интервью: *Ember J. Menedékjog – 1956. A Nagy Imre-csoport elrablása*. Вр., 1989.

³⁶⁶ Имеется в виду перестройка деятельности венгерской компартии в соответствии с линией VII Конгресса Коминтерна (1935) с его стратегией широкого антифашистского фронта. Выдвижению Санто на первые роли

в партии способствовал арест в 1937 г. и расстрел в 1938 г. Белы Куна, до некоторой степени противившегося осуществлению этой линии с сектантских позиций.

³⁶⁷ По имеющимся данным, Д. Лукач и его жена переступили порог своей будапештской квартиры 11 апреля 1957 г.

³⁶⁸ Речь идет о процессе трансформации быстро распадавшейся в конце октября 1956 г. ВПТ в ВСРП (см. выше).

³⁶⁹ Письмо датируется 15 мая 1957 г. Документ хранится в архиве Лукача в Будапеште.

³⁷⁰ Фактически Лукач был членом компартии Венгрии с первых недель ее основания в ноябре 1918 г.

³⁷¹ Обсудив 21 мая 1957 г. просьбу Лукача, временный ЦК ВСРП поручил тогдашнему главному идеологу режима Дюле Каллаи встретиться и переговорить с философ. Встреча, по некоторым данным, состоялась. По ее итогам партийное руководство отклонило просьбу Лукача, сославшись на его несогласие с партийной оценкой событий 1956 г. и общей линией ВСРП на новом этапе. См.: *Kalmár M. Lukács és akoegzisztencia (1956–1960) // Beszélő. Bp., 1997. № 7.*

³⁷² 9 августа 1967 г. 82-летний философ направил в ЦК ВСРП новое письмо с просьбой о восстановлении в рядах партии. По содержанию оно мало отличалось от аналогичного письма десятилетней давности, однако реакция на него оказалась теперь совсем иной. 15 августа Политбюро ЦК ВСРП, рассмотрев заявление Лукача, приняло по нему положительную резолюцию, отразившую ту эволюцию к большей толерантности в идеологической и культурной политике, которую проделал кадаровский режим начиная с конца 1950-х годов. Обвинения в ревизионизме, характерные для публичных выступлений конца 1950–начала 1960-х годов, теперь не фигурировали. В то же время отмечалось, что в сложные месяцы утверждения у власти «рабоче-крестьянского правительства» философ пытался политически противопоставить себя партии, что использовали в своей «подрывной деятельности» ревизионисты. Далее Политбюро выразило надежду, что в последующем Лукач будет пресекать все попытки использовать свое имя при внесении «сумятицы» в духовную жизнь и, напротив, окажет ценную помощь партии и рабочему дви-

жению. См.: *Urbán K. Lukács és az MSzMP 1967/68-ban // Magyar Nemzet*, 1990. 2.04. Никакой самокритики от философа не потребовали и в то же время предпочли не афишировать в прессе восстановление Лукача в партии во избежание ненужных Я. Кадару спекуляций в западных СМИ в условиях масштабного ближневосточного кризиса, где Венгрия всецело солидаризировалась с позицией СССР, и в самый канун 50-летнего юбилея Октябрьской революции в России. О примирении философа и партии публика могла узнать лишь из интервью Лукача, опубликованного 24 декабря 1967 г. в рождественском номере главной партийной газеты «*Népszabadság*». Основной темой интервью было не восстановление Лукача в партии, а поддержка им планов экономических реформ правительства, намеченных на 1968 г. и предполагавших среди прочего усиление роли материальных стимулов в повышении производительности труда.

³⁷³ Речь скорее всего идет о ложных утверждениях Бабича о том, что Лукач якобы пытался затащить его в компартию в 1919 г. (см. выше).

³⁷⁴ Ученик Лукача философ Йозеф Сигети в соответствии с партийным поручением был одним из главных критиков Д. Лукача в ходе антиревизионистской критической кампании конца 1950–начала 1960-х годов.

³⁷⁵ О международной кампании конца 1950–начала 1960-х годов с критикой Лукача как одного из столпов современного ревизионизма см. подробно: *Стыкалин А. С. Дьердь Лукач – мыслитель и политик*. М., 2001. Гл. 8.

³⁷⁶ Интервью Лукача было опубликовано в главном печатном органе итальянской компартии 26 августа 1966 г., а уже в октябре вышло и в венгерском переводе в общественно-политическом журнале «*Valóság*».

³⁷⁷ 2 марта 1960 г. Лукач передал в Президиум Венгерской академии наук ряд обширных, уже подготовленных в окончательном виде глав своего фундаментального труда «Своеобразие эстетического» на немецком языке. Он не скрывал, что предварительно договорился о публикации книги с издательствами Западной Германии (в оригинале), а также Италии и Польши (в переводах на соответствующие языки). Венгерская академия наук переадресовала рукопись в ЦК ВСРП.

³⁷⁸ Письмо относится к лету 1960 г.

³⁷⁹ Иштван Сирмай возглавлял отдел пропаганды и агитации в аппарате ЦК ВСРП.

³⁸⁰ Вопрос о том, что делать с рукописью труда Лукача по эстетике, несколько раз обсуждался на заседаниях Политбюро ЦК ВСРП. В конце концов было решено не препятствовать изданию рукописи за рубежом и начать ее перевод на венгерский язык в целях публикации в родной стране. Эта позиция стала симптомом начавшейся эволюции режима Кадара к более толерантной культурной политике. В 1963 г. «Своеобразие эстетического» было полностью опубликовано в ФРГ на немецком языке, а в 1965 г. в Венгрии в венгерском переводе (на русском языке опубликовано лишь в конце 1980-х годов). К 1964 г. затихла критика в венгерской печати лукачевского ревизионизма, выход его поздней «Эстетики» сопровождался благожелательными откликами как в СМИ, так и в специальных изданиях. См. подробно: *Стыкалин А. С. Дьердь Лукач — мыслитель и политик.* Пт. 8, 9.

³⁸¹ В 1951–1956 гг. издательство «Aufbau» в Восточном Берлине опубликовало в виде единой серии 14 томов сочинений Лукача. Однако после венгерской революции осени 1956 г. директор издательства В. Янка был арестован и провел несколько лет в заключении по обвинению в подрывной антигосударственной деятельности. Судебный процесс по его делу был одним из целого ряда мероприятий, призванных, запугав интеллигенцию Восточной Германии, предостеречь ее от реформаторских настроений. См. мемуары В. Янки: *Janka W. Schwierigkeiten mit der Wahrheit.* Berlin, 1989.

³⁸² В 1960-е годы инициатором издания собрания сочинений Лукача явился западногерманский издатель и редактор философской литературы Франк Бензелер, научный руководитель издательства «Luchterhand», базировавшегося в Нойвиде. Именно Бензелер и опубликовал в 1963 г. в оригинале «Своеобразие эстетического».

³⁸³ Среди изданных на Западе в конце 1950–начале 1960-х годов работ Лукача особый резонанс вызвал опубликованный в 1957 г. итальянским издательством «Einaudi» сборник эссе «Актуальное значение критического реализма», в котором проводилась мысль о том, что подлинно высокий социалистический реализм может

быть только критическим реализмом современной эпохи, раскрывающим во всей полноте глубокие противоречия перехода к социализму во всемирном масштабе. См.: *Lukács G. Il significato attuale del realismo critico.* Torino, 1957. Выход этой книги стал одним из поводов к развязыванию международной кампании с критикой Лукача с позиций догматического марксизма. В 1963 г. сборник вышел и на английском языке: *The Meaning of Contemporary Realism.* London, 1963. С середины 1960-х годов венгерские власти совершенно не препятствовали публикации на Западе новых работ философа.

³⁸⁴ Дьердь Ацел (1917–1991) был многолетним членом Политбюро ЦК ВСРП, курировал идеологию и культурную политику.

³⁸⁵ Имре Надь (1896–1958), который в бытность главой правительства Венгрии в октябре–ноябре 1956 г. не сумел овладеть обстановкой в условиях глубочайшего внутривластного кризиса, стал жертвой судебного процесса по обвинению в измене родине и создании организации, имевшей целью свержение народно-демократического строя. В апреле 1957 г. он был депортирован из Румынии на родину, а в июне 1958 г. предстал перед судом. Смертный приговор был вынесен 15 июня 1958 г., а утром следующего дня приведен в исполнение. В 1989 г. И. Надь был реабилитирован, а его останки торжественно перезахоронены. См. подробно: *Райнер Я. М. Имре Надь — премьер-министр венгерской революции 1956 года // Политическая биография.* М., 2006.

³⁸⁶ Задуманный грандиозный труд «Онтология общественного бытия», посвященный разработке общесоциологических основ теории общественной жизни, оказался неоконченным. Однако Лукач успел подготовить значительные его части, опубликованные как в немецкоязычном оригинале, так и в венгерском переводе. См. издание на русском языке: *Лукач Д. К онтологии общественного бытия // Прологомены.* М., 1991.

³⁸⁷ Речь идет о работе «Настоящее и будущее демократизации», которая была подготовлена в полном виде к печати будапештским архивом Лукача только в середине 1980-х годов. См.: *Lukács Gy. Demokratisierung heute und morgen.* Вр.: Akadémiai, 1985. Издание на венгерском языке — 1988. Из публикаций фрагментов этой работы на рус-

ском языке см.: Лукач Д. Демократическая альтернатива сталинизму // Коммунист. 1990. № 14.

³⁸⁸ О позиции венгерского коммунистического лидера Я. Кадара, в течение многих месяцев склонявшегося к компромиссу в отношении Пражской весны 1968 г. и реформаторских процессов в соседней Чехословакии, но в конце концов сделавшего выбор в пользу участия Венгрии в военной интервенции в отношении Чехословакии, см.: *Стыкалин А. С.* «Пражская весна» 1968 года и позиция руководства Венгрии // Новая и новейшая история, 2012. № 5. С. 21–41.

³⁸⁹ Документ хранится в архиве Лукача в Будапеште.

³⁹⁰ Иную позицию занял ряд учеников Д. Лукача, включая А. Хеллер. 21 августа 1968 г., в момент интервенции пяти стран – участниц Варшавского договора в Чехословакию, они находились в Югославии на международной философской конференции на о. Корчула, организованной кругом журнала «Праксис». Вместе с многими участниками конференции они подписали письмо протеста и были за это потом подвергнуты определенным гонениям кадаровскими властями.

³⁹¹ Речь идет о военном конфликте между только что образованным чехословацким государством и венгерской коммунистической диктатурой (Венгерской советской республикой) 1919 г. В основе конфликта лежали прежде всего не идеологические противоречия, а территориальные споры, неизбежные вследствие распада Австро-Венгерской монархии. Д. Лукач фактически был руководителем культурной политики Венгерской советской республики, но, как отмечалось выше, выезжал на фронт и в качестве политкомиссара.

³⁹² О связанной с именем главного идеолога ВСРП Дьердя Ацела культурной политике в кадаровской Венгрии и в том числе о ее идеологических основах, а также об отношении Ацела к своему предшественнику Реваи и его разногласиях с Лукачем в этой связи см.: *Révész S. Aczél és kögunk.* Вр., 1997.

³⁹³ Речь идет о романе А. С. Макаренко «Педагогическая поэма» (1925–1935).

³⁹⁴ Коммунистической диктатуры 1919 г.

³⁹⁵ Речь идет об одной из базовых идеологем периода первых лет существования австро-венгерской дуалисти-

ческой монархии, отражавших необходимость примирения венгерской дворянской политической элиты с венским двором в интересах создания общими усилиями жизнеспособного государственного проекта. Реставрированная после поражения революции 1848–1849 годов в Венгрии австрийская монархия была вынуждена уже в 1860-е годы пойти на компромисс с венгерской политической элитой вследствие обострения внутренних противоречий многонационального государства и ухудшения внешнеполитической обстановки (после поражения в австро-прусской войне 1866 г. Австрия была полностью вытеснена из процесса объединения германских земель, происходившего на основе прусской гегемонии). На основе плана, разработанного лидером венгерского национального движения Ференцем Деаком и принятого Веной, в 1867 году произошло преобразование Австрийской империи в дуалистическую Австро-Венгерскую монархию, в которой венгерская элита получает право внутривнутриполитического контроля над половиной империи и возможность влияния на ее внешнюю политику. Примирение с прошлым в известной мере символизировала фигура графа Дюлы Андраши. В 1849 г. заочно приговоренный юным императором Францем Иосифом к смертной казни за участие в венгерской революции и избежавший ее лишь благодаря эмиграции Андраши был в 1871 г. назначен тем же Францем Иосифом министром иностранных дел дуалистической империи.

³⁹⁶ Речь идет о генералах венгерской революционной армии (гонведов), арестованных вследствие ее поражения и казненных 6 октября 1849 г. по приказу австрийского фельдмаршала Гайнау в г. Араде в Восточной Венгрии (ныне Румыния).

³⁹⁷ Речь идет об эксплуатации венгерской политической элитой национально-патриотических традиций (в том числе антигабсбургской революции 1848–1849 гг.) в интересах укрепления своей власти в пределах многонациональной венгерской половины Австро-Венгрии. В особой мере это проявилось в 1896 г., когда в Венгрии широко отмечалось 1000-летие прихода венгров на берега Дуная.

³⁹⁸ Речь, очевидно, идет о проблемах с кадаровской властью после 1956 г., которые имел друг Лукача — журна-

лист и историк, бывший левый социал-демократ Золтан Хорват, сохранявший и в 1960-е годы влияние среди выходцев из социал-демократии. Дюла Каллаи (1910–1996) относился к узкому руководству кадаровской Венгрии, был премьер-министром в 1965–1967 гг., оттеснен на вторые роли лишь с началом экономической реформы 1968 г.

³⁹⁹ Венгерская аристократка Елизавета (Эржебет) Батори (1560–1614), согласно преданию, купалась в крови убитых по ее приказу молодых девушек, чтобы улучшить красоту кожи.

⁴⁰⁰ Речь идет о получившем международное признание фильме Миклоша Янчо «Без надежды» (1965), в котором нашли отражение события из истории Венгрии после поражения революции 1848–1849 гг.

⁴⁰¹ В 1960 г. исполнение наказания Т. Дери по обвинению в подстрекательстве в 1956 г. к восстанию было приостановлено, несколько позже писатель был амнистирован.

⁴⁰² Имеется в виду попытка Реваи навязать кадаровской ВСРП в 1957 г. дискуссию в целях оправдания политики режима Ракоши.

⁴⁰³ Скорее всего оговорка Лукача, поскольку в статьях не начала 1930-х, а начала 1950-х годов он связывал с творчеством Т. Дери перспективы развития подлинно высокого социалистического реализма в венгерской литературе.

⁴⁰⁴ Произведение Б. Бартока (1930).

⁴⁰⁵ Речь идет о сюжете «Santata Profana» Бартока, основанном на румынской легенде о том, как у старика было девять сыновей, которых он не научил никакому ремеслу, кроме охоты. Однажды на охоте братья нападают на след большого оленя, но, преследуя его, сами чудесным образом превращаются в оленей. Отправившись в лес на поиски сыновей, отец встречает девятерых оленей и собирается выстрелить в них. Но самый крупный олень заговаривает с ним и умоляет не делать этого. Старик узнает в нем своего любимого сына и просит детей вернуться к людям, на что дети отвечают, что, вкусив природную свободу, уже не хотят возвращаться в мир людей.

⁴⁰⁶ Эта фраза из «Немецкой идеологии»: «Мы знаем только одну-единственную науку, науку истории». Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М., 1955. С. 16.

ПРОЖИТЫЕ МЫСЛИ

Наброски

Всякая автобиография: субъективна, не из общественного развития развитие отдельного человека, но в рамках заданного развития, как человек приходит к самому себе или терпит неудачу.

Объективность: правильная временность. Память: тенденция к переносу на более ранний срок. Контролировать фактами. Юность: Бенедек;¹ письма Зиммеля 1914 года Марианне Вебер.² Но только фактичность при исправлении. Исключить а) буржуазное [?] представление. Пример Цитта 101.³ б) История партии. Троцкий (и в моем случае). То, что при этом игнорирование возможности *bona fide*: Виктор Серж 213;⁴ Память (написано позднее). Противоречие практике (время, тоже позднее). В. С. а) дата (213) неверна (не 28/9, не в России). [Относится] к Вене: б) большие неопубликованные книги (212). Сюда автор «Истории и классового сознания»: единственная книга этого времени, вышла в 1923 году (211), с) Ландлер 213/4, Кремль. Общая тенденция Виктора Сержа: позднейшее уже раньше — такой контроль везде, где возможно.

В этих рамках внутреннее и в практике выразившееся развитие, таково, каково оно было субъективно. Замысел: изложить *мое* развитие непосредственно. Объективное: *на что/как* реагировал. Задача: пра-

вильно изложить, кто ты есть. Характеристика людей, из которой проистекает и надежда: вместе с ней изложить *также* и объективное — не притязая на всеохватывающую историческую характеристику. Верно, если встречаются определенные *сущностные* черты.

Не моя жизнь в *непосредственном* смысле. Лишь как (в человеческом плане как) из [самой] жизни к жизни пробудилось это направление мысли, этот образ мысли (это образ действия). Сегодня, задним числом: не индивидуальность в качестве отправной точки или конечной цели. Но: как личные свойства, склонности, тенденции в соответствии с обстановкой при максимальном раскрытии, общественно типически вошли в сущность моего сегодняшнего [образа мысли], сумели влиться в мою родовую сущность.

Не поэт. Лишь философ. Абстракции. Память также направлена на это. Опасность: слишком раннее обобщение спонтанного. Но поэт: воспоминание о конкретных чувствах, прежде всего о ситуациях их проявления. Уже тем самым: в хронологической последовательности на правильном месте. Прежде всего: детство. Но поскольку там устойчивая важная тенденция — примирение.

Автобиография: Притязание здесь конкретно: исправление определенных взглядов на общественную жизнь. Актуальность, манипуляция: отдельная личность как центральный вопрос. Механизм формирует это (сигареты Голуаз⁵ — доходит вплоть до вопроса искусственного возбуждения). Борьба с этим: в объективациях еще доньше: как эстетически, так и общепhilosophически.

Жить здесь: за 80 субъективно сохранять интерес к действительности в то время, когда очень часто теряется контакт с ранней юностью. Долгая — не опостылевшая, все еще деятельная жизнь — право на попытку оправдания этого взгляда. Отсюда связь

с борьбой за м[аркс]изм. Индивидуальность и проблема родовой сущности. Именно здесь столкновение частного и практически осуществившейся родовой сущности. (Стало быть: противоречие никогда не переходит в трансцендентность. Негативная позиция ко всему религиозному: чисто земная посясторонность в преодолении частного.) Так и в этом отношении: то, где содержится практическая точка зрения на духовные тенденции времени, дополнение и комментарий к тому, что до сих пор было написано по случаю.

Субъективность автобиографии как дополнение и комментарий к собственной писательской деятельности. В этом отношении субъективность непреодолима. (Конечно, только для изложения. В конце концов: история. Приговор *inappellable* [обжалованию не подлежит], то есть *appellable* [может быть обжалован] дальнейшим ходом самой истории). Таким приговорам также подчиняется – убежден – и сам способ изложения.

I ДЕТСТВО И ШКОЛА

Из чисто еврейской семьи. Именно потому: идеология иудаизма совершенно не влияет на духовное развитие. Отец: консул в Будапеште.⁶ В то же время эпизодически, когда протокол оказывал влияние на жизнь в детстве: участие в общественной жизни, в свадьбах, похоронах и т. д. знакомых, участие в церемониях. Так как даже изучению иврита не придавалось никакого значения, для ребенка все это не имело никакого содержания, чисто «протокольное» (шапка в церкви, отвык от того, что оглашаемые или пропеваемые там тексты вообще могут иметь смысл).

Таким образом, включение религии в обычную общественную жизнь: почтительно приветствовать (незнакомому) гостя, быть должным вежливо (якобы заинтересованно) отвечать на его — для ребенка чаще всего совершенно бессмысленные — вопросы и заявления: безразлично. Обычная детская жизнь, встроенная в эту систему формально бессмысленных обязанностей: характерно уже для первых детских лет.

Спонтанный бунт. Нет прямых воспоминаний. Уже по рассказам (примерно 5/6 лет) матери (каким «скверным» я раньше был): «Чужих гостей не приветствую, я их не звал». Прежде сопротивление, но подчинение с сознанием: меня это не касается; если я хочу, чтобы взрослые оставили меня в покое: подчинение с чувством: все это не имеет никакого смысла; сформулировал ли тогда сам: понятия не имею. Безусловно лишь: не дико бунтующий ребенок, не спонтанно-слепой протест против всякого порядка, против всякого послушания. История с няней:⁷ еще и по сей день воспоминание и то, как это произошло: порядок в игрушках, позднее: книги, тетради. Сознание разумности; никакого бунта. Так же и с «бессмысленностью» — больше никакого протеста; лишь ясное сознание: следует подчиниться, хотя сами вещи не имеют никакого смысла (формально, даже если между тем забыл формулировку). Воспоминание: Париж — Лондон — посещение галереи. Я: требование зоопарка. Версальское поле боя.⁸ Стало быть, ясное противоположение: то, что меня касается, положительно влияет — и то, что является чисто формальным подчинением глупостям взрослых, «протокол». (Партизанская война с матерью: темная комната около 8 лет. Отец: освобождение без извинений/протокол против протокола.)⁹

Все это: очень плохие отношения с матерью. Умная и то, что в нашем круге общения называлось тогда образованная (позднейшее наблюдение), без малейшего

интереса к тому, каково действительное положение вещей, каковы подлинные потребности. Стало быть полная условностей, и поскольку она умела толково, а иногда и остроумно исполнять то, что я здесь называю протоколом, она была уважаема в собственных кругах. Также и мой отец (как человек, сделавший себя сам) очень уважал ее; я (работа и рассудок) изрядно ценил его как ребенок, но был возмущен этой его оценкой моей матери, за которую иногда презирал его (слепота). Действительно хорошие отношения установил[ись] только тогда, когда — в частности, наверное, не всегда без моего содействия — он начал критичнее относиться к моей матери. (Но это уже намного более позднее время.)

В детстве моя мать господствовала в атмосфере и идеологии нашего дома. Сюда относится почти в качестве центрального пункта отношение к моему брату как многообещающему ребенку, рядом с которым я полностью на заднем плане. Здесь вновь важно разделение действительности и протокола. Поскольку меня эта оценка никогда не трогала: все факты противоречат: обучение чтению.¹⁰

Обучение чтению: расширение действительности за пределы детской комнаты. Но здесь с самого начала: критика на основании протокольной позиции. Прежде всего, сочинения о детстве. Большой скепсис относительно «Суоге».¹¹ Здесь обнаружилось очень много протокола (школа!), но также и исторические рассказы (кажется, герои войны с турками); именно в геройстве много чисто протокольного. Храбрость героев турецкой войны напоминала о духовном превосходстве «тетушек» и «дядюшек» в жизни. Но именно здесь: расширение и углубление. В 9 лет: небольшая литературная проза (Гектор и Ахиллес, «Последний из могикан»). Обе против домашнего (также отец) мировоззрения: успех как критерий правильного. В особенности Купер: прав побежденный, он являет-

ся подлинным в отличие от протокольных победителей. Это 1 или 1.5 года спустя усилилось: Том Сойер и Гекльберри Финн.¹² Важное расширение: подлинно важное – не общая схема, но индивидуальная: собственный путь к действительности. Наибольшее усиление – тогда выучил английский – «Сказки Шекспира»: ¹³ неизмеримое, необъятное для меня богатство подлинной действительности и признание его. Самого Шекспира читал задолго до того, как смог приблизиться к действительному пониманию; позднейшее, лучшее чтение – не опровержение, но продолжение в направлении действительного понимания.

Естественно: все это висело в воздухе (домашняя действительность – и могикане), приближение к действительной критике существующего, связанное с перспективой собственных правильных поступков – позднее. Время от времени чтение классиков. Не без впечатлений (лишь: анти-Шиллер),¹⁴ но нет подлинной связи. Больше всего: слабый рассказ Ауэрбаха о Спинозе: здесь предмет: решение против условности в защиту самоочевидной действительности; против религии, рост этого влияния.

Предшествовало: еще не было 9: школа. Облегчение: не целый день дома; вместе со сверстниками, о которых действительно думал, что они были из лучшего материала, чем мой брат и те дети, с которыми я был близок социально. Надежда – несмотря на литературный скепсис – на бедных. Это подтвердилось. Хотя в школе (разочарование в бедных) едва ли было что-то близкое к дружбе. Поскольку у них во многом протокол – отчасти предвидел, но правильно угадал – более расшатанный, с большим свободным пространством, чем дома. Предвидел, соблюдал. Без страха: опыт легкого обучения; это в то время вообще во всем. Даже там, где я был вполне бездарен и отставал (кажется, математика), это оправдывало себя вплоть до конца гимназии. Стало быть, без каких-либо уси-

лий был всегда любимым учеником. Школа занимала первую половину дня, но уроки на следующий день – едва ли час вечером. Я мог, стало быть, спокойно вечером читать, совершать велосипедные прогулки, кататься на коньках и т. д. После примерно часа занятий я был свободен. Это рост домашней свободы, в особенности после первых хороших оценок. Конечно, домашняя «идеология» осталась все же непоколебимой. Моя мать пригласила воспитателя для меня, так как, на ее взгляд, мой брат не нуждался в помощи; когда через несколько недель произошел переворот: мой брат до самого вечера зубрил уроки вместе с воспитателем и всегда с трудом избегал повторения классной работы, возникла легенда о его лени и моем старании. Факты были достаточно очевидны для того, чтобы постоянно доказывать лживость этой легенды и признавать ее недействительность.

Но для меня: также и школа как протокол. Спонтанно: стал так называемым хорошим учеником. Общественная проблематика: зубрила – презрение. Медленное решение: практическая солидарность с посредственными и плохими учениками. Постепенное развитие в школьные годы. Наконец: имел в глазах учителя преимущества хорошего (плохой ответ рассматривался как «случайность»), без того чтобы как «зубрила» стоять в стороне от повседневного общения. Небольшая жертва: к примеру, позже в форме перевода¹⁵ – даже экономия труда.

Суммируя: школьное время между детством и уже обращающей внимание на творчество юностью скорее просто заполнило пустоту, нежели существенно и конкретно сподвигло на что-то. Путь к этому: медленный, с малым сознанием, полный больших пауз, от детского неприятия протокола к конкретизирующейся критике общества. Только около 15-го года: поворот. Находка «Вырождения» Нордау в отцовской библиотеке.¹⁶ Здесь должен был состояться «только» пе-

реворот на 180 градусов для того, чтобы обнаружить: Бодлер, Верлен, Суинберн, Золя, Ибсен, Толстой как путеводные фигуры. Критика: протокол = условность, вместе с тем необходимый элемент современной (слишком преодолевающей) общественности. Самозащита детской гармонии может посредством такого переживания, посредством такого рода – хотя вначале весьма абстрактного – понимания сущности социальной среды развиться в руководство общественной практикой, в путеводную нить самообнаружения человека в этом процессе.

Этот радикальный процесс превращения был вызван – хотя вначале очень абстрактно и исполненно ложных тенденций – этим чтением. Конечно, не случайность то, что теперь: первые дружеские отношения, заслуживающие такого имени. С наиболее важным (Лео Поппер) позднее, поскольку значение [этой дружбы] шире и глубже, чем тот первейший переход к моему начинавшемуся собственному творчеству. На этом первом переходном этапе а) один школьный товарищ (М[арцел] Х[аммершлаг]), из семьи музыкантов, который тогда [переживал] несколько схожий переход. Разбирательство с проблематикой Р. Вагнера; б) шире и длительнее: М[арцелл] Б[енедек] (отец: не как писатель¹⁷ – и [все же] как образец непреклонной субъективной морали порядочности). Благодаря этой дружбе: переход теперь «осознанной» оппозиции в произведения. Наш союз: молодой, начинающий писатель.¹⁸ (Мое почитание его стилистической [стихотворной] техники при одновременном чувстве: быть выше конфликта.) (Этот оттенок едва ли играл какую-то роль; никакой речи о «конкуренции»; граница: сами «вещи».) Двойное начало: критика – уже публичная: не без успеха. Броди. Неиспользованное: догматизм (Мережковский).¹⁹ Более важное – после выпускных экзаменов – «Талия».²⁰ Первое «движение», первый «вождь» (Петеш).²¹

II ЛИТЕРАТУРНЫЕ НАЧИНАНИЯ

«Талия» вывела за пределы полудетских начинаний. Не наша заслуга: инициатива режиссера Хевеши и актеров: реальное воздействие в прояснении театральных вопросов как начало неосуществившегося переворота. Проявились лишь его контуры.

Для меня — повторить! — первое участие в каком-то движении. Тем не менее непрерывное обдумывание. Но даже и при большом расцвете писательства никогда впредь не удавалось самореализоваться, оставаясь в буржуазных рамках.

Два важных уточнения моего пути в литературе: а) с Бенедекком, еще до «Талии», Баноци (характеристика; позднейший путь), задний план (Л. Поппер).²² Понимание того, что у меня нет подлинного писательского таланта. Вскоре после гимназии: все рукописи уничтожены. Отсюда вдруг возникший критерий: где начинается действительная литература? б) крушение иллюзий по поводу театра. Именно деятельность в «Талии» демонстрирует: никакого таланта к режиссуре. Особенная форма транспозиции здесь — и критика, и теория. Схожее объяснение, как в пункте а). В связи с этим подготовка к тому, чтобы стать критиком, теоретиком, историком литературы: великий импульс. Знания все больше: Германия. (Пропагандируемый радикалами французско-английский позитивизм не оказал существенного воздействия.) Германия: разочарование в истории л[итературы], уже краткое посещение Берлинского университета²³ (от Эриха Шмидта и ниже: глаза Лотты — наука, не стоящая изучения).²⁴ Напротив: Дильтей, Зиммель — отдельные работы занимавшихся критикой писателей: Пауль Эрнст. В то же время и Маркс. Поверхностно одобрен Зиммелем — в сущности искажен. Несмотря

ни на что: теоретический анализ литературы никогда вполне не покидает почву общества. Социал-демократическая теория: отрицательное [отношение] — особенно далеко заходило к Мерингу. Сильное влияние: Лессинг, переписка Шиллера и Гёте, йенские романтики. Чтение: Шопенгауэр и Ницше. Оттеснены на задний план Кьеркегором (познакомился через Касснера — который сам под влиянием этого направления). Таким образом: первый подступ к лит[ературной] теории на основе положенной в фундамент социальности (очевидно влияние М[аркса]), но конкретные категории в значительной степени основываются на консервативной истории лит[ературы] и эст[етичес]кой теории. При всем том это развитие: все же продолжение прежнего. При всех новых методах мыслительного преодоления трудностей все же преемственность: ненависть против пережитков венгерского феодализма, против того капитализма, который развивается на этой основе. (1906. Ади «Новые стихотворения».)²⁵ Для меня мощный толчок: принципы того, что действительно должно восприниматься как «новое». Вместе с тем революция формы: средство выразить это. В немецкой литературе куда менее ясно. Но а) проясняется то, что вершина немецкой классики находится в связи с Франц. рев. и Наполеоном, б) то, что настоящее есть состояние жалких компромиссов во всех важных человеческих вопросах. Отсюда: восхищение радикальностью скандинавской и русской литератур (начало влияния Толстого). Внутренняя верность человеческим идеалам (Пер Пюнт и Петер Мартенсгард).²⁶ Против — даже радикального — «поверхностного» позитивизма и «внутренней» революции (даже если внешняя форма не революционна.) Эти тенденции лишь поначалу. Без участия в венгерском лит. движении, без безусловного принятия революции Ади: полный тупик. Эта двойственность в «Талии», дружба с Б. Балажем (с 1908). Поначалу,

возможно, противоречивые, путанные мотивы, но все с внутренней тенденцией: поиск новой формы революции (позднее Толстой и Достоевский).

Немногие исследования в переходное время – так: обобщение: книга о драме, написана в 1906–1907, закончена в январе 1907.²⁷ При попытке обобщения: на первом плане сильная Марксова тенденция. Социологическая теория: драма как продукт нисхождения класса (прошлое – в особенности Ренессанс – много схематической абстракции; Греция – полис, хотя и без проникающего специального исследования и т. д.). Буржуазность: синтез проблематики из детства и юности: осмысленная жизнь при капитализме невозможна; стремление к ней: трагедия и трагикомедия, последняя играет в анализе большую роль; имеет как следствие то, что современная драма не является только продуктом кризиса, но во всех элементах и связях также непосредственно-художественно: растущая проблематика.

Подана на конкурс Общества К[ишфалуд]и. Премия получена в феврале 1908.²⁸

При глубоком презрении к руководителям на премию не рассчитывал; хотел – а la Шопенгауэр – выпустить как непремированную. Победа на выгодных условиях: затем небольшой кризис отчаяния (спаситель Л. Поппер). Прием: почетное равнодушие (единственное исключение – критика Фелеки).²⁹ Тем не менее благоприятное влияние на литературное положение; прежде всего дома: мой отец – немного набросать тогдашнее развитие – стал моим меценатом. Ум и потребность в культуре (юношеское желание карьеры), но полностью нетеоретические: приглашение депутатом в партию Тисы.³⁰ Посмеялся. Никакой обиды. Продолжение меценатства – успехи, конечно, необходимы, но признания значительных людей достаточно (Макс Вебер, Т. Манн). Сохраняется даже после диктатуры.³¹

В остальном дома абсолютное отчуждение. Прежде всего мать; почти никакого общения, с братом совершенно нет (смерть).³² Письмо во время последней болезни.³³ Только отец и – на периферии – сестра.

Важнее: вместе с премией начался период эссе. Потребность: многосторонность феноменов (не поддается абстрактным теориям). Ощущение того, что всесторонность отдельных феноменов существует одновременно и при этом находится в связях (не механических) со всеобщими большими субстанциями (тотальности). Чтобы ухватить это: романтизм, Кьеркегор, Майстер Экхарт, восточная философия. Чаще всего произвольно отбиралось именно подходящее (исключение Кьеркегор). При всем этом: общая линия (вплоть до Маркса) не была оставлена. Иллюзия встретить здесь новый синтез (вновь Кьеркегор).

Так в этот период возникла «Душа и формы».³⁴ Первое эссе (Новалис) уже одновременно с премией (книга о драме). Период эссе, стало быть, не приближение к господствующему (конечно, по большей части позитивистски ориентированному) импрессионизму, но, напротив, заострение [против него], поскольку здесь объективность в заключении (законы подчеркнуты гораздо острее). Значение Сезанна параллельно со старой итальянской живописью (Джотто). Речь на первой выставке подобного, уже ориентировавшегося на Матисса, венгерского художник[а]: прямо против импрессионизма (то есть современного субъективизма).³⁵ Так что: тенденция к абсолютности великого искусства (неприятие всякого «исторически» ориентированного консерватизма).

Период Кьеркегора: не без Регины Ольсен.³⁶ Ирма Зейдлер, чьей памяти посвящена «Душа и формы».³⁷ Как и в случае Кьеркегора – спонтанно, конечно, не с сознательным намерением: рамки строгих

буржуазных приличий (разрыв: outcast. Случай Залаи.³⁸ В крайнем случае: допускались – если в отношениях не было детей – рано разведенные молодые женщины). Так что в этом случае только возможность свадьбы была бы сексуально-эротическим решением. Напротив, у меня – независимость в интересах творчества, абсолютный, и именно поэтому молчаливый отказ. Так «великая любовь» разыгралась в узких рамках господствующих общественных приличий. Для моего тогдашнего взгляда на жизнь: формирование «эссеистского» образа жизни; для нее: справедливая неудовлетворенность односторон[ностью] решения.³⁹ Поэтому (в конце 1908 года) брак – позднее обернувшийся скверным – с коллегой-художником. Разрыв – важный мотив периода эссе – показывает единство разложения (обращенного к отдельному) всякой механической систематики и перспективы нового догматизма. В первых эссе это содержится лишь имманентно. После ее самоубийства (1911) (несчастный брак, крах попытки начать новую – не со мной – любовную жизнь) окончание периода эссе (1911). Диалог «Нищета духа»: попытка этического сведения счетов с моей сопричастностью самоубийству.⁴⁰ На заднем плане: дифференциация возможностей этической позиции как духовное обновление кастовой системы. Здесь тупик виден ясно.

III ВЗГЛЯДЫ НА ФИЛОСОФИЮ

Так что – не случайно – именно такое окончание периода эссе. В этом, конечно, важнейшая роль Э. Блоха. Противоречие: решающее – однако же без конкретизируемого влияния. Встреча в Будапеште. Исправление провала в первом разговоре.⁴¹ Хорошие

отношения. Мое впечатление: личность Блоха доказала возможность философии в классическом (а не в сегодняшнем эпигонском университетском) стиле, и тем самым это открылось также для меня в качестве жизненного пути. Но одновременно: итоговое содержание и развитие без какого-либо влиятельного воздействия [Блоха]. Подтверждено самим Б. спустя несколько лет после встречи. («Следы», [с.] 246).⁴² Уже здесь: отказ от любого – антропоморфного – завершения (также проблем) в очеловеченной природной действительности. Уже здесь очевидна программа «И. и к. с.». Конечно, это еще далеко не подлинный историзм М[аркса] («Оттеснение естественных границ»⁴³ как принцип развития). У Бл. в то время в центре нагурфил[ософ]ия.

Естественное следствие: при всей притягательности – всегда определенное разграничение с обеих сторон. И это – различным образом – оставалось всегда. Сомнительно, однако, нашел бы я без (воздействия) побуждения (его) Блоха путь к фил. (Но в сущности.) Конечно, посредством его толчка фил[ософ]ия возникла, никакого прямого или конкретного влияния. Уважение – именно философски – сильно дистанцировано. Как характер, личность – отсутствие границ (Бл. в ст[алинское] время,⁴⁴ сегодня). И именно там, где у Адорно: фил[ософ]ия компромисса, – у Бл. старый, классический тип. Первое впечатление: правильное. Внешнее проявление: поворот от эссе к эстетике. (Зимой 1911/12 во Флоренции:⁴⁵ первый набросок.) Примечательно, что очень медленное, богатое противоречиями и – часто – рецидивами развитие, тут же и совершенно неосознанно вытеснило логические и теоретико-познавательные соображения, заменив их онтологическими. Вариация к Канту: «Существуют произведения искусства – как [они] возможны?» Вместо формы суждения это попытка обращения к онтологии. (Ко-

нечно, мне кажется, что эта тенденция – пусть примитивно и искаженно – являлась основой уже в период эссе.)

С такими планами вместе с Бл. в Гейдельберг. То, что под его влиянием из онтологических оснований эстетического возникла его метафизическая критика⁴⁶ (тогдашний принцип люциферического), является для этого переходного времени характерным: только возвращение к М[арксу], формирование исторической картины мира в его смысле позволило обнаружить сохранение верных тенденций в этом фантастически ложном [подходе] направленного в правильную сторону ядра (конкретное своеобразие эстетического [коренится] в обществе-ом бытии). Только после преодоления «И. и к. с.» преобразование проявляется конкретно: собственная эстетика м[арксиз]ма (в противоречии с Плехановым и Мерингом).⁴⁷ Стало быть: восстановление исторической роли м-ма стало возможным. (Позднейший этап моего марксистского развития.)

Тогда до этого еще далеко. Концепция того времени еще чисто идеологическая. Естественно, что при этом последовательная борьба с пережитками феодальной идеологии (Ленин: прусский путь) стала отправной точкой именно вследствие развития отечественно-венгерской ситуации, и русская литература (прежде всего Толстой и Достоевский) всегда указывала направление пути. На этом фундаменте было, однако, невозможно достичь прочных, единых философских взглядов. С одной стороны (существуют произведения искусства) – имманентность, имманентное, чуждым масштабам не измеримое свойство искусства в качестве основы; острое отмежевание а) от простого наличного бытия, простой субъективной «переживаемости» – против современного субъективизма и натурализма, натурализм не первый шаг, не подготовка художественного реализма – но про-

тивоположность; б) неприятие любого «метафизирования» искусства – вроде Шопенгауэра. Кьеркегор: неприятие искусства в качестве жизненного принципа во имя постепенно, очень противоречиво конституирующейся этики. Против «искусства жизни» (уже в эссе). Теперь «люциферическое» такой «мироустановки» во имя этизируемой революции, которая должна привести к действительному «спасению» (метафизически первая формулировка очеловечивания человека).

Все это в некоторых, отчасти правильных утверждениях (гомогенное посредство качества в искусстве – дальнейшее развитие мыслей Л. Поппера) – абсолютная имманентность/внутренняя полнота всякого произведения искусства. Включение в более высокие взаимосвязи (теория жанра), методологически различно и не зависит от мыслительных абстракций (родовая сущность в науках). Пока род теоретико-познавательного устойчив, экземпляр занимает свое место, явление в искусстве (эпическое, драматическое и т. д.) – это всеобщность, определения которой преобразовываются в каждом подлинном осуществлении, не теряя при этом своей общей ценности (Шекспир и греки до Лессинга).

До тех пор, пока здесь находились новые, соответствующие материалу формы обобщения, определенная плодотворность – без радикального выхода за пределы мыслительного мира эссе. Действительно обобщенное на полностью ложных принципах (как раз люциферическое). То, что здесь соответствовало фактам, не могло быть развито в этой системе (жизненное бесплодие эстетики как жизненный принцип). Здесь я, стало быть, очутился в теоретическом тупике. Прямого выхода не было. Стало быть, в лучшем случае я стал бы «интересно»-эксцентричным приват-доцентом в Гейдельберге.

IV НА ПУТИ К СУДЬБОНОСНОМУ ПОВОРОТУ

Но двигало вперед не одно таким образом возникшее понимание: в связи с войной общество ставило радикально новые проблемы. Как затем оказалось: все это также не выводило за пределы неразрешимости основ. Однако постановкой для жизни совершенно иного рода вопросов обычная систематика бытия была разрушена, и вместе с тем — без того чтобы я сам уяснил бы значение перемены — общий поток понимания проблем подтолкнул в новом направлении. Само по себе это равным образом было тупиком теоретических противоречий. Однако же такого рода, что постоянно обостряющееся общественное положение сумело навязать мне новую точку зрения (отношение к венгерской идеологии до войны). Это была война. Она обнажила лживое, бесчеловечное в той статике, которая в то время грозила застыть во мне в систему: поскольку античеловечность как центральная движущая сила нашей жизни, еще не осознанная в моих первых философских конструкциях, получила здесь настолько доминирующий/всевластвующий облик, что духовной конфронтации невозможно было избежать. Все общественные силы, которые я ненавидел с ранней юности и которые стремился уничтожить духовно, объединились, чтобы начать первую, всеобщую и вместе с тем всеобщее безыдейную войну против мысли. А им.[енно:] не как [против] определенного момента жизни, но как [против] всеобщего определения жизни в ее экстенсивной и интенсивной тотальности. Больше уже невозможно было существовать рядом с этой новой действительностью жизни, как это было еще во времена старых войн. Она была всеобща: жизнь растворялась в ней, принимали ли это растворение или же отрицали.

С первого мгновения я был на стороне отрицателей: избыточная бесчеловечностью жизнь должна была быть принудительно навязанной всем нам, чтобы законсервировать в качестве центральных, всесторонне утвердившихся те жизненные силы, которые уже и прежде казались презренными в своей бесчеловечности. Моя родина, монархия Габсбургов, представлялась мне обычно людской бессмысленностью, предназначенной к гибели. Теперь свою собственную жизнь должно было устроить так, чтобы принять участие во всеобщей бойне, дабы сохранить эту преграду очеловечиванию посредством жесткого, бездушно-жесткого порядка германской империи. Должно было стать убийцами, преступниками, жертвами и т. д. лично, чтобы таким образом продлить этому существованию.

Когда я решительно отверг все это, мой радикализм не имел ничего общего с пацифистскими настроениями. Никогда не видел я в насилии как абстрактном насилии античеловечное зло само по себе. Без Марафона, без великого переселения народов, без 1789 и 1793 гг. все лучшее, все человеческое, что есть в современном человеке, никогда не смогло бы стать действительным. Не насилие вообще — насилие реакции, Вильгельма II и ему подобных, насилие как преграда очеловечиванию должно, если потребуется, то и насилием быть уничтожено. В то же время нужно было видеть, что западная форма капиталистической демократии не могла являться той противодействующей силой, которую нужно было здесь принять во внимание. Да: Жорес против Вильгельма II — это звучит почти разумно, но также и убийцы Жореса!⁴⁸ Дело Дрейфуса,⁴⁹ его замалчивание и т. д. велось куда более современными средствами, нежели те, которыми располагали режимы Гюгенцоллернов или Габсбургов. Но не остаются ли они, взятые сами по себе, точно такими же дурными и античеловечными?

Если я, стало быть, отвергал войну не в смысле пацифизма или западной демократии, но обращаясь в своем суждении о ней к фихтеанской «эпохе завершенной греховности», то тем самым я скорее хранил верность взглядам, разделяемым мною и по сей день, нежели чем [следовал] широко распространившимся тогда антиномиям жизни, поступков. Война, проявившаяся теперь как центральная негативная характеристика существующего: содержание этой ненависти: продолжение юношеского взгляда на феодальную Венгрию (влияние Ади). Перспектива изменилась лишь ввиду того, что теперь «революция» Толстого – Достоевского образовывала утопическую перспективу и вместе с тем нравственную меру.⁵⁰ Потому: обращение к Фихте не было следствием этого. Эта перспектива, однако, влияния не оказала: изображение самих явлений: в русле наук о духе. Левая этика вместе с правой теорией познания: характеристика достигнутого в этот период марксизма.

Теория романа как выражение этой эклектической философии истории.

Жизнь: оставаться вне. Ибо больший протест, чем «Т. р.», был невозможен для меня в то время. Сочувствие Жоресу и Либкнехту без малейшей возможности идти их путем.⁵¹ Гейдельберг: помощь Ясперса (в значительной мере вопреки его собственной позиции) не совсем удалась.⁵² Будапешт: не фронт; почтовый цензор; после года: освобождение [от службы] – назад в Гейдельберг.

В личной жизни вследствие войны: схожее замешательство. Е. Грабенко лето 1913 (подруга Балажа. Влюбленность + дружба. Два основания хороших – способных расторгнуться в любой момент – [отношений]).⁵³

Свободная литературская жизнь: соответствующее основание. Положение в Гейдельберге: свадьба необходима. Война. Е. Гр.: русская, единственная защита:

венгерское гражданство. Материальный базис: один год. Предсказуемо (даже в этой форме Е. считала это еще актуальной возможностью): ее роман с музыкантом. Жизнь втроем: проверка верности связи. Внутренний разрыв при брачных отношениях. Правильное решение: дружеский развод только после войны.*

Сколь бы дружеской ни была совместная жизнь во время войны, это было вместе с тем разложение той модернистской конструкции, с помощью которой мы одновременно по-человечески подлинно и «современно» старались найти основу нашей жизни. Когда после своего разрыва с музыкантом Лена посетила меня уже при диктатуре,⁵⁴ между нами возникла хотя и чуткая, однако не затрагивавшая собственно центральных проблем жизни дружба. Уважение и сочувствие, но без достигающего жизненного центра единства. Ее острый, прозорливый ум, ее способность ухватить сущность человека с одного взгляда — всегда ценил. (Б. Кун — Вотрен⁵⁵ и т. д.) Но центр жизни: обстоит иначе.

Оппозиция против войны: центр интереса сместился от эстетики к этике (доклад в Будапеште, весна 1917).⁵⁶ Круг в Будапеште⁵⁷ (со времен Блоха Гейдельберг почти полностью изолирован. В этих вопросах общность невозможна была даже с М[аксом] В[ебером]). Но и будапештский круг идеологически очень пестр: самое общее основание: Старая оппозиция (Ади, отношение к войне: очень сходное). Плавенство нравственности: Б. Б. [Бела Балаж] и война: по этическим соображениям (солидарность с людскими жертвами): сам на фронте. (На фоне — отвергнутое — приспособление; примирение с монархией Габсбургов.) Такие различия, однако, не являлись препятствием. Частное общество. Появление позднее в качестве Сво-

* Данный абзац в оригинале написан по-венгерски. — *Прим. перев.*

бодной школы наук о духе.⁵⁸ В созвучии с XX Század.⁵⁹ Значение переоценивается⁶⁰ — в силу роли, которую много позже Мангейм, а еще позже Хаузер [играли] в эмиграции).

Дома: решающий 17/18 год: отношение к русской революции. Собственный путь: противоречивая тяга с рецидивами возврата к старому: 1918 год К. П.

Жизнь: доклад 1918 года (этика: Гертруд), наше более раннее знакомство (рассказ Лены о встрече).⁶¹ 17/18: возникновение нового единства: неясно, но чувство, что наконец — впервые в моей жизни — любовь: дополнение, надежная жизненная основа (контроль мысли) — не противостояние. Непосредственный предмет беседы: вторично. Содержание всегда: действительно ли то, что я думаю и чувствую, существует, то есть выражается ли моя действительная индивидуальность (субъективно: подлинное, объективно: родовое). Этот контроль, который поначалу часто выражался просто в спонтанных жестах, словесных акцентах, медленно стал новым образом жизни: удвоенный перманентный контроль подлинности.⁶²

Не знаю, смог бы осуществиться внутренний переворот в моем мышлении (1917–1919) без помощи этого контроля. Не только потому что сейчас — впервые в жизни — мировоззренческое решение — изменение всего образа жизни, но потому, что одновременно с этим альтернативы мировоззрения совершенно другого рода. Прежде всего, этика (образ жизни) больше не запрещение всего, что собственно этика прокляла как греховное, от чего она держалась подальше, но динамическое равновесие практики, в которой греховное (в деталях) может стать порой неизбежной частью верных действий, порой же этическое ограничение (как общепризнанное) [может стать] препятствием действий правильных. Противоположность: не просто общие (этические) принципы *versus* практические требования конкретных действий. Это хотя

и общий фон, однако никогда строго закономерно. При позднейшем упадке (вплоть до бюрократизации) частый мотив: окостенение допустимого – в виде исключения – образа действия в общий руководящий принцип. (Очень часто у страшно механизированных бюрократов такие окостенения в качестве основы человеческого упадка. И с другой стороны, каждый раз уникальность выбора в кризисном положении может стать подоплекой циничного упадка.)

Естественно, в 1918/19 гг. все это было зримо только как отдаленно мерещившаяся перспектива горизонта, ни в коем случае не переживавшаяся людьми как конкретная дилемма, открывавшая основания и перспективы. (Хотя иногда позади решений по конкретным альтернативам проступавшая на горизонте.) Стало быть: именно потому, что решение непосредственно связано с трудными социальными последствиями, необходимостью обдумывания, дифференциацией индивидуальных намерений, следующий отсюда индивидуально-практически-теоретический образ действий крупнее, выше, чем в решениях до этого кризиса. Общественные моменты, естественно, ясны, прочны. Однако транспозиция в изменении индивидуальной жизни посредством таких определений.

Но даже это: непосредственное взаимодействие с индивидуальностью. Для меня: культура. Продолжение линии Ади. (Значение ложного решения в крестьянском вопросе⁶³ – признано позднее, в Вене.⁶⁴ Здесь важно: отсутствие действительного знания Ленина – это общая проблема эмиграции. Значение пребывания в Вене. Напротив культура: Л'а + действия + соответствующее продолжение линии Ади; удовлетворительно.)

Значение Г[ертруд] в этом переходе: впервые в жизни. Различие относительно прошлого (Ирма, Лена): моя линия всегда была тверда/отношения –

также и любовь — в рамках заданной линии развития. Теперь при любом решении сильная доля Г[ертруд] в нем: именно в человечески-личных положениях. Ее реакция на это часто имела решающее значение. Стало быть: не то, чтобы без нее я вообще не вышел бы на путь к коммунизму. Это было, как и прежде, задано моим развитием, но именно здесь очень сложные и весьма важные в своих последствиях личные нюансы всякого «как» могли бы развиваться без нее, конечно, совершенно иначе. И среди них многие из существеннейших в моей жизни.

Задолго до того, как между нами возникла духовная общность, эта непреодолимая потребность в гармонизации, эта потребность в ее одобрении была центральным вопросом наших отношений. С тех пор как я встретил Г., ее одобрение стало центральной проблемой моей личной жизни. И поскольку в духовных делах — не говоря уже об этических — она также обладала инстинктивной строгостью, порой встречающейся у женщин Г. Келлера, между нами в то время иногда случались моменты отчуждения. Однако от всех предыдущих мои отношения с ней отличались тем, что моменты эти были для меня нестерпимы. (Раньше расхождения, даже по важным человеческим вопросам, относились к очарованию отношений: мы были просто разными людьми, чья разность заключала в себе и взаимную притягательность.) Также и с Г. я не думаю о тенденции к идентификации. Чего-то подобного не было и без момента отклонения от фактов не могло осуществиться. Речь скорее шла о том, что мои духовные и практические стремления обращали меня к плодотворному (не только объективно практически правильному, но в то же время благоприятному для моего человеческого развития) рассмотрению всемирных событий сегодняшнего дня. Здесь новое положение разрасталось до появления качественного новшества: выбор между двумя мировыми си-

стемами. Никто — за исключением (в определенном смысле) Ленина — не признавал, что оба процесса в конце концов — со всемирно-исторической точки зрения — являются идентичными, то есть что общественное возникновение нового человека является фактическим синтезом всех отдельных устремлений, честным революционным разбирательством с новой действительностью. Хотя в [революционном] перевороте в Венгрии принимали участие многие, кто ранее принял относительно (на местном уровне) ведущее участие в русской рев[олюции]и, мои усилия составить что-то вроде картины о ней были напрасны. Все почитали «непогрешимого» политического вождя, и даже Б. К[ун] в одном личном разговоре с глазу на глаз сказал мне: он — при всем этом — все же считает, что [именно] Бухарин является подлинным теоретиком революции. Только в Вене у меня появилась возможность действительно познакомиться с Л[ениным], с большей ясностью представить себе значение его духовно-практически-морального облика.

При таких обстоятельствах в Будапеште, в судьбоносных решениях (вступить в коммунистическую партию или остаться на позициях «левых социалистов») [поведение Г.] — при всей ее скромной пассивности, выразившейся в том, что с этими вопросами она не разбиралась, — в конечном счете было решающим. В наших тогдашних разговорах, в отношениях ученых теоретиков не было, правда (именно в виду скромности уединенно-буржуазного образа жизни), пылко-энергичных споров. Если уклоняясь в (отвергающую) пассивность она, однако, говорила мне что-то вроде: это Вы должны понимать лучше, я этим едва ли занималась, и фактически пассивно относилась к моим отдельным поворотам, то в этом столь ясно чувствовалось человеческое неприятие, что я снова и снова бывал вынужден переходить к новым внутренним разбирательствам. Там же, где обнаруживалось ее

тихое и скромное одобрение, я получал от него еще более решительный импульс продолжать двигаться дальше. (То, что это воздействие на первом этапе: когда я принял решение вступить в коммунистическую партию, было экстенсивно сильнее, чем позднее, вытекало, прежде всего, из характера решений, которые должны были быть приняты. То, что при этом я обнаружил духовно-нравственное соприкосновение с моей старой идеологической атакой на пережитки венгерского феодализма, что я потому нашел и возможности благоприятного единения с этими демократическими тенденциями, без того, чтобы поэтому сблизиться с — уже тогда ненавидимым и презираемым — «либерализмом», было — даже если равным образом никогда ясно не выражено — важной составной частью нашей всевозрастающей гармонии.)

Становление коммунистом уже является самым большим поворотом, результатом развития в моей жизни. Там, где до сих пор в лучшем случае — как в изобразительном искусстве — была возможна шаткая идеологическая совместная работа,⁶⁵ возник союз, в котором происходила практическая подготовка диктатуры прол[етариат]а, осуществление требований демократических реформ, оснований реализации в области культуры дикт[ату]ры прол[етариат]а. Расширение поля деятельности: прежде всего при проведении образовательной реформы. Смести все пережитки феодализма: сама собой разумеющаяся предпосылка реформ. Тем самым не только вовлечь в это дело самые широкие массы, но и определить конкретные переходные формы. Тем самым обеспечивается а) широкое массовое участие, б) соединение с революционным прошлым, из которого происходит и социализм: не инородный, не «импортный», в) его исторический характер, d) антибюрократизм: во имя развития — никакого «официального» искусства (группа Кашшака).⁶⁶

Эта позиция была чужда: а) рядовым коммунистам, б) социал-демократам. Считался радикальным коммунистом — не имея ничего общего с их догматизмом. Потому реформы в области культуры поддерживались мало, пробивались неофициально. (Социал-демократические народные комиссары безразличны к реформам.) Именно поэтому для меня здесь: соединение со старыми радикальными устремлениями масс. Концентрация на области культуры. Непонимание ошибок. Аграрный вопрос: даже я часто сталкивался с этим (коротко о Военном комиссариате),⁶⁷ решающее значение было понято лишь в Вене.

V ГОДЫ УЧЕНИЯ. УРОКИ ЖИЗНИ И МЫСЛИ

После падения: Корвин и я (догадка о Куне), нелегальная работа, бегство в Вену.⁶⁸ Разбирательство с ленинским учением. Для меня: подлинное изучение Маркса. Философия М.: неприятие всякого ревизионизма (Кант и т. д.): Гегель. Это направление: единое философское основание мар[ксизм]а (не нужно никаких «дополнений»). Революция как сущностный момент м[арксизм]а. Отсюда в то время: ультралевый: радикализм, продолжение ноябрьских дней.⁶⁹ Застой революционного движения мной внутренне не признан, надежда оживить его посредством «действий». В то же время подозрения по отношению к бюрократическому догматизму Коминтерна (Зиновьев — Кун считался его учеником и сторонником).⁷⁰ Журнал: *Kommunismus* (Признание л'ской критики).⁷¹

Венгерский кризис.⁷² Отношение к Ландлеру. Теоретическая важность «незначительных» оснований [?]/партийного раскола. Внимание от «великих»

вопросов (их существование только как необходимое требование) к реальным вопросам движения — здесь: действие революционизирует. Политика приучала к образу действия (важность реальности) — теоретическая двойная жизнь: пример мартовской акции (1921)⁷³ *versus* венгерская политика. Ее растущее значение. ВСПП — республика — демократическая диктатура.⁷⁴ (И то и другое еще переплетается в «Ист. и класс. сознание».)⁷⁵

Весной 1920 года Гертруд в Вене. Жила с детьми у сестры в Хюттельдорфе, я временно в Вене. Только в свободные дни вместе; лишь позже: я также в Хюттельдорфе. Тем самым ее жизненный уклад (семья, трое детей) господствует также и надо мной.⁷⁶ Участие в воспитании (вместе с ней): каждодневно нужно разбираться с определенными человеческими проблемами. Такого рода жизнь была невозможна для меня — теперь Г[ертруд] а) никаких помех концентрации на работе, никакого «погружения» в повседневные заботы, изоляция, б) совместные ужины как общение с детьми. Знакомство с их проблемами, попытки ответить на них (этика, многое в новом свете). Г[ертруд]. Единство терпимости и нетерпимости; широкая человеческая терпимость при ненависти ко всему низкому. Новая точка зрения: против этики типа кантовской; не меньшая строгость к выбору альтернатив, но преодоление содержащихся в ней тенденций к основанной на абстракции бесчеловечности: тем самым новое для меня непосредственное отношение к проблемам детства (вполне свободное обсуждение).

Все это, естественно, лишь малая часть, только предпосылка гармонии с Г. Ее резкое развитие в Вене, «притирка» к соратникам по борьбе (Габор, Лендел),⁷⁷ чтение М[аркса], новичком [не была] никогда, сразу же — в центре экономики. Неслыханно скоро: накопление (Люксембург — Бауэр — Бухарин). Уже при этом: близость в важнейших теоретических вопросах.

Хотя при прохождении этого пути она придерживается своей особой позиции – провал при попытке сделать нормальный синтез, характер индивидуального «приключения» остается:⁷⁸ (а) не пошла в Институт Варги,⁷⁹ нажить рутину и оставить позади, б) даже в ее заметках[?] по экономике сохраняется индивидуальность). Я зачастую: дилетантская поделка – на самом деле: живое/существенное для жизни овладение важнейшими взаимосвязями – без потребности сообщения всем методологически упорядоченной научной систематизации (отношение к Ферко, безболезненный отказ от собственного творчества: воплощение в сыне).⁸⁰

Таким образом, экономика была основой все более широкого постижения ею мира, общественной реальности, не субъективизируя ее и в то же время не обобщая на основе оценок отдельных индивидуальных явлений. Так контроль, который ее существование и мышление осуществляли в моем отношении, становился все более интенсивным. Хотя в некоторых важных предметных дискуссиях она именно вследствие ее превосходного понимания экономики оказывалась права – не это было существенным (в противном случае между нами была бы лишь вдохновляющая дружба). В действительности: чем больше онтологизировалось, часто бессознательно, мое мышление, тем важнее становилась подлинность исходной точки и позиция (мимесис ни в коем случае не фотографичен): это нечто действительно существующее: включает в себе подлинность субъективного импульса (через ложь – никогда не достичь бытия). Таким образом акцент: первое проявление часто в пока еще только становящейся языковой форме. Здесь: важность подлинности. Но и это человечески живо: отвержение не обязательно является знаком абсолютной негативности, но часто проникновением ложных (неподлинных) оттенков в первое восприятие. Исправление –

вновь с ее [Гертурд] помощью – возможно. Вместе с тем: равный интерес (равная критика) к тотальному изложению (последнее формировалось постепенно, больше в «Эстетике» и важнее, существеннее, чем в «И. и кл.»). Важно для целого: метод и содержание венгерских фракционных боев. Ландлер: другой счастливый случай на этом переходе. Личность. Политическое влияние на меня. Вновь: живая взаимосвязь между единичным и всеобщим. Реальность как принцип (лозунг республики вслед за Ландлером).⁸¹ Все вместе: в фил[ософ]ии: стремление к тотальности: всеобщее, которое – исторически (стало быть: в действительности) – несет в то же время черты единичности.

Тем самым точка, где теория, политика и история обнаруживаются как способ проявления одного и того же движущегося бытия. Теория и история: общая тенденция, что большинство людей (или же решающий их пласт) совершит (направление действия). На политику на таком основании как на направление, интенсивность и т. д. этих предсказуемых действий можно оказывать влияние как количественно, так и качественно. Во всех случаях из *post festum* установленных процессов – выводы о будущем. Это невозможно чисто научным путем; только при условии, что господствующие силы в осознании *post festum* могут быть экстраполированы на будущие условия. Это – до 100 % – является принципиально невозможным: исторические изменения – всегда в то же время (хотя также конкретно часто едва различимые) являются и структурными изменениями (изменение людей как основа) и тем самым также содержательными изменениями. Выводы из установленных *post festum* процессов (которые поэтому вовсе не должны быть с необходимостью познаны в их подлинной причинности) вмещают всегда также изменения содержания этих процессов; по отношению к общей тенденции – индивидуальные отклонения. Важно: пропорция.

Таким образом, правильность в теории, истории и политике вырастает из индивидуальной позиции, однако через нее идет дальше в направлении бытия. (Отвержение неподлинности, однако и подлинность не дает никакой гарантии для правильности позиции.) Таким образом, новый взгляд на действительность: постепенное преодоление старых (ориентированных на теорию познания) позиций. Это переориентация в духовном отношении: развитие 20-х годов. Решающее: жизнь с Г. — пробный камень: венгерская политика. Это же в борьбе с общими (абстрактными) сектантскими тенденциями: «Ист. и кл. созн.» все еще помесь. Важно однако: радикализм (ультралевый) есть продолжение марксистской линии: поставленные (современным обществом) проблемы здесь неразрешимы. Ленин: это открыто обнаружилось в 1914 году.⁸² Ослабление острого революционного напряжения еще не доказывает, что это основание больше не работает. Это — теоретический фундамент для оппозиции зиновьевской политике в Коминтерне. (Назад к просто буржуазной — только в теории революционной — политике: основа моей оппозиции.)⁸³

VI ПЕРВЫЕ ПРОРЫВЫ

Исходный пункт практически: республика или советская республика — перспектива для Венгрии.⁸⁴ Первое: истинная дилемма: неизбежность практического и принципиального выступления против основ эпохи Хорти. Второе может быть общей перспективой, признанной, однако без неотъемлемого обязательства к действию. Оппозиция бюрократизации: подобные перспективы, из которых может быть «дедуцирован» любой образ действий, утратили

свою — как субъективную так и объективную — подлинность. Это — негативно — «Ист. и кл. созн.»: отрицание существования «диалектики природы» (в то же время модель для понимания воздействия экономики): «Ист. и кл. созн.» — попытка освободить основоположения [Notwendigkeiten] мира для подлинного действия. В той мере, в какой при этом имел место быть радикальный поворот в политическом образе действия, «Тезисы Блюма» означали завершение этой тенденции.⁸⁵ Будучи написанными для II Конгресса КПВ,⁸⁶ своей сутью они имели то, что столь глубокий кризис хортистской системы открывает революционные перспективы, социальным содержанием которых являлась бы не диктатура пролетариата, но то, что Л. в 1905 году [назвал] «демократической диктатурой рабочих и крестьян». (Осторожно: напр. VI Конгресс К. И.⁸⁷ и прочие оценки) — скандал. Период следствий (мое политическое уничтожение; Мануильский в Берлине.⁸⁸ Распад фракции Ландлера. Реваи о Тезисах).⁸⁹ Двойственный эффект: политический: уничтожающее поражение. Опасность исключения из К. И. Судьба Корша. Бессилие в период фашистского кризиса.⁹⁰ С другой стороны: толчок к более высокому развитию теории, к ее действенности. Эта двойственность: первое [политическое воздействие] отбросить, второе [идеологическое воздействие] развить. Причина реакции на период следствий; здесь несомненно: намерение и возможность Куна меня уничтожить (заткнуть рот). Все остальное только избегание этого (локализация) без ясности: насколько истинны *de facto* были надежды (теоретическая перспектива).

Принцип: период следствий может быть биологически неизбежен (напр., рак сегодня).⁹¹ Общественно: тенденция с очень высокими негативными вероятностями. Вопрос лишь: поддаются ли они — в пределах определенных границ — влиянию (Л. III Конгресс:⁹² нет безвыходного положения). В этом случае: объектив-

ный оптимум: вопрос остается внутренним вопросом венгерской партии. (Объективно: именно здесь максимум практической безнадежности.) Если я, стало быть, хотел спасти свою будущую (очень изменившуюся, больше не непосредственно политическую, но по существу идеологическую) активность, тогда: попытка ограничения неизбежной критики вопросами венгерской партии; не как возникшего в Венгрии направления с всеобщими теоретическими амбициями. Следовательно: безоговорочная капитуляция по венгерской линии (практически, в любом случае, без всякой перспективы): тогда больше никакого интереса для Куна форсировать дело в Коминтерне – тем более: новые вопросы (вопросы власти). Для меня: исчезновение из венгерского движения: забвение там делает продолжение, разрастание и т. д. критики излишним. Облегчение обстановки. Так критика «Тезисов Блюма» постепенно отмерла. После низвержения Куна в 1935 (VII Конгресс),⁹³ сделавшего сотрудничество с Венгрией вновь возможным, [критика] канула в забвение.

Позитивно: еще раз осмыслить «Ист. и кл. созн.». Результат: там важен не антиматериализм, но доведение до конца историзма в м., тем самым и универсальность м[арксизм]а как философии: фил[ософски]е дебаты (анти-Деборин).⁹⁴ Против плехановской и меринговской «ортодоксии»: равным образом обе они в той мере являлись ревизионистскими, в какой м[арксиз]м – напр. в области эстетики – «дополнялся» буржуазной философией.

Здесь союз с Лифшицем. Дискуссия вокруг Зиккингена⁹⁵ (он – юность М.):⁹⁶ эстетика – органическая часть м-ской теории, возникшая исключительно из ее положений относительно действительности. Стало быть: универсальность м-ской теории (30-е годы: «Литкритик» – важное литературно-теоретическое направление; анти-РАПП,⁹⁷ антимодернизм и т. д.). Затем у меня: тенденция к универсальной (в конечном

счете единой, но при этом очень дифференцированной) онтологии как действительному фил[ософском]у основанию м[арксиз]ма.

Стало быть: именно через философское единство м-ской теории путь к ее универсальности. Тем самым в новой связи: старая тенденция: направление на продвижение к онтологии. Продуманная до конца старая теоретико-познавательная постановка вопроса: «существует... как возможно» звучит как: «существует... в результате каких исторических закономерностей возникло?» Что было и есть реальная функция в ходе исторического развертывания общественного бытия?

Только отсюда: противоположность теории познания и онтологии – выключение любой идеалистической постановки вопроса. Если для М. идеология ≠ ложное сознание (правильнее: теоретико-познавательно найденное), но является ответом на обусловленные экономикой вопросы бытия – то все происходит как форма развития самого бытия. Осуществимо только в том случае, [если] (немецкая идеология) существует универсальное основание: история.* Так называемая диалектика природы больше не является (отклоненной в «Ист. и кл. созн.») параллелью к диалектике в обществе, но ее предысторией.

При появлении программа отнюдь не была ясно продумана. Предварительно – ограничиваясь эстетикой – лишь попытка обоснования того, что м-ская теория общественного развития в то же время является теорией возникновения, развертывания, действия (!?!), сущности эстетического; так – бытийно – существует; может (при понимании) соответствующе развиваться, но никогда этим нельзя манипулировать. В то же время против «модернизма» и сталинских манипуляций.

* Осуществимо только тогда, когда (см. Н. И.) история является общим основанием (в оригинале по-венгерски).

VII РАЗРАСТАНИЕ ОБЛАСТИ КОНФЛИКТА

Непосредственно: на переднем плане общественный генезис как проясняющая тенденция сущности и ценности: значение мимесиса в этой связи; телеологическая установка как ее продолжение, смысл партийности в мимесисе (повседневность).

При переходе к другим областям (начало: «Молодой Гегель»)⁹⁸ вопрос формально еще ограничен «научно»: показать, что тончайшие мыслительные реакции философии на мир в конечном итоге возникают из соответствующих обобщений первичных жизненных реакций (на экономический предметный круг). Потому уже у Г.: требование генезиса как общего метода в истории мысли на переднем плане (генезис здесь больше, чем просто возникновение, чем только сознание). «Разрушение разума»⁹⁹ вновь является социальной историей типичного извращения мысли. Отсюда: дальше к универсальности истории. Сущностное познание и историческое познание: глубочайшая конвергенция (родовая сущность исторически). Искусство как родовая сущность (перманентное воспроизведение трагического в истории идеологий): самосознание универсальной историчности. Вместе с тем уже тогда: универсальная оппозиция против сталинской идеологии, не ограниченная эстетикой. (Конечно, большая часть — как Гегель — в то время не могла быть опубликована.*

Примечательно: эта изоляция («Литкритик» прекратил свое существование,¹⁰⁰ Инт. литература часто очень проблематична)¹⁰¹ после VII Конгресса Комин-

* В венгерском издании указано, что этот и последующий абзацы зачеркнуты.

терна: венгерские возможности: тенденции народно-го фронта также и в московской литературе – тенденции к правильной оценке духовных направлений внутри хортистского режима и идеологической защиты от фашизма.¹⁰² Возможность марксистской формы обновления старых демократических тенденций (Ади),¹⁰³ критика спора между «урбанистической» (буржуазно-демократической) и «народной» (крестьянско-демократической) тенденциями; продолжение оппозиции против феодальных пережитков позволяет увидеть нетождественность демократии и простой буржуазности¹⁰⁴ как реальную дифференциацию сил между [...].* Разрастание поля деятельности: разрастание конфликта происходит почти незаметно, еще отнюдь не как прямой и осознанный поворот против сталинской системы, хотя ее бюрократическая узость и закостенелость все яснее проявлялись в ходе полемики (статья: «Народный трибун или бюрократ»)¹⁰⁵ – начало: ленинская дифференциация против ст-ского механического единства. Точно также: все больший выход на передний план энг-ской «победы реализма» – против управления идеологией «сверху». В искусстве – для искусства – даже и не существует подобной абсолютной управляемости: не намерение, замысел писателя (которые могут быть жестко отрегулированы) являются решающими, но изображение, подвластное «победе реализма». Идеология, стало быть, может – по большей части косвенно – влиять на способы поведения.

Это основа: исследование генезиса, мимесиса – вследствие этого: что? как? [Посредством] генезиса мимесиса «победа реализма» теряет всякий иррационалистический оттенок: здесь прорывается сама правда истории. Вопрос генезиса: за пределами литературы: общая идеология: Гегель и французская револю-

* Нерасшифрованный фрагмент.

ция (конкретнее: и капиталистическая экономика).¹⁰⁶ Действительное учение об идеологии: идеология (марк-ское определение): кульминация (антагонистического) воздействия экономики на жизнь, образ действия, сознательность людей: единый исторический процесс: истина дела: внутреннее единение индивидуального и исторического развития людей. Значение эпохи Гёте – Гегеля. Уже Бальзак: только прелюдия к м-ской философии. Позднейшее развитие – вплоть до «Разрушения разума».

Противоречия острее: Фил[ософски]е работы больше не выходят. (Как и литература. Конец «Лит. критика»).

Период великого кадрового истребления. Позиция (параллель: Блох).¹⁰⁷ Удача в годы катастроф (α) Бухарин – Радек 1930; (β) венгерское движение, (γ) Квартира. И все же удача в 1941.¹⁰⁸

Внутренняя неравномерность этого времени: период больших процессов – и в то же время VII Конгресс Коминтерна: народный фронт. Сосуществование великих противоречий (даже внутреннее переплетение). Объективно: начало разрешения периода кризиса.

Возможности. Венгерское (VII Конгресс). Анализ демократического движения. (Для народной демократии – критика либерализма). Критика «Тезисов Блюма» исчезла.

Лично: не без трудностей (2 ареста).¹⁰⁹ Несмотря на это: по-человечески самое гармоничное: отношение с Г. Не «приукрашивание», ничего из «оптимизма». Однако ощущение: не только приближение к (собственно подразумеваемому) правильному пути: м[аркси]зм как историческая онтология, но в то же время: перспективы – идеологически – суметь воплотить что-то из этих тенденций.

[VIII] ПОПЫТКИ РЕАЛИЗАЦИИ НА РОДИНЕ

Возвращение с надеждами.¹¹⁰ Их основания (весьма эфемерные): тактика Ракоши и Гере.¹¹¹ Это сделало возможным многолетнюю принципиальную и успешную пропаганду демократического перехода. (В силу их идеологической неразборчивости – свобода для меня). Хорошие следствия для устройства жизни: возвращение на родину в подлинном смысле (хотя – причины объективны – мало старых друзей и товарищей; Гертруд: правда с меньшим количеством поверхностных связей для совместной работы).

И все же возвращение на родину. Вновь: ведь Г. также со мной. Очень важно: связи и дискуссии. Первые ученики. Обретение себя в педагогической деятельности¹¹² (влияние Г.). Характер семинаров: официальные мнения (тогда не решающие). Так постепенно: многообещающая молодежь. Уровень все выше – жизненные основания этого: Г., преподавание (семинар). Возможность на основании, конечно, сильно изменившихся, но имеющих прочную основу принципов: соединиться с тенденциями молодежи (м-изм: качественное изменение, но не разрыв в развитии, как у многих). Многие интеллектуалы признают (субъективно) истинность *моего* м-изма, не просто заучивают или перенимают. Отсюда – возможность плодотворного диалога. Хорошие отношения с наиболее значительными: Дери и Ийеш.¹¹³

Терпели (молчали): важны только социально-политические союзы (то есть согласование с К. П.). Отдельные акции etc. здесь: отношение к литературным проблемам: терпеть. Тогда даже дискуссии – при должной осторожности – возможны.

Хотя в политической жизни (напр. аграрный вопрос, распределение земли) я уже мог заметить тенденции антидемократического характера, я все же верил в прочность разрешенной мне — из тактических соображений — культурной политики. Даже действительный поворотный пункт (объединение рабочих партий) не стал тогда для меня настоящим предупреждением¹¹⁴ (донос Реваи на мои статьи о Рудаше).¹¹⁵ Начало дела Райка: отчетливый поворот к сталинской эпохе процессов (почему еще хуже?).¹¹⁶ Дискуссия определена этими обстоятельствами: стремление: суметь избежать, не стать жертвой периода Райка. (Заблуждение.¹¹⁷ Понятно.) Отступление. Остаюсь просто идеологом — но отныне только лично, не в соответствии с функцией). Никакой социальной задачи. Академия: совместная работа с Фогараши; он в качестве посредника. Тем самым полная свобода для моей особы: даже неприятие официальных течений возможно.¹¹⁸

[IX] «ЛИШЬ ИДЕОЛОГ»

Двуединое развитие (единодушие: Г.) а) все более решительная оппозиция против системы Ракоши, все более ясное понимание того, что надо установить связь с более ранними тенденциями к демократизации Венгрии, б) вместе с тем: точно так, как до сих пор против Ракоши, теперь также и против всех тех, кто ищет обновления во введении буржуазной демократии. Потому самостоятельная (даже изолированная) позиция по отношению к тогдашней оппозиции. Мало что ожидал от Имре Надя.¹¹⁹ Во время краткого первого руководства¹²⁰ — даже никакой свя-

зи с ним (отсутствие программы).¹²¹ Это же и после XX съезда.¹²² — Уже первое проявление: существенное: не «культ личности». (Эти принципы, как стало ясно позднее, также и при коллективном [руководстве] могут оставаться действительными.) Важно: разрыв с (автократически) тактически направленным проведением внутренней и внешней политики. Принципы м-ма: демократическое преобразование производства (внутренняя взаимосвязь между качественным производством и демократизацией). Ка[питал]изм действителен в определенных рыночных тенденциях, там где невозможно централизованное управление всем производством. Но было бы иллюзией: [думать], что такие рыночные моменты могли бы привести соц. производство на правильный, демократический путь.

Таким образом, положение ясно: против Ракоши, против иллюзий [возможности] отдельной имманентной «реформы» его режима, против буржуазно-либеральной реформистской тенденции (распространенной также и в непосредственном окружении Имре Надя. Резкий прыжок к этому также и ортодоксальных ракошистов. Надь: нет программы. Так что позиция чисто идеологическая. Это требования XX съезда, постулируемые перед общественным мнением, тем самым возникает настроение воплотить их также и политически.

Эта позиция сохраняется в течение всего периода Надя.¹²³ Никакого сближения, только в позднейшие ноябрьские дни:¹²⁴ ведь у него ([благодаря] его популярности) [была] сила удержать спонтанное (очень неоднородное) движение все же в социалистических рамках. Потому, напр., участвовал и даже принял [предложение стать] министром — чтобы с помощью этого суметь содействовать. Попытка реорганизации партии (Донат — Санто).¹²⁵ Захвачен событиями. Вопрос вины¹²⁶ (отсутствие перспективы программы).

Потому в конце большая уступка: Варшавский договор.¹²⁷

Югосл. посольство: жестокая ошибка.¹²⁸ Период последствий; сохранение позиции оказывается выходом. Возвращение на родину (отношения с партией), легкая добыча сектантов.¹²⁹ Сохранение линии. В зарубежных публикациях (дома невозможно): продолжение и конкретизация критики Сталина. Только позитивный взгляд на экономическую реформу: изменение положения.¹³⁰ (Позитивное = возможность демократии и возвращения к м-изму). Тем самым — несмотря на принятие в партию (детали)¹³¹ — возможность: наряду с общей поддержкой (непоследовательно проведенных) тенденций: полемика против непрерывности. Это сохраняется — хотя и в другом выражении. (Сегодня Optativus вместо Indikativus). Уже относительно выразившаяся тенденция к демократизации как подтверждение тенденции (как тенденции со всеми препятствиями и затруднениями) в качестве основания: не оппозиция, но реформа. Однако функция этой реформы: основные вопросы демократии: действительное решение. Постоянно повторяющийся пример: профсоюзы, Ленин *versus* Троцкий. (Безучастность или стихийная забастовка. Польша как символическая опасность для всех народных демократий.)¹³² Тем самым всюду проблема: переход к действительной соц[иалистической] демократии (демократии повседневной *жизни*) или перманентный кризис. Сегодня еще не решено (ключевое значение: С[овесткий] С[оюз]).¹³³ Это перспектива будущего мира — именно потому, что кап-изм: знамения начинающегося кризиса. (Ст-ский¹³⁴ приоритет тактики: запутывает подлинные проблемы, отдаляет от решения: Арабия, Израиль.)¹³⁵

Обе великие системы: кризис, значение подлинного марксизма как единственного выхода. Потому в соц. странах: Марксова идеология как критика су-

ществующего, как требование станов[ящихся] все более необходимыми реформ.

Субъективно: попытка сформулировать принципы м-ской онтологии:¹³⁶ *важнейшее положение* для этой цели (автобиография, субъективное дополнение, иллюстрация, обоснование etc.). Разумеется: индивидуально-человеческие предпосылки для правильного выражения онтологических проблем. Потому: конвергенция: родовая сущность человека как решение великой проблемы времени (индивидуальность как следствие все более прозрачного социального отношения отдельного индивида к обществу. Видимость имманентности; действительно: родовая сущность). Субъективные тенденции автобиографии (в развитии) к практическому воплощению собственной родовой сущности (= *действительное* раскрытие индивидуальности).

Здесь глубочайшая истина м-изма: становление человека человеком как содержание исторического процесса, которое воплощается — очень разнообразно — в каждой отдельной человеческой жизни. Таким образом, каждый отдельный человек — неважно насколько сознательно — является активным фактором в общем процессе, продуктом которого он в то же время выступает: приближение к родовой сущности в индивидуальной жизни есть реальная конвергенция двух неразрывных реальных путей развития. Направление и результат: направление (роль индивидуального решения; исторически + (неразрывно с этим) глубочайшим образом лично). Результат. Дарование: также не просто «данное». Отношение направления — решающее, для того чтобы подлинное дарование смогло раскрыться. Образ жизни как борьба (подлинной!) любознательности и тщеславия — тщеславие как основной порок: приколачивает людей к партикулярному (чувство разочарования как остановка на уровне партикулярности).

НАБРОСОК НА ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ ЛИСТЕ^{137*}

1. Психология начала. Последние гимназические годы. (Нордау – статьи) Kerr Magyar Szle. (Венгерское обозрение). Подоплёка!?! Драммы Хальбе.

2. «Талия». Конец драмы. Учеба. Немецкое образование (Кант – история литературы).

3. Книга о драме. Душа и формы. Отношения с Nyugat и ХХ. Szazad. Ади. Бела Балаж.

4. От войны до революции. Борьба идеализма и марксизма. Диктатура (случайные элементы): новые отношения: венгерская действительность, венгерская жизнь.

5. Изгнание в Вене. Интернациональное сектантство – Венгерская действительность. Ландлер. Венгерская социалистическая рабочая партия. «Тезисы Блюма».

6. Московский поворот. Маркс и литература. Берлин. Москва («Лит. критик»).

7. «Uj Hang». Выбор: венгерский.

8. 1945–1949.

9. После дебатов с Рудашем. Новое значение интернационализма.

КОММЕНТАРИИ

¹ Речь идет о влиянии, которое оказал на юного Лукача своим независимым поведением в консервативном венгерском обществе отец его друга, писатель Элек Бенедек (см. ниже).

² В письме Г. Зиммеля, у которого Лукач учился в Берлинском университете, Марианне Вебер от 14 августа 1914 г. нашли отражение принципиальные разногла-

* Далее текст на венгерском.

сия Зиммеля и Лукача, касающиеся их отношения к начавшейся мировой войне (см. подробно ниже). Письмо опубликовано: *Buch des Denkens an Georg Simmel*. Berlin, 1958. S. 133.

³ Лукач здесь откликнулся с указанием конкретной страницы (вероятно, в желании высказаться по затронутой теме) на первую свою интеллектуальную биографию, изданную на Западе: *Zitta Victor. Georg Lukacs's Marxism, Alienation, Dialectics, Revolution*. The Hague, 1964.

⁴ Лукач здесь и далее с указанием определенных страниц упоминает хранившееся в его домашней библиотеке немецкое издание книги Виктора Сержа, с некоторыми положениями которой он, вероятно, собирался полемизировать в автобиографии. См.: *Serge Victor. Beruf: Revolutionär*. Frankfurt/M., S. Fischer Verlag, 1967.

⁵ Известная марка сигарет, получившая широкую популярность во Франции во время Второй мировой войны в среде Сопротивления, а в послевоенное время у многих видных деятелей искусства (напр. Пикассо, Сартра, Камю и др.). Можно предположить, что в этом фрагменте Лукач, задумывавший автобиографию в том числе и в контексте прояснения того, как жизнь индивида связана с жизнью общества, упоминает эту марку в связи со своим стремлением выступить против тенденции общественной жизни, когда личность — напр. Сартр — воспринимается не как проводник какого-то более широкого общественного содержания, но как просто индивид со всеми его частными привычками, что приводит как раз к желанию, например, курить такие же сигареты, так же одеваться, так же говорить. То есть против своего рода фетишизма, искусственно создаваемого общественной жизнью.

⁶ Лукач вспоминает здесь шутку времен его детства, проведенного в элитной буржуазной среде Будапешта: если евреям удастся создать свое государство в Палестине, именно отец Лукача был бы наилучшим кандидатом на то, чтобы стать консулом в Будапеште.

⁷ См. об этом в первом интервью.

⁸ Лукач вспоминает здесь посещение в детстве с родителями картинной галереи, где его внимание обратили на батальное полотно.

⁹ См. подробнее интервью.

¹⁰ Лукач в интервью рассказывает о том, как он учился читать, делая домашние уроки вместе с братом.

¹¹ Ссылка на сентиментальное детское произведение итальянского писателя Эдмондо де Амичиса «Сердце», пользовавшееся популярностью в конце XIX в.

¹² О своих детских литературных пристрастиях Лукач говорит в первом интервью.

¹³ Речь идет об адаптации пьес Шекспира для детей, издании, выполненном Чарльзом и Мэри Лэмб.

¹⁴ Имеется в виду, очевидно, неприятие эстетических установок на идеализацию, проявившееся у Лукача уже в детстве.

¹⁵ Согласно венгерским комментаторам «Прожитых мыслей», речь идет о том, что юный Лукач в гимназические годы оказывал помощь более слабым ученикам в переводе сложных текстов.

¹⁶ О влиянии на юного Лукача книги М. Нордау «Вырождение» с критикой современной европейской культуры см. подробнее в интервью и комментариях к ним.

¹⁷ Речь идет о писателе Элеке Бенедেকে, друге юного Лукача Марцеле Бенедেকে (см. ниже).

¹⁸ Лукач говорит в данном случае о себе.

¹⁹ Лукач говорит здесь о своем юношеском дебюте в качестве театрального критика в 17-летнем возрасте, о попытке заступиться за вызвавшую сильное неприятие общественного мнения пьесу Ш. Броди. Он касается и своего будущего разрыва с Броди, связанного с нежеланием откликнуться на произведение Д. С. Мержковского «Леонардо да Винчи» (подробно см. в интервью).

²⁰ В интервью Лукач подробно рассказывает о своей деятельности в качестве одного из основателей и руководителей театрального общества «Талия», основанного в 1904 г.

²¹ Лукач имеет в виду сильное влияние на молодежь, стоявшую у истоков общества «Талия», крупного актера старшей генерации Имре Петеша.

²² О своих друзьях молодых лет Л. Баноци, Л. Поппере Лукач подробно говорит в интервью.

²³ В семестре 1905–1906 гг. молодой Лукач в Берлинском университете слушал курс лекций философа Г. Зиммеля.

²⁴ Лукач с иронией воспринял цикл лекций влиятельного в то время немецкого литературоведа, издателя и комментатора произведений Гёте Эрика Шмидта (1853–1913) о цвете глаз героини Гёте Лотты. Слова «наука, не стоящая изучения» – очевидная реминисценция с ранней книгой видного венгерского (и, подобно Лукачу, много работавшего в германском культурном пространстве) литературоведа и критика, одного из основателей журнала «Nyugat» Лайоша Хатваня (1880–1961): Die Wissenschaft des nicht Wissenswerten. Ein Kollegienheft. Leipzig, 1908.

²⁵ В интервью Лукач говорит об огромном впечатлении, которое произвел на него сборник стихов поэта Эндре Ади.

²⁶ Герои произведений Г. Ибсена.

²⁷ Речь идет о первой большой работе Лукача «История развития современной драмы». Первое издание: A modern dráma fejlődésének története. Budapest, 1911.

²⁸ Работа «История развития современной драмы» получила престижную премию венгерского литературного общества Кишфалуди.

²⁹ Рецензия Гёзы Фелеки на «Историю развития современной драмы» была опубликована в журнале «Nyugat» в 1912 г. № 21. 699–702.о.

³⁰ Речь идет о предложении отца, чтобы Лукач сделал ставку на политическую карьеру в рядах партии во главе с Иштваном Тисой, сочетавшей политический консерватизм с приверженностью принципам переживавшего к этому времени кризис австро-венгерского дуализма (в противовес венгерским националистам, взявшим курс на разрыв соглашения с Веной, итогом которого явилась трансформация в 1867 г. Австрийской империи в двуединую Австро-Венгерскую монархию).

³¹ Речь идет о Венгерской советской республике 1919 г.

³² Лукач, вероятнее всего, сделал эту помету, чтобы упомянуть в мемуарах об обстоятельствах гибели брата, ставшего жертвой Холокоста в 1944 г.

³³ О своих отношениях с матерью, в том числе в последние годы ее жизни, Лукач подробнее говорит в интервью.

³⁴ Речь идет о сборнике юношеских эссе Лукача, вышедшем в 1910–1911 гг. как на венгерском, так и на немецком языках. Первое венгерское издание: A lélek és

formák. Kísérletek. Budapest, 1910. См. русскоязычное издание: 2006.

³⁵ Лукач вспоминает здесь свое выступление на кружке молодых будапештских интеллектуалов (Кружок Галилея), в котором он откликнулся на выставку картин художника Кароя Кернштока, работавшего в русле постимпрессионизма. Показательно название публикации, подготовленной по итогам лекции: «Пути разошлись». Впервые опубликовано в журнале «Nyugat» в 1910 г. I, 190–193.о.

³⁶ Духовный конфликт, пережитый Сёренем Кьеркегором в связи с его отношениями с возлюбленной Региной Ольсен и оказавший огромное влияние на его дальнейшие философские, этические искания, нашел отражение в одном из эссе Лукача, включенном в сборник «Душа и формы» (по-русски см.: Лукач Георг фон. Распадение формы от соударения с жизнью: Серен Кьеркегор и Регина Ольсен // Георг фон Лукач. Душа и формы. М., 2006. С. 74–90).

³⁷ Близкая подруга Лукача художница Ирма Зайдлер покончила жизнь самоубийством в 1911 г.

³⁸ Лукач имеет здесь в виду ровные, бесконфликтные и в то же время духовно насыщенные отношения своего друга философа Белы Залаи со своей партнершей по жизни фотохудожницей Ольгой Мате, близкой приятельницей и Лукача, в доме которой (уже после смерти Залаи) он укрывался около месяца после поражения Венгерской советской республики 1919 г.

³⁹ Лукач говорит здесь о своих отношениях с Ирмой Зайдлер.

⁴⁰ Эссе Лукача, впервые опубликованное в журнале «A Szellem» («Дух») в 1911 г. (№ 2).

⁴¹ О знакомстве и своих последующих длительных взаимоотношениях с Э. Блохом, а также о своем отношении к нему как к философу Лукач подробно говорит в интервью.

⁴² См.: *Bloch Ernst. Spuren. Frankfurt/M., 1977. S. 240.*

⁴³ Лукач имеет в виду слова Маркса из первого тома «Капитала»: «Благоприятные естественные условия обеспечивают всегда лишь возможность прибавочного труда, но отнюдь не создают сами по себе действительного прибавочного труда, а, следовательно, и прибавочной стоимости или прибавочного продукта. Различные естественные

условия труда приводят к тому, что то же самое количество труда удовлетворяет в различных странах неодинаковые массы потребностей, следовательно к тому, что при прочих равных условиях необходимое рабочее время оказывается различным. На прибавочный труд они влияют лишь как естественная граница, то есть определяют лишь тот пункт, за пределами которого может начаться работа на других. Эта естественная граница отодвигается назад в той мере, в какой прогрессирует промышленность». [In demselben Maß, worin die Industrie vortritt, weicht diese Naturschranke zurück] // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М., 1960. С. 523. К этой теме Лукач также обращается в своей «Онтологии общественного бытия», напр.: «Маркс чрезвычайно ясно постиг это единое бытие (человека) как процесс, постоянно говоря о том, что процесс становления человека приводит к оттеснению (Zurückweichen) его природных границ» // Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М., 1991. С. 41

⁴⁴ Э. Блох после 1933 г. жил в эмиграции на Западе. Для его позиции в сталинский период было характерно то, что, не будучи участником коммунистического движения, он вместе с тем отказался осудить большие московские процессы 1936–1938 гг., поскольку это вело бы, по его мнению, к ослаблению единого антифашистского фронта (позиция, близкая Лукачу).

⁴⁵ Зимой 1911/12 гг. Лукач провел во Флоренции, продолжая оставаться в сильной депрессии, вызванной осознанием собственной косвенной причастности к самоубийству близкой подруги, Ирмы Зайдлер. Это нашло отражение как в его эссеистике, так и в посмертно опубликованном дневнике: *Napló – Tagebuch (1910–1911)*. *Das Gericht (1913)* / Ed. by F. L. Lendvai. Budapest, 1981.

⁴⁶ Лукач имеет здесь в виду свои духовные искания, нашедшие отражение в незаконченных, посмертно опубликованных набросках по эстетике: *Heidelberger Philosophie der Kunst (1912–1914)*. Luchterhand, Darmstadt und Neuwied, 1974.

⁴⁷ Лукач в интервью говорит о своем рано сложившемся неприятии попыток Меринга построить марксистскую эстетику на неокантианском и попыток Плеханова построить ее на позитивистском фундаменте.

⁴⁸ Видный деятель французского социалистического движения Жан Жорес, последовательный антимилитарист, пытавшийся в условиях острого июльского международного кризиса предотвратить войну, пал 31 июля 1914 г. от руки убийцы, французского националиста.

⁴⁹ Дело Дрейфуса – вызвавший огромный всеевропейский резонанс судебный процесс в декабре 1894 г. во Франции. Обвинения в шпионаже в пользу Германии были предъявлены офицеру французского генштаба Альфреду Дрейфусу, еврею родом из в то время принадлежавшего Германии Эльзаса, что придало делу не только националистический, но и антисемитский оттенок. Позже Дрейфус был оправдан.

⁵⁰ Круг идей, который в контексте интереса Лукача к русской литературе нашел более законченное выражение в его известной работе «Теория романа» (1916; первое книжное издание – 1920. См. подробнее ниже).

⁵¹ Речь идет о французском и немецком политиках-социалистах, решительно выступивших против войны, в том числе с парламентской трибуны.

⁵² Речь идет о получении Лукачем медицинской справки, освобождающей его от призыва в действующую армию (см. ниже).

⁵³ Лукач женился в 1913 г. в Гейдельберге на русской политэмигрантке (близкой к эсерам) художнице Елене Грабенко – сам этот его выбор может быть лучше понят в контексте интереса молодого Лукача к проблематике и образам романов Достоевского. Хотя совместная жизнь вскоре распадается (при сохранении хороших отношений), пара не оформила в условиях войны развод, поскольку лишение Елены венгерского гражданства, полученного при замужестве, автоматически вело бы к ее интернированию как подданной враждебной, находившейся в состоянии войны с Германией и Австро-Венгрией державы.

⁵⁴ В период Венгерской советской республики 1919 г.

⁵⁵ Сравнение главной фигуры Венгерской советской республики с героем Бальзака, беглым каторжником.

⁵⁶ Лекция о духе по проблемам этики с рассмотрением моральных дилемм, возникших в условиях войны, была прочитана Лукачем в мае 1917 г. в Свободной школе наук в Будапеште (см. подробнее в интервью).

⁵⁷ Имеется в виду Воскресное общество, кружок молодых будапештских интеллектуалов, сложившийся в основном вокруг Лукача, игравшего роль духовного лидера. Из этой среды вышел ряд интеллектуалов, получивших международную известность, в том числе К. Манхейм, А. Хазуер, Б. Балаж. См. из литературы: *Novák Z. A Vasárnapi Társaság. Budapest, 1979; Vasárnapi Kör. Dokumentumok / Szerk. Karádi É., Vezér E. Budapest, 1980.*

⁵⁸ Лекторий для будапештской интеллигенции (1917–1918 гг.), в деятельности которого принимали активное участие Д. Лукач и молодые интеллектуалы его круга.

⁵⁹ Влиятельный в Венгрии первых двух десятилетий XX в. общественно-научный журнал позитивистского (а в политическом плане леволиберального) направления под редакцией Оскара Яси.

⁶⁰ Речь идет о Воскресном обществе.

⁶¹ Подробнее см. интервью. Лукач, очевидно, вспоминает здесь свою лекцию о духе по этике в Воскресной школе наук, среди слушателей которой была и его будущая спутница жизни Гертруд Бортштибер.

⁶² Здесь и далее Лукач пытается передать характер своих духовных взаимоотношений с Гертруд Бортштибер, начавших складываться с 1918 г.

⁶³ Речь идет об аграрной политике Венгерской советской республики 1919 г., оттолкнувшей крестьянство попытками обобществления земельной собственности.

⁶⁴ Лукач говорит об осмыслении венгерской коммунистической политэмиграцией в Вене уроков коммунистического эксперимента 1919 г.

⁶⁵ Лукач скорее всего имеет в виду свое сближение на рубеже 1900–1910-х годов с сообществом приверженных новейшим исканиям художников на платформе неприятия импрессионистской эстетики.

⁶⁶ О своих отношениях с некоторыми деятелями пролетарского искусства и революционного авангарда, претендовавшими на особое положение в культурной жизни Венгерской советской республики 1919 г., Лукач говорит в интервью (см. ниже).

⁶⁷ См. подробнее интервью.

⁶⁸ Лукач в интервью рассказывает о том, как после поражения Венгерской советской республики по инициативе Белы Куна он и О. Корвин (лица, находившиеся не

в лучших отношениях с Куном) были оставлены в Будапеште для ведения нелегальной партийной работы. Корвин в результате был схвачен и казнен, тогда как Лукач сумел выехать в Вену.

⁶⁹ Речь скорее всего идет о событиях ноября 1918 г., революционной атмосфере, сложившейся после краха Австро-Венгерской монархии и свержения власти Габсбургов, когда и Лукач после некоторых колебаний занял леворадикальные позиции и вступил в основанную в те недели компартию.

⁷⁰ Первый конгресс Коммунистического Интернационала, положивший начало деятельности этой международной организации, состоялся в Москве в марте 1919 г. Председателем Исполкома Коминтерна был избран Г. Е. Зиновьев, возглавлявший Коминтерн до 1926 г.

⁷¹ Статья Лукача «К вопросу о парламентаризме», в которой фактически отрицались с ультралевых позиций парламентские методы борьбы рабочего класса, была опубликована в 1920 г. в венском журнале «Kommunismus». Была раскритикована В. И. Лениным (В. И. Ленин. Полное собр. соч. Т. 41. С. 135.). См. сборники статей Лукача 1918–1924 гг., отражающих его политическую позицию (опубликованы под редакцией Ф. Бензелера и Й. Камллера в издательстве «Luchterhand», Darmstadt-Neuwied, в серии: Politische Aufsätze): Taktik und Ethik (1918–1920) (1975); Revolution und Gegenrevolution (1920–1921) (1976); Organisation und Illusion (1921–1924) (1977). См. также на русском языке сборник Д. Лукача «Политические тексты» (М., 2006), подготовленный С. Н. Земляным.

⁷² Лукач имеет в виду кризис в венгерском коммунистическом движении 1920-х годов, особенно проявившийся в венской эмиграции (подробнее см. в интервью). Главные разногласия касались тактики и методов движения. Лукач тяготел к фракции Е. Ландлера, более умеренной в сравнении с фракцией Б. Куна и в большей мере учитывавшей реалии хортистской Венгрии, при этом делавшей главную ставку на внутренние венгерские силы, а не политэмигрантские круги.

⁷³ Речь идет о заключительном аккорде революционных событий, охвативших Германию после поражения в Первой мировой войне. Мартовские волнения 1921 г. в ряде областей Германии завершились жестоким подавлени-

ем восставших масс полицией и внутренними войсками, около 150 человек погибло, состоялись массовые аресты.

⁷⁴ Речь идет о лозунгах, занимавших ключевое положение в политической программе фракции Ландлера в венгерской компартии. Под ВСРП имеется в виду так называемая Венгерская социалистическая рабочая партия, полулегальный проект, существовавший в хортистской Венгрии в 1925–1928 гг., в условиях так называемой бетленовской консолидации, связанной с именем премьер-министра И. Бетлена. Предоставлял находившейся в подполье компартии некоторые возможности влияния на венгерский пролетариат.

⁷⁵ Книга Лукача «История и классовое сознание», получившая большой международный резонанс и раскритикованная в рамках мирового коммунистического движения, была опубликована в 1923 г.

⁷⁶ Речь идет о пасынках Лукача – детях Гертруд от первого брака Лайоше Яноши (будущем крупном ученом-физике) и Ференце Яноши (будущем экономисте), а также об общей дочери Лукача и Гертруд Анне, родившейся уже в Вене. В интервью Лукач подробнее говорит о своей семейной жизни в 1920-е годы.

⁷⁷ Речь идет, очевидно, о Дюле Ленделе и писателе Андоре Габоре.

⁷⁸ Лукач, очевидно, имеет здесь в виду попытки своей жены, глубоко погружившейся в политэкономия марксизма, создать в этой области серьезный синтетический труд.

⁷⁹ Соратник Лукача по Венгерской советской республике 1919 г., один из руководителей ее экономической политики Е. Варга с 1920-х годов делал в СССР карьеру как экономист, в 1927–1947 гг. возглавлял научный институт мирового хозяйства и мировой политики, в результате преобразования которого позже возник институт мировой экономики и международных отношений АН СССР. Учитывая корректные отношения Лукача и Варги, речь может идти о представившейся Гертруд возможности по приезду в СССР стать научным сотрудником этого института.

⁸⁰ Не состоявшись сама как ученый-экономист, Гертруд связывала надежды на реализацию на этом поприще своего сына Ференца, который действительно стал профессиональным и довольно квалифицированным экономистом.

⁸¹ Подробнее о политическом влиянии на него Е. Ландлера Лукач говорит в интервью.

⁸² Речь идет о развязывании мировой войны вследствие неразрешимости социальных противоречий, порожденных капитализмом.

⁸³ Подробнее о своем отношении к линии Коминтерна в 1920-е годы Лукач говорит в интервью.

⁸⁴ Речь идет о тактических лозунгах венгерской компартии в конкретных условиях 1920-х годов.

⁸⁵ Приходу Лукача в Институт Маркса — Энгельса в Москве в 1930 г. предшествовала его серьезная неудача на партийно-политическом поприще, связанная с провалом так называемых «Тезисов Блюма». В сентябре 1928 г. функционировавший в эмиграции, главным образом в Вене, ЦК подпольной компартии Венгрии поручил Лукачу разработать программу действий партии (ее должен был принять готовившийся съезд партии). Проект программы был им представлен на суд партийного руководства в 1929 г. Он получил условное наименование «Тезисы Блюма» (такова была в то время партийная кличка Лукача). Как комментировал Лукач впоследствии, в 1967 г., свою позицию 1929 г., «даже в случае столь глубокого кризиса, какой переживал режим Хорти, кризиса, который создает объективные условия основополагающего переворота, для Венгрии невозможен (был) прямой переход к республике Советов. Легальный лозунг республики следует поэтому конкретизировать в духе Ленина, ориентируясь на то, что он назвал в 1905 году демократической диктатурой рабочих и крестьян. Для большинства сегодня трудно понять, насколько парадоксальным казался тогда этот лозунг. Хотя VI Конгресс Коминтерна (1928 г. — А. С.) упомянул эту возможность как возможность установления демократической диктатуры, общепринятым было мнение, что поскольку в Венгрии в 1919 году уже существовала Советская республика, шаг назад является исторически невозможным» (предисловие 1967 г. к новому немецкому изданию книги «История и классовое сознание»: Neuwied, Berlin: Luchterhand, 1968. Цит. по русскому изданию книги: Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике / Пер. с нем. и вступ. статья С. Земляного. М., 2003. С. 89). Программа Лукача, осуществление кото-

рой было немыслимо без союза коммунистов с широким спектром демократических сил в борьбе против правоавторитарного хортистского режима, в некоторой мере ориентировала венгерское коммунистическое движение на преодоление наиболее одиозных сектантских крайностей его прежней политической практики. В это время, однако, в Коминтерне набирала силу кампания борьбы с «правой опасностью», что и предопределило судьбу документа. В венгерской компартии, по позднему выражению Лукача, «разразился великий скандал». Очень влиятельный в структурах Коминтерна Бела Кун, всегда относившийся к Лукачу как к «буржуазному» интеллектуалу, обманном путем проникшему в компартию, усмотрел в «Тезисах Блюма» чистейший оппортунизм и начал подготавливать исключение Лукача из партии. Со своей стороны более умеренная фракция скончавшегося незадолго до этого Е. Ландлера, к которой принадлежал Лукач, не проявила склонности, опасаясь удара, заступиться за него. Как отмечалось в Открытом письме Президиума Исполкома Коминтерна к членам венгерской компартии, тов. Блюм «видит основные задачи партии не в борьбе против демократических иллюзий, а в борьбе против „нигилизма“ в отношении буржуазной демократии». Превознося буржуазную демократию как «лучшую почву борьбы» за социализм, он фактически соскальзывает на позиции социал-демократии. Как говорилось далее в Открытом письме, «всякая иллюзия относительно возможности демократизации венгерского фашизма» не имеет ничего общего с большевизмом и должна рассматриваться как оппортунистическое искажение основной линии партии, это означает, что главный огонь своей критики партия должна концентрировать на антиленинской, ликвидаторской платформе Блюма; блюмовское понимание перспектив венгерской революции является центром «правой опасности» в партии. См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 3. Д. 170. Л. 195–196, 103, 85–86. Для того чтобы избежать исключения из партии, Лукачу пришлось выступить с формальной самокритикой. Как он писал позже, «хотя я и был уже тогда крепко убежден в правильности моей точки зрения, но знал также, например, по судьбе Карла Корша, что тогда исключение из партии

означало невозможность активного участия в борьбе против поднимающегося фашизма. Как „входной билет“, обеспечивающий допуск к такой деятельности, я и написал эту „самокритику“» (*Лукач Г. История и классовое сознание. С. 89*). В 1949–1950 гг. в ходе международной кампании критики Лукача на «Тезисы Блюма» неоднократно ссылались его оппоненты, пытавшиеся выявить прямую взаимосвязь между этим документом и более поздними (также признанными правоуклонистскими) воззрениями Лукача на «реальную демократию» и пути продвижения послевоенной Венгрии к социализму. В конце июня 1956 г. в институте истории партии при ЦК Венгерской партии трудящихся состоялась с участием Лукача дискуссия о «тезисах Блюма», их месте в истории венгерского коммунистического движения; прежние жесткие обвинения в адрес Лукача были признаны несправедливыми, оценена позитивная роль тезисов 1929 г. в борьбе с сектантством (материалы дискуссии см.: *Lukács György. Curriculum vitae. Вр., 1982. 171–226.о.*). Сам Лукач в своих поздних выступлениях (в том числе в беседах с учениками – И. Эрши и др.) отмечал нацеленность «тезисов Блюма» на поиски более реалистической программы действий венгерской компартии в конкретно-исторической обстановке конца 1920-х годов. Он не отрицал также определенной роли этих тезисов в собственной духовной эволюции от ультралевого утопического мессианизма начала 1920-х годов к иной концепции социализма, акцентирующей его демократическое содержание. Вместе с тем поздний Лукач не склонен был считать тезисы 1929 г. как «все еще теоретически важный документ» (*Лукач Г. История и классовое сознание. С. 89*).

В вышеупомянутом предисловии 1967 г. Лукач отмечал, что неудача с «Тезисами Блюма» заставила его усомниться в целесообразности продолжения партийно-политической карьеры и перенести центр тяжести своей деятельности на науку. Приехав в самом конце 1929 г. из Вены в Москву, он стал сотрудником ИМЭ.

Из литературы о «Тезисах Блюма» см.: *Lackó M. Lukács György «Blum-tézisei» // Sziget és külvilág. Válogatott tanulmányok. Вр., 1996.*

⁸⁶ Состоялся в 1930 г. в Апрелевке под Москвой уже без участия раскритикованного Лукача.

⁸⁷ Состоялся в июле–сентябре 1928 г., не открыв новых перспектив для венгерского коммунистического движения, пронизанного сектантской идеологией.

⁸⁸ В Берлине состоялось заседание руководства венгерской компартии с участием члена Президиума Исполкома Коминтерна Д. З. Мануильского, который говорил о том, что в компартии Венгрии получили развитие ликвидаторские, правооппортунистические тенденции, противоречащие линии VI Конгресса Коминтерна. Лукач не был на этом заседании – он нелегально находился в это время в Будапеште с партийным заданием. См. подробнее интервью с Лукачем.

⁸⁹ Один из ведущих идеологов венгерской компартии Йозеф Ревай (1898–1959), принадлежавший в 1920-е годы к той же фракции компартии, что и Лукач, в своем письме к наиболее влиятельному в структурах Коминтерна венгерскому коммунисту Беле Куну дистанцировался от «Тезисов Блюма» и вместе с тем расценил их как обобщение реального опыта венгерского коммунистического движения в 1920-е годы. О позиции Ревай и – шире – о взаимоотношениях с ним Лукача см. в интервью Лукача.

⁹⁰ Известный философ-марксист Карл Корш (1886–1961), раскритикованный идеологами Коминтерна за на шумевшую книгу 1923 г. «Марксизм и философия», был исключен в 1926 г. из компартии Германии. См. подробнее о его месте в интеллектуальной жизни Германии 1920-х годов: *Дмитриев А. Н.* Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя франкфуртская школа. 1920–1930 гг. СПб.; М., 2004. Свою принципиальную позицию Лукач выразил в интервью британскому изданию «New Left Review», опубликованном уже после его смерти (в номере за июль – август 1971 г.): «Только в рядах коммунистического движения я мог действительно бороться с фашизмом. Этого мнения я придерживаюсь и сейчас». Ср. с афористическим высказыванием Лукача в другом интервью: «Right or wrong – it is my party».

⁹¹ Лукач был болен раком в последние годы жизни.

⁹² Речь идет о критике Лениным ультралевых сектантских тенденций в мировом коммунистическом движении. III Конгресс Коминтерна состоялся в июне–июле 1921 г. В нем участвовал и Лукач, впервые посетивший Москву.

⁹³ VII Конгресс Коминтерна (25 июля–20 августа 1935 г.) отверг пагубную для коммунистического движения сектантскую тактику Белы Куна, сделав ставку на политику широкого народного фронта в целях сплочения всех антифашистских сил.

⁹⁴ Видный философ-марксист, последователь Г. В. Плеханова А. М. Деборин, во второй половине 1920-х годов редактировавший журнал «Под знаменем марксизма» и возглавлявший институт философии Коммунистической академии, в 1930–1931 гг. стал объектом критики в рамках кампании против «меньшевистствующего идеализма». Лукач, в это время работавший в Москве в Институте Маркса – Энгельса, с одной стороны, и сам принимал участие в критике Деборина, а с другой, подвергался новой критике в связи с совсем незабытой книгой «История и классовое сознание».

⁹⁵ Речь идет о работе Лукача «Маркс и Энгельс в полемике с Лассалем по поводу „Зикингена“» (1932), впервые опубликованной в серии «Литературное наследство» (Том «Маркс и Энгельс о литературе»).

⁹⁶ См.: *Лифшиц М. А. Эстетические взгляды Маркса* // Литературная энциклопедия. М., 1932. Т. 6.

⁹⁷ РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) – в конце 1920-х годов головной отряд Всесоюзного объединения ассоциаций пролетарских писателей. Первая из ассоциаций пролетарских писателей, Всероссийская ассоциация пролетарских писателей (ВАПП), оформилась на 1-м Всероссийском съезде пролетарских писателей в Москве в октябре 1920 г. На протяжении 1920-х годов структура движения пролетарских писателей в СССР постоянно видоизменялась, как и его программно-эстетические установки. Вместе с тем в деятельности РАППа проявились сильные сектантские тенденции, в его среде получили широкое распространение вульгаризаторские представления о творческом процессе (для успешного решения художественных задач достаточно якобы овладеть передовым мировоззрением). Критика РАППа отличалась нетерпимостью к идейным оппонентам, третировала крупных мастеров художественного слова, не овладевших «пролетарским мировоззрением». Сектантство РАППа оказалось препятствием для культурной политики СССР в ее стремлении поставить всех писателей (не только

пролетарских) на службу формирующемуся сталинскому режиму, подчинить их решению конъюнктурных политических задач (таких как, например, воспевание «свободного труда» работников Беломорканала). В постановлении ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» отмечалась нецелесообразность сохранения в новых условиях пролетарских писательских ассоциаций. В 1932 г. РАПП был распущен. В 1934 г. создан Союз писателей СССР.

⁹⁸ Работу над своей большой монографией «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества», впервые опубликованной в 1948 г., Лукач начал в 1930-е годы в Москве.

⁹⁹ Большая работа Лукача, опубликованная в 1954 г.

¹⁰⁰ Журнал был закрыт в начале 1941 г. Этому предшествовала дискуссия вокруг книги Лукача «К истории реализма» (1939), в ходе которой его представления о соотношении мировоззрения и художественного метода были подвергнуты критике с позиций сталинской ортодоксии.

¹⁰¹ «Internationale Literatur» — немецкоязычное издание выходившего в Москве в 1930-е годы журнала «Интернациональная литература». Проблемы, о которых идет речь, связаны с тем, что после заключения в августе 1939 г. Пакта между СССР и нацистской Германией были резко ограничены возможности антифашистской пропаганды в СССР. В начале 1941 г. Лукач вместе с группой немецких писателей-коммунистов (И. Бехером, Э. Вайнертом и др.) посетил Иностранную комиссию Союза советских писателей. Как докладывал потом в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) зампред (и фактический руководитель) Иностранной комиссии М. Я. Аплетин, Лукач изложил «политические основания для сохранения всех имевшихся до сих пор возможностей издания произведений немецких писателей на немецком языке». Дело не только в том, говорил Лукач, что ограничение издания в СССР произведений немецких писателей-антифашистов дает пищу англо-американской антисоветской пропаганде. Поскольку «общее политическое положение» может измениться, немецкие писатели-антифашисты, по его мнению, должны находиться в состоянии полной боевой готовности. Возрастет и политическое значение про-

сачивания в Германию литературы, изданной в СССР. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 68. Л. 62–63.

¹⁰² Во второй половине 1930-х годов, особенно после ареста в 1937 г. своего главного политического недруга Бельи Куна, Лукач предпринял осторожные шаги по сближению с венгерской компартией. Под «московской литературой» подразумевается издававшийся в 1938–1941 гг. под идейным руководством Й. Реваи журнал венгерской коммунистической эмиграции «Új Hang» («Новый голос»). Своему сотрудничеству с этим журналом Лукач придавал особенно большое значение после заключения пакта Молотова – Риббентропа в августе 1939 г., поскольку в сложившихся условиях было проще разоблачать фашистскую идеологию и политические тенденции на венгерском материале, чем на немецком.

¹⁰³ Статья 1939 г., посвященная творчеству великого венгерского поэта Эндре Ади (1877–1919), опубликована в переводе В. Середы и на русском языке: Ади, великий лирик венгерской трагедии // Писатели Венгрии. Очерки. Статьи. Эссе. М., 1989.

¹⁰⁴ См. в этой связи статью Д. Лукача конца 1930-х годов : Ответственность пишущих (заметки о книге Дюлы Ийеша «Венгры») // Антифашизм – наш стиль. М., 1971.

¹⁰⁵ См.: *Lukács G. Volkstribun oder Bürokrat. I–II // Internationale Literatur (January–February, March 1940).* Статья выдержала немало переизданий. На английском языке см. в сборнике работ Лукача: *Essays on Realism.* London, 1980.

¹⁰⁶ Круг проблем, нашедший отражение в работе «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества».

¹⁰⁷ Как отмечалось выше, друг Лукача известный философ Эрнст Блох, живший после 1933 г. в эмиграции в США, воздержался от критики больших московских судебных процессов 1936–1938 гг., руководствуясь логикой, близкой лукачевской: нельзя ослаблять позиции СССР как главной антифашистской силы. В этом контексте представляет интерес переписка Лукача и Блоха. См.: *Ernst Bloch und Georg Lukács. Dokumente. Zum 100 Geburtstag.* Hrsg. M. Mesterházi, Gy. Mezei. Budapest, 1984.

¹⁰⁸ О том, что позволило ему избежать гибели в период массовых репрессий в СССР в конце 1930-х годов,

Лукач говорил Эрши в ходе их бесед, прокомментировав, что имеет в виду под «удачей».

¹⁰⁹ Лукач был арестован один раз, в конце июня 1941 г., через несколько дней после нападения Германии на СССР, и провел два месяца во внутренней тюрьме на Лубянке. Материалы следствия по его делу см.: Беседы на Лубянке. Следственное дело Дердя Лукача. Материалы к биографии / Редакторы-составители и авторы комментариев В. Середа и А. Стыкалин (при участии А. Дмитриева, Я. Рокитянского, Р. Мюллера). 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. Вторым арестом условно можно считать его задержание советскими спецслужбами 18 ноября 1956 г. в Будапеште после выхода из югославского посольства, где он укрылся с женой Гертруд с началом советской военной акции 4 ноября в условиях глубокого внутривластного кризиса в Венгрии. После нескольких дней пребывания в советской военной комендатуре он был депортирован в Румынию, где находился до апреля 1957 г. Подробнее см.: *Стыкалин А. С. Дьердь Лукач – мыслитель и политик.* М., 2001. См. также интервью Лукача в настоящем издании.

¹¹⁰ Лукач вернулся в Будапешт 31 августа 1945 г. Его сопровождали члены семьи: жена Гертруд и дочь Анна. Ференц Яноши вернулся через год. Старший сын Гертруд известный физик Лайош Яноши не был с ними в московской эмиграции. Получив образование в Вене и Берлине, он в 1930-е годы выехал в Англию, работал в Манчестере, затем в Дублине (Ирландия), вернулся в Венгрию с семьей в 1950 г., когда ему была предоставлена собственная лаборатория в системе Венгерской академии наук.

¹¹¹ Речь идет о пропагандируемой лидерами венгерской компартии примерно до лета 1948 г. (до полного захвата ими власти в стране) тактики широкого народного фронта антифашистских демократических сил с выдвижением лозунгов длительного мирного перехода к социализму. Это находилось в созвучии с представлениями Лукача. Отказ от этой тактики привел к конфликту Лукача, остававшегося верным своим принципам, и лидеров компартии (с лета 1948 г. Венгерской партии трудящихся) и резкой критике Лукача в 1949 г. (см. также интервью).

¹¹² Сразу после возвращения в Будапешт Лукач получил возможность преподавания в Будапештском универ-

ситете. Консервативная старая профессура, продолжавшая доминировать на гуманитарных кафедрах, создавала препятствия для проникновения марксистских интеллектуалов в стены университета, однако на Лукача это распространялось в меньшей мере в силу международной известности многих его работ.

¹¹³ Речь идет о хороших отношениях Лукача с крупными венгерскими писателями Тибором Дери и Дюлой Ййешем (см. также интервью).

¹¹⁴ Речь идет о событиях июня 1948 г. Объединение коммунистов и социал-демократов в венгерскую партию трудящихся сопровождалось вытеснением тех представителей социал-демократии, которые противились объединению на основе принятия тогдашней коммунистической платформы. Лукач, таким образом, акцентирует внимание на недемократическом характере произошедшего объединения.

¹¹⁵ Речь идет о том, что главный идеолог венгерской компартии Й. Реваи заранее предупредил в 1949 г. Лукача о готовившейся кампании с критикой как его политических взглядов (длительный союз всех сил социалистической ориентации), так и эстетических концепций (ориентация на классическое наследие, критика незрелой продукции, выполненной по канонам социалистического реализма). Начало критике Лукача положило выступление Л. Рудаша. Подробнее см. интервью Лукача.

¹¹⁶ Сопровождавшийся сфальсифицированными обвинениями показательный судебный процесс по делу видного деятеля венгерской компартии Ласло Райка (сентябрь 1949 г.) напоминал по своему сценарию большие московские процессы 1936–1938 гг. При этом его восприятие в мире было еще менее благоприятным для СССР. В 1930-е годы многими политическими и интеллектуальными кругами на Западе осознавалась роль СССР в борьбе с нацизмом, что заглушало критику сталинских политических методов. В 1949 г. процесс Райка и аналогичные судебные процессы в других странах, направленные на отлучение титовской Югославии от коммунистического движения и сплочение на этой основе других компартий, были восприняты в мире прежде всего как опасный знак перенесения сталинских методов на страны советской сферы влияния в Восточной Европе и попытка подлить

масла в огонь холодной войны (показательно в этой связи прозвучавшее в устах видного деятеля югославской компартии М. Пьяде, то есть данное в рамках мирового коммунистического движения, определение сталинского СССР как страны, экспортирующей виселицы). См. также в интервью конкретизацию позиции Лукача.

¹¹⁷ Лукач дает здесь объяснение своего компромисса — выработанной им самокритики в связи с прозвучавшими нападками. Под своим тогдашним заблуждением он имеет в виду свои представления о реально существовавшей для него угрозе. В реальности репрессии в Венгрии почти не распространились на выходцев из московской политэмиграции. См. подробнее интервью и комментарии к ним.

¹¹⁸ В 1948 г. Лукач был избран в Венгерскую академию наук. Через год Академия была подвергнута насильственной реорганизации, из нее было удалено большое количество ученых, оппозиционно настроенных к диктатуре Ракоши. Что касается Лукача, ему была предоставлена возможность сосредоточиться на научной работе в области эстетики и истории философии.

¹¹⁹ Имре Надь, возглавив правительство Венгрии в конце июня 1953 г., провозгласил новый курс, предполагавший снижение темпов индустриализации, корректировку экономических планов в интересах более активного развития производства предметов потребления, отказ от насильственной коллективизации на селе и разрешение выхода крестьян из кооперативов, предоставление ограниченного простора частнособственнической инициативе в торговле и сфере обслуживания. Центральным пунктом политических реформ была активизация общественных организаций в рамках Отечественного народного фронта при сохранении ведущей роли правящей партии.

¹²⁰ Имре Надь был премьер-министром с июня 1953 г. по апрель 1955 г., когда был вынужден уйти с этого поста и выведен из высших партийных органов в связи с обвинениями в правом уклонизме. Второй, еще гораздо более краткий период его пребывания во главе правительства пришелся на время бурных событий октября—ноября 1956 г.

¹²¹ Речь идет об отсутствии у Имре Надя продуманной программы реформ (подробнее Лукач излагает свою позицию в интервью).

¹²² Состоялся 14–25 февраля 1956 г.

¹²³ То есть пребывания И. Нады во главе правительства в 1953–1955 г. (см. выше).

¹²⁴ Речь идет о событиях начала ноября 1956 г., когда Лукач в условиях мощнейшего социального взрыва, в течение считанных дней разрушившего прежний режим, согласился включиться в политическую жизнь в качестве министра в новом правительстве И. Нады (фактически так и не успевшего приступить к своим обязанностям) и члена руководства создаваемой на новой, реформаторской основе марксистской партии – венгерской социалистической рабочей.

¹²⁵ О попытках реорганизации марксистской партии в конце октября – начале ноября 1956 г. после того, как правящая ВПТ фактически самораспустилась, см. в интервью Лукача.

¹²⁶ Речь идет о вине прежнего руководства во главе с Ракоши за массовые нарушения законности.

¹²⁷ Лукач в начале ноября 1956 г. оказался в меньшинстве, когда на заседании руководства новой ВСРП, в которое входил и премьер-министр И. Надь, дебатировался вопрос о выходе Венгрии из Варшавского договора в знак протеста против нелегитимного ввода на территорию страны новых советских войск. Подробнее см. интервью.

¹²⁸ Лукач говорит о своем (с Гертруд) укрытии в югославском посольстве рано утром 4 ноября 1956 г. с приходом в Будапешт советских войск в целях свержения действующего правительства (см. подробно об этом периоде его жизни в интервью).

¹²⁹ Лукач после нескольких месяцев пребывания в Румынии в качестве интернированного получил возможность вернуться в Венгрию в апреле 1957 г. Вскоре после этого он становится жертвой развязанной антиревизионистской кампании, инициированной сверху (подробнее см. интервью).

¹³⁰ Речь идет о предпринятой в Венгрии в 1968 г. в интересах повышения эффективности экономики реформе экономического механизма на основе расширения самостоятельности предприятий, усиления роли материальных стимулов и т. п.

¹³¹ Лукач в условиях кадаровской Венгрии только в 1967 г. получил возможность оформить свое членство

в ВСРП, одним из фактических основателей которой он явился в других условиях осенью 1956 г. См. подробнее интервью.

¹³² Лукач, очевидно, делал свои наброски под свежим впечатлением польских событий: в декабре 1970 г. польские власти, руководимые коммунистом В. Гдмулкой, предприняли в Гданьске расстрел демонстрации рабочих, выступивших с экономическими требованиями. Эта тема не получила развития в интервью Лукача.

¹³³ Речь идет о способности либо неспособности СС-СР как флага мира мирового коммунистического движения встать на путь подлинного развития «социалистической демократии» в ее лукачевском понимании.

¹³⁴ В венгерском издании расшифровано как «Сталинский», что перекликается также с письмом Лукача Кароччи 1962 г., опубликованном сначала в левом итальянском издании «Nuovi argomenti», а затем (скорее всего в более кратком варианте) в британском издании «Survey»: Reflection on the Cult of Stalin // Survey. April. 63. P. 105–111.

¹³⁵ В момент, когда Лукач делал свои наброски, особую актуальность для всего мирового сообщества приобрели перспективы разрешения ближневосточного кризиса, с невиданной силой обострившегося вследствие «шестидневной войны» в июне 1967 г. Сделанная Советским Союзом однозначная ставка на арабский мир не была эффективной.

¹³⁶ Задуманный грандиозный труд «Онтология общественного бытия», посвященный разработке общеполитических основ теории общественной жизни, оказался неоконченным. Однако Лукач успел подготовить значительные его части, опубликованные посмертно как в немецкоязычном оригинале, так и в венгерском переводе. Первым было венгерское издание: A társadalmi lét ontológiájáról. Budapest, 1976. Издание немецкого оригинала работы: Zur Ontologie des gesellschaftlichen Seins. Neuwied; Darmstadt: Luchterhand Verlag, 1984, 1986. См. также издание на русском языке: Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М., 1991.

¹³⁷ Рабочие наброски тем и сюжетов, которые Лукач собирался затронуть в автобиографии. Почти все они нашли отражение как в «Прожитых мыслях», так и в интервью.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК

Авербах Леопольд Леонидович (1903–1937) – советский литературный критик. Один из основателей Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), в 1926–1932 гг. был ее генеральным секретарем. Редактировал журнал «На литературном посту». Претендовал на руководящую роль в литературной жизни. В его статьях обосновывались лозунги РАППа, в практической работе проявились склонность к администрированию и сектантству, характерная для РАППа. Племянник Я. М. Свердлова, родственник наркома внутренних дел СССР в 1934–1936 гг. Г. Г. Ягоды. Репрессирован как человек из окружения Ягоды.

Ади Эндре (Ady Endre) (1877–1919) – венгерский поэт, классик национальной литературы, реформатор венгерского стиха.

Адорно Теодор (Adorno Theodor W.) (1903–1969) – немецкий философ, социолог, музыковед, композитор. Представитель Франкфуртской критической школы, испытавшей определенное влияние «Истории и классового сознания» Лукача. Повлиял на идеологию «новых левых», но во время молодежных бунтов 1968 г. во Франции и Германии публично дистанцировался

от бунтующей молодежи. В конце 1950-х годов откликнулся на критику Лукача, звучавшую в ходе масштабной антиревизионистской кампании в масштабе всего советского блока.

Александр Бернат (Alexander Bernát) (1850–1927) – венгерский философ, эстетик, литературный и театральный критик. Профессор Будапештского университета. Принадлежал к интеллектуальному истеблишменту Венгрии эпохи австро-венгерского дуализма.

Алпари Дюла (Alpári Gyula), при рождении Мозеш Адлер (1882–1944) – деятель венгерского коммунистического движения, публицист. Выходец из венгерской еврейской среды. С 1901 г. состоял в венгерской социал-демократической партии, тяготел к ее левому крылу. В 1907 г. один из инициаторов создания Социалистического интернационала молодежи как молодежной организации II Интернационала. В 1910 г. был исключен из СДП Венгрии за критику оппортунистической линии ее руководства. В годы Первой мировой войны участник циммервальдского антивоенного движения. Член компартии Венгрии с момента ее основания в ноябре 1918 г. Член правительства Венгерской советской республики 1919 г., после ее поражения в эмиграции. В 1921–1932 гг. главный редактор Коминтерновского журнала «Ин-прекор». Арестован после оккупации вермахтом Парижа в 1940 г. Погиб в застенках Заксенхаузена 17 июля 1944 г.

Амбруш Золтан (Ambrus Zoltán) (1861–1932) – венгерский писатель, критик, переводчик, театральный деятель. Испытал влияние на свое творчество крупных французских писателей второй половины XIX в.

Амичис Эдмондо де (Amicis Edmondo de) (1846–1908) – итальянский писатель. Повесть «Сердце» («Записки школьника») пользовалась огромной популярностью в годы учебы Лукача в гимназии.

Андраши Дюла граф (Andrássy Gyula), младший (1860–1929) – венгерский политик, занимал в начале XX в. пост министра внутренних дел и другие министерские посты. Сын выдающегося государственного деятеля Австро-Венгрии XIX в., ее министра иностранных дел в 1871–1879 гг. Дюлы Андраши (1823–1890).

Антал Фридрих (Фридеш) (Antal Frigyes) (1887–1954) – искусствовед. Выходец из венгерской еврейской среды. Получил образование в Берлине и Вене. В годы Первой мировой войны примыкал к интеллектуальному кругу Д. Лукача. Участник культурной жизни Венгерской советской республики 1919 г., вместе с К. Поганем стоял во главе директории по делам искусства и музеев, сотрудничая в этом качестве с Лукачем как одним из руководителей культурной политики, после поражения ВСР жил в эмиграции (Италия, Германия, с 1933 г. Британия). В своих зрелых работах уделял большое внимание социальным аспектам искусства.

Арань Янош (Arany János) (1817–1882) – венгерский поэт, классик национальной литературы.

Ауэрбах Бертольд (Auerbach Berthold) (1812–1882) – немецкий писатель еврейского происхождения. Среди основных произведений – роман «Спиноза» (1837).

Ацел Дьёрдь (Aczél György) (1917–1991) – венгерский коммунистический политик, входил в ближайшее окружение Яноша Кадара, во многом определяя куль-

турную политику кадаровской Венгрии, отличавшуюся определенной толерантностью к альтернативным официальной идеологии явлениям духовной жизни, если они не угрожали основам коммунистического режима.

Бабич Михай (Babits Mihály) (1883–1941) – венгерский писатель (поэт и прозаик), одна из самых ярких фигур венгерского модерна. Во время Венгерской советской республики 1919 г. по инициативе Лукача получил место преподавателя литературы в Будапештском университете, однако был уволен после поражения Республики, бессменный редактор журнала «Nyugat».

Балаж Бела (Balázs Béla), настоящие имя и фамилия Герберт Бауэр (1884–1949) – венгерский писатель, драматург, сценарист, всемирно известный теоретик кино. Происходил из образованной еврейской семьи, уроженец г. Сегеда. В 1910-е годы находился в близких отношениях с Д. Лукачем, позже между ними произошло охлаждение. Во время Венгерской советской республики 1919 г. входил в состав Директории революционных писателей, работал в наркомате просвещения. После поражения венгерской революции жил в эмиграции в Австрии, Германии, в 1931–1945 гг. в СССР. Был профессором ВГИКа. По возвращении в Венгрию вновь включился в культурную жизнь страны.

Бальзак Оноре де (Balzac Honoré de) (1799–1850) – французский писатель, крупнейший представитель критического реализма в литературе XIX в. Творчеству Бальзака посвящен целый ряд работ Лукача 1930-х годов, опубликованных прежде всего в журнале «Литературный критик» и вошедших в его книгу 1939 г. «К истории реализма».

Банг Герман (Bang Hermann) (1857–1912) – датский писатель, критик, театральный деятель. Представитель импрессионизма в художественной прозе.

Баноци Йозеф (Bánóczy József) (1849–1926) – венгерский интеллектуал еврейского происхождения. Философ, переводчик немецкой философской литературы, литературовед. Видный представитель духовной жизни венгерского еврейства.

Баноци Ласло (Bánóczy László) (1884–1945) – венгерский режиссер, драматург, переводчик, театральный деятель. Сын Й. Баноци. Вместе с Д. Лукачем входил в круг основателей театрального общества «Талия» (1904–1908).

Баноци Маргит (Bánóczy Margit) (1883–1931) – дочь Й. Баноци, сестра Л. Баноци. Врач. В 1900-е годы относилась к кругу друзей Д. Лукача.

Барта Шандор (Barta Sándor) (1897–1938) – венгерский писатель. В 1910-е годы участник Кружка Галилея, объединявшего молодых интеллектуалов и студенческую молодежь леволлиберальной ориентации. В период Венгерской советской республики 1919 г. журналист, после поражения революции находился в эмиграции в Вене, с 1925 г. в СССР. Участвовал в деятельности Международной организации революционных писателей (МОРП). В 1938 г. стал первым редактором журнала «Új Hang» («Новый голос»), который проводил в венгерской коммунистической эмиграции линию единого антифашистского народного фронта. Репрессирован в СССР.

Барток Бела (Bartók Béla) (1881–1945) – венгерский композитор и музыковед-фольклорист, одна из глав-

ных фигур мировой музыкальной культуры XX века. С 1940 г. жил в США.

Бауэр Отто (Bauer Otto) (1881–1938) – деятель австрийской социал-демократии, теоретик австромарксизма. Правовед, экономист. С 1918 г. председатель австрийской социал-демократической партии. Летом 1919 г. в бытность министром иностранных дел в республиканском австрийском правительстве установил дипломатические отношения с Венгерской советской республикой.

Бауэр Эрвин (Bauer Erwin) (1890–1938) – ученый-биолог, младший брат Белы Балажа. Участник венгерской революции 1919 г., после поражения которой эмигрировал. С 1925 г. работал в СССР. Находился в приятельских отношениях с Д. Лукачем. Репрессирован.

Беёти Жолт (Beöthy Zsolt) (1848–1922) – венгерский литературовед, эстетик, представлявший в начале XX в. консервативно-академический эстетический официоз. Академик Венгерской академии наук.

Беккет Самуэль (Beckett Samuel) (1906–1989) – ирландский писатель, драматург, один из основоположников и корифеев «театра абсурда». Лауреат Нобелевской премии по литературе (1969). Писал на английском и французском языках.

Беньямин Ласло (Benjámín László) (1915–1986) – венгерский поэт.

Бензелер Франк (Benseler Franc) (1929 г.р.) – немецкий социолог, исследователь творчества Д. Лукача, инициатор ряда проектов по изданию его наследия.

Бенедек Элек (Benedek Elek) (1859–1929) – один из основоположников венгерской детской литературы.

Бенедек Марцел (Benedek Marcell) (1885–1969) – венгерский эссеист, литературовед, переводчик, педагог. Сын Э. Бенедека. В 1900-е годы относился к кругу близких друзей Д. Лукача, входил в число основателей театрального общества «Талия».

Бём Вилмош (Böhm Vilmos) (1880–1949) – деятель венгерской социал-демократии, тяготел к ее левому крылу. Член руководства Венгерской советской республики 1919 г., ее видный военный деятель. Незадолго до поражения революции был в июле 1919 г. направлен послом ВСР в Вену. Жил в Австрии, Чехословакии, с 1938 г. в Швеции. В 1946 г. становится послом новой Венгрии в Швеции, в 1948 г., не согласившись с объединением коммунистов и социал-демократов на коммунистической платформе, порвал со своим правительством.

Берчени Миклош (Bercsényi Miklós) (1665–1725) – один из лидеров антигабсбургской национально-освободительной войны венгерского народа 1703–1711 гг.

Бехер Иоганнес (Becher Johannes) (1891–1958) – немецкий поэт и прозаик, деятель коммунистического движения. В начале 1930-х годов один из редакторов газеты «Die Rote Fahne», сотрудничал с Д. Лукачем, активно участвовавшим в общественно-политической и культурной жизни последних лет веймарской Германии на ее левом фланге. После 1933 г. в эмиграции, в том числе почти 10 лет прожил в СССР. После возвращения на родину один из руководителей культурной политики в Восточной Германии. Министр культуры ГДР, в 1954–1958 гг. Президент Академии

искусств ГДР. Приветствовал участие Лукача в интеллектуально-культурной жизни Восточной Германии и публикацию в ГДР его работ в издательстве «Aufbau», конец чему был положен венгерскими событиями осени 1956 г.: после подавления венгерской революции руководство ГДР развернуло мощную идеологическую кампанию с критикой Лукача как одного из главных представителей современного ревизионизма, Бехер же был отодвинут на вторые роли в культурно-идеологической жизни.

Блох Эрнст (Bloch Ernst) (1885–1977) – немецкий философ, социолог и публицист неомарксистской ориентации, создатель утопической «философии надежды». Во время Первой мировой войны занимал выраженные пацифистские позиции. С 1911 г. дружил и тесно сотрудничал с Дьёрдем Лукачем. Во время эмиграции Лукача из Венгрии после падения советской республики 1919 г. Блох инициировал кампанию за освобождение Лукача, временно оказавшегося в австрийском заключении, написал воззвание «К спасению Георга Лукача». В 1933 г. эмигрировал из Германии, работал в Австрии, Франции, Чехословакии, США. После возвращения в конце 1940-х годов в Германию был с 1949 г. профессором Лейпцигского университета (ГДР), принимал участие в культурной жизни ГДР, хотя и критиковался все более жестко за уступки гегельянскому идеализму. В 1957 г. отправлен в отставку в условиях идеологических чисток, последовавших за подавлением венгерской революции осени 1956 г. После сооружения в августе 1961 г. берлинской стены предпочел переселиться в ФРГ, преподавал в Тюбингенском университете.

Бодлер Шарль (Baudelaire Charles) (1821–1867) – французский поэт, эссеист, критик. Основоположник эстетики символизма. Интерес Лукача с юных лет

к творчеству Бодлера нашел отражение в его работах, включая «Своеобразие эстетического».

Болгар Элек (Bolgár Elek) (1883–1955) – венгерский юрист, историк, журналист. Академик Венгерской академии наук (1949). Член венгерской компартии с первых дней ее основания в ноябре 1918 г. Активно участвовал в деятельности Венгерской советской республики 1919 г., после ее поражения находился в эмиграции в Вене, Берлине, затем в СССР, где с 1937 г. был профессором ростовского университета. В конце 1944 г. вместе с Красной Армией вернулся в Венгрию, находился на дипломатической и преподавательской работе.

Бортштибер-Лукач Гертруд (Bortstieber-Lukács Gertrud) (1882–1963) – спутница жизни Дьёрдя Лукача с конца 1910-х годов и до конца жизни.

Бредель Вилли (Bredel Willi) (1901–1964) – немецкий писатель, коммунист. После прихода Гитлера к власти в 1933 г. более года провел в заключении. Участник гражданской войны 1936–1939 гг. в Испании. В 1939–1945 гг. жил в СССР. В последние годы жизни президент Академии искусств ГДР, избирался в ЦК Социалистической единой партии Германии (СЕПГ).

Брехт Бертольт (Brecht Bertolt) (1898–1956) – немецкий драматург, поэт, прозаик, критик, теоретик искусства, режиссер, театральный деятель, оказавший огромное влияние на театральное искусство XX в. Творческие методы Брехта вызывали в 1930-е годы (сначала в условиях Веймарской Германии, а после 1933 г. в немецких антифашистских эмигрантских изданиях) критику Лукача, полемизировавшего с ним по целому ряду эстетических проблем, в том

числе по проблемам реализма в искусстве. После 1933 г. Брехт работал в эмиграции, с 1941 г. в США, по возвращении в 1947 г. в Европу – в Швейцарии, а в 1949 г. основал в Восточном Берлине театр «Берлинер ансамбль», который возглавлял в качестве художественного руководителя до конца жизни. Принимая участие в культурной жизни ГДР, вместе с тем неоднократно подвергался идеологическим проработкам. В 1953 г. выразил в художественной форме свое неприятие силового подавления рабочих волнений в Восточном Берлине и других городах ГДР. Вопреки полемике 1930-х годов и принципиальным эстетическим разногласиям, между Лукачем и Брехтом сохранялись в целом весьма корректные и взаимоуважительные личные отношения, в августе 1956 г. Лукач принял участие в церемонии похорон Брехта в Восточном Берлине.

Броди Шандор (Bródy Sándor) (1863–1924) – венгерский писатель, драматург, публицист еврейского происхождения. Одна из влиятельных фигур венгерской литературной жизни начала XX в. Испытывал влияние современной французской литературы, отстаивал принципы натурализма.

Вагнер Рихард (Wagner Richard) (1813–1883) – немецкий композитор, дирижер, теоретик искусства. Реформатор жанра оперы, оказавший огромное влияние на последующую музыкальную культуру. К творчеству Вагнера, воспринимаемому им в контексте развития не только музыкального искусства, но и современной драмы, Лукач неоднократно обращался в своих эстетических трудах.

Ваго Бела (Vágó Béla) (1881–1939) – участник венгерского коммунистического движения, функционер Венгерской советской республики 1919 г. Позже жил

в эмиграции в СССР. Стал жертвой сталинских репрессий.

Вайда Михай (Vajda Mihály) (1935 г.р.) – венгерский философ, ученик Д. Лукача, представитель Будапештской школы. Академик Венгерской академии наук.

Вальдапфель, Тренчени-Вальдапфель Имре (Trencsényi-Waldapfel Imre) (1908–1970) – венгерский филолог-классик, исследователь религий и мифологии. Академик Венгерской академии наук.

Ван Гог Винсент (van Gogh Vincent) (1853–1890) – голландский живописец, один из основоположников постимпрессионизма, оказал огромное влияние на мировую живопись XX в. Интерес Лукача к продолжению и развитию в изобразительном искусстве традиций всегда высоко им ценимого Ван Гога проявился и в его эссеистике рубежа 1910–1920-х годов в контексте критики импрессионистской эстетики.

Варга Евгений Самуилович (Йенё) (Varga Jenő) (1879–1964) – советский экономист венгерского происхождения. Академик АН СССР (1939). В молодости деятель левого крыла венгерской социал-демократии. Фактический руководитель экономической политики Венгерской советской республики 1919 г. в качестве наркома финансов и председателя Высшего совета народного хозяйства. После поражения ВСР находился в эмиграции. В 1927–1947 гг. директор института мирового хозяйства и мировой политики в структуре Коммунистической академии, а затем АН СССР. В 1946 г. при посещении Венгрии оказывал консультации при проведении успешно осуществленной финансовой реформы, итогом которой явилось преодоление глубочайшей инфляции и установление новой твердой валюты – форинта. В 1947 г. подвергнут

острым нападкам за опубликованную годом ранее работу «Изменения в экономике капитализма после Второй мировой войны», в которой поднял проблему временного смягчения противоречий капиталистической системы с помощью государственного вмешательства в экономику. Последние годы жизни работал в институте мировой экономики и международных отношений АН СССР, который сохранял преемственность основанному Варгой институту мирового хозяйства и мировой политики.

Ваш (Вайнбергер) Золтан (Vas, Weinberger Zoltán) (1903–1983) – венгерский коммунистический политик, журналист. В 1926 г. арестован режимом Хорти за революционную деятельность и до 1940 г. находился в заключении, был освобожден вместе с М. Ракоши и выехал в СССР. После возвращения в октябре 1944 г. на родину был влиятельным деятелем компартии (с 1948 г. Венгерской партии трудящихся), занимал ответственные должности, особенно в сфере экономической политики, избирался в Политбюро. В 1953 г. поддержал реформаторскую линию премьер-министра И. Надя. 4 ноября 1956 г., с началом решающей советской военной акции по подавлению венгерской революции, вместе с И. Надем и группой коммунистов из его окружения (включая Д. Лукача) нашел убежище в югославском посольстве, при выходе оттуда в конце ноября задержан и депортирован в Румынию, получив разрешение вернуться в Венгрию только в конце 1958 г. В кадаровской Венгрии активно занимался литературным трудом, однако его мемуары были полностью опубликованы только после смерти Ваша, в конце 1980-х годов.

Вебер Макс (Weber Maximillian) (1864–1920) – немецкий социолог, философ, историк, политический экономист. Один из основоположников и классик

социологической науки. Оказал большое влияние на молодого Д. Лукача, входившего в круг его интеллектуального общения и до конца жизни сохранявшего уважительное отношение к учителю, несмотря на обозначившиеся между ними уже в годы Первой мировой войны философские и политические расхождения. Влияние Вебера особенно проявилось в 1910-е годы в период работы Лукача над «Гейдельбергской эстетикой» и «Теорией романа».

Вебер Марианна (Weber Marianne) (1870–1954) – немецкий социолог. Жена М. Вебера, последователь его идей и публикатор творческого наследия. Видный представитель немецкого политического феминизма. Входила в тесный круг общения Лукача в Гейдельберге в 1910-е годы.

Ведреш Марк (Vedrges Márk) (1870–1961) – венгерский скульптор. Ученик О. Родена.

Везер Эржебет (Vezér Erzsébet) (1915–2003) – венгерский литературовед, принимала участие в ряде бесед И. Эрши с Д. Лукачем.

Велтнер Якаб (Weltner Jakab) (1873–1936) – деятель венгерской социал-демократии, журналист. Участник Венгерской советской республики 1919 г., вместе с тем выступал в прессе с критикой левацких эксцессов. После поражения революции находился в эмиграции до 1924 г. Вернувшись на родину по амнистии, был с 1931 г. депутатом парламента от легально функционировавшей СДП.

Верди Джузеппе (Verdi Giuseppe) (1813–1901) – итальянский композитор, один из корифеев мирового оперного искусства. Интерес Лукача к творчеству Верди проявился не только при его обращении к те-

оретическим проблемам эстетического отражения в музыкальном искусстве, но и в культурной политике Венгерской советской республики 1919 г. (постановка оперы «Отелло»).

Вереш Петер (Veges Péter) (1897–1970) – венгерский писатель, крестьянский политик. Один из основоположников и видный представитель влиятельного в Венгрии 1930–1940-х годов движения «народных писателей». В 1945–1949 гг. председатель национальной крестьянской партии (партнера коммунистов по коалиции), в 1947–1948 гг. министр обороны. В 1950-е годы председатель Союза венгерских писателей.

Верлен Поль (Verlaine Paul) (1844–1896) – французский поэт, видный представитель импрессионизма и символизма в литературе. Знание его творчества, приобретенное Лукачем в юношеские годы, проявилось позже при обращении в «Своеобразии эстетического» к проблемам поэтического языка.

Вертеш Дьёрдь (Vértés György) (1902–1976) – венгерский журналист, редактор, библиограф. В 1946–1950 гг. один из редакторов журнала «Fórum», главной трибуны Д. Лукача.

Вильгельм II (Wilhelm II) (1859–1941) – последний германский император и король Пруссии (1888–1918). Принадлежал к династии Гюгенцоллернов. Неприятие молодым Лукачем идейных основ и политических порядков современной ему Германии особенно остро проявилось в занятой им с началом Первой мировой войны антивоенной позиции.

Вильде Янош (Wilde János; нем.: Johannes) (1891–1970) – венгерский искусствовед. В период Венгерской советской республики 1919 г. был членом ди-

ректории по делам искусства и музеев. С 1920 г. жил преимущественно в Вене, с 1938 г. в Великобритании.

Виттфогель Карл Август (Wittfogel Karl August) (1896–1988) – германско-американский социолог, ученый-китаевед. Испытал сильное влияние марксизма, в 1920-е годы был членом компартии Германии, неоднократно приезжал в СССР. После прихода нацистов к власти арестован, около года провел в заключении. После освобождения эмигрировал в США, где сосредоточился на научной работе. После больших московских судебных процессов 1936–1938 гг. и советско-германского Пакта 1939 г. порвал с коммунизмом. Наиболее значительная работа – «Восточный деспотизм. Сравнительное изучение тотальной власти» (1957). Развивал в духе марксистской традиции идеи об азиатском способе производства и азиатском строе как классово-эксплуататорской общественной системе, отличной от антично-рабовладельческой и феодальной.

Волфнер Пал (Wolfner Pál), он же Фаркаш (Farkas) Пал (1878–1921) – венгерский социолог, юрист, литератор. В начале XX в. один из основателей и руководителей Общества социальных наук.

Гаал Габор (Gaál Gábor) (1891–1954) – венгерский публицист, литературный критик, социолог. Коммунист. Во время Венгерской советской республики тесно сотрудничал с Д. Лукачем, работая в министерстве просвещения, выезжал с ним на фронт. После 1919 г. эмигрировал, с середины 1920-х годов жил в Румынии, активно участвуя в культурной жизни венгерской диаспоры Трансильвании на ее левом фланге.

Габор Андор (Gábor Andor) (1884–1953) – венгерский писатель, драматург. Участник революционных собы-

тий 1918–1919 гг. С 1920 г. в эмиграции – в Австрии, Германии, в 1933–1945 гг. в СССР, где входил в немецкую секцию Союза советских писателей. По окончании Второй мировой войны вернулся в Венгрию. Относился к числу друзей Лукача, многократно пересекавшегося с ним в Венгрии, Австрии, Германии, СССР, снова в Венгрии.

Габсбурги (Habsburg) – могущественнейшая европейская монаршая династия. С 1342 г. были правителями Австрии, трансформировавшейся впоследствии в Австрийскую империю (1804–1867) и Австро-Венгерскую монархию (1867–1918). Императоры Священной Римской империи с 1438 г. до конца ее существования в 1806 г. (с кратким перерывом в XVIII в.). Были одновременно королями Венгрии (в течение некоторого времени в XV в., а затем с 1526 по 1918 г), Чехии, правителями других государств. Одна из ветвей Габсбургов управляла Испанией (включая ее американские владения) в 1516–1700, а в XIX в. другая ветвь – Мексикой, что дало основания для появления афоризма о том, что во владениях Габсбургов никогда не заходит солнце. Детство и юность Лукача пришлось на дуалистическую эпоху габсбургской истории. Будучи уроженцем Венгрии, Лукач обладал семейно-родственными связями по матери и в австрийской столице.

Гауптман Герхарт (Hauptmann Gerhart) (1862–1946) – немецкий драматург, лауреат Нобелевской премии 1912 г. по литературе. Лукач многократно обращался к его творчеству в своей литературной критике.

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (Hegel Georg Wilhelm Friedrich) (1770–1831) – один из творцов немецкой классической философии. Книга Лукача «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества»,

написанная в основном в Москве в 1930-е годы (первая публикация – на Западе в 1948 г.), стала классическим историко-философским трудом, выполненным в русле марксистской традиции.

Геббель (Хеббель) Фридрих (Hebbel Friedrich) (1813–1863) – немецкий драматург, мастер бюргерской психологической драмы.

Геллерт Оскар (Gellert Oszkár) (1882–1967) – венгерский поэт, журналист, редактор, ведущий сотрудник наиболее влиятельного венгерского литературного журнала «Nyugat» («Запад») (1908–1941). Участник культурной жизни Венгерской советской республики 1919 г.

Гергей Шандор (Gergely Sándor) (1896–1966) – венгерский писатель, коммунист. В 1920-е годы участник подпольного коммунистического движения в Венгрии. В 1931–1945 гг. жил в СССР, в первой половине 1930-х годов редактировал эмигрантский журнал «Sarlo és kalarács». По возвращении в Венгрию был депутатом парламента от компартии, 1945–1951 гг. – председатель Союза венгерских писателей, в который входили в основном писатели, близкие компартии. Во второй половине 1940-х и первой половине 1950-х гг. был близок к венгерскому партийному лидеру Матяшу Ракоши. В политическом плане всегда придерживался жестких сектантских позиций, призывая коммунистические власти к расправам над своими политическими оппонентами.

Герё Эрнё (Gergő Ernő), настоящая фамилия Зингер (1898–1980) – венгерский коммунистический политик. Участник Венгерской советской республики 1919 г., после ее поражения эмигрировал в Вену. Тайно вернувшись в Венгрию в 1922 г., был аресто-

ван за подпольную коммунистическую деятельность, в 1924 г. выдан Советскому Союзу. Работал в структурах Коминтерна. Участник гражданской войны 1936–1939 гг. в Испании, где был одним из проводников сталинской линии. Вернулся в Венгрию в конце 1944 г. с Красной Армией, входил в узкое руководство компартии (с 1948 г. Венгерской партии трудящихся), занимал министерские посты, в начале 1950-х годов с его именем был связан курс на форсированную индустриализацию страны. В июле 1956 г. после отставки М. Ракоши был избран первым секретарем ЦК ВПТ, что было воспринято в обществе как стремление венгерской коммунистической элиты сохранить основы сталинизма. С началом 23 октября 1956 г. драматических венгерских событий ушел с поста и выехал в СССР, получив разрешение вернуться на родину в 1960 г. В 1962 г. исключен из кадровской Венгерской социалистической рабочей партии по обвинениям в нарушении законности в конце 1940–начале 1950-х годов.

Гёте Иоганн Вольфганг (Goethe Johann Wolfgang) (1749–1832) – классик немецкой и мировой литературы. Лукач обращался к творчеству Гёте и его эпохе в немецкой литературе на протяжении всей жизни, посвятив этому не один десяток работ, включая книгу «Гёте и его эпоха» (первое издание – 1946).

Гюген Поль (Gauguin Paul) (1848–1903) – французский художник, один из крупнейших представителей постимпрессионизма в живописи. Лукач обращался к его творчеству в своей ранней эссеистике.

Грабенко Елена Андреевна (1886–?) – жена Д. Лукача в 1910-е годы. Уроженка Херсона, дочь украинского фольклориста и общественного деятеля А. М. Грабенко. Художница. Участница российского революцион-

ного движения (близка к эсерам), политэмигрантка. Вернулась на родину в 1924 г.

Даллес Джон Фостер (Dulles John Foster) (1888–1959) – американский политик, государственный секретарь США в 1953–1959 гг. при президенте Д. Эйзенхауэре, в немалой мере определявший внешнюю политику США.

Дантон Жорж Жак (Danton Georges-Jacque) (1759–1794) – деятель Великой Французской революции, был первым председателем Комитета общественного спасения, выступал за ограничение революционного террора. Был казнен по инициативе М. Робеспьера по обвинению в заговоре с целью свержения революционного правительства. Конфликт Робеспьера и Дантона неизменно занимал Лукача в процессе осмысления им исторического опыта и уроков Великой Французской революции.

Дарани Игнац (Darányi Ignác) (1849–1927) – венгерский политик. В эпоху австро-венгерского дуализма долгое время был министром сельского хозяйства Венгрии.

Дарваш Йозеф (Darvas József) (1912–1973) – венгерский писатель и политик левого толка. В 1930–1940 годы относился к движению «народных писателей». После 1945 г. лидер левого, прокоммунистического крыла национальной крестьянской партии, занимал в первой половине 1950-х годов посты министра по делам религии и образования, затем министра культуры при диктатуре Ракоши. С 1959 г. председатель Союза венгерских писателей.

Дворжак Макс (Dvořák Max) (1874–1921) – австрийский искусствовед чешского происхождения, профессор Венского университета.

Деборин (Иоффе) Абрам Моисеевич (1881–1963) – советский философ, академик АН СССР (1929). В молодости член партии меньшевиков. Последователь Г. В. Плеханова. Во второй половине 1920-х годов редактировал журнал «Под знаменем марксизма», возглавлял институт философии Коммунистической академии. На рубеже 1920–1930 годов стал объектом критики в рамках кампании против «меньшевиствующего идеализма».

Дери Тибор (Déry Tibor) (1894–1977) – венгерский писатель. После Второй мировой войны вступил в компартию, однако нередко подвергался критике со стороны официальной марксистской эстетики. Лукач рассматривал его прозу как одно из высших достижений большого реализма в современной венгерской литературе. Играл виднейшую роль в литературной жизни Венгрии в условиях общественного подъема в 1956 г., выступая с критикой бесчеловечной политической практики сталинизма. В 1957 г. был арестован по обвинению в подстрекательстве к «контрреволюции» и до 1961 г. находился в заключении.

Джотто (Giotto di Bondone) (1266–1337) – итальянский художник и архитектор, виднейший представитель Проторенессанса в искусстве. Интерес к его творчеству проявился у молодого Лукача в процессе осмысления им тенденций развития современного искусства.

Диенеш Ласло (Dienes László 1889–1953) – социолог, эстетик, участник Кружка Галилея, близкий товарищ Д. Лукача в 1910-е год.

Дильтей Вильгельм (Dilthey Wilhelm) (1833–1911) – немецкий философ и историк культуры, видный представитель «философии жизни».

Димитров Георгий Михайлов (1882–1949) – деятель болгарского и международного коммунистического движения. Глава болгарской компартии. В 1933 г. после захвата власти в Германии нацистами предстал перед судом по ложным обвинениям в попытке поджога рейхстага, оправдан, сумев доказать алиби; суд вызвал большой международный резонанс. В 1935–1943 гг. генеральный секретарь Исполкома Коминтерна (вплоть до роспуска этой организации). В 1943–1945 гг., до возвращения в Болгарию, руководил международным отделом ЦК ВКП(б). В августе 1941 г. повлиял на освобождение из заключения арестованного Д. Лукача.

Доби Ференц (Dobi Ferenc) (1880–1916) – венгерский актер.

Дойчер Исаак (Deutscher Isaac) (1907–1967) – польский, а после 1939 г. британский политолог, советолог еврейского происхождения. Входил в компартию Польши, затем порвал с ней, сблизившись с троцкистами. Видный историк коммунистического движения, биограф Сталина и Троцкого. Критиковал сталинизм и политику СССР, оставаясь в русле марксистской традиции.

Доктор Янош (Doktor János) (1881–1942) – венгерский актер, член «Общества Талии».

Донаньи Эрнест фон (Эрнё) (Dohnányi Ernő) (1877–1960) – венгерский композитор, дирижер, пианист. Во время Венгерской советской республики 1919 г. был директором Высшей школы музыкального искусства (консерватории) в Будапеште, позже дирижировал в Венгрии филармоническим оркестром, много концертировал за рубежом. В 1944 г. покинул страну, последнее десятилетие жизни жил в США.

Донат Ференц (Donáth Ferenc) (1913–1986) – венгерский экономист и публицист реформ-коммунистического толка. Участник подпольного коммунистического движения в эпоху Хорти. По некоторым сведениям, именно студент Ф. Донат обучал рабочего Я. Кадара основам марксизма в 1930-е гг. В 1951–1954 гг. испытал тюремное заключение по сфальсифицированным обвинениям в условиях диктатуры Ракоши. Активный участник революции 1956 г. на его реформ-коммунистическом фланге, был близок премьер-министру Имре Надю. В 1958 г. за участие в событиях приговорен к 12 годам заключения. В 1960 г. амнистирован. Работал в библиотеках и научных учреждениях. С конца 1970-х годов был авторитетной фигурой в венгерском диссидентском движении.

Достоевский Фёдор Михайлович (1821–1881) – классик русской и мировой литературы. Огромный интерес Лукача к творчеству Достоевского в 1910-е годы нашел выражение в его известной работе «Теория романа».

Дучинска Илона (Duczyńska Ilona) (1897–1978) – австрийско-венгерская революционерка. Из австрийских поляков. В годы Первой мировой войны активная участница антивоенного движения, относилась к кругу революционной молодёжи, готовившей так и не состоявшееся покушение на влиятельного в Габсбургской монархии премьер-министра ее венгерской половины И. Тису, частично несшего ответственность за вступление Австро-Венгрии в войну. Участница Венгерской советской республики 1919 г., после ее поражения покинула Венгрию. Участвовала в деятельности венгерской (в эмиграции) и австрийской компартий, неоднократно исключалась за особую позицию. С конца 1930-х годов, покинув Австрию, жила

в Канаде. Жена известного экономиста и социолога К. Полани.

Дюрренматт Фридрих (Dürrenmatt Friedrich) (1921–1990) – швейцарский немецкоязычный драматург, прозаик, публицист, один из крупнейших писателей послевоенной Европы.

Жорес Жан (Jaurès Jean) (1859–1914) – деятель французской социалистической партии. Антимилитарист и интернационалист. Убит французским националистом во время июльского кризиса 1914 г., в самый канун Первой мировой войны.

Зайдлер Ирма (Seidler Irma) (1882–1911) – художница, близкая подруга Д. Лукача. Покончила жизнь самоубийством.

Зайдлер Эрнё (Seidler Ernő) (1886–1938?) – друг Д. Лукача, брат И. Зайдлер. Был членом венгерского Общества социальных наук и Кружка Галилея. Во время Первой мировой войны попал в русский плен. По возвращении в 1918 г. в Венгрию принял участие в создании венгерской компартии. Во время Венгерской советской республики 1919 г. командовал революционной воинской частью. После поражения Венгерской советской республики находился в эмиграции. Участвовал в коммунистическом движении в Чехословакии, работал в советском торгпредстве в Берлине. С 1930 г. в СССР. Репрессирован.

Залаи Бела (Zalai Béla) (1882–1915) – венгерский философ, друг Д. Лукача, в начале 1910-х годов сотрудник философского журнала «Szellem», основанного Д. Лукачем и Л. Фюлепом. В начале Первой мировой войны призван в армию. Умер от тифа в Омске в лагере для военнопленных.

Зегерс Анна (Seghers Anna) (1900–1983) – немецкая писательница, член компартии Германии, позже Социалистической единой партии Германии (ГДР).

Зейпель Игнац (Seipel Ignaz) (1876–1932) – австрийский политик. Консерватор. Федеральный канцлер Австрии в 1922–1924 и 1926–1929 гг. Католический священник. Внешнюю политику старался координировать с муссолиниевской Италией.

Зиммель Георг (Simmel Georg) (1858–1918) – немецкий философ и социолог, один из виднейших представителей «философии жизни». Молодой Лукач учился у Зиммеля в Берлинском университете и испытал его сильное влияние.

Зиновьев Григорий Евсеевич (1883–1936) – деятель большевистской партии и советского государства. Председатель Исполкома Коминтерна в 1919–1926 гг. Поддерживал в венгерской компартии фракцию Белы Куна, которой противостояла фракция Е. Ландлера (в нее входил и Лукач). Репрессирован.

Золтаи Денеш (Zoltay Dénes) – венгерский эстетик и музыковед, принадлежал к кругу учеников Лукача.

Золя Эмиль (Zola Émile) (1840–1902) – французский писатель, публицист, критик, крупный представитель натурализма в литературе конца XIX в. Лукач занимался творчеством Золя в контексте изучения эволюции большого реализма XIX в. к натурализму (книга «Бальзак, Стендаль, Золя», 1945).

Ибсен Генрик (Ibsen Henrik) (1828–1906) – норвежский драматург, оказавший огромное влияние на мировую драматургию. Увлечение Ибсеном нашло отра-

жение в эссеистике молодого Лукача и стало одним из стимулов написания им первой монографии – «Истории развития современной драмы».

Игнотус (Ignotus), наст. имя Гуго Вейгельсберг (1869–1949) – венгерский писатель, один из основателей в 1908 г. влиятельного литературного журнала «Nyugat» («Запад»).

Ийеш Дюла (Illyés Gyula) (1902–1983) – венгерский писатель, поэт, классик национальной литературы XX в. В 1930–1940 гг. был близок к идейно-эстетическому движению «народных писателей». Познакомившись с Лукачем в 1920-е годы в Вене, поддерживал с ним приятельские отношения после 1945 г.

Иллеш Бела (Illés Béla) (1895–1974) – венгерский писатель-коммунист. С 1923 г. до окончания Второй мировой войны жил в эмиграции в СССР, в конце 1920–начале 1930-х годов возглавлял Международную организацию революционных писателей (МОРП), связанную, в том числе и идеологически, с РАППом.

Ионеско Эжен (Ionesco Eugène) (1909–1994) – французский драматург румынского происхождения, один из основоположников театра абсурда, классик театрального авангарда XX в.

Йожеф Аттила (József Attila) (1905–1937) – венгерский поэт, классик венгерской литературы XX в. Был близок в хортистской Венгрии к левым политическим течениям, порвал с подпольной компартией, не приемля ее сектантской тактики.

Йожеф Йолан (József Jolán) (1899–1950) – сестра А. Йожефа, литератор.

Кадар Янош (Kádár János) (1912–1989) – венгерский коммунистический политик, фактически стоявший во главе страны с ноября 1956 по май 1988 г. С начала 1930-х годов в коммунистическом движении в годы Второй мировой войны одна из главных фигур венгерского коммунистического подполья. После 1945 г. занимал ответственные государственные посты. В 1951 г. репрессирован режимом Ракоши и до 1954 г. находился в заключении. Осенью 1956 г. после колебаний поддержал подавление Советским Союзом венгерской революции и возглавил правительство, сформированное в Москве и находившееся под советским контролем. Предпринял репрессии против участников революции. С начала 1960-х годов, когда режим Кадара претерпел заметную эволюцию к более рациональной и прагматической и менее репрессивной модели социализма, венгерский лидер был склонен к реформаторским поискам (особенно в сфере экономической политики) при сохранении однопартийной коммунистической системы.

Каменев Лев Борисович (1883–1936) – деятель большевистской партии и советского государства. Репрессирован.

Кант Иммануил (Kant Immanuel) (1724–1804) – родоначальник немецкой классической философии.

Каринти Фридеш (Karinthy Frigyes) (1887–1938) – венгерский писатель, один из ярких представителей национальной литературы первой половины XX в., автор многочисленных пародий на венгерских авторов, в том числе пародийных «Записок Заратустры» (1912), в которых высмеял Лукача и его круг.

Каройи Михай (Károlyi Mihály) (1875–1955) – граф, венгерский леволиберальный политик. В годы Пер-

вой мировой войны, будучи депутатом парламента, выступал за разрыв Австро-Венгрии с Германией и ее переход на сторону Антанты. После демократической революции конца октября 1918 г. возглавил венгерское республиканское правительство, затем стал временным президентом Венгрии, пытаясь создать демократический режим при сохранении страны в ее исторических границах, что успеха не принесло. Столкнувшись с новыми требованиями держав Антанты о территориальных уступках Венгрии ее соседям, подал в отставку в марте 1919 г., уступив место объединенному правительству коммунистов и социал-демократов (Венгерская советская республика). С 1919 г. в эмиграции, в 1930-е годы выступал за сотрудничество леволиберальных сил с коммунистами в интересах создания единого антифашистского фронта. По окончании Второй мировой войны вернулся в Венгрию. В 1947–1949 гг. посол Венгрии в Париже, подал в отставку в знак протеста против сфальсифицированного судебного дела коммуниста Ласло Райка (сентябрь 1949 г.). Умер во Франции, перезахоронен с почестями в Венгрии в 1960-е годы.

Касснер Рудольф (Kassner Rudolf) (1873–1959) – австрийский писатель, эссеист, философ культуры.

Кафка Маргит (Kaffka Margit) (1880–1918) – венгерская писательница, одна из главных представителей первого поколения журнала «Nyugat».

Кашшак Лайош (Kassák Lajos) (1887–1967) – венгерский писатель и художник. Один из основоположников и видный представитель авангарда в венгерской художественной культуре. В годы Первой мировой войны занимал антимилиитаристскую позицию. Принимал активное участие в культурной жизни Вен-

герской советской республики 1919 г., после ее поражения до 1926 г. находился в эмиграции. В политическом плане тяготел к социал-демократической партии.

Келлер Готфрид (Keller Gottfried) (1819–1890) – швейцарский писатель, классик германоязычной литературы XIX в.

Керншток Карой (Kernstok Károly) (1873–1940) – венгерский живописец и график, один из ярких представителей венгерской живописи начала XX в., испытавший влияние новейших течений во французском искусстве. Участник культурной жизни Венгерской советской республики 1919 г., возглавлял в Будапеште художественную школу. После подавления революции эмигрировал в Германию, вернувшись на родину в 1926 г.

Керр Альфред (Kerr Alfréd) (1867–1948) – немецкий театральный критик, писатель, эссеист.

Клаузевиц Карл фон (Clausewitz Karl von) (1780–1831) – прусский военачальник, фактический основоположник современной военной теории.

Клемансо Жорж (Clemenceau Georges) (1841–1929) – французский политик. Премьер-министр в 1906–1909 и 1917–1920 гг. Фактически председательствовал на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. Один из устроителей Версальской системы международных отношений и инициаторов Трианонского мирного договора 1920 г., лишившего Венгрию значительной части ее исторических земель и предопределившего ее незавидный статус в межвоенной Европе (стремление к ревизии Трианонского договора, всецело поддержанное широким общественным мнением,

было доминантой внешней политики хортистского режима).

Ковач Андраш (Kovács András) (1925–2017) – венгерский кинорежиссер.

Кодай Золтан (Kodály Zoltán) (1882–1967) – венгерский композитор и этномузыковед, вместе с Белой Бартоком занимался сбором венгерского музыкального наследия; в 1919 г. правительство Венгерской советской республики назначило композитора вице-президентом Высшей школы музыкального искусства; разработал «метод Кодая» для обучения музыке и музыкальной культуре.

Кон Феликс Яковлевич (1864–1941) – деятель польского революционного движения. Ученый-этнограф, журналист. Живя в СССР, занимал должности в системе просвещения. Отец литературного критика Е. Ф. Усиевич, идейно близкой Д. Лукачу в 1930-е годы.

Корани Шандор (Korányi Sándor) (1866–1944) – венгерский ученый-медик с мировым именем.

Корвин Отто (Korvin Ottó) (1894–1919) – венгерский коммунист, активный участник Венгерской советской республики 1919 г. После ее поражения остался вместе с Д. Лукачем в Будапеште для организации работы компартии в подполье, был схвачен полицией и на судебном процессе приговорен к смертной казни.

Корш Карл (Korsch Karl) (1886–1961) – немецкий философ-марксист и левый политик. В начале 1920-х гг. один из идеологов компартии Германии, откуда в 1926 г. был исключен за несогласие с генеральной линией. Работа Корша «Марксизм и философия» (1923), внесшая заметный вклад в развитие револю-

ционной теории, была подвергнута критике идеологами Коминтерна. После 1933 г. находился в эмиграции, с 1936 г. в США. Поддерживал связи с Франкфуртской школой, на развитие которой оказал влияние.

Костолани Дежё (Kosztolányi Dezső) (1885–1936) – выдающийся венгерский писатель, поэт, журналист и переводчик, классик национальной литературы XX в., один из главных представителей первого поколения журнала «Nyugat».

Круди Дюла (Krudy Gyula) (1878–1933) – венгерский писатель, «певец Будапешта», автор романов и рассказов о Синдбаде – герое одноименного фильма режиссера З. Хусарика (1971).

Кун Бела (Kun Béla, первоначально Kohn) (1886–1938) – деятель венгерской компартии, журналист. В 1900-е годы вступил в венгерскую социал-демократическую партию. Призванный в австро-венгерскую армию в период Первой мировой войны, попал в русский плен в 1916 г., во время пребывания в России сформировался как убежденный коммунист. В марте 1918 г. создал из числа бывших военнопленных венгерскую группу при РКП(б). Вернулся в Будапешт в ноябре после падения Австро-Венгерской монархии. Через считанные дни после возвращения, 24 ноября, инициировал создание венгерской компартии, возглавил ее ЦК. Нарком иностранных дел и фактический глава Венгерской советской республики (21 марта–1 августа 1919 г.). После поражения ВСР вернулся в Россию. В 1920 г., после освобождения Крыма от войск Врангеля, председатель Крымского ревкома, организатор большевистского террора в Крыму. В 1920-е годы видный функционер Коминтерна, избирался членом Президиума Исполкома Коминтерна. В венгерской компартии (в эмиграции) возглавлял более

левую и сектантскую фракцию, ей противостояла более умеренная фракция Е. Ландлера, к которой принадлежал и Д. Лукач, всегда находившийся с Б. Куном в плохих отношениях. После VII конгресса Коминтерна (1935 г.) с его программой единого антифашистского фронта окончательно отодвигается на вторые роли. Репрессирован в СССР.

Кунфи Жигмонд (Kunfi Zsigmond) (1879–1929) – деятель левой венгерской социал-демократии. С 31 октября 1918 г. занимал посты в республиканских правительствах Венгрии. В период Венгерской советской республики 1919 г. был министром просвещения, тесно сотрудничая в этом качестве со своим заместителем Д. Лукачем. В июне 1919 г. ушел в отставку в знак протеста против антидемократических методов венгерской коммуны. После подавления ВСР эмигрировал в Австрию, где редактировал левые газеты. Покончил жизнь самоубийством.

Кьеркегор Сёрен (Kierkegaard Sören) (1813–1855) – датский религиозный философ и писатель, один из предтеч экзистенциализма. Лукач проявил интерес к творчеству Кьеркегора в своих юношеских эссе «Душа и формы».

Ландлер Йенё (Landler Jenő) (1875–1928) – деятель венгерской социал-демократии, а с 1919 г. компартии. Одна из главных фигур Венгерской советской республики 1919 г., после ее поражения – в эмиграции. Был делегатом трех съездов Коминтерна, избирался в Исполком Коминтерна, возглавлял в противоборстве с фракцией Б. Куна менее сектантскую фракцию в венгерской компартии (к ней тяготел и Д. Лукач).

Ласк Эмил (Lask Emil) (1875–1915) – немецкий философ. Представитель неокантианства, сблизившийся

с феноменологией. С 1910 г. профессор в Гейдельберге. Погиб в Первую мировую войну на галицийском фронте.

Лассаль Фердинанд (Lassalle Ferdinand) (1825–1864) – немецкий политический мыслитель, юрист, экономист, влиятельный левый политик. Один из основателей и теоретиков Всеобщего германского рабочего союза (1863), предтечи германской социал-демократии. Фигура Лассаля, полемизировавшего с Марксом, привлекла особое внимание Лукача в начале 1930-х годов в попытках реконструкции системы эстетических взглядов Маркса (работа 1932 г. «Маркс и Энгельс в полемике с Лассалем по поводу „Зикингена“»).

Лейбниц Готфрид Вильгельм (Leibniz Gottfried Wilhelm) (1646–1716) – немецкий (саксонский) философ, логик, математик, ученый-энциклопедист, повлиявший на развитие многих областей знания (включая математическую логику, основателем которой он явился, механику, психологию).

Лендел Дюла (Lengyel Gyula) (1888–1938) – деятель венгерской компартии. В качестве народного комиссара по финансам в период Венгерской советской республики 1919 г. проявлял левацкие перегибы, не способствовавшие налаживанию экономики. После поражения революции находился в эмиграции. С 1930 г. в СССР. Репрессирован.

Леснай Анна (Lesznai Anna) (1885–1966) – венгерская писательница и художница. В 1913–1918 гг. жена политика и социолога О. Яси. В 1910-е годы относилась к ближнему кругу общения Д. Лукача, участвовала в деятельности Воскресного общества. С 1939 г. жила в США.

Лессинг Готхольд Эфраим (Lessing Gotthold Ephraim) (1729–1781) – немецкий поэт, драматург, критик, теоретик искусства. Виднейшая фигура немецкого Просвещения.

Либерман Макс (Liebermann Max) (1847–1935) – немецкий живописец и график, видная фигура художественной жизни Германии. Близок импрессионизму.

Либкнехт Карл (Liebknecht Karl) (1871–1919) – деятель немецкого социалистического движения. Лидер левого крыла германской социал-демократии. В 1914 г. в условиях начавшейся Первой мировой войны был единственным депутатом рейхстага, голосовавшим против военных расходов. В 1918 г. один из основателей компартии Германии. В начале 1919 г. один из вождей восстания «спартакистов», направленного на установление в Германии советской власти, убит при содействии правых социал-демократов.

Лифшиц Михаил Александрович (1905–1983) – советский философ, искусствовед, литературовед, критик, публицист. В 1930-е годы предпринял системную реконструкцию эстетических взглядов Маркса и Энгельса. Ближайший друг и до некоторой степени единомышленник Лукача в советские периоды его творчества (1930–1931 и 1933–1945), поддерживал с Лукачем и в последующем активную переписку.

Лукач (Сегеди фон Лукач, до 1890 г. Лёвингер) Йозеф (Lukács József) (1855–1928) – влиятельный венгерский банкир. Отец Д. Лукача. Происходил из еврейской среды венгерского города Сегеда.

Лукач Йозефне (Lukács Józsefné), урожденная Адель Вертхаймер (1860–1917) – мать Д. Лукача, происходила из венской еврейской буржуазной среды.

Лукач Мария (Lukács Maria) (1887–1980) – сестра Д. Лукача. Музыкант. Мемуаристка.

Лукач Янош (Lukács János) (1884–1944) – брат Д. Лукача. Банковский служащий. Жертва Холокоста.

Люксембург Роза (Luxemburg Rosa) (1871–1919) – деятельница польского и немецкого социалистического движения. Теоретик марксизма, экономист, публицист. Была в числе основателей в 1918 г. компартии Германии. Убита в начале 1919 г. после подавления неудачной попытки восстания Союза Спартака в целях установления в Германии советской власти.

Макаренко Антон Семенович (1888–1939) – советский педагог и писатель. Лукач высоко ценил идейное содержание «Педагогической поэмы» Макаренко, посвятив ему статью в 1951 г.

Мальро Андре (Malraux André) (1901–1976) – французский писатель, искусствовед, культуролог, эстетик, публицист. В 1930-е годы участник антифашистских конгрессов интеллигенции, посещал СССР. Герой французского Сопротивления. Со временем политически эволюционировал вправо, был близок генералу Ш. де Голлю, после его прихода к власти в 1958 г. стал одним из идеологов французской Пятой республики, отстаивая особый путь Франции во внешней политике, руководил культурной политикой, занимая до 1969 г. пост министра культуры. Последовательный сторонник активных советско-французских общественно-культурных связей.

Манн Томас (Mann Thomas) (1875–1955) – немецкий писатель, выдающийся мастер интеллектуальной прозы XX в. Лауреат Нобелевской премии 1929 г.

Лукач на протяжении десятилетий с большим вниманием относился к творчеству Т. Манна, оценивая его как крупнейшего мастера «большого реализма» XX в. и неоднократно обращаясь к анализу его произведений в контексте мировоззрения. Их связывали корректные, хотя и несколько прохладные личные отношения, надолго прерывавшиеся в силу внешних обстоятельств. Т. Манн в числе других немецких и австрийских писателей и интеллектуалов подписал опубликованное 12 ноября 1919 г. (вскоре после поражения Венгерской советской республики) в берлинской газете «Berliner tageblatt» письмо с призывом к австрийскому правительству не выдавать венгерской полиции Лукача — «не только венгерского политика», но прежде всего «выдающегося философа своего поколения». С другой стороны, по мнению многих литературоведов, именно Лукач стал прототипом весьма сатирического образа Нафты (мистически настроенного иезуита, отстаивавшего незыблемость ценностных традиций) в романе Т. Манна «Волшебная гора» (1924).

Мануильский Дмитрий Захарович (1883–1959) — деятель коммунистического движения. В 1921–1923 гг. первый секретарь ЦК компартии Украины. В 1924–1943 гг. член Президиума, секретарь Исполкома Коминтерна, представлявший в руководстве Коминтерна ВКП(б).

Манхейм (Мангейм) Карл (Карой) (Mannheim Karl) (1893–1947) — социолог, один из основоположников социологии знания, оказавший своими трудами заметное влияние на развитие социологической мысли XX в. Уроженец Венгрии, в годы Первой мировой войны был близок левым интеллектуальным кругам, сотрудничал с Лукачем, входил в Воскресное общество и Кружок Галилея. После поражения Венгерской

советской республики 1919 г. эмигрировал. До 1933 г. работал в Германии, затем в Великобритании, где стал одной из влиятельнейших фигур гуманитарной науки.

Маркуш Дьёрдь (Márkus György) (1934–2016) – венгерский философ, представитель Будапештской школы марксизма, сформировавшейся под влиянием Д. Лукача, в дальнейшем отошел от марксизма. В 1977 г. эмигрировал в Австралию.

Марошан Дьёрдь (Marosán György) (1908–1992) – деятель венгерского рабочего движения. Возглавлял крайне левое крыло в социал-демократической партии. В 1948 г. поддержал объединение коммунистической и социал-демократической партий на основе принятия коммунистической платформы. Избран в ЦК и Политбюро единой Венгерской партии трудящихся. Арестован на основании фальсифицированных обвинений по инициативе лидера партии М. Ракоши, относившего Марошана к числу потенциальных конкурентов. Освобожден весной 1956 г. и уже в июле кооптирован в ЦК и вновь введен в Политбюро. В условиях венгерской революции осени 1956 г. поддержал Я. Кадара, вошел в его правительство, контролируемое Москвой. В 1957–1959 гг. возглавлял Будапештский горком ВСРП. В 1962 г. из-за политических разногласий с Я. Кадаром вышел из руководящих партийных органов.

Марфи Эдён (Márffy Ödön) (1878–1959) – венгерский живописец и график. Испытал влияние фовизма и других течений современной французской живописи, входил в «Группу 8».

Масарик Томаш Гарриг (Masaryk Thomas Garrigue) (1850–1937) – чешский интеллектуал и политик. Ос-

нователь чехословацкого государства и его первый президент (1918–1935).

Маслов Аркадий (1891–1941) – выходец из России, в 1920-е годы один из лидеров ультралевого крыла компартии Германии, активно участвовал во фракционной борьбе. Вместе со своей единомышленницей Рут Фишер исключен из партии в 1926 г. Позже был связан с троцкистскими кругами. Умер в Гаване при невыясненных обстоятельствах, предположительно был устранен агентом НКВД.

Мате Ольга (Máté Olga) (1878–1961) – венгерская фотохудожница. Жена друга Лукача Б. Залаи. После поражения Венгерской советской республики 1919 г. помогала Лукачу укрыться от полиции.

Матисс Анри (Matisse Henri) (1869–1954) – французский художник, лидер течения фовистов, классик мирового искусства XX в. Повлиял на творчество венгерской художественной группы «Восемь», с которой молодой Лукач в своей эссеистике связывал надежды на обновление венгерского искусства.

Меринг Франц (Mehring Franz) (1846–1919) – немецкий социальный философ, теоретик марксизма, историк, публицист. Деятель германской социал-демократии.

Митин Марк Борисович (1901–1987) – советский функционер агитпропа, ортодоксальный марксист. Академик АН СССР.

Молнар (Мольнар) Ференц (Molnár Ferenc) (1878–1952) – венгерский драматург и прозаик, автор романа «Мальчишки с улицы Пал». В 1940 г. эмигрировал в США, где имел успех в качестве сценариста, дра-

матурга и либреттиста мюзиклов. Его произведения многократно экранизировались.

Мориц Жигмонд (Móricz Zsigmond) (1879–1942) – венгерский писатель, журналист, классик национальной литературы, редактор отдела прозы в журнале «Nyugat».

Надь Имре (Nagy Imre) (1896–1958) – деятель венгерской компартии, экономист-аграрник. Участник Первой мировой войны, в 1916 г. попал в русский плен. Участник гражданской войны в Сибири в составе Красной Армии, вступил в РКП(б). С возвращением в 1921 г. в Венгрию участвовал как в легальном социал-демократическом, так и в подпольном коммунистическом движении, неоднократно арестовывался, в 1928 г. эмигрировал в Вену, в 1930–1944 гг. в СССР, работал в Международном аграрном институте и других структурах Коминтерна. После возвращения на родину видный функционер компартии, член ее руководства. В качестве министра сельского хозяйства в коалиционном правительстве руководил осуществлением антифеодальной аграрной реформы 1945 г., занимал другие ответственные государственные должности. В 1949 г. подвергся острой внутрипартийной критике за «правый уклон». В июне 1953 г. по инициативе Москвы, считавшей приоритетной задачей подъем сельского хозяйства в Венгрии, был назначен премьер-министром, пытался осуществить ряд реформ. Весной 1955 г. обвинен в «правоуклонизме», освобожден от должности, выведен из руководства венгерской партии трудящихся, позже исключен из нее по обвинению в фракционной деятельности, в октябре 1956 г. восстановлен под давлением снизу. С началом 23 октября венгерской антитоталитарной революции возглавил 24 октября правительство, за недолгое время пребывания у власти так и не су-

мевшее овладеть ситуацией в стране. 1 ноября в знак протеста против передислокации в Венгрию новых воинских соединений из СССР объявил от имени правительства о выходе Венгрии из Организации Варшавского договора. После силового свержения советскими войсками действующего правительства в ночь на 4 ноября нашел убежище в югославском посольстве, после выхода оттуда задержан и депортирован 22 ноября в Румынию, в апреле 1957 г. конвоирован в Венгрию. Предстал в июне 1958 г. перед судом, обвинившим его в подрывной антигосударственной деятельности, попытках свержения строя. Приговорен к смертной казни и казнен. В 1989 г. реабилитирован и торжественно перезахоронен.

Надь Лайош (Nagy Lajos) (1883–1954) — венгерский писатель. В межвоенный период сблизился с левыми движениями хортистской Венгрии.

Немет Ласло (Németh László) (1901–1975) — один из крупнейших венгерских прозаиков XX в. Мастер психологической прозы. Известен и как переводчик русской классической литературы. Как политический мыслитель отдал дань националистическим концепциям, за что подвергался критике со стороны Д. Лукача, явно недооценивавшего место Л. Немета в венгерской литературе.

Немеш-Ламперт Йозеф (Nemes Lampérth József) (1891–1924) — венгерский живописец и график, видный представитель авангарда в венгерском изобразительном искусстве. Принимал активное участие в художественной жизни Венгерской советской республики 1919 г.

Ницше Фридрих (Nietzsche Friedrich) (1844–1900) — немецкий философ, эссеист, филолог и знаток ан-

тичной культуры. Иррационалист. Своими работами оказал огромное влияние на политическую мысль, художественную культуру и интеллектуальную атмосферу первой половины XX в. Анализ влияния Ницше на эволюцию последующей немецкой философской мысли и интеллектуальной культуры занял заметное место в работе Лукача «Разрушение разума».

Новалис (Novalis), наст. имя Фридрих Леопольд фон Харденберг (1772–1801) – немецкий писатель, поэт, философ мистического мироощущения. Представитель «йенских романтиков». К творчеству Новалиса Лукач впервые обратился в своей ранней эссеистике (сборник «Душа и формы»).

Нордау Макс (Nordau Max) (1849–1923) – еврейский мыслитель, политик. Один из основоположников идеологии и политической практики сионизма. Уроженец Венгрии. По основной профессии врач. В ряде работ развивал идеи «Заката Европы» в оригинальной интерпретации.

Одри Арпад (Ódry Árpád) (1876–1937) – венгерский актер, режиссер, видный деятель национального театрального искусства.

Олтвани Амбруш (Oltványi Ambrus) (1932–1983) – венгерский литературовед, библиограф.

Ортутаи Дюла (Ortutay Gyula) (1910–1978) – венгерский ученый-этнограф. Академик Венгерской академии наук. В 1940-е годы деятель левого крыла партии мелких хозяев. В 1947–1950 гг. министр образования и культов.

Очкаи Ласло (Ocskai László) (1680–1710) – венгерский военачальник времен антигабсбургской националь-

но-освободительной борьбы во главе с князем Трансильвании Ференцем Ракоци (1703–1711).

Ошват Эрнё (Osvát Ernő) (1876–1929) – венгерский критик, писатель, был редактором журнала «Nyugat», вокруг которого начиная с 1908 г. группировались многие ведущие писатели страны. Одна из наиболее значительных фигур венгерской литературной жизни 1910–1920 годов.

Петёрфи Йене (Péterfy Jenő) (1850–1899) – венгерский литературовед и эстетик.

Петефи Шандор (Petőfi Sándor) (1823–1849) – венгерский поэт. Ключевая фигура в истории национальной литературы. Активный участник революции и анти-габсбургской национально-освободительной войны 1848–1849 гг.

Петеш Имре (Pethes Imre) (1864–1924) – венгерский актер.

Пиклер Дюла (Pikler Gyula) (1864–1937) – венгерский ученый-юрист позитивистской ориентации. Профессор Будапештского университета.

Пилсудский Юзеф (Piłsudski Józef) (1867–1935) – харизматический лидер польского национального движения новейшего времени. Первый глава возрожденного польского государства в 1918 г. Командующий польской армии во время польско-советской войны 1919–1921 гг. В мае 1926 г. осуществил государственный переворот, установив авторитарный режим санации, находившийся под его огромным неформальным влиянием. Маршал Польши. В идейном плане с молодых лет позиционировал себя в качестве национально ориентированного социалиста и играл важную

роль в польском социалистическом движении. Вместе с тем в условиях революций в России, Германии и Венгрии именно защита польских национальных приоритетов позволила Пилсудскому превратить в 1918–1920 гг. свой госпроект в один из главных бастионов на пути осуществления мировой революции.

Погань Йозеф (Pogány József), первоначальная фамилия Шварц (1886–1938) — деятель коммунистического движения, публицист. В 1918 г. один из основателей венгерской компартии. Видный деятель Венгерской советской республики 1919 г., после ее поражения в эмиграции. В 1920-е годы выполнял важные функции в Коминтерне, избирался в его руководящие органы, в 1922–1925 гг. под именем Джона Пеппера был представителем Исполкома Коминтерна в США. В 1930-е годы работал в Госплане СССР. Репрессирован в СССР.

Погань Кальман (Pogány Kálmán) (1882–1951) — венгерский искусствовед. Участник культурной жизни Венгерской советской республики 1919 г., вместе с Ф. Анталом стоял во главе директории по делам искусства и музеев, сотрудничая в этом качестве с Лукачем как одним из руководителей культурной политики. После поражения революции подвергался преследованиям.

Полани, Поланьи Карл (Карой) (Polányi Károly) (1886–1964) — американско-канадский экономист, социолог, антрополог, политический философ венгерско-еврейского происхождения. Один из основоположников экономической антропологии. Леволиберальный публицист и политик. Играл заметную роль в интеллектуальной жизни Венгрии 1910-х годов на ее левом фланге (лидер Кружка Галилея и др.). В событиях Венгерской Советской республики 1919 г. не участвовал,

находясь в это время в Вене, где проживал до 1933 г., после чего эмигрировал в Великобританию, а затем за океан. После долгого перерыва приехал в Венгрию в 1963 г., прочитав цикл лекций перед научной аудиторией. Старший брат философа науки, физика и химика Майкла Поланьи (1891–1976).

Поппер Давид (Popper Dávid) (1843–1913) – чешский виолончелист-виртуоз, музыкальный педагог, композитор, профессор Будапештской консерватории.

Поппер Лео, Леопольд (Popper Leó) (1886–1911) – искусствовед, сын Д. Поппера, близкий друг молодого Д. Лукача.

Прохазка Оттокар (Prohászka Ottokár) (1858–1927) – венгерский католический деятель чешского происхождения, епископ. Богослов, представитель христианского социализма, повлиявший на становление клерофашистских доктрин. В 1920-е годы один из идеологов режима Хорти.

Райк Ласло (Rajk László) (1909–1949) – деятель венгерской компартии. В коммунистическом движении с начала 1930-х годов. Участник гражданской войны 1936–1939 гг. в Испании. В годы Второй мировой войны видная фигура венгерского коммунистического подполья. После войны входил в высшее руководство компартии, в 1946–1948 гг. министр внутренних дел в коалиционных правительствах. В 1949 г. арестован и предстал в качестве главного обвиняемого на показательном судебном процессе, организованном по образцу больших московских процессов 1930-х годов. Казнен. «Дело Райка» дало новый толчок антиюгославской кампании, инициированной Сталиным в 1948 г. в целях сплочения формирующегося советского блока на основе поисков общего врага.

Ракоци Ференц II (Rákóczi Ferenc) (1676–1735) – князь Трансильвании с 1704 г., вождь венгерского анти-габсбургского национального движения 1703–1711 гг. После поражения в освободительной войне в эмиграции. Умер в Турции.

Ракош Ференц (Rákos Ferenc) (1893–1963) – юрист, журналист. Член венгерской компартии с первых дней ее основания. Участник Венгерской советской республики 1919 г., после ее поражения в эмиграции. Прошел через сталинские лагеря. После возвращения в конце 1940-х годов в Венгрию был функционером среднего звена как в условиях режима Ракоши, так и после 1956 г. Перевел на венгерский язык роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

Ракоши Матяш (Rákosi Mátyás), настоящая фамилия Розенфельд (1892–1971) – деятель венгерского коммунистического движения. Активный участник Венгерской советской республики 1919 г., после ее подавления эмигрировал. В 1921 г. избран секретарем Исполкома Коминтерна. В 1924 г. направлен в Венгрию для руководства подпольной компартией, где был арестован и до ноября 1940 г. находился в заключении. С улучшением советско-хортистских отношений вследствие Пакта Сталина – Гитлера (1939 г.) был освобожден и получил возможность выехать в СССР в обмен на трофейные знамена венгерской революционной армии, захваченные царскими войсками при подавлении венгерской революции 1848–1849 гг. Руководил в Москве загранбюро венгерской компартии. С возвращением в 1945 г. на родину возглавлял компартию, а с 1948 г. венгерскую партию трудящихся и со второй половины 1948 г. обладал фактически всей полнотой власти в стране. Усиленно насаждал сталинскую модель социализма, проводил советизацию, сопровождавшуюся масштабными политическими

репрессиями. В 1953 г. подвергнут критике из Москвы за неэффективную экономическую политику и несколько ограничен в полномочиях в пользу нового премьер-министра И. Надя, после оттеснения которого весной 1955 г. вернул себе всю полноту власти. После XX съезда КПСС (февраль 1956 г.) оказался в центре критики со стороны растущей внутрипартийной оппозиции, требовавшей реформ. В июле 1956 г. с согласия Москвы, осознававшей крайне низкую степень популярности Ракоши, был освобожден от должности первого секретаря ЦК ВПТ и выехал в СССР. После подавления в ноябре 1956 г. венгерской антикоммунистической революции пытался повлиять в целях возвращения к власти на руководство КПСС, которое, сделав ставку на Я. Кадара и его команду, предпочло исключить Ракоши из политической игры, изолировав его от своих потенциальных сторонников. В 1962 г. деятельность Ракоши во главе ВПТ была публично осуждена Венгерской социалистической рабочей партией. Умер в г. Горьком, находясь фактически на положении политического ссыльного. Оставил мемуары.

Реваи Йозеф (Révai József) (1898–1959) – венгерский коммунистический политик, публицист. Во время Венгерской советской республики 1919 г. журналист коммунистической газеты «Vörös Újság» («Красная газета»). После падения коммунистической диктатуры находился в эмиграции, долгое время жил в СССР. С 1925 г. избирается в руководящие органы венгерской компартии, после VII конгресса Коминтерна (1935 г.) выдвигается на роль ее главного идеолога, которую продолжал играть и после возвращения в Венгрию. Во время Второй мировой войны руководил радиостанцией «Кошут», вещавшей из СССР на венгерском языке. После 1945 г. был главным редактором печатного органа компартии газеты «Szabad Nép», в 1949–1953 гг. в качестве министра народного

просвещения стоял во главе культурной политики режима Ракоши, входил в узкое руководство венгерской партии трудящихся (ВПТ). В дни революции 1956 г. эмигрировал в СССР, по возвращении в Венгрию критиковал политику Я. Кадара, по сути защищая прежний курс. В качестве главного идеолога венгерской компартии до известной степени покровительствовал Д. Лукачу, неоднократно подключаясь вместе с тем к критике его взглядов, в том числе во время так называемой дискуссии о Лукаче 1949–1950 гг., когда мишенью стали «буржуазно-демократические иллюзии» философа.

Реннер Карл (Renner Karl) (1870–1950) – австрийский социал-демократический политик, теоретик австромарксизма, автор работ по национальному вопросу. Антифашист. Первый федеральный канцлер Австрии после распада Австро-Венгерской монархии (1918–1920) и первый федеральный канцлер, а затем президент Австрии после Второй мировой войны (1945–1950).

Риппл-Ронаи Йозеф (Rippl-Rónai József) (1861–1927) – венгерский живописец, близок постимпрессионизму, испытал также влияние других течений в современном ему французском искусстве. Одна из крупнейших фигур венгерской живописи XX в.

Ритоок Эмма (Ritoók Emma) (1868–1945) – венгерская писательница, эссеистка, переводчица. Во время Первой мировой войны вместе с Д. Лукачем принимала участие в деятельности Воскресного общества, но затем порвала с ним, не разделяя левых политических убеждений.

Робеспьер Максимилиан (de Robespierre Maximilien) (1758–1794) – деятель Великой Французской рево-

люции. В 1793–1794 гг. фактический глава якобинской диктатуры, вдохновитель большого террора. Казнен после термидорианского переворота. Лукач неоднократно обращался к деятельности Робеспьера в процессе осмысления опыта Великой Французской революции и глубоко занимавшей его (особенно в 1930-е годы, на фоне сталинского террора, а затем и сближения СССР с нацистской Германией) проблемы Термидора, нашедшей отражение и в дискуссии 1939–1940 гг. вокруг книги «К истории реализма».

Роланд Холст Гёнриетта (Roland Holst Henriette) (1869–1952) – голландская писательница, была близка социал-демократическому, коммунистическому, антивоенным движениям.

Роллан Ромен (Rolland Romain) (1866–1944) – французский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1915). Как художник испытал влияние классической русской литературы. Проявлял интерес к советскому эксперименту, в 1932 г. избран иностранным почетным членом АН СССР. В 1935 г. приезжал в СССР, встречался со Сталиным. Не принял большого террора 1937–1938 гг., пытаясь в письмах советским лидерам заступаться за арестованных.

Рудаш Ласло (Rudas László) (1885–1950) – идеологический функционер венгерской компартии, философ. Член венгерской компартии с первых недель ее основания в 1918 г., в 1919 г. был делегирован на I конгресс Коминтерна. В 1922–1945 гг. жил в СССР, преподавал в Институте красной профессуры, в 1920-е годы участвовал в кампании критики книги Д. Лукача «История и классовое сознание», а также в критике взглядов А. М. Деборина, «механистов» и т. п. Летом 1941 г. одновременно с Д. Лукачем был подвергнут аресту

органами НКВД, затем освобожден. После возвращения в 1945 г. в Венгрию избран в ЦК компартии, был ректором экономического университета, получившего имя Карла Маркса, в 1949 г. избран академиком Венгерской академии наук. В 1949 г. статья Рудаша положила начало массовой критике взглядов Лукача.

Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович (1870–1938) – участник российского революционного движения (народоволец, позже меньшевик, в 1905–1907 гг. был депутатом социал-демократической фракции в Думе), много лет провел в эмиграции в Германии. Филолог (текстолог), историк коммунистического и рабочего движения, знаток текстов Маркса и Энгельса. Создатель (1921 г.) и первый руководитель Института Маркса – Энгельса (ИМЭ). Активный участник международных проектов публикации работ Маркса и Энгельса. Академик АН СССР (1929). В 1931 г. исключен из ВКП(б) за связи с социал-демократической эмиграцией, а руководимый им институт подвергнут чистке, затем преобразован в ИМЭЛ. Репрессирован. См.: *Рокитянский Я. Г. Гуманист октябрьской эпохи: академик Д. Б. Рязанов.* М., 2009.

Сабо Эрвин (Szabo Ervin) (1877–1918) – венгерский теоретик марксизма, социолог, историк. Деятель левой социал-демократии. Близок по взглядам анархо-синдикализму.

Саболчи Бенце (Szabolcsi Bence) (1899–1973) – венгерский музыковед. Академик Венгерской академии наук.

Саболчи Миклош (Szabolcsi Miklós) (1921–2000) – венгерский литературовед и критик. Академик Венгерской академии наук.

Самуэли Тибор (Szamuely Tibor) (1890–1919) – деятель венгерской компартии, член ее руководства в 1919 г. Журналист. Приобщился к большевизму, попав в русский плен, будучи военнослужащим австро-венгерской армии на восточном фронте в Первую мировую войну. Участник ноябрьской революции 1918 г. в Германии, сторонник мировой революции. Одна из главных фигур Венгерской советской республики 1919 г., главный вдохновитель красного террора. После подавления венгерской коммуны был ликвидирован австрийскими полицейскими при попытке эмигрировать из Венгрии.

Санто Золтан (Szántó Zoltán) (1893–1977) – член венгерской компартии с первых дней ее основания в 1918 г., на протяжении десятилетий принадлежал к ее руководящему ядру, выполнял важные функции в Коминтерне. В 1927–1935 гг. находился в заключении в хортистской Венгрии, затем выехал в СССР. После приезда в СССР в ноябре 1940 г. освобожденного из хортистской тюрьмы М. Ракоши Санто был оттеснен на вторые роли в партии. После 1945 г. долгое время представлял Венгрию в разных странах в качестве посла. Осенью 1956 г., после подавления венгерской антитоталитарной революции, в течение ряда месяцев в силу обстоятельств был интернирован в Румынию вместе с членами так называемой «группы Имре Надя».

Сезанн Поль (Cézanne Paul) (1839–1906) – французский живописец, яркий представитель постимпрессионизма, к осмыслению эстетического содержания которого Лукач обращался в своей ранней эссеистике.

Серени Шандор (Szerényi Sándor) (1905–2007) – активист венгерской компартии в 1920-е годы. В 1930-е го-

ды был арестован в СССР, прошел через ГУЛАГ. Оказавшись на свободе, вернулся в Венгрию в 1946 г., занимал незначительные должности. Экономист.

Серж Виктор (Serge Victor), он же Виктор Львович Кибальчич (1890–1947) – франкоязычный писатель, эссеист, мемуарист русского происхождения, участник революционного движения. Родился в Брюсселе в семье русских политэмигрантов. С 1919 г. в СССР, выполнял функции в Коминтерне. Примкнув к антисталинской оппозиции, подвергся гонениям, прошел тюрьму и ссылку. Как французский подданный, в 1936 г. по ходатайству Р. Роллана получил разрешение на выезд из СССР. В своем позднем творчестве выступил с критикой дегуманизирующих тенденций в современном ему коммунистическом движении.

Сигети Йожеф (Szigeti József) (1921–2012) – венгерский философ-марксист, сделавший карьеру главным образом на критике Д. Лукача. В 1959–1968 гг. был директором института философии ВАН, редактировал «Венгерское философское обозрение» («Magyar Filozófiai Szemle»).

Солженицын Александр Исаевич (1918–2008) – русский писатель, публицист, политический деятель. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1970). Консерватор, последовательный критик коммунистической идеологии и политической практики реального социализма. В 1974 г. выдворен из СССР, вернувшись в Россию в 1994 г. В ряде эссе 1960-х годов Д. Лукач увидел в творчестве Солженицына образцы большого реализма современной эпохи.

Сомахазы Иштван (Szomaházy István) (1864–1927) – венгерский писатель, журналист.

Спиноза Барух (Бенедикт) (Spinoza Baruch) (1632–1677) – голландский философ-рационалист еврейского происхождения, оказавший серьезное влияние на последующую философию.

Тельман Эрнст (Thälmann Ernst) (1886–1944) – деятель немецкого коммунистического движения, член президиума Исполкома Коминтерна и с 1925 г. председатель компартии Германии. Депутат рейхстага в 1925–1933 гг. После прихода к власти нацистов был арестован, расстрелян в концлагере Бухенвальд.

Тиса Иштван (Tisza István) (1861–1918) – граф, венгерский консервативный политик. Был председателем парламента Венгрии, в 1913–1917 гг. ее премьер-министром. Последовательный сторонник сохранения австро-венгерского дуализма, один из политических тяжеловесов Австро-Венгерской монархии. Несмотря на колебания, проявленные И. Тисой как членом узкого руководства Австро-Венгрии в условиях июльского кризиса 1914 г., венгерское общественное мнение воспринимало его как главного виновника вступления Дунайской державы в мировую войну, возымевшую для нее роковые последствия. В конце октября 1918 г. погиб в перестрелке с революционно настроенными солдатами, ворвавшимися в его будапештский особняк, став тем самым едва ли не единственной жертвой «революции астр», венгерской демократической революции осени 1918 г.

Тито Иосип Броз (Tito Josip Broz) (1892–1980) – югославский политик международного масштаба, хорват по национальности. Генеральный секретарь ЦК компартии Югославии (1939–1952), Союза коммунистов Югославии (СКЮ) в 1952–1963 гг., председатель Президиума ЦК СКЮ в 1963–1980 гг. Председатель правительства Федеративной народной республи-

ки Югославии в 1945–1953 гг., председатель союзного исполнительного вече Югославии в 1953–1963 гг. Президент Югославии в 1953–1980 гг. Председатель Президиума Социалистической Федеративной республики Югославии в 1971–1980 гг. Главнокомандующий Народно-освободительной армии Югославии в годы Второй мировой войны, маршал Югославии. Генеральный секретарь движения неприсоединения в 1961–1964 гг. Будучи лидером страны, где компартия с конца Второй мировой войны обладала всей полнотой власти, Тито, проводивший относительно самостоятельную и амбициозную (с претензиями на превращение Югославии в региональную державу) внешнюю политику, вступил в 1948 г. в конфликт со Сталиным, отлучившим югославскую компартию от мирового коммунистического движения и объявившим титовскую Югославию наиболее принципиальным врагом формирующегося советского блока. После Сталина руководство СССР в интересах преодоления схизмы в коммунистическом движении пошло на восстановление нормальных межгосударственных отношений с Югославией (при сохранении ее внеблокового внешнеполитического курса и особого статуса СКЮ в мировом коммунистическом движении, периодически вызывавшего осложнения в отношениях с КПСС). С именем Тито связан федеративный югославский госпроект, с ослаблением внешних вызовов утративший жизнеспособность и в 1990-е годы прекративший существование.

Тихани Лайош (Tihanyi Lajos) (1885–1938) – венгерский живописец, с 1924 г. жил и работал в Париже.

Тольнаи, Толнаи Карой (Чарльз де Толнаи) (Tolnay Károly; Charles de Tolnay) (1899–1981) – искусствовед венгерского происхождения, эмигрировал в 1918 г., работал в США, Италии и других странах.

Толстой Алексей Николаевич (1883–1945) – русский советский писатель.

Тот Арпад (Tóth Árpád) (1886–1928) – венгерский поэт, переводчик, журналист, автор журнала «Nyugat».

Уйхейи Силард (Újhelyi Szilárd) (1915–1996) – венгерский коммунист, функционер в области культуры. В ноябре 1956 г., после вступления советских войск в Будапешт, вместе с другими членами «группы Имре Надя», включая Д. Лукача, получил убежище в югославском посольстве, после выхода из которого был задержан и депортирован в Румынию.

Ульбрихт Вальтер (Ulbricht Walter) (1893–1973) – деятель германского коммунистического движения. Один из основателей компартии Германии. Один из основателей Германской демократической республики. В 1950–1971 гг. первый секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). В 1960–1973 гг. председатель Госсовета ГДР. Неизменно придерживался жестких догматических позиций в марксизме.

Усиевич Елена Феликсовна (1893–1968) – советский литературный критик, входила в круг главных авторов журнала «Литературный критик», определявших линию этого журнала, и в ближний круг общения Д. Лукача и М. Лифшица в Москве 1930-х годов. Большевичка с дореволюционным стажем, дочь польского революционера Ф. Кона.

Фадеев Александр Александрович (1901–1956) – советский писатель, долгое время стоял во главе Союза писателей СССР, избирался в высшие партийные органы. Относился к числу недоброжелателей Д. Лукача и литераторов его круга в СССР конца 1930-х годов и позже.

Фаркаш Михай (Farkas Mihály) (1904–1965) – венгерский коммунист и партийный функционер. В межвоенный период в эмиграции, работал в структурах Коминтерна. В конце 1940-х–начале 1950-х годов входил в узкое руководство Венгерской партии трудящихся, возглавляемое М. Ракоши. Один из инициаторов судебного процесса по делу Л. Райка (1949 г.) Как человек, несущий немалую долю ответственности за репрессии, в 1956 г. был исключен из партии и арестован, в 1960 г. амнистирован.

Феньеш Адольф (Fényes Adolf) (1867–1945) – венгерский живописец.

Фенё Микша (Fenyő Miksa) (1877–1972) – венгерский писатель, предприниматель. В 1908 г. явился одним из основателей влиятельного литературного журнала «Nyugat» (1908).

Ференци Бени (Ferenczy Béni) (1890–1967) – венгерский скульптор и график. Сын К. Ференци. Активно участвовал в художественной жизни Венгерской советской республики 1919 г., был членом Директории искусств и Директории музеев. После поражения ВСР до 1938 г. находился в эмиграции, в 1932–1935 гг. работал в СССР.

Ференци Карой (Ferenczy Károly) (1862–1917) – венгерский живописец (мастер пленэрной живописи, испытал влияние импрессионизма и символизма). Один из ведущих представителей надьбаньской школы живописи, названной так по художественной колонии в Надьбане (ныне Бая-Маре) в Трансильвании.

Ференци Ноэми (Ferenczy Noémi) (1890–1957) – венгерский живописец и мастер гобелена. Дочь К. Ференци.

Фехер Ференц (Fehér Ferenc) (1933–1994) – венгерский философ и литературовед. Ученик Д. Лукача, его ассистент в 1967–1970 гг. Представитель Будапештской школы в философии. В 1973 г. подвергнут критике в ходе кампании по идеологическому ужесточению, в 1977 г. покинул страну (до смены системы в конце 1980-х). Муж А. Хеллер.

Фихте Иоганн Готлиб (Fichte Johann Gottlieb) (1762–1814) – немецкий философ, представитель немецкой классической философии.

Фишер Рут (Fischer Ruth) (1895–1961) – деятель компартии Германии, один из руководителей ее ультралевого крыла. После исключения в 1926 г. из компартии поддерживала связи с троцкистскими кругами. После второй мировой войны занималась историей коммунистического движения, критиковала сталинизм, сотрудничала с американской разведкой.

Фишер Эрнст (Fischer Ernst) (1899–1972) – австрийский левый политик, марксистский теоретик, эстетик. С 1933 г. член компартии Австрии. После аншлюса Австрии в 1938 г. жил до 1945 г. в эмиграции в СССР, работал в структурах Коминтерна. По возвращении после войны в Австрию был одно время министром информации в левоцентристском правительстве К. Реннера. В 1969 г. исключен из компартии Австрии по обвинению в ревизионизме (в том числе в связи с осуждением им подавления Пражской весны в 1968 г.).

Фогараша Бела (Fogarasi Béla) (1891–1959) – венгерский философ-марксист, экономист. В 1910-е годы принимал участие в деятельности Воскресного общества. В конце 1918 г. вступил в венгерскую компартию. Функционер Венгерской советской республики

1919 г., после подавления которой жил в эмиграции, в том числе в СССР, где до 1945 г. работал в институте мирового хозяйства и мировой политики АН СССР. После возвращения на родину был профессором Будапештского университета, избран в Венгерскую академию наук. В конце 1950-х годов выступал с критикой Д. Лукача в ходе массивной антиревизионистской кампании.

Форгач Рожи (Forgács Rózsi) (1889–1944) – венгерская актриса.

Фришш Иштван (Friss István) (1903–1978) – венгерский экономист, ветеран компартии, занимал ответственные должности в госаппарате Венгерской народной республики.

Фюлеп Лайош (Fülep Lajos) (1885–1970) – венгерский искусствовед, эстетик, эссеист, художественный критик. Тесно сотрудничал с Д. Лукачем в 1910-е годы. Хорошие личные и профессиональные отношения между ними сохранялись и после 1945 г. вопреки мировоззренческим расхождениям (Фюлеп был не только университетским профессором на кафедре истории искусств, но и протестантским пастором).

Фюшт Милан (Füst Milán) (1888–1967) – венгерский писатель, поэт, драматург; преподавал эстетику в Будапештском университете.

Хаи (Хей) Дюла (Юлиус) (Háy Gyula, Julius) (1900–1975) – венгерский драматург, публицист, киноматюрг, переводчик, мемуарист. Писал на венгерском и немецком языках. Был тесно связан с коммунистическим движением. Принимал активное участие в театральной жизни последних лет веймарской Германии. В 1935–1945 гг. работал в СССР. В 1956 г. как

публицист играл заметную роль в литературно-общественной жизни Венгрии, выступая с критикой сталинского наследия. В 1957 г. арестован по обвинению в подстрекательстве к контрреволюции и до 1960 г. находился в заключении. В 1965–1975 гг. жил и работал в Швейцарии.

Хаи Михай (Háy Mihály) (1895–1944) – венгерский левый журналист, активный участник подпольного коммунистического движения, многократно арестовывался. Жертва террора нилашистов (венгерских фашистов).

Хальбе Макс (Halbe Max) (1865–1944) – немецкий драматург и прозаик, представитель натурализма. Дебютировав в ранней юности в роли театрального критика, Лукач писал рецензии на его пьесы.

Хамбургер Йенё (Hamburger Jenő) (1883–1936) – деятель венгерской левой социал-демократии. Врач по профессии. В период Венгерской советской республики 1919 г. был министром земледелия, после ее поражения эмигрировал. С 1923 г. жил в СССР, работал в системе здравоохранения по основной своей специальности.

Харкани Эде (Harkányi Ede) (1879–1909) – венгерский социолог-позивист.

Хатвань Лайош (Hatvany Lajos) (1880–1961) – венгерский критик, литературовед, писатель.

Хаузер Арнольд (Hauser Arnold) (1892–1978) – социолог искусства, эстетик, историк искусства. Уроженец Венгрии. В годы Первой мировой войны входил в круг молодых интеллектуалов, близких Лукачу, участвовал в деятельности Воскресного общества. После

поражения Венгерской советской республики эмигрировал, работал в университетах Германии, Британии. Незадолго до смерти вернулся в Венгрию.

Хевеши Шандор (Hevesi Sándor) (1873–1939) – венгерский театральный режиссер. В 1904–1908 гг. принимал активное участие в деятельности театрального общества «Талия», в числе основателей которого был Д. Лукач. В межвоенный период был главным режиссером Венгерского национального театра.

Хегедюш Андраш (Hegedüs András) (1922–1999) – венгерский политик, социолог. В молодости сделал партийно-государственную карьеру. В 1955–1956 гг. премьер-министр Венгрии (фактически номинальный). После 1956 г. на научной работе. Одна из главных фигур венгерской социологии в эпоху Кадара. Последовательный сторонник реформ социализма, в 1968 г. выступил против участия Венгрии в подавлении Пражской весны. В 1973 г. критиковал начавшееся свертывание венгерской экономической реформы и в ходе кампании по идеологическому ужесточению был исключен из партии. Позже получил возможность вернуться к преподавательской деятельности.

Хеллер Агнеш (Heller Ágnes) (1929 г. р.) – венгерский философ, эссеист. Ученица Д. Лукача. Ведущий представитель сложившейся под влиянием Д. Лукача Будапештской школы философии, в 1970-е годы отошла от марксизма, а в политическом плане эволюционировала к левому либерализму. В 1968 г. выступила с осуждением военной интервенции ряда стран Организации Варшавского договора в Чехословакии. В 1973 г. исключена из партии в ходе кампании по идеологическому ужесточению, в 1977 г. эмигрировала в Австралию. В 1986 г. возглавила в нью-

йоркской Новой школе социальных исследований кафедре, основанную Ханной Арендт. С 1990-х годов вновь принимает активное участие в интеллектуальной жизни Венгрии, избрана в Венгерскую академию наук.

Херцег Ференц (Herczeg Ferenc) (1863–1954) – венгерский драматург национально-консервативного направления.

Хирошик Янош (Hirossik János) (1887–1950) – венгерский и словацкий социал-демократ, потом коммунист. Деятель Венгерской советской республики 1919 г., во время освобождения войсками ВСР районов Южной Словакии один из инициаторов создания Словацкой советской республики, просуществовавшей около трех недель.

Хорват Золтан (Horváth Zoltán) (1900–1967) – венгерский журналист, историк, деятель социал-демократической партии. В условиях коммунистической диктатуры Ракоши в 1949–1956 гг. находился под арестом.

Хорват Янош (Horváth János) (1878–1961) – венгерский литературовед, крупный исследователь национальной литературы. Академик Венгерской академии наук.

Хорти Миклош (Horthy Miklós) (1868–1957) – венгерский правый политик, с именем которого связана межвоенная эпоха в истории страны. В годы Первой мировой войны командующий военно-морским флотом Австро-Венгрии, вице-адмирал. В 1920–1944 гг. регент Королевства Венгрии, глава государства. Несет частичную ответственность за вовлечение страны во Вторую мировую войну на стороне нацистской Германии. Отстранен от власти прогитлеровскими эле-

ментами (нилашистами) при попытке разрыва с Третьим рейхом. Умер в эмиграции в Португалии.

Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971) – советский партийно-государственный деятель. Первый секретарь ЦК КПСС (1953–1964). Председатель Совета министров СССР (1958–1964).

Цыгань Дежё (Czigány Dezső) (1883–1937) – венгерский живописец-постимпрессионист, член «группы 8», одного из наиболее значительных художественных объединений в венгерской живописи начала XX в.

Чиллаг Ласло (Csillag László) – в годы Первой мировой войны участник Кружка Галилея, объединявшего молодых леволиберальных и левых венгерских интеллектуалов.

Чоконай Михай Витез (Csokonai Vitéz Mihály) (1773–1805) – венгерский поэт, писатель, драматург, соединивший традиции рококо и сентиментализма с идеями Просвещения и фольклорными мотивами.

Шаллаи Имре (Sallai Imre) (1897–1932) – венгерский коммунист, участник Венгерской советской республики 1919 г., активист подпольного коммунистического движения в Венгрии. Арестован и казнен в эпоху Хорти по ложному обвинению в подготовке террористической акции.

Шеллинг Фридрих Вильгельм (Schelling Friedrich Wilhelm) (1775–1854) – представитель немецкой классической философии. Сильно повлиял на эстетику романтизма. В «Разрушении разума» Лукач рисует фигуру позднего Шеллинга как отправную точку на пути развития иррационалистической философии в Германии.

Шёпфлин Аладар (Schöpflin Aladár) (1872–1950) – венгерский писатель, влиятельный литературный критик журнала «Nyugat».

Шиллер Фридрих (Schiller Friedrich) (1759–1805) – классик немецкой драмы, теоретик искусства. Творчество Шиллера и его идейно-творческие взаимоотношения с Гёте занимали Лукача в контексте изучения им эпохи Гегеля и Гёте, а также осмысления проблем реализма и романтизма в художественном творчестве. В сопровождении статьи Лукача в 1930-е годы в СССР была опубликована переписка Гёте и Шиллера.

Шинко Эрвин (венг.: Sinkó Ervin) (1898–1967) – венгероязычный писатель хорватского происхождения. Участник Венгерской советской республики 1919 г., ярко отразивший в своей прозе реалии революционной Венгрии. После ее поражения находился в эмиграции. После Второй мировой войны играл видную роль в литературной жизни титовской Югославии.

Шмидт Эрих (Schmidt Erich) (1853–1913) – немецкий литературовед. Издатель и комментатор произведений Гёте.

Шомло Бодог (Somló Bódog) (1873–1920) – венгерский юрист, социолог-позитивист, этнограф. В начале XX в. один из основателей Общества социальных наук.

Шомьо Дьёрдь (Somlyó György) (1920–2006) – венгерский поэт, эссеист, переводчик.

Шопенгауэр Артур (Schopenhauer Artur) (1788–1860) – немецкий философ. Иррационалист. Оказал заметное влияние на последующее развитие философии, эсте-

тики, художественной культуры. Лукач много занимался творчеством Шопенгауэра и его влиянием на последующую иррационалистическую философию в своей работе «Разрушение разума» .

Шётер Иштван (Sóter István) (1913–1988) – венгерский литературовед, эссеист, писатель. Долгие годы возглавлял институт литературоведения Венгерской академии наук (ВАН). Академик ВАН.

Штромфелд Аурел (Stromfeld Aurél) (1878–1927) – военный деятель периода демократической революции и Венгерской советской республики (1918–1919 гг.). Был начальником штаба армии. После падения ВСР и установления режима Хорти получил незначительный тюремный срок, а вскоре амнистирован с учетом приложенных им в качестве военачальника усилий по сохранению Венгрии в ее исторических границах. Вместе с тем при хортизме поддерживал связи с подпольным коммунистическим движением.

Экхарт мастер (Echart meister), Майстер Экхарт, то есть учитель Экхарт, известный также как Иоганн Экхарт и Экхарт из Хоххайма, или Хоххаймский (1260–1328), – средневековый немецкий теолог и философ, один из крупнейших христианских мистиков, учивший о присутствии Бога во всем существующем.

Эрдеи Ференц (Erdei Ferenc) (1910–1971) – венгерский экономист, социолог, литератор, политический деятель. В 1930-е годы один из инициаторов научно-общественного движения исследователей аграрных отношений в венгерском селе в условиях режима Хорти. Один из основателей и лидеров национальной крестьянской партии, во второй половине 1940-х годов союзницы коммунистов. С конца 1944 г.

(с освобождением Венгрии от нацистов) и до 1956 г. занимал министерские посты. В ноябре 1956 г. был арестован органами КГБ во время переговоров о выводе советских войск из Венгрии, освобожден через несколько недель по настоянию Я. Кадара. С 1964 г. до конца жизни вице-президент Венгерской академии наук.

Эрнст Пауль (Ernst Paul) (1866–1933) – немецкий писатель, драматург, критик, к творчеству которого молодой Лукач обращался в своей эссеистике.

Юдин Павел Фёдорович (1899–1968) – работник идеологического фронта в СССР, дипломат. На рубеже 1920–1930 гг. принял деятельное участие в осуществлении поворота на «философском фронте», связанного не только с критикой «меньшевистствующего идеализма» А. М. Деборина, но и с чисткой ИМЭ и разгромом «школы Рязанова» (среди объектов проработок был и Д. Лукач). В 1932–1938 гг. возглавлял Институт красной профессуры. В 1933–1937 гг. редактировал журнал «Литературный критик», в котором активно сотрудничали Д. Лукач и литераторы его окружения. В 1939–1944 гг. директор Института философии АН СССР, в котором Д. Лукач работал под началом Юдина с лета 1942 г., после возвращения из ташкентской эвакуации, и защитил в декабре 1942 г. докторскую диссертацию о молодом Гегеле. Будучи послом СССР в Китае (1953–1959), призван был советским партийным руководством влиять на формирование «правильного» марксистского мировоззрения Мао Цзэдуна, однако с этой задачей не справился, как и не смог предотвратить ухудшение советско-китайских отношений, обусловленное соперничеством двух больших коммунистических держав в борьбе за гегемонию в мировом коммунистическом движении. Академик АН СССР (1953).

Юхас Дюла (Juhász Gyula) (1883–1937) – венгерский поэт, редактор журнала «Nyugat», друг и соратник Михая Бабича и Дежё Костолани, активный деятель Венгерской Республики 1919 г.

Юхас Ференц (Juhász Ferenc) (1928–2015) – венгерский поэт, редактор, основатель Цифровой литературной академии.

Яноши Ференц (Jánossy Ferenc) (1914–1997) – венгерский экономист, пасынок Д. Лукача (сын его жены Гертруды от первого брака). С 1920 г. с матерью и отчимом жил в Вене, с 1933 г. в СССР. В 1942–1945 гг. находился в заключении. Осенью 1946 г. вернулся на родину.

Янчо Миклош (Jancsó Miklós) (1921–2014) – выдающийся венгерский кинорежиссер и сценарист, создатель уникального кинематографического языка; многие фильмы Янчо посвящены исследованию природы власти и абсурдности насилия.

Яси Оскар (Jászi Oszkár) (1875–1957) – венгерский социолог, политический мыслитель, политик. Позитивист и левый либерал. В начале XX в. фактически стоял во главе Общества социальных наук и редактировал журнал «Huszadik század» («XX век»), представлявший собой главные средоточия новейших интеллектуальных исканий в венгерском гуманитарном знании того времени. Включившись в венгерскую политику, возглавил радикальную партию, выступал в годы Первой мировой войны с проектом трансформации монархии Габсбургов в жизнеспособное федеративное государство с учетом требований национальных движений заселяющих ее народов. После демократической революции конца октября 1918 г., в условиях распада Австро-Венгерской монархии, ми-

нистр по делам национальностей, чья деятельность не привела к успеху в деле сохранения Венгрии в ее исторических границах. Не приняв коммунистической диктатуры, покинул страну в период Венгерской советской республики 1919 г. Сосредоточился на науке, долгие годы был профессором в США, получив известность своими работами о причинах распада Австро-Венгерской монархии в условиях подъема национальных движений.

Ясперс Карл (Jaspers Karl) (1883–1969) – немецкий философ, психолог, психиатр, один из основных представителей религиозного экзистенциализма. Был знаком с Лукачем с 1910-х годов, неоднократно дискутировал с ним, в том числе на философской конференции в Женеве в 1946 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие переводчика	5
ПРОЖИТЫЕ МЫСЛИ. Автобиография в диалоге	29
Примечание редактора	29
I. Детство, начало пути	31
II. Война, революция	61
III. В эмиграции	103
IV. Вновь в Венгрии	177
Комментарии	231
ПРОЖИТЫЕ МЫСЛИ. Наброски	287
I. Детство и школа	289
II. Литературные начинания	295
III. Взгляды на философию	299
IV. На пути к судьбоносному повороту	303
V. Годы учения. Уроки жизни и мысли	312
VI. Первые прорывы	316
VII. Разрастание области конфликта	320
[VIII]. Попытки реализации на родине	323
[IX]. «Лишь идеолог»	324
Набросок на дополнительном листе	328
Комментарии	328
Биографический справочник	350

Дьёрдь Лукач

ПРОЖИТЫЕ МЫСЛИ

АВТОБИОГРАФИЯ В ДИАЛОГЕ

Редактор издательства *Н. С. Венёва*

Художник *П. Палей*

Компьютерная верстка *О. В. Новиковой*

Подписано к печати 31.07.2019.

Формат 84 × 108 1/32. Бумага офсетная.

Гарнитура Verdana. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 21.8. Уч.-изд. л. 19.5.

Тип. зак. № 1249.

Издательство «Владимир Даль»

196036, Санкт-Петербург, ул. 7-я Советская, 19

ООО «Аллегро»

196084, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, 28

На страницах впервые издаваемой на русском языке автобиографии известного венгерского философа Дьёрдя Лукача перед нами раскрываются четыре периода его жизни: ранний период, оканчивающийся переходом на позиции коммунизма, средний, период обучения марксизму, московский — обретения себя, и наконец, поздний, период возвращения на родину, включивший в себя не только участие в правительстве Имре Надя в 1956 году, но и реализацию планов по написанию фундаментальных трудов по марксистской теории.

Особую роль в автобиографии Лукача играют встречи со множеством выдающихся современников: действительность отражалась для Лукача не только в говорящих событиях-ситуациях, но и в людях. На страницах воспоминаний мы встречаем огромное количество имен — художников, поэтов, писателей, композиторов, политиков, общественных деятелей из Венгрии, Австрии, Германии, Советского Союза.

